

Ввожу его в мои вены,
словно он

гоза
**КРАСИВОГО
ЯДА**

книга первая

t.me/darksoulbooks

КЕЛСИ КЛЕЙТОН

Если бы я всегда поступала, как хотят мои родители, я бы уже училась в колледже. Вместо этого я тону в секретах, каждый из которых связан с лучшим другом моего брата.

Хейс Уайлдер — ходячий красный флаг, предупреждающий меня держаться подальше. И все же, все, о чем я могу думать, это о его мозолистых руках на моей коже. Он отличный игрок, как на льду, так и вне его, но прямо сейчас он хочет играть только со мной.

Скрываться нелегко, особенно когда ты живешь в маленьком городке, где ничего не остается скрытым. И когда наш секрет попадает не в те руки, решения и сожаления приходят как единое целое.

У меня есть все, о чем я всегда мечтала, прямо перед глазами. Все мои мечты лежат у моих ног. Но я вынуждена решать, стоит ли любить его, того, чтобы потерять себя.

Хотела бы я, чтобы кто-нибудь сказал мне, что самый красивый яд одновременно и самый смертоносный.

Перевод тг-канала:

[t. me/darksoulbooks](https://t.me/darksoulbooks)

1

Лейкис

Огонь вспыхивает передо мной — уровень жара, при котором он приобретает легкий голубой оттенок, — и все, о чем я могу думать, это бросить ее в него.

Верно, мне, вероятно, следует объяснить, кто такая *она*.

Ее родители называли бы ее милой девушкой.

Мой брат называет ее своей бывшей.

Но я? Я называю ее Сатаной. Это уместно, особенно когда из-за нее моего брата чуть не отправили в тюрьму.

Он всего лишь защищал ее честь. После ночи, полной выпивки и хорошего времяпрепровождения, какой-то подонок не переставал приставать к ней. Кэм несколько раз просил его отступить, но его усилия были тщетны. Когда парень обнял ее и попытался оттащить, с Кэма было достаточно.

Одного идеально выполненного удара было достаточно, чтобы повалить парня плашмя на задницу, но никто не планировал того, как он ударился головой о бордюр по пути вниз — или внутричерепного кровоизлияния, из-за которого обвинения перешли от простого избиения к нападению при отягчающих обстоятельствах. Все представленные свидетельские показания были в его пользу. Все видели, насколько агрессивным был этот парень, а также отсутствие у него элементарной порядочности по отношению к женщинам, которые не хотят иметь с ним ничего общего. Однако никто из них точно не видел, что произошло после того, как они покинули вечеринку.

Никто, кроме его бывшей.

Мы все думали, что это будет просто. Что она предоставит свои показания, и полиция снимет обвинения. В конце концов, он просто защищал свою девушку. Но когда Кэм пришел к ней домой, чтобы выяснить, почему она до сих пор этого не сделала, она обрушила на него ошеломляющую новость, которую никто из нас не ожидал.

Идеальная маленькая принцесса не хотела ввязываться.

И как будто этого было недостаточно, она порвала с ним, потому что не может быть связана с жестоким преступником.

Кэм был опустошен.

Мои родители наняли адвоката.

И я начала думать обо всех способах, которыми ее смерть могла бы выглядеть как несчастный случай.

— Лейкин! — кричит Кэм, его лицо всего в нескольких дюймах от моего, возвращая мое внимание в настоящее.

Я подпрыгиваю и чуть не падаю со скамейки. — Что, черт возьми, с тобой не так?

Он впадает в истерику, смеясь так сильно, что ему трудно дышать. Я скрещиваю руки на груди и качаю головой, глядя на него.

— Знаешь, теперь, когда я думаю об этом, я бы хотела, чтобы тебе дали тюремный срок.

Это ложь. Я люблю своего брата. Он тот единственный человек, который всегда был рядом со мной. Мы пережили друг с другом немало дерьма, и я защищаю его так же, как и он меня. Назовите это совместным бунтом братьев и сестер в религиозной семье — в одиночку с этим не справиться. Вы должны прикрывать друг друга.

Но это не значит, что я не буду издеваться над ним, когда представится такая возможность.

Он отмахивается от меня и смеется, когда я притворяюсь, что хватаю его. — Как будто ты не плакала сильнее всех, когда узнала, что я получил всего два года условно.

— Я же говорила тебе, — настаиваю я. — Я все еще была пьяна с прошлой ночи. Я плакала, потому что вспомнила, что Тасо Bell существует.

Кэм ухмыляется и оглядывается на своего друга Эйдена. — Ты веришь хоть слову из этого дерьма?

Он пожимает плечами. — Я не знаю, чувак. Тасо Bell для пьяной цыпочки, все равно, что для нас бесплатное порно.

Мы вдвоем недоверчиво смотрим на него, пытаюсь понять, что, черт возьми, происходит в его мозгу. Мы с Кэмом переглядываемся, и я поднимаю руки в знак капитуляции.

Я к этому не притронусь.

Кэму, должно быть, пришла в голову та же мысль, потому что он просто качает головой и что-то бормочет себе под нос, прежде чем полностью сменить тему — как раз вовремя,

чтобы еще больше его друзей-идиотов пришли к нашему праздничному костру.

Потому что отсутствие необходимости носить оранжевый комбинезон в обозримом будущем — это повод для празднования, черт возьми.

— Ура, ура! — Кричит Оуэн, направляясь в заднюю часть двора.

Он несет по упаковке пива на каждом плече, в то время как Лукас и Айзек следуют за ним. Будучи в одной хоккейной команде с Кэмом с тех пор, как они были моложе, я выросла среди этих парней. Но это не значит, что они мне нравятся. Честно говоря, есть только один из его друзей, которого я не нахожу совершенно отвратительным.

— Поздравляю, чувак! — Говорит Оуэн Кэму, протягивая ему одну из шести упаковок. — Мой подарок тебе.

При росте шесть футов четыре дюйма Оуэн выглядит устрашающе. Судя по татуировкам на его руках, а также по мускулам, которые он накачал, каждый день посещая спортзал, легко подумать, что он какой-то бунтарский задира. На самом деле он настоящий плюшевый мишка — дамский угодник, но из тех, кто обнимается после секса на одну ночь.

— Потому что *это* то, что ему нужно — напиться и напасть на кого-нибудь другого, — растягивая слова, произношу я.

Все их внимание переключается на меня, и Лукас воркует. — Не волнуйся, Малышка Бланшар (захотите узнать по подробнее, на Netflix есть сериал на реальных событиях «Притворство»). Если его посадят, я стану твоим новым старшим братом.

Я пристально смотрю на него, ожидая подвоха, потому что ничего из его уст *никогда* не исходит от чистого сердца. — О, да?

— Да, — улыбается он. — И на совершенно не связанной с этим, ноте, как ты относишься к инцесту?

И вот оно.

Лукас клеился ко мне в течение многих лет. Он ниже ростом, чем остальные члены команды, поэтому, по его мнению, ему нужно компенсировать это тем, что он совершенно несносен. Он симпатичный, в том смысле, что *выглядит как опрятный богатый ребенок*, но я наблюдала, как он гонялся за Кэмом по двору, пока тот пытался помочиться на него. Им было по восемь, но такие вещи запоминаются надолго.

Закатывая глаза, мне даже не нужно ничего говорить, поскольку Кэм, как и следовало ожидать, встает на мою защиту. Он берет одну из бутылок из шести упаковок и держит ее вверх дном за горлышко, размахивая ею, как будто тренируется.

— Это пиво для того, чтобы пить, или для того, чтобы разбить о голову Лукаса?

Оуэн переводит взгляд с Кэма на Лукаса, и его улыбка становится шире. — Посмотри на это. Тебе даже не нужно быть пьяным, чтобы захотеть на кого-то напасть.

— Отвали, — огрызается он в ответ, но то, как он хихикает, показывает, что на самом деле он не злится.

Чувствуя себя еще более одинокой и созависимой, я достаю из кармана телефон и отправляю сообщение своей лучшей подруге.

Где ты? Я умираю здесь.

Ей требуется всего минута, чтобы ответить, к большому облегчению моих проблем с созависимостью. Но может ли кто-нибудь действительно винить меня? Удивительно, но сидеть в одиночестве, в то время как друзья моего брата терпят неудачу в попытках пофлиртовать со мной, — это не мое представление о веселье.

□ На твоей подъездной дорожке, королева драмы.

Спасибо, черт возьми.

Пока ребята погружаются в разговор о хоккейных матчах и командах-соперницах, я ускользаю и направляюсь к подъездной дорожке. Дело не в том, что мне некомфортно находиться одной рядом с моим братом и его друзьями. Они все приходили сюда, сколько я себя помню. Просто, как только я достигла половой зрелости и отрастила задницу с парой подходящих сисек, они начали относиться ко мне по-другому.

Я больше не просто младшая сестра Кэма. Я горячая бывшая главная болельщица, которую им никак не удастся затащить в постель, как бы они ни старались. Хотя, я не понимаю, как ты можешь хотеть переспать с кем-то и при этом называть его *Малышка Бланишар*.

От этого хочется блевать.

В ту секунду, когда Мали выходит из своей машины, я бросаюсь в ее объятия.

— Мой герой, — я падаю в обморок с фальшивым южным акцентом.

Мы с Мали были лучшими подругами с тех пор, как ходили в детский сад, когда она сказала мне, что мой бант красивый, я сняла его и отдала ей. Она — воплощение идеи *прокатись или умри*. Я из тех, кто звонит посреди ночи, чтобы избавиться от тела.

Она кричит, пытаясь удержать нас обоих в вертикальном положении. — Да, да. Я твой любимый человек. Весь твой мир. Но разве мы не поняли, что *это* плохая идея, с того момента, как мы упали и ты ободрала оба колена?

Я снова нахожу опору и отстраняюсь. — Нам было девять. Это вряд ли одно и то же.

— Сейчас я так же слаба, как и была тогда.

— Вот это первая правдивая вещь, которую ты сказала с тех пор, как попала сюда.

Тыльной стороной ладони она ударяет меня по руке, но в этом нет злого умысла. — Я должна просто пойти домой и оставить тебя на произвол судьбы.

— Не смей, — рычу я. — Это просто подло.

— Ты могла бы пойти со мной.

Мои губы сжимаются в линию. Мы с ней обе точно знаем, почему я не буду этого делать — она просто обожает подшучивать надо мной по этому поводу.

Сука.

— Я ненавижу тебя.

Она хихикает и заправляет прядь волос мне за ухо. — О, детка. Это так мило.

Мы возвращаемся к костру и видим, что Эйден пытается удержать на голове полную бутылку пива. Когда ему кажется, что у него все получается слишком хорошо, Мали подкрадывается к нему сзади и кричит. Он вздрагивает, и бутылка пива, которая была еще наполовину полна, опрокидывается вперед и заливает пивом все его колени.

— О, что случилось? — говорит она, притворно надув губы. — С тобой произошел несчастный случай?

Он опускает взгляд на свои штаны и, конечно же, выглядит так, будто он описался. Он откидывает голову назад и стонет, в то время как Мали подходит к Кэму и обнимает его.

— Поздравляю.

— Спасибо тебе, — искренне отвечает он.

— Ты, должно быть, испытываешь такое облегчение. Черт возьми, даже я испытываю облегчение.

Мои брови хмурятся. — Почему *ты* испытываешь облегчение?

Она смотрит на меня так, как будто это очевидно. — Потому что, если бы они заперли

его, я была бы единственной, кто остался бы разбираться с тобой. Ага.

Кэм поглаживает подбородок, размышляя. — Теперь, когда ты упомянула об этом, возможно, мне следовало позволить им отправить меня в тюрьму.

— Ха-ха, — хлопаю я в ответ. — Ты такой комик.

Мой телефон вибрирует у меня на коленях, и, поскольку справа от меня сидит единственный человек, который когда-либо писал мне, я знаю, кто это, еще до того, как взгляну на него.

Мой бывший, Крейг.

Одного взгляда на его имя на моем экране достаточно, чтобы вызвать у меня тошноту. Можно подумать, он должен был понять, что у меня нет намерений отвечать ему на первые десять сообщений, которые я проигнорировала, но нет. Должно быть, где-то здесь в воде водится какая-то амеба, пожирающая мозги.

Та, которая затрагивает только мужчин.

— Не собираешься отвечать на это? — спрашивает Мали.

Я бросаю телефон обратно на колени и качаю головой. — Это не стоит моего времени. Он пишет мне только потому, что вернулся на лето и хочет выглядеть перед своими друзьями все таким же крутым.

Она одобрительно кивает. — Я всегда знала, что ты именно такая королева.

Мой разрыв с Крейгом был каким угодно, только не красивым — так никогда не бывает, когда парень трахает все, что движется. Все думают, что им нужен крутой квотербек в старшей школе, но я была там и сделала это. Поверь мне, когда я говорю, что это не все, чем кажется на первый взгляд. Вся эта школьная сказка, где квотербеку и болельщице суждено быть вместе, просто не для меня. Дайте мне возможность, и я выберу самого горячего хоккеиста в любой день недели.

Как будто судьба зависит исключительно от моих размышлений, знакомый грузовик с ревом выезжает на траву рядом с подъездной дорожкой. Гул двигателя привлекает все наше внимание, за исключением Мали. Ее взгляд остается сфокусированным на мне.

— Это цыпочка на его пассажирском сиденье? — спрашивает Айзек.

Оуэн прищуривается. — Похоже на то. Я даже не знал, что он с кем-то регулярно трахается.

Помнишь, когда я сказала, что есть только один из друзей Кэма, которого я не нахожу полностью отталкивающим? Да, это был секс-на-ножках Хейс Уайлдер. И говоря, чтоя *не нахожу его полностью отталкивающим*, я имею в виду, что я отвратительно и постыдно влюблена в него. Что я могу сказать? У меня нет золотой середины. Но даже от одной мысли о том, что он привел с собой девушку, у меня сжимается желудок. Быть вынужденной смотреть, как он обнимает ее, целует и что-то шепчет ей на ухо? Я бы предпочла бросить себя в огонь.

— Должно быть, это серьезно, если он привел ее с собой, — размышляет Эйден.

Мали подталкивает меня локтем, вероятно, чтобы убедиться, что я в порядке, но я качаю головой. За последние три года никто так и не узнал, что я в глубине души желаю, чтобы он был больше, чем просто лучшим другом моего брата, и я не планирую менять это — выставляет он напоказ подружку или нет.

— Вы все трое гребаные идиоты, — говорит Кэм, когда девушка выпрыгивает из грузовика. — Это его сестра.

Облегчение захлестывает меня подобно цунами, в то время как Мали ноет. — Какого

черта он притащил с собой Девин?

— Черт возьми, Мэл. Нам не нужно беспокоиться о том, что ты расстелешь приветственный коврик, — говорю я с усмешкой.

Она прищуривает глаза, глядя на меня. — Она надоедливая, и она цепляется за тебя, как чертова коала. Место твоего лучшего друга занято, большое тебе спасибо.

Ее собственничество заставляет меня смеяться. — Давай. Она не так уж плоха.

— Она такая, ты просто не видишь этого, потому что ты—

Я с размаху ударяю пяткой по ее голени, эффективно заставляя ее замолчать, прежде чем она выболтает единственный секрет, который я когда-либо успешно скрывала от своего брата.

— Ой! — взвизгивает она. — Это больно!

Но я вижу ухмылку, скрывающуюся за ее маской. Приставать ко мне по любому поводу, связанному с Хейсом, — ее самое любимое хобби за все время. Когда это только началось, она даже написала письмо от тайного поклонника и подсунула в его шкафчик. Она поняла, что это зашло слишком далеко, когда я перестала с ней разговаривать на целую неделю.

Я думаю, ей, возможно, понадобится курс повышения квалификации по границам.

— О, ты действительно *такая* слабая, какой была, когда нам было по девять, — говорю я ей.

Прежде чем она успевает ответить, Девин подходит и садится с другой стороны от меня.

— Привет, Лейкин, — бормочет она.

Девин всегда был застенчивой. В детстве она была гимнасткой, и у нее никогда не было времени на друзей, кроме тех, кто тренировался с ней. Но ее надежды попасть на Олимпийские игры умерли из-за перелома бедренной кости в разгар национального соревнования, оставив ей кучу свободного времени, которого у нее никогда не было, и она не знает, чем его заполнить.

— Привет, Дев, — ласково приветствую я ее. — Как у тебя дела?

— Хорошо, — отвечает она. — Хотя школа — отстой.

— Это верно. Я все время забываю, что ты не закончила школу вместе с нами.

Мали тихо усмехается рядом со мной, но я этого не замечаю. Девин выдыхает. — Еще один месяц. Я не могу дождаться.

— Держу пари. Единственной хорошей вещью в этой школе было знакомство с мистером Тейлором. — Я бросаю взгляд на Мали. — *Кто-то*, бывало, мастурбировал при мысли о нем.

Изо рта моей лучшей подруги вырывается хохот. — Забавно, что ты упомянула мастурбацию. Эй, Уайлдер!

У меня перехватывает дыхание, и я оглядываюсь, чтобы увидеть Хейса, идущего к нам. Как будто само его присутствие было недостаточной пыткой, его бицепсы напрягаются, когда он несет две вязанки дров.

Трахни меня.

— Что случилось? — спрашивает он Мали.

Если бы я не знала ее так долго, как знаю, я бы беспокоилась о том, что она скажет дальше, но Мали совсем не глупа. Иногда она может переходить границы дозволенного, но она знает, что, рассказав Хейсу что-либо о моих чувствах к нему, наша дружба закончится.

По крайней мере, до тех пор, пока я не преодолею унижение и боль отказа.

— Когда ты в последний раз держал в руках свечу из ветчины?

Ладно, это может быть еще хуже.

Он замирает и смотрит на нее так, словно она сошла с ума — честно говоря, возможно, так оно и есть. — Что?

— Ну, знаешь, отполировал перила. Очистил кукурузу от шелухи. Был секс втроем с парой нежившихся.

Чем больше этого выходит из ее рта, тем глубже я хочу заползти в себя.

— Иисус Христос, Мали, — стонет Кэм. — Просто скажи дрович!

Она морщит нос. — Это так грязно.

— Верно, и называть это свечой из ветчины гораздо лучше, — возражает он.

Поджав губы, она слегка пожимает плечами, и я надеюсь, что на этом разговор закончится, но она не собирается так просто меня отпускать.

— Так что? — настаивает она, глядя на Хейса.

Не отвечай на это.

Не отвечай на это.

Не отвечай, блядь, на это.

— Сегодня утром, — отвечает он ей, как будто это самый обычный вопрос в мире. — Почему ты спрашиваешь?

Мали ухмыляется. — Просто интересно. А как насчет тебя, Кэм?

— Хорошо, — вмешиваюсь я. — Мне не нужно знать эту информацию о моем брате, пошла ты.

— Как ты думаешь, что я чувствую? — спрашивает Девин.

У нее такое же выражение лица, как у людей, когда кто-то упоминает о сексе своих родителей — одновременный ужас и отвращение. Между тем, я не могу выкинуть из головы образ того, как он дрович. Я предполагаю, что таков был план Мали.

Злая сука.

— Упс. Извини, Дев, — говорит Хейс, а затем отмахивается от темы, как будто этого никогда не было.

Кое-что, что я хотела бы сделать прямо сейчас.

Интересно, о ком он думал, когда кончал.

Черт возьми.

Поздравив Кэма, Хейс подходит к каждому из парней и обменивается с ними дружеским рукопожатием. Закончив, он садится и смотрит на меня. Из-за жара его взгляда и образов, которые сейчас крутятся в моей голове, мне приходится сжать бедра, чтобы вернуться к реальности.

— Поттер, — приветствует он меня.

Я на мгновение закатываю глаза, глядя на него. — В последний раз говорю, что Гарри Поттер не жил на чердаке. Он жил под лестницей.

— Кто тогда жил на чердаке?

Я собираюсь сказать *никто* и положить конец его непрекращающейся потребности высмеивать мою спальню, когда Мали отвечает за меня.

— Миссис Рочестер.

Он приподнимает бровь. — Предполагается, что я знаю, кто это?

Она вздыхает, как будто незнание классической литературы оказывает человечеству медвежьей услугой.

— Она персонаж книги Шарлотты Бронте *Джейн Эйр*, — объясняет она. — По сути,

она сумасшедшая женщина, которая живет на чердаке. Некоторые даже называют ее демоном.

Хейс ухмыляется и переводит свое внимание с нее на меня. — Что ж, это подходит.

— Она сумасшедшая! — спорю я, но это было неправильное высказывание.

Он светится, как гребаная рождественская елка. — Еще лучше!

Я медленно качаю головой. — Ты мертв для меня.

Он кладет руку на грудь. — Но я твой любимчик.

— Кто, черт возьми, это сказал?

Оглядываясь по сторонам, он бросает взгляд на всех остальных парней, а затем возвращается ко мне. — Конкуренция не очень жесткая.

Ладно, справедливое замечание, но я не могу позволить ему так легко победить.

Я обдумываю свои варианты и решаю пойти с тем парнем, который ему нравится меньше всего, но которого он терпит ради команды. — Айзек. Ты мой новый фаворит.

У Хейса отвисает челюсть, когда Айзек поднимает свою бутылку пива. — Твое здоровье, чувак.

Как бы отчаянно это ни звучало, я втайне тоскую по этим фальшивым маленьким спорам, в которые мы ввязываемся. Это единственный раз, когда мы по-настоящему разговариваем, и, к сожалению, та часть меня, которая вписывает мое имя в его фамилию, заберет все, что сможет получить. Излишне говорить, что она и я, которая ненавидела его до глубины души с тринадцати до пятнадцати лет, не ладим.

— Подожди, черт возьми, минутку, — возражает Лукас. — Почему, черт возьми, ему позволено связываться с Лейкин, а нам нет?

Хейс смеется, и мне требуется все, что у меня есть, чтобы не потеряться в этом звуке. Тем временем Кэм подбрасывает еще одно полено в огонь и садится обратно.

— Потому что Хейс знает свои границы. Есть разница между тем, чтобы шутить с ней и приударить за ней. — Наступает короткая пауза, прежде чем он добавляет: «И он нравится мне больше, чем ты».

Лукас допивает остатки пива и швыряет пустую банку в Кэма, но тут вмешивается Айзек.

— Осторожно. Разве ты не слышал? — Он оглядывает Кэма с ног до головы, как будто тот бешеная собака. — Он жестокий преступник.

Все смеются, и Кэм показывает ему средний палец. Любой, кто знает моего брата, знает, что он никогда бы намеренно никому не причинил вреда. По крайней мере, не без действительно веской причины. Он может шутить со своими друзьями по этому поводу, особенно теперь, когда суд закончился и страх попасть в тюрьму прошел, но я знаю, что это беспокоит его. Люди в этом городе буквально наблюдали, как он рос, и все же сейчас по крайней мере половина из них думает, что он социопат.

Чертов Сатана.

Мой телефон вибрирует, и, будучи слишком погруженной в свои мысли, я открываю его, прежде чем могу остановить себя. Сообщение от Крейга, которое смотрит на меня в ответ.

Перестань притворяться, что ты не видишь мои сообщения. Айзек только что сказал мне, что телефон у тебя в руке.

Во имя всего святого. — Айзек! — Его голова поворачивается ко мне при звуке моего голоса. — Ты действительно сказал своему гребаному брату, что у меня с собой телефон?

Хейс прикусывает губу, чтобы скрыть улыбку. — Это длилось недолго.

Айзек похож на ребенка, которого поймали за тем, что он запустил руку в банку из-под печени. — Это плохо?

Я зажимаю переносицу и делаю глубокий вдох. — Если ты собирался рассказывать ему о каждом моем движении, пока ты здесь, тебе следовало просто привести его.

— Ты хочешь, чтобы он был здесь? — взволнованно спрашивает он. — Я могу позвонить ему. Гарантирую тебе, что он придет.

— Нет! — Мы с Мали кричим в унисон.

Айзек хмурится. — О, да ладно. Он скучал по тебе, пока была в школе, и ему действительно жаль.

— За который раз? Когда он бросил меня на вечеринке, чтобы пойти трахнуть кого-нибудь другого, или, когда он собирался отправить мне наше видео и случайно прислал любительское порно с ним и его напарницей по лаборатории?

Он смотрит на меня в ответ, ошеломленный.

— О, я знаю, — продолжаю я. — Должно быть, это из-за того раза, когда он трахнул другую девушку в моей постели и оставил мне презерватив в подарок. Кроме того, это даже не похоже на то, что мы недавно расстались. Если он сожалел, ему следовало извиниться *семь месяцев назад*.

Все молчат, пока он несколько раз открывает и закрывает рот, не произнося ни слова. Через мгновение Кэм нарушает молчание, осматривая свою пустую бутылку.

— Может быть, тебе *следует* привести его сюда, — говорит он так, словно это неплохая идея.

— Полегче, задира, — предупреждает Хейс. — Тебе только что назначили испытательный срок, примерно пять минут назад. Давай немного подождем, прежде чем нарушать его, хорошо?

Кэм переводит взгляд с Айзека на Хейса. — Никаких обещаний.

— Я об этом не просил, — отвечает Хейс, потому что он знает лучше, чем это. — Итак, кто готов поиграть в пивной понг?

Все кивают в знак согласия, пока он встает, чтобы взять столик из багажника своего грузовика. Тем временем Девин смотрит на мое пиво, когда я делаю глоток, и морщится. Я не могу удержаться от смешка.

— Что случилось, детка?

Она опускает голову. — На самом деле я не люблю пиво.

Мали фыркает, бормоча себе под нос: «Конечно, ты этого не делаешь». Второй раз за двадцать минут я вгоняю пятку ей в голень. Она хорошо справляется с тем, чтобы скрыть стон, который издает от боли.

Возможно, Девин и близко не так близка мне, как Мали, но я не хочу, чтобы она чувствовала себя некомфортно рядом с нами просто потому, что Мэл — маленькая собственница, которая так и не научилась делиться.

— Давай, — говорю я ей, вставая и протягивая руку. — Мы можем приготовить тебе коктейль. Ты можешь попробовать это.

Кажется, это подбадривает ее, и она улыбается, вкладывая свою руку в мою. Когда мы направляемся к дому, я замечаю Мали, идущую с другой стороны от меня. Я поднимаю брови, глядя на нее.

— Что? — невинно спрашивает она. — Если ты их готовишь, я тоже хочу.

Вот так любое напряжение между нами рассеивается. Так всегда бывает.

— Как будто я все равно не собиралась тебе его приготовить.

Она обнимает меня за плечи. — Вот почему ты мой любимчик.

Мы почти у дома, когда я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Хейсом. В одной руке у него складной столик, а в другой набор для пивного понга, но все, на чем я могу сосредоточиться, это то, как он ухмыляется, проходя мимо.

Разве это не несправедливо, что один человек *настолько* хорош собой? Я имею в виду, разве не предполагается, что все созданы одинаково? Потому что я не думаю, что Бог получил памятку, когда создавал Хейса. Либо это, либо флакон с надписью: «*ВЫГЛЯДИТ ДОСТАТОЧНО ГОРЯЧИМ, ЧТОБЫ РАСТОПИТЬ ЛЕД*». Дролился, и все, что в нем было, оказалось в кастрюле.

Клянусь, этот человек появился в моей жизни с единственной целью — мучить меня.

— У тебя текут слюнки, — воркует Мали.

Моя рука подносится ко рту, но я должна была догадаться, что она была полна дерьма. — Я передумала. Никакой выпивки для тебя.

— Ой, да ладно тебе, — скулит она. — Все это очень весело.

— Что такое? — спрашивает Девин.

Я закрываю рукой рот Мали, когда она собирается ответить. — Ничего. Мали сегодня вечером просто в отличной форме.

Открывая холодильник, я беру то небольшое, что мне нужно — клюквенный сок, ананасовый сок, апельсиновый сок и, самое главное, бутылку Малибу. По сути, это Морской бриз, но апельсиновый сок придает ему дополнительный вкус. Кроме того, тогда вам может сойти с рук добавление в него еще рома.

— Мэл, ты помнишь ту ночь, когда мы выпили слишком много всего этого?

Она съеживается. — Как я могу забыть? После этого мы три месяца не могли даже пить сок без того, чтобы нас не вырвало.

Я хихикаю, начиная наливать Малибу.

Одна унция.

Две унции.

Три унции.

Когда я все-таки добавляю еще немного, Мали напевает. — Тогда, я полагаю, ты планируешь повторить это сегодня вечером.

— Эх. — Я пожимаю плечами. Она не совсем права. — По крайней мере, тогда я смогу обвинить тебя в том дерьме, которое вылетает из твоего рта сегодня вечером, в том, что ты пьяна.

— Это не весело. Что, если ты окажешься со своей второй половинкой сегодня вечером?

— Мали Элизабет, — рычу я.

Девин с любопытством переводит взгляд с одной на другую. — Подожди, что я упускаю?

Черт.

— Ничего. Как я уже сказала, Мали просто сегодня вечером очень нахальна, — повторяю я, глядя на преступника и надеясь, что она может услышать угрозы расправы в моей голове.

Мали напевает, делая глоток прямо из бутылки Малибу. — Я бы предпочла быть нахальной, чем похотливой.

Я откидываю голову назад и стону. — Мэл!

Серьезно, я собираюсь начать принимать заявки на лучшего друга, если она продолжит в том же духе.

Каждая часть меня надеется, молится и умоляет, чтобы Девин не поняла, что она имела в виду под этим. И я не часто молюсь. Когда твои родители заставляют тебя ходить в церковь на протяжении всего твоего детства, твоя бунтарская стадия заканчивается тем, что ты включаешь это в кучу отвергнутых ожиданий. Но, как будто меня наказывают за то, что я не ходила в церковь, я буквально наблюдаю, как все встает на свои места для нее.

— О Боже мой, — выдыхает она. — Ты влюблена в моего брата?

— Нет, — отвечаю я, и в то же самое время Мали отвечает — Да.

Моя голова поворачивается к моей почти бывшей лучшей подруге, и я свирепо смотрю на нее. — Чувак, я сделала что-то, что тебя разозлило, или ты просто проснулась и выбрала насилие этим утром?

Она закатывает глаза. — О, пожалуйста. Она все поняла.

— Верно, я уверена, что она сложила бы кусочки вместе даже без твоих прекрасных подсказок о контексте.

— Ты никогда не получишь того, чего хочешь, если никогда никому не скажешь, что хочешь этого, — говорит она мне более мягким тоном, и теперь я понимаю, что она делала.

Я заканчиваю раскладывать все ингредиенты и делаю глубокий вдох, прежде чем повернуться.

— Хорошо. Да, у меня есть *некоторые* чувства к Хейсу. Но я не настолько глупа, чтобы думать, что между нами двумя когда-нибудь что-нибудь произойдет, независимо от того, как сильно *кто-то* пытается вмешаться. — Я бросаю взгляд в сторону Мали. — Это несбыточная мечта — забавно представлять, но никогда не сбудется.

Они обе замолкают, не зная, что сказать, и я не против посидеть минуту в тишине...

Пока я не слышу звук закрывающейся двери багажника Хейса прямо за открытым кухонным окном.

2

Хейс

У меня всегда была склонность попадать в дерьмовые ситуации. От драк в школе до того, как меня чуть не выгнали из хоккейного лагеря, — это, по сути, моя специальность. В моем резюме должно быть написано *Король хаоса* и *Наплевательское отношение*. Ну, то

есть, если бы у меня *было* резюме. На самом деле я никогда в нем не нуждался — благо работал в одном и том же магазине для серфинга с шестнадцати лет. За эти годы владелец стал относиться ко мне как к сыну. Теперь я управляю этим заведением, поскольку его никогда нет рядом, и он платит мне значительно больше, чем следовало бы. Так что, по крайней мере, у меня это получилось.

Однако я не думаю, что мне так уж сильно повезет с этим.

Не то чтобы я хотел подслушивать. Я только подошел к своему грузовику, чтобы взять холодильник, когда услышал, как Лейкин огрызнулась на Мали. В этом нет ничего необычного; будучи близкими, как сестры, они неизбежно время от времени вступают в перепалку. Но я никогда не ожидал ответа на вопрос, который слетает с уст моей сестры.

— Боже мой, ты влюблена в моего брата?

Я останавливаюсь, застыв на месте, когда Лейкин говорит нет, но Мали говорит да.

Мали неравнодушна ко мне?

— Чувак, я сделала что-то, что тебя разозлило, или ты просто проснулась и выбрала насилие этим утром?

— О, пожалуйста, — отвечает Мали. — Она догадалась об этом.

— Верно, я уверена, что она сложила бы кусочки вместе даже без твоих прекрасных подсказок о контексте, — огрызается Лейкин.

На секунду наступает тишина, а затем Мали снова заговаривает, на этот раз более мягким тоном, который я едва могу разобрать.

— Ты никогда не получишь того, чего хочешь, если никогда никому не скажешь, что хочешь этого.

Или—

О!

За все годы, что я знаю Кэма, я не думаю, что когда-либо представлял, что Лейкин смотрит на меня как на кого-то большего, чем на одного из надоедливых друзей своего старшего брата. Конечно, мы шутим о том, что я ее любимчик, но я никогда не верил, что это правда. Я думал, она ненавидит нас всех одинаково.

— Хорошо. Да, у меня есть *некоторые* чувства к Хейсу. Но я не настолько глупа, чтобы думать, что между нами двумя когда-нибудь что-нибудь произойдет, независимо от того, как сильно *кто-то* пытается вмешаться, — признается она, я уверен, что последняя часть направлена на Мали. — Это несбыточная мечта — забавно представлять, но никогда не сбудется.

Услышав ее признание, которое я действительно не могу переварить, я не знаю, что чувствовать. С одной стороны, я польщен. Даже мои друзья ничего не делают, чтобы скрыть тот факт, что они хотят ее. Черт возьми, я почти уверен, что Лукас нагло приглашал ее на свидание по крайней мере три раза, только для того, чтобы получить отказ. Тем не менее, он продолжает пытаться.

Но, с другой стороны, я хочу отмотать время назад. Вернуться назад и забыть всю эту новую информацию. Потому что ничего хорошего из этого никогда не выйдет. Кэм зарезал бы меня на глазах у своего надзирателя, а потом надел бы наручники на себя. Некоторые вещи просто того стоят для него, и его сестра определенно возглавляет этот список. Он — хрестоматийное определение заботливого старшего брата, и я бы только причинил ей боль.

Как я уже говорил, я всегда умудряюсь попадать в дерьмовые ситуации — и отношения являются частью этого. Они никогда не заканчиваются для меня хорошо.

Я настолько выбит из колеи и погружен в собственные мысли, что даже не задумываюсь дважды, закрывая заднюю дверь, пока не слышу звук, который она издает, а затем вздох изнутри кухни.

— Ты думаешь... Лейкин начинает, но не может закончить свой вопрос.

— Я думаю, есть только один способ узнать, — отвечает Дев.

— Что ты делаешь? — Лейкин в панике шипит. — Я не могу выйти туда!

Черт.

Быстрым движением, которое впечатляет даже меня, я достаю из кармана наушники и надеваю их как раз вовремя, чтобы они втроем вышли через заднюю дверь. Они поворачиваются ко мне, и я позволяю своему взгляду задержаться на Лейкин ровно настолько, чтобы увидеть выражение ее лица. Она выглядит так, будто ее сейчас вырвет.

— Нужна помощь? — Дев спрашивает меня, пытаюсь вести себя так, как будто ничего не произошло, и я благодарен за это.

Я притворяюсь, что не слышу ее, и вынимаю наушник. — Что?

Лейкин вздыхает с облегчением, но только я замечаю, как Девин на секунду прищуривает глаза.

— Я спросила, нужна ли тебе помощь, — повторяет она.

— Ох. Не, я в порядке, — говорю я ей. — Стол уже накрыт. Мне просто нужно было зайти за кулером. Нам нужно еще пива.

Удовлетворенные, Лейкин и Мали разворачиваются и направляются к костру, но Девин отстает. Как только они оказываются вне пределов слышимости, она бросает на меня недвусмысленный взгляд.

— Ты слышал ее, не так ли?

Мои брови приподнимаются. — Слышал кого?

Это достойная попытка, но она на это не купилась. — Ты буквально жаловался в машине на то, что у тебя разрядились наушники.

Я мог бы продолжать в том же духе — мог бы попытаться сказать ей, что я был неправ или что-то такое же глупое, — но она потратила время, когда мы были моложе, чтобы запечатлеть в памяти мое лживое лицо. В этом нет смысла.

Я выдыхаю. — Не говори ей.

— Серьезно? Ты просто собираешься притвориться, что понятия не имеешь?

— Да, в значительной степени. Я не хочу, чтобы она чувствовала себя странно рядом со мной.

Она оглядывается на Лейкин и затем улыбается. — Хорошо, я ничего не скажу.

Оставляя меня возвращаться к огню, я беру холодильник и устанавливаю его в руках, когда мой взгляд останавливается на Лейкин. Она выглядит намного беззаботнее, чем несколько минут назад. Когда она откидывает голову назад, смеясь над чем-то, что сказала Мали, уголки моих губ подергиваются.

Нет.

Абсолютно нет.

Мне это, блядь, не нравится.

Единственное, что я могу сделать, — это выбросить это из головы. Я поправляю ручку холодильника и направляюсь к Кэму и парням. Испортить самую близкую дружбу, которая у меня когда-либо была, этому не бывать.

Оказывается, забыть об этом намного сложнее, чем я думал. Впрочем, это не моя вина. Вы когда-нибудь наблюдали, как цыпочка играет в пивной понг и у нее это хорошо получается? Но она не только хороша, она чертовски доминирует — разливает шоты по стаканам, как будто это ее работа, и пьет пиво, как чертов чемпион. Я никогда раньше не обращал на это внимания, но сегодня вечером это самая горячая вещь, которую я когда-либо видел.

Все сводится к одной финальной игре. Кэм и я против Лейкин и Мали. Если бы Мали и близко не была так хороша, как Лейкин, я бы начал смиряться с потерей моей мужской карты сейчас и готовиться к тому дерьму, которое мы получим за проигрыш им. Кэм и я были чемпионами в этом со второго года нашего хоккейного лагеря. Я не хочу, чтобы этому положили конец пара девушек, которые на два года младше нас.

Если бы я хоть на секунду подумал, что ее чувства ко мне будут отвлекать, я бы серьезно ошибся. В ней ничего не изменилось. Она сосредоточена как лазер и поливает нас дерьмом точно так же, как и всех остальных. Даже ее собственный брат не застрахован от ее словесных нападков. Мали наносит несколько ударов, но большинство из них попадает в цель. Но только не Лейкин. Она не пропускает ни одного — вплоть до того, что мы с Кэмом время от времени обмениваемся взглядами. Мы оба знаем, что поставлено на карту, и какова вероятность того, что мы проиграем, если не будем играть в свою лучшую игру.

Вот и конец веселой, беззаботной игры в пивной понг.

Все остальные стоят по обе стороны стола, затаив дыхание наблюдая, кто победит. Хотел бы я сказать, что ребята болели за нас, но они придурки. Одна чашка осталась с обеих сторон, и мои глаза встречаются с глазами Лейкин.

— Не облажайся с этим, — поддразниваю я ее. — За всю игру не промахнулась ни разу. Было бы действительно обидно, если бы ты промазала именно сейчас.

Она ухмыляется, ни на секунду не отводя взгляда, когда попадает точно в цель. — Ты что-то говорил?

— Выходи за меня замуж, — умоляет Лукас. — Серьезно. Выходи за меня замуж.

Кэм щелкает Лукаса, пока тот допивает пиво из стакана. Лейкин полностью игнорирует его и сосредотачивает все свое внимание на мне, ожидая, когда я сделаю свой выстрел.

Глубокий вдох.

Целься.

Не обращай внимания на то, как она незаметно прикусывает свою нижнюю губу, блядь.

Стреляй.

Мои глаза закрываются, когда мяч летит по воздуху, пока я не слышу безошибочный звук удара, который издает мяч. Мали вздыхает, и Лейкин бросает на нее недоверчивый

ВЗГЛЯД.

— Да, Мэл. Отвали, — дерзит она. — Потому что очевидно, что именно на тебя здесь оказывается все давление. Это совершенно понятно.

Виновато улыбаясь, Мали обнимает Лейкин за плечи. — Я очень тебя люблю.

— Мм-хм.

Каждый из нас выбил три чашки за овертайм — третий раунд овертайма, если уж на то пошло. Учитывая соперничество Кэма и Лейкин, я чувствую, что эта игра может продолжаться всю ночь, и ни один из них не уступит.

— Кто пойдет первым? — спрашивает Мали.

— Ты знаешь, — говорит ей Кэм.

Лейкин нежно улыбается и закатывает глаза, зная, что один и тот же вопрос задают каждый раз, когда мы переходим к овертайму.

Каждый из них делает свой выстрел, и на этот раз Мали действительно удается найти цель. Она взволнованно ликует, когда мы возвращаем им мячи. Но в следующий раз ей не так повезло. Мяч отскакивает от стола, и Кэм отбивает его.

— Какого хрена, чувак! — кричит она на него. — Это должно было войти!

— Он отскочил. Как только дело доходит до стола, это честная игра.

Разозленная, она кладет руку на бедро и свирепо смотрит на него. Тем временем Лейкин нацеливает мяч и запускает его прямо в чашку. Единственный способ, которым мы с Кэмом можем победить, — это если мы оба сделаем все возможное, включая оба попадания в последние чашки. У Кэма, однако, есть другая идея.

— Посмотри на это, — говорит он достаточно тихо, чтобы его слышал только я.

Он подбрасывает мяч, намеренно заставляя его отскакивать, прежде чем он попадет прямо в чашку. Для Мали это прекрасная возможность отомстить ему, и она не упускает ее. Глаза Лейкин расширяются, когда она пытается остановить ее, но это бесполезно. Мали замахивается, чтобы отбить мяч, но вместо этого умудряется отправить все три чаши в полет.

Мы победили.

— Мэл, — скулит Лейкин, запрокидывая голову и глядя в небеса.

Она выглядит смущенной. — Что? Это просто пролитое пиво. У нас его предостаточно.

— Ты проиграла игру, — объясняет Оуэн. — Честно говоря, это был умный ход со стороны Кэма.

— О, — угрюмо отвечает она.

Лейкин морщит нос, глядя на свою лучшую подругу. — Тебе повезло, что ты хорошенькая.

— Да, — улыбается Мали. — Хотя мне за тебя стыдно.

— Итак, ты проиграла нам игру и теперь оскорбляешь меня? — В ее глазах пляшет веселье.

Мали подмигивает. — Ну, я имею в виду, они, по сути, обманули. Он сделал это нарочно.

— Не будь обиженной неудачницей, — говорит ей Кэм. — Это не моя вина, что ты предсказуема.

Ее глаза сужаются, когда она достает телефон из кармана и бросает в него, попадая прямо по яйцам. — Ты *это* предсказал?

Когда Кэм падает на землю, Лейкин вскидывает руки в воздух. — Итак, куда была направлена эта цель, когда мы играли в пивной понг?

Я смотрю вниз на Кэма и посмеиваюсь, когда он стонет от боли.

И подумать только, что он равнодушен к этой девушке.

Ночь начинает заканчиваться, все мы достаточно протрезвели, чтобы ехать домой. Лейкин встает и потягивается, зевая. Ее рубашка задирается ровно настолько, чтобы была видна маленькая татуировка, выглядывающая из-под пояса ее джинсов.

Черт возьми, почему это так горячо?

Я заставляю себя отвести взгляд. Практически все было бы лучше, чем если бы Кэм застучал меня за разглядыванием его младшей сестры. Я не собираюсь умирать сегодня ночью.

— Хорошо, я иду спать, — говорит она нам. — Кэм, не забудь, что завтра ты должен поехать за мной к механику, а потом подбросить меня до работы.

— Что? Нет.

Она выглядит смущенной. — Ах, да. Папа тебе не сказал? У меня горит индикатор проверки двигателя, и он назначил мне встречу, чтобы я забросила ее утром.

— Я не могу, — возражает он. — У меня назначено свидание на поздний завтрак.

Все замолкают, кроме Оуэна, который фыркает. — Ты тоже собираешься отведать мимозы?

Я протягиваю ему руку. — Карточка мужчины. Отдай ее.

Он закатывает глаза. — Пошли вы все нахуй. Если бы ты увидел эту цыпочку, ты бы тоже согласился на поздний завтрак.

Часть меня задается вопросом, стал бы он вообще говорить об этом, если бы Мали все еще была здесь, но она ушла полчаса назад — ей рано на работу, и она сказала, что ей нужно хорошенько выспаться. Я думаю, Кэм не согласился бы, но не похоже, что он когда-нибудь вырастит пару яиц и скажет ей это.

— Я не знаю, что тебе сказать, — говорит Лейкин.

Он вздыхает. — Ты не можешь просто взять мою машину?

Ее брови хмурятся. — Конечно, позволь мне просто клонировать себя, чтобы я могла водить две машины одновременно. Я знаю, что ты думаешь своим членом, но я не думаю, что Мали причинила *такой* уж большой вред.

Кэм стонет и отшвыривает ее. — Сукин сын.

Все это происходит в одно мгновение. Идея проносится у меня в голове, и прежде чем я успеваю сказать себе, что это ужасная идея, она вылетает у меня изо рта, словно отчаянно пытается сбежать.

— Я могу это сделать.

Все головы поворачиваются ко мне, и вот так просто, слишком поздно брать свои слова обратно.

— Серьезно? — спрашивает Кэм.

Я пожимаю плечами, как будто в этом нет ничего особенного. — Да. У меня нет работы до двух. Не хотел бы, чтобы что-то стояло на пути к твоим панкейкам и мимозам.

Он ухмыляется. — То, что я хочу есть, действительно начинается на букву «П», но, черт возьми, это точно не панкейки.

Лейкин давится и прикрывает рот. — Кэм!

Посмеиваясь, он кивает в сторону Девин. — Теперь вы двое равны в знании вещей, которые вы не хотели знать о своих братьях. Сблизьтесь из-за этого.

Она выглядит крайне недовольной. — Хотела бы я, чтобы Мали была здесь и снова швырнула свой телефон тебе в промежность.

— Вот это просто подло. — Он поворачивается ко мне. — Но это правда, чувак. Спасибо.

— Без проблем. — Я встаю и достаю ключи из кармана. — Во сколько мне встретиться с тобой там, Рочестер?

Легкий румянец покрывает ее щеки, но я единственный, кто замечает. — Я должна оставить свою машину в девять.

Я киваю. — Я буду там. Поехали, Дев.

Попрощавшись со всеми, кроме Айзека — потому что к черту этого парня — мы запрыгиваем в мой грузовик. Вставляя ключи в замок зажигания, я уже чувствую на себе взгляд моей сестры — оценивающий, подозрительный взгляд. Я завожу грузовик и сосредотачиваюсь на дороге, чтобы не смотреть в ее сторону.

— Я действительно надеюсь, что ты знаешь, что делаешь, — говорит она мне.

Ты и я, оба.

Мой телефон ревет прямо в ухо, выкрикивая звуки будильника на громкости, которая должна быть запрещена, когда я *так* устал. Все еще с закрытыми глазами я хватаю его и швыряю через всю комнату. Едва слышен глухой стук от удара о стену, как я возвращаюсь в комфортный сон, из которого меня так грубо вытащили.

— И ты удивляешься, почему ты поменял так много телефонов, — растягивает слова Девин.

Я приоткрываю один глаз и вижу, что она стоит там, скрестив руки на груди, прислонившись к дверному проему. На мой вкус, даже немного солнечного света слишком ярко. Я переворачиваюсь на другой бок и накрываюсь одеялом с головой.

— Уходи, — ворчу я.

Она хихикает. — Хорошо, но ты должен знать, тебе нужно встретиться с Лейкин у механика через десять минут. Впрочем, все в порядке. Я уверена, она не будет возражать, если ты ее бросишь.

Черт.

Вскакиваю с кровати, как будто все горит, черт возьми, я морщусь от боли, которая пронзает мою голову, но времени на нытье нет. Мои ящики распахиваются, когда я хватаю пару джинсов и футболку.

— Плавный ход, жеребец, — поддразнивает Девин, наблюдая, как я беру ключи и мобильный, прежде чем направиться к двери. — Подожди! Ты не собираешься причесаться?

Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть в зеркало, и замечаю не очень привлекательную прядь у себя на макушке. Передавая ей на минутку то, что у меня в руках, я провожу по ней пальцами и еще немного ерошу, чтобы все встало на свои места, как всегда бывает.

— Я ненавижу тебя, — говорит она мне.

Я беру свои вещи обратно и улыбаюсь. — Я тоже тебя люблю.

Требуется всего две краткие остановки — одна в ванной, чтобы взять зубную щетку и плеснуть на нее немного пасты, и одна на кухне за бутылкой воды — прежде чем я уйду. Я могу почистить зубы по дороге.

Такое быстрое выбегание за дверь напоминает мне о моем выпускном классе средней школы, когда я входил в класс, когда звонил звонок. Моя классная руководительница бросала на меня за это неодобрительные взгляды, но она ничего не могла поделать. Я пришел вовремя. И звук моих шин, визжащих, когда я выезжаю с подъездной дорожки, хорошо сочетается с ностальгией.

Если бы не дорожное движение на Мэйн-стрит, я бы пришел как раз вовремя. Вместе с этим я опоздал чуть более чем на десять минут. Я останавливаюсь перед мастерской и нахожу Лейкин сидящей на бордюре со скучающим и безучастным видом. При звуке моего грузовика она хватается за сумочку и встает.

— Боже, мало того, что тебе приходится жульничать в пивном понге, ты еще забываешь заехать за мной?

— Мне так жаль, — говорю я, игнорируя комментарий о пивном понге, потому что мы выиграли ту игру честно. — Клянусь, это гребаные пробки.

Она бросает на меня знающий взгляд, и мне требуется всего секунда, прежде чем я сдаюсь.

— Ладно, и я проснулся немного поздно.

Посмеиваясь, Лейкин качает головой и пристегивает ремень безопасности.

— А если серьезно, ты долго ждала? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами. — Около пятнадцати минут, но это нормально. Я действительно нашла новый карьерный путь.

Мои брови хмурятся. — Ожидая на обочине?

— Да, учитывая количество мужчин, которые делали мне предложения, я поняла, какой

куш я могла бы заработать, занимаясь проституцией, — говорит она с таким энтузиазмом.

В одно мгновение моя хватка на руле усиливается. Мне требуется все, что у меня есть, чтобы ослабить ее, прежде чем она заметит.

— Расскажи об этом своему брату и дай мне знать, как все пройдет.

Ее голова ударяется о спинку подголовника, когда она смеется. — Ни за что. К закату он запер бы меня в высокой башне.

Не худшая идея, честно говоря.

Мы погружаемся в уютное молчание, пока я еду по городу. Ее пальцы слегка постукивают по двери в такт музыке. На самом деле мне это нравится, и мне от этого не по себе. Я заставляю себя сосредоточиться буквально на чем угодно другом, когда у меня урчит в животе.

— Во сколько тебе на работу?

Она слегка вздрагивает, когда я нарушаю молчание. — Немного раньше одиннадцати, но все в порядке. Ты можешь просто высадить меня на катке. Я не возражаю.

Вместо этого я сворачиваю на парковку популярного в городе места для завтрака.

— Я голоден, и ты, наверное, тоже не завтракала. — Виноватый взгляд на ее лице говорит мне, что я прав. — Да, поехали. Ты не можешь научить кучу маленьких детей кататься на коньках, если ты голодна. Ты травмируешь их на всю жизнь.

Сквозь улыбку пробивается веселая ухмылка. — Это говорит человек, который в прошлом году сказал маленькому ребенку убираться нахуй со льда? И ты думаешь, я собираюсь травмировать детей?

Ой. — Ладно, это было по-другому. Мы наносили удары по воротам, а он пытался схватить шайбы, чтобы потом их забрать. Я даже не знаю, как этот маленький засранец попал на каток.

— Я уверена, что это смесь плохого воспитания и черной дыры TikTok.

Честно говоря, она, вероятно, попала в точку. В заведении всегда есть матери, которые приводят своих детей и не обращают на них внимания, ожидая начала открытого катания. Кто-то должен был серьезно пострадать во время тренировки, поэтому тренер начал запирает ворота, чтобы уберечь от опасности заблудившихся детей.

Ресторан довольно переполнен, но в этом нет ничего нового. К счастью, официантка хорошо дружит с моей мамой, поэтому она выделяет нам кабинку у окна. Все люди, которые ждали, недовольны, но на самом деле это не моя проблема. Они могут обсудить это с менеджером — другой женщиной, которая близка с моей матерью.

Удачи.

— Французский тост? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня с удивленной интригой. — Да. Как ты это узнал?

Черт. Разве я не должен был?

Пока я ломаю голову над оправданием того, почему я узнал о ней что-то подобное, меня спасает официантка, которая подходит, чтобы принять наш заказ. Я беру рогалик со сливочным сыром и кофе. Я никогда не был настолько помешан на завтраках. Она записывает это, и я поднимаю брови на Лейкин, призывая ее сделать заказ.

— Я возьму апельсиновый сок и два ломтика французского тоста, — говорит она, и я опускаю голову, хихикая.

— Сейчас будет, ребята.

Взяв меню, она уходит, оставляя нас в нашем несколько неловком молчании. Я достаю

свой телефон, пытаясь отвлечься. Меня ждет сообщение от Кэма. Это фотография девушки, которая, несомненно, очень похожа на Мали, сидящую за столиком в каком-нибудь модном ресторане, в котором ему, вероятно, нечего делать.

Еще раз спасибо, что помог. □

Я бросаю взгляд через стол на секунду и вижу, что Лейкин смотрит в окно, предаваясь грезам наяву.

Как будто это такая большая тягость.

Вау, тебе удалось найти двойника Мали. Было бы проще просто пригласить на свидание оригинал, но, может быть, это только у меня так.

□ **Твоей сестре, возможно, все равно, но у моей есть кодекс. Никаких свиданий с друзьями брата и сестры.**

Я делаю средний глоток, когда читаю это, и сразу же начинаю разбрызгивать свой кофе. Внимание Лейкин переключается с ее трубочки на меня, и я застенчиво улыбаюсь.

— Горячо, — просто объясняю я.

Уголок ее рта приподнимается. — Пар, выходящий из нее, тебе об этом не сказал?

— Вау. — Мои брови приподнимаются одновременно от удивления и веселья. — Кто-то проснулся этим утром и выбрал насилие.

Она замирает и смотрит на меня с подозрением, и я понимаю, что повторил ее слова прошлой ночью, когда я — надел наушники. Я надеваю свое самое ангельское личико, и она, кажется, расслабляется. — Есть ли какой-нибудь другой способ проснуться?

— Думаю, не тогда, когда в тебе пять футов три дюйма и тебе нужно уважение, чтобы компенсировать свой размер.

У нее отвисает челюсть, и она засовывает язык за щеку. — Извините, не каждый может быть гребаным великаном. И ты знаешь, что они говорят — хорошие вещи приходят в маленьких упаковках.

Я не смог бы побороть улыбку, которая пробивается сквозь меня, даже если бы попытался. — Держу пари, что так и есть.

То, как у нее перехватывает дыхание, метафорически дает мне пощечину. Я буквально вижу, как крутятся шестеренки в ее голове, когда она пытается проанализировать, в каком направлении пошел этот разговор. Что, черт возьми, я делаю?

Флирт с младшей сестрой твоего лучшего друга. Вот что.

Если бы я мог видеть свою совесть, я уверен, она смотрела бы на меня, качая головой, полная осуждения. И она имеет полное право. Кэм был рядом со мной в самых сложных ситуациях, с которыми я когда-либо сталкивался. Он единственный, кому я бы позвонил, если бы там был труп, от которого мне нужно было избавиться. Если бы я вот так его предал, единственным телом, от которого нужно было бы избавиться, было бы мое собственное.

— Лей— Я начинаю извиняться, даже не уверенный точно, к чему я клоню, но меня прерывают, когда официантка ставит перед нами еду.

Интересно, есть ли у нее радар *неловких моментов*. Какая-то интуиция подсказывает, что меня нужно спасти или что-то в этом роде. Несмотря на это, она определенно получит хорошие чаевые.

— Наслаждайтесь, — говорит она нам.

Лейкин благодарит ее, когда она уходит, а затем поворачивается ко мне. — Что ты говорил?

Я качаю головой. — Ничего. Выглядит неплохо.

Она опускает взгляд в свою тарелку и прикусывает губу — движение, которое действует мне прямо на член, и я этим не горжусь. — Это так.

Над нами снова воцаряется тишина, но на этот раз я благодарен судьбе. Господь свидетель, мне, блядь, больше нельзя доверять даже в том, что я могу говорить с этой девушкой, не рискуя ни хрена. Набивать себе морду этим рогаликом, возможно, единственное, что помогает мне оставаться в живых.

Надо было просто высадить ее на катке.

Мы наполовину покончили с едой, когда нас прерывают. Крейг, младший брат Айзека и бывший Лейкин, подходит и встает рядом с нашим столиком. Он одет в свою школьную футбольную куртку, как будто это все еще означает, что ты кто-то после окончания средней школы. Лейкин еще даже не заметила его, когда он кивает мне.

— Привет, красавица, — говорит он.

Все ее тело заметно напрягается при звуке его голоса. Она сглатывает и хватается свой стакан, засовывая соломинку в рот, когда смотрит на него снизу-вверх.

— Крейг.

Он выдыхает. — Я скучал по тому, как ты произносила мое имя.

Заткни мне рот кляпом.

Я никогда не понимал, что Лейкин в нем нашла. Этот парень — чертово ничтожество, и после того, что она рассказала прошлой ночью, я думаю о нем еще меньше. Это не должно меня удивлять. В конце концов, он родственник Айзека. Кэм не была счастлив, когда они начали встречаться в прошлом году. Он был еще менее счастлив, когда ему приходилось видеть, как они сидят вместе на всех наших играх.

Часть меня задается вопросом, что произойдет, если я расскажу ему о нашем маленьком госте прямо сейчас. Что-то подсказывает мне, что никакая киска, похожая на Мали, не удержала бы его от того, чтобы ворваться сюда и разорвать его в клочья. Но прежде чем я успеваю полностью обдумать это, Лейкин напевает и кладет руки на стол.

— Вместе с остальной частью Колдер-Бей, верно? Или ты только слышал, как они стонали его?

Ой.

Крейг морщится, но приходит в себя, как будто он привык иметь дело с ее отношением — факт, который раздражает меня больше, чем следовало бы. — Давай. Не будь такой. Я просто хочу поговорить.

Она смотрит на меня секунду и закатывает глаза, прежде чем встать. — Мне жаль. Я скоро вернусь.

Он позволяет ей идти первой и стучит по столу, прежде чем последовать за ней. — Передай Кэму, что я передавал привет.

О, я так и сделаю.

Интересно, есть ли рекорд по наименьшему количеству времени, затраченному на нарушение испытательного срока. Честно говоря, это, наверное, единственное, что удерживает меня от того, чтобы позвонить ему прямо сейчас, потому что, когда я смотрю на улицу, где они стоят, становится очевидно, что Лейкин предпочла бы быть где-нибудь еще.

— Все готово? — спрашивает официантка.

На мгновение отводя взгляд от Лейкин и Крейга, я замечаю, что у нее на тарелке все еще осталась половина завтрака. — Могу я просто забрать это с собой?

Она кивает и идет за прилавком за коробкой. Однако я, похоже, не могу отвести взгляд от ситуации, которая явно обостряется с каждой минутой. Челюсть Крейга напряжена, а Лейкин выглядит так, будто она может побороться за криминальное прошлое с Кэмом.

Я вытаскиваю бумажник из заднего кармана и бросаю деньги на стол, как раз, когда она заканчивает упаковывать французские тосты Лейкин.

— Спасибо, — говорю я, беру коробку и торопливо выхожу за дверь.

Глаза Крейга встречаются с моими, и он быстро засовывает свой телефон обратно в карман. Он делает шаг назад, когда я подхожу к Лейкин.

— Все в порядке? — спрашиваю я ее.

Она фыркает, глядя на своего бывшего. — Чертовски прекрасно. Мы можем идти?

— Конечно.

Мой взгляд не отрывается от Крейга, когда Лейкин разворачивается и собирается уходить, и он не делает попытки последовать за ней. Возможно, многочисленные сотрясения мозга, которые он получил, играя в футбол, в конце концов, не убили все клетки его мозга.

— Ты собираешься рассказать мне, о чем вы говорили? — спрашиваю я, когда догоняю ее.

Она напевает. — Конечно, нет. Я пытаюсь уберечь своего брата *от* тюрьмы, а не давать ему повода.

Я бы предложил держать это при себе, но она бы никогда в это не поверила. Поэтому вместо этого я протягиваю ей пакет, в котором лежит ее завтрак.

— Вот. Я думаю, ты могла бы съесть остальное перед работой.

Она принимает это от меня с теплой улыбкой. — Спасибо, но у меня больше нет особого аппетита. Может быть, позже.

Это последнее, что она говорит об этом, открывая дверь моего грузовика и забираясь внутрь.

Поездка из ресторана на каток проходит напряженно. Из динамиков звучит музыка, но вместо того, чтобы она отбивала ритм, она печатает на своем телефоне со скоростью миля в минуту. Мне даже не нужно спрашивать, чтобы знать, что она рассказывает Мали о том, что

только что произошло. И это ни черта не помогает ее успокоить.

— Может быть, тебе стоит пропустить работу сегодня, — предлагаю я. — Твоя враждебность вредна для детей.

Это первое, что заставило ее рассмеяться с тех пор, как Крейг ворвался к нам на завтрак. — Или, может быть, мне просто взять тебя с собой. Если ты кричишь на них, то я не обязана этого делать.

Я поджимаю губы, когда заезжаю на парковку у катка, на самом деле обдумывая это с минуту. — Я имею в виду, мне не нужно быть на работе до позднего вечера. Мне бы не помешали несколько сусликов с шайбой, пока я отрабатываю удары по лицу.

Она саркастически напевает. — Это заманчиво. Действительно. Но я не собираюсь злить кучу родителей и быть уволенной. По крайней мере, не сегодня.

— Достаточно справедливо.

Как только я ставлю грузовик на стоянку, Лейкин наклоняется на заднее сиденье, чтобы схватить свою сумку, и выпрыгивает. Я должен просто позволить ей уйти. Честно говоря, это не мое дело. Но я не могу. Я должен сделать последний выстрел.

— Ты действительно не собираешься рассказать мне, из-за чего был тот спор? — настаиваю я.

Улыбке, которая появляется на ее лице, нет никакого дела до того, что она делает со мной. — Пока, Хейс.

Она захлопывает дверь и направляется внутрь, и все, что я могу сделать, это смотреть, как она уходит. Какая-то часть меня наполовину готова вернуться в ресторан и прижать Крейга к стене. Сказать ему, что если он снова приблизится к ней, то ему следует беспокоиться не о Кэмероне. Но это вызвало бы серьезные последствия, о которых я не готов даже думать.

Я проезжаю всего несколько миль по улице, прежде чем слышу, как что-то вибрирует. Сначала я подумал, что это может быть моим. За все годы, что у меня был сотовый телефон, я никогда не ставил его на вибрацию, но, возможно, бросив его об стену этим утром, я щелкнул выключателем. Однако, когда я достаю его, там нет ничего, кроме сообщения от моей мамы, написанного более пятнадцати минут назад.

Что за черт?

Притормаживая, я убавляю громкость и ищу источник. Только когда я выхожу и подхожу к пассажирской стороне, я нахожу телефон Лейкин на полу между центральной консолью и сиденьем. Должно быть, он выпал у нее из кармана, когда она тянулась за сумкой.

— Алло? — отвечаю я на звонок.

Доносится голос Мали, звучащий растерянно. — Ты не Лейкин.

— И люди говорят, что ты не умна.

Она не сбивается с ритма. — Да, ну, люди говорят, что у тебя маленький член.

— Эй! — Я срываюсь в притворном возмущении. — Четыре дюйма — это средний размер!

— О Боже мой, — смеется она. — Есть некоторые вещи, которые мне просто никогда не нужно было знать.

Прижимая телефон к уху, я обхожу грузовик и возвращаюсь на место водителя. — Не за что.

— Мм-хм. Итак, где Лейкин? Ты ее где-нибудь привязал?

Эта мысль никогда не должна была прийти мне в голову, и все же она здесь. И что-то подсказывает мне, что таково было намерение Мали. Учитывая то, как она вела себя прошлой ночью, и разговор, который я слышал между ней, Лейкин и Дев, меня бы это не удивило.

Я решаю перестраховаться и не касаться этого. — Она забыла свой телефон в моем грузовике. Сейчас я привезу его ей. Я скажу ей, чтобы она тебе перезвонила.

— Хорошо, спасибо.

Звонок обрывается, и я роняю телефон на колени, разворачиваясь, чтобы направиться обратно на каток.

Я бы солгал, если бы сказал, что, по крайней мере, не рассматривал возможность прочитать ее сообщение Мали. В конце концов, учитывая количество ее сообщений, я уверен, что в нем есть ответы на все мои вопросы.

Какого хрена он хотел?

Из-за чего они ссорились?

Почему она была так зла?

Но если и есть что-то более опасное, чем Кэм, когда дело касается его сестры, то это Лейкин, когда дело касается ее личной жизни. Она бы кастрировала меня лезвием своего конька, а затем заставила бы смыть кровь — вот почему я знаю, что бы Крейг ни держал над ней, это должно быть что-то, что она не хочет выпускать. В остальном она никого не щадит.

Когда я захожу внутрь, *Your Body is a Wonderland* Джона Майера заполняет всю арену. Это ни в коем случае не большое место, и в нем есть только один каток с парой раздевалок и сувенирным киоском, но это наш дом. Честно говоря, я думаю, что за эти годы провел здесь больше времени, чем в своем собственном доме. Если мне когда-нибудь нужно было снять стресс или просто отвлечься, ничто не могло сравниться с ощущением скольжения моих коньков по льду.

Мои шаги замедляются, когда мой взгляд останавливается на Лейкин. Она полностью погружена в музыку, катается по льду как профессионал, которым, я знаю, у нее всегда был потенциал быть. Но у нее нет никакого интереса становиться профессионалом. Владелец не раз пытался заполучить ее на борт, и каждый раз, когда она ему отказывала, он жаловался на это всем, кто был готов слушать.

Она впустую тратит свой потенциал.

Когда вы в последний раз видели, чтобы кто-то входил сюда с такой грацией, как у нее?

Могла бы выиграть гребаную Олимпиаду в любой случайный вторник, но нет. Она предпочла бы учить кучу маленьких детей.

Похоже, что самая большая неудача этого человека в жизни — не заставить Лейкина

согласиться стать следующей Мишель Кван. Но когда я стою здесь и наблюдаю за ней, действительно наблюдаю за ней, я понимаю почему.

Она чертовски невероятно... среди стольких других вещей.

Не то чтобы я никогда не замечал, что Лейкин великолепна. Мои глаза работают просто отлично. Но после того, как я услышал ее признание прошлой ночью, это как будто дополнительный свет сияет исключительно на ней, делая ее ярче всего остального и требуя моего внимания. И я не могу найти чертов выключатель, чтобы выключить это.

Видишь ли, было время, когда я не мог оторвать от нее глаз. Когда мы с Кэм только начали дружить, она заходила в комнату, и я не мог думать ни о чем другом. Но моя дружба с Кэмом становилась все крепче, я убедил себя, что это просто период полового созревания. Что дело было не в *ней* как таковой, а в том факте, что она была симпатичной девушкой, а я был полон бушующих подростковых гормонов.

И теперь она делает из меня лжеца.

Зная, что вступаю на опасную почву, я засовываю пальцы в рот и свищу достаточно громко, чтобы она слышала меня сквозь музыку. Ее брови на секунду хмурятся, и она катится к воротам.

— Все в порядке? — спрашивает она.

Я поднимаю ее телефон. — Ты забыла это в моей машине.

— О. — Она забирает его у меня. — Спасибо. Я даже не заметила.

— Я бы тоже, если бы Мали не позвонила и не заставила его вибрировать.

На ее лице появляется выражение страха, прежде чем она быстро его маскирует. — Ты ответил на звонок?

Я мог бы поиздеваться над ней. Можно было бы притвориться, что Мали раскрыла ее секрет. И если бы она не была такой охуенно запретной, я мог бы. Но я имел в виду то, что сказал Девин прошлой ночью. То, что я буду вести себя так, как будто понятия не имею, что она ко мне равнодушна, так будет лучше для всех, включая меня самого.

— Да, но я просто сказал ей, что ты перезвонишь. — Я делаю паузу. — О, я также немного травмировал ее.

— О, Боже. Что ты сделал?

Пожимая плечами, я ухмыляюсь. — Я уверен, она расскажет тебе позже.

Шутки о том, что мой член длиной в четыре дюйма — это определенно не то, что я собираюсь повторять девушке, которая, кажется, в последнее время стала объектом его привязанности. Кроме того, вся эта тема вряд ли приведет к чему-то хорошему, поэтому лучше ее полностью избегать.

— Знаешь, мистер Флетчер прав, — говорю я ей.

Она откидывает голову назад и стонет. — И ты тоже.

— Я не собираюсь вмешиваться в твои дела по этому поводу. — Я поднимаю руки в знак капитуляции. — Я просто говорю. Ты действительно хороша, Лейкин.

Черты ее лица смягчаются, и в ее глазах появляется что-то, чего я не могу разгадать, да и не думаю, что мне стоит пытаться. — Спасибо.

Пока мы стоим здесь, над нами воцаряется уютная тишина, пока крики возбужденных детей не разносятся эхом по всей арене. Дети бегут ко льду, выкрикивая имя Лейкин, как будто не видели ее целую вечность.

— Это мой ответ, — говорит она и наклоняется как раз вовремя, чтобы обнять первого попавшегося маленького мальчика. — Привет, приятель!

— На прошлой неделе я тренировался четыре раза!

— Это здорово! — Она треплет его за волосы. — Я так горжусь тобой.

Дети действительно не мое. Они слишком наивны и полны энергии. Но видеть, как она относится к каждому из них, как их старшая сестра, — это мило. Если бы Лукас увидел это, он, вероятно, сделал бы какой-нибудь комментарий по поводу того, чтобы обрюхатить ее и создать собственную хоккейную команду.

И я бы наслаждался, наблюдая, как Кэм отвесил бы ему за это пощечину.

Не попрощавшись, чего она мне никогда не была должна, она сходит со льда и подходит, чтобы убедиться, что родители правильно зашнуровали коньки своих детей. Я позволяю своему взгляду задержаться на ней еще на несколько секунд, а затем заставляю себя сделать то, что должен был сделать прошлой ночью — оставить ее в покое.

3

Лейкены

После восьми часов уроков катания на коньках можно подумать, что я вымотана. Большинству этих детей действительно нельзя доверять ходить самостоятельно, не говоря уже о том, чтобы балансировать на льду с металлическими лезвиями, прикрепленными к их ногам. Не поймите меня неправильно, есть несколько многообещающих. Нескольких детей я даже перевела на более старшие возрастные уровни, чтобы бросить им больше испытаний. Но по большей части, дети часами цепляются за стену изо всех сил и падают на свои задницы, когда я наконец заставляю их отпустить.

И все же я все еще одета и готова идти гулять.

Я провожу пальцами по своим влажным волосам, когда Мали подъезжает к катку. От басов ее звуковой системы вибрируют стекла, когда она произносит слова *Since You've Been Gone*. Судя по тому, как она это поет, можно подумать, что она только что пережила стадию гневного исцеления после худшего в мире расставания.

Я открываю дверь и стою там, уставившись на нее и морщась от того, как ей не удастся взять высокие ноты. Через минуту она закатывает глаза и убавляет громкость, зная, что я не войду, пока она этого не сделает. Я полностью за то, чтобы включить музыку, но Мали делает это таким образом, что я буду кричать всю ночь, как упрямый старик, который отказывается признать, что ему нужен слуховой аппарат.

— Как тебе удастся не быть остановленной, выше моего понимания.

Она дарит мне свою лучшую улыбку «Иди к черту». — Меня действительно останавливают, но небольшое декольте имеет большое значение, дорогая Лейкин.

— Верно. — я киваю. — Вот так ты и оказалась на свидании с тем полицейским, который не переставал сравнивать размер своего пистолета и своего члена. Теперь я вспомнила.

— Фу! — Она морщит нос, выезжая на дорогу. — Весь этот опыт все еще угнетает меня. Он был таким сексуальным, но в ту секунду, когда он открыл рот, мне захотелось выбраться из ресторана.

— И все же ты все равно просидела все свидание.

Она издевается. — Ну, да. Я не стерва.

Мои брови приподнимаются. — Правда? Ты не такая?

— Ладно, я не *полная* стерва. И, кроме того, он уже собирался разочароваться из-за того, что не переспал. Я тоже не хотела бросать его. Поговорим о тяжелой ночи.

Ох, Мали, Мали, Мали. — Могла бы просто заставить меня симулировать чрезвычайную ситуацию.

Машина останавливается на красный свет, и она поворачивается, чтобы бросить на меня *недвусмысленный* взгляд. — Пожалуйста. Ты бы посмеялась надо мной, а затем появилась бы в ресторане, чтобы посмотреть на мои страдания.

Я хихикаю, потому что в ее словах есть смысл — это звучит как именно то, что я бы сделала. Друзья всегда рядом, чтобы вытащить тебя из ситуаций, в которых ты не хочешь оказаться. *Лучшие друзья*, однако, смеются над вами, когда вы попадаете в указанные ситуации, и вмешиваются только в случае крайней необходимости.

— Ты должна жить и учиться, малышка.

Она закатывает глаза. — Неважно. Расскажи мне о том, как дерьмово прошло это утро с Хейсом. Как у него оказался твой телефон?

Я пожимаю плечами, зная, что она надеется на гораздо более сочную историю, чем та, которую она собирается получить. — Он выпал у меня из кармана.

— Пока вам двоим было жарко и тяжело на заднем сиденье? — Она многозначительно приподнимает брови.

— Нет, глупышка. Когда я полезла на заднее сиденье за своей сумкой.

Ее улыбка быстро превращается в хмурый взгляд. — Ну, это не весело.

Из меня вырывается смех при виде ее разочарования. — Мне жаль. Ты бы предпочла, чтобы я сказала тебе, что мы трахались на столе ресторана посреди завтрака?

— Подожди. Вы ходили завтракать?

Черт. — Ты бы ухватилась за это.

— Конечно, я бы так и сделала! — кричит она. — Ты ходила на свидание с Хейсом, и ты не рассказала мне об этом?

— Нет, потому что это было не свидание. Мы просто позавтракали, прежде чем он отвез меня на работу.

— Кто выбирал ресторан?

Я закатываю глаза. — Он.

— И кто заплатил?

— Он.

— Лейкин, детка. — Ее тошнотворно сладкий тон говорит мне подготовиться. — Я знаю, ты иногда можешь быть немного наивной, но это свидание, сладенькая.

Я качаю головой и смотрю в окно, задаваясь вопросом, стоит ли вообще спорить из-за этого. Пока мы с Хейсом знаем, что это было не свидание, это все, что имеет значение, не так ли?

С другой стороны, я бы не отказалась от того, что Мали назвала это утро свиданием с самим Хейсом, и в этом случае я бы умерла, но обязательно забрала бы ее с собой, когда уходила.

— Это не было свиданием, и даже если бы это было так, Крейг, прервавший нас в середине, сделал бы это худшим свиданием в моей жизни.

Ее глаза расширяются. — Ой! Я думала, он видел тебя в мастерской или, когда ты ждала, когда Хейс заедет за тобой.

— Нет, — отвечаю я. — Подошел прямо посреди того, как мы ели, и почти умолял меня поговорить с ним на улице.

На минуту все замолкает, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть, как надулась Мали. Ее нижняя губа выпячена, и она выглядит так, словно кто-то пнул ее щенка.

— Э-э, ты в порядке? — спрашиваю я ее.

Она качает головой. — У тебя наконец-то было свидание с Хейсом, а Крейг идет и все портит. Теперь я должна причинить ему боль, и я не хочу сломать ноготь. Я только что сделала маникюр.

Я сжимаю переносицу. — Это было не свидание.

Прежде чем она успевает продолжить спор — спор, в котором у меня нет шансов выиграть, имейте в виду, — у меня на коленях вибрирует телефон.

Папа.

Ну и черт. Не так уж часто он звонит мне, как только я прихожу с работы. Он всегда был из тех, кому моя мама звонила и задавала вопросы, например, приду ли я домой на ужин или, о чем мой последний пост в Facebook.

Ответ всегда заключается в тексте песни, даже если это не так.

Честно говоря, мой папа звонит мне сам только тогда, когда у меня неприятности. И поскольку я знаю эту небольшую информацию, я могу быть готова.

Я нажимаю «Ответить» и включаю громкую связь. — Привет, папа.

— Лейкин Роуз, — рявкает он.

Да. Определенно в беде.

— О-о-о, — поет Мали рядом со мной. — Он назвал тебя полным именем.

Я отшвыриваю ее. — Папа, послушай. Прежде чем ты что-нибудь скажешь, ты должен знать, что у моего телефона всего один процент заряда и он может разрядиться в любую минуту.

— Отлично, — ворчит он. — Еще одна вещь, о которой ты не можешь позаботиться. Какими бы ни были твои планы на сегодняшний вечер, отмени их. Я хочу, чтобы твоя задница была дома прямо сейчас—

Я быстро провожу пальцем вниз и перевожу его в режим полета, делая так, чтобы было видно, что звонок не удался, а не что я повесила трубку.

— Упс. Телефон разрядился.

Мали смеется, когда я бросаю телефон в сумочку. — Что ты сделала, чтобы попасть в беду на этот раз?

— Кто знает, — честно отвечаю я. — Я уверена, что это как-то связано с моей машиной. Я не могу вспомнить ничего другого, что я сделала, чтобы вывести его из себя в

последнее время.

— Что ж, судя по тому, как он звучал, нам лучше насладиться сегодняшним вечером, — говорит она. — У меня такое чувство, что это будет твоя последняя ночь вне дома на пару недель.

Откидывая голову на подголовник, я выдыхаю. На самом деле это смешно. Мне восемнадцать лет. Тот факт, что у моих родителей все еще есть возможность наказывать меня, является безумием. И это такой двойной стандарт. Кэм чуть не попал в тюрьму, а все, о чем заботились мои родители, это о том, чтобы с их драгоценным малышом все было в порядке. Но если я моргну не вовремя, всему миру придет конец, и я несу за все это ответственность.

— Хорошо. Что ты имела в виду?

Ее ухмылка становится шире, когда я поддаюсь тому хаосу, который творится у нее в голове. — Ну, для начала, мы собираемся поужинать, потому что я умираю с голоду. А потом мы идем на вечеринку Джейкоба.

— Бриттани не разозлится, что мы ее бросаем?

Она отмахивается, как будто в этом нет ничего особенного. — Она это переживет.

Я не могу удержаться от смеха. — У нее день рождения!

— И у нее каждый год по одному, — говорит она, как будто это очевидно. — Боже, можно подумать, что после девятнадцати из них она поймет, что они не так уж важны.

Поднимая на нее бровь, я приподнимаю уголок рта. — Итак, если бы я сказала тебе, что не хочу в этом году устраивать наш ежегодный совместный праздничный костер...

— Я бы посоветовала тебе трахнуть себя, — отвечает она без малейших колебаний. — Я сказала, что *ее* день рождения — не такое уж большое дело. Я ничего не сказала о нашем.

— Знаешь, каждый день ты напоминаешь мне о том, почему мне нравится оставаться на твоей хорошей стороне.

— Пожалуйста. У меня нет плохой стороны. — Она перекидывает волосы через плечо. — Я безупречна.

Качая головой, я смотрю в окно. — И такая скромная.

— Неважно. Где бы ты хотела поесть?

— Где-нибудь подешевле, — говорю я, только наполовину шутя. — Мне не заплатят до понедельника.

Можно подумать, я бы уже знала, что лучше не говорить ей ничего подобного, но я никак не могу смириться с тем, как это ее бесит. Как будто отказываться предполагать, что она оплатит счет, значит называть ее дерьмовым другом или что-то в этом роде.

— Заткнись, — стонет она. — Я заплачу за ужин, а ты можешь просто подарить мне что-нибудь красивое на наш день рождения.

Наш день рождения — звучит так, будто мы близнецы. Опять же, если я правильно помню, в третьем классе Мали действительно убедила нескольких человек, что мы такие, и что я настояла на том, чтобы остаться в утробе еще на три дня. И когда они спросили нас о том, что у нас разные фамилии, она сказала им, что наша мама залетела от двух разных парней примерно в одно и то же время.

Она уже все продумала... вроде как.

— Знаешь, — указываю я, — используя твою логику завтрака с Хейсом, это превратило бы это в свидание.

Отводя взгляд от дороги и переводя его на меня, она оглядывает меня с ног до головы,

прежде чем сморщить нос. — Ты немного неподходяще одета.

Сука.

Вечеринки переоценивают. Я знаю, знаю — это возмутительно. Я сказала то, что сказала. Не поймите меня неправильно, я полностью за еженедельный костер или небольшую тусовку с людьми, с которыми я могу находиться в одной комнате дольше двадцати минут, но вечеринки — это не то. Это группа идиотов, большинство из которых вы даже не знаете, которые все приходят в один дом, чтобы напиться и выставить себя дураками.

Они просто никогда не были для меня.

Но Мали живет ради них.

Она всегда была из тех, кто входит в комнату и требует к себе всеобщего внимания, в то время как я предпочла бы слиться с фоном. Я не то чтобы считаю себя уродиной или что-то в этом роде. Ко мне подкатывало достаточно парней, чтобы знать, что это не так. Но быть объектом всеобщей привязанности — это все равно что находиться в аквариуме. Я просто хочу хорошо проводить время и жить своей жизнью, а не устраивать шоу для всех остальных.

Мали стоит на столе, держа свой бокал и танцуя под музыку, как будто она здесь единственная. Если бы она не была так счастлива, как сейчас, я бы пожалела, что позволила ей выбрать сегодняшнее торжество. Но когда я смотрю, как она откидывает голову назад и улыбается, полностью в своей стихии, я не могу даже немного разозлиться.

— Итак, Лейкин, — Таннер почти кричит, перекрикивая музыку. — Что происходит между тобой и Крейгом?

От одного упоминания его имени у меня по коже бегут мурашки. Поговорив с ним сегодня утром за завтраком, я бы заплатила хорошие деньги, чтобы никогда больше не видеть и не слышать о нем. Если бы Кэм не был на испытательном сроке, я бы позволила ему разобраться с этим. Возможно, Крейгу пойдет на пользу, если он надерет ему задницу, а у меня есть дела поважнее, чем иметь с ним дело. Но вместо этого мне приходится справляться с этим самостоятельно.

— Кроме того, что меня тошнит каждый раз, когда кто-то спрашивает меня о нем? — отвечаю я дерзко.

Он улыбается, показывая, что это именно то, что он хотел услышать. — Значит, ты одинока?

Тьфу. Черт. — Нет. Разве ты не слышал? Я встречаюсь с Мали.

Это привлекает ее внимание, и она поворачивается ко мне с притворным интересом. — О, мы режем ножницами?

Каждый парень в радиусе пятнадцати футов замирает и сосредотачивается исключительно на нашем разговоре. Можно подумать, что они никогда не смотрели порно,

и что две девушки — это иностранное понятие.

— Пожалуйста, скажи да, — умоляет Таннер. — А потом скажи, что позволишь мне посмотреть.

— Если бы вы продали билеты на это, вы могли бы заработать, — добавляет Бен.

Брови Мали приподнимаются. — Я бы с удовольствием прогулялась по магазинам.

— О Боже мой, — бормочу я, качая головой. — Вы все неисправимы.

— Ты начала это, детка, — говорит Мали, подмигивая.

Тем временем парни выглядят разочарованными. Как будто они искренне верили, что я серьёзно, и одним движением я просто разрушила все их надежды и мечты. Представьте, как вы говорите ребенку, что Санта-Клаус ненастоящий в канун Рождества, а затем добавьте еще немного недовольства.

Я перевожу взгляд с Таннера на Бена. — Как будто я когда-нибудь разденусь перед кем-нибудь из вас.

— Почему бы и нет? Нет ничего такого, чего бы мы раньше не видели, — говорит Бен, и Таннер немедленно ударяет его по руке, отчего у меня кровь стынет в жилах.

Что за черт?

Закрыв на секунду глаза, я делаю глубокий вдох, а когда снова открываю их, напряжение в комнате возрастает в десять раз.

— Что вы имеете в виду, ничего такого, чего бы вы раньше не видели? — спрашиваю я осторожно.

Мали спрыгивает со стола и подходит, чтобы встать рядом со мной, кладя руку мне на спину. Таннер бросает на Бена взгляд, который молча говорит ему, что он облажался, но никто не произносит ни слова.

— Одному из вас лучше начать объяснять, или, клянусь Богом, я сделаю так, что все, кто имеет влагище отсюда до Калифорнии, будут думать, что у вас больше ЗППП, чем в борделе во время нехватки презервативов.

— Ладно, ладно, — скулит Таннер. Он знает, что я не блефую. — Возможно, мы видели пару фотографий на телефоне Крейга, но это не имеет большого значения.

Сухой смех срывается с моих губ. Предоставьте *мужчине* говорить мне, что показывать повсюду ваши интимные фотографии — фотографии, которые должны были быть частными, — не имеет большого значения. Это все равно что сказать нам, что роды и менструальные циклы не так уж плохи.

— Он прав, — вмешивается Бен. — Они были сделаны со вкусом.

— Объясни это дерьмо кому-нибудь другому, но не смей, блядь, приставать ко мне с этим, — рычу я. — Кто-нибудь из вас собирался сказать мне, что у него было свое собственное персональное шоу?

Их молчание говорит мне все, что мне нужно знать. В вопросе о том, кому принадлежит их верность, это определено не мне. С другой стороны, учитывая, что Таннер всего пять минут назад пытался флиртовать со мной, я тоже не думаю, что их верность принадлежит Крейгу.

Или, может быть, секс втроем, который у него был, когда я пыталась помочь родителям внести залог за моего брата из тюрьмы, показал ему, что делиться — значит заботиться.

В любом случае, мне нужно убираться отсюда к чертовой матери, прежде чем я окажусь в тюрьме за нападение при отягчающих обстоятельствах. У меня такое чувство, что мне повезло бы намного меньше, чем Кэму.

Достаточно одного взгляда на Мали, и она хватает меня за руку и вытаскивает из дома. Выкрики моего имени, сопровождаемые вялыми извинениями, остаются незамеченными, когда мы выходим за дверь и направляемся к ее машине.

— Ты в порядке вести машину?

Она кивает. — Пиво было теплым и противным. Чашка была скорее опорой в моей руке, чем напитком.

Когда она отпирает машину, мы обе садимся внутрь, и я сворачиваюсь в клубок. Крейг упомянул, что фотографии все еще у него сегодня утром, когда мы спорили. Сказал, что это единственное, на что он теперь дробит, — как будто я должна находить это лестным. Когда разговор пошел не так, как он хотел, он намекнул, что распространит их повсюду, но я не думаю, что когда-либо верила, что он говорит серьезно.

Я была права.

Наблюдение за тем, как я ухожу с Хейсом после отказа выслушать его, должно быть, довело его до крайности. Я просто надеюсь, что он показал это только Бену и Таннеру, а не всей бывшей футбольной команде. Они действительно сказали, что видели их на его телефоне, но не то, что он их отправил.

— Ты в порядке? — спрашивает Мали, когда я слишком надолго погружаюсь в свои мысли.

Я смотрю на нее и пожимаю плечами. — А ты была бы?

— Ты хочешь вернуться ко мне домой ненадолго, чтобы остыть, или мне подвезти тебя до дома?

Ублюдок. Я совершенно забыла, что мой, вероятно, краснолицый отец все еще ждет, чтобы зачитать мне акт о массовых беспорядках. Я подумываю просто переночевать у Мали, но не думаю, что это принесло бы мне какую-то пользу. Во всяком случае, это сделало бы все только хуже.

— Мне пора домой. Приму свое наказание, как послушный маленький семилетний ребенок. — Я замолкаю, когда Мали хихикает, и знакомый уличный знак подсказывает мне блестящую идею. — Но сначала давай сделаем пит-стоп.

И судя по тому, как она ухмыляется, она точно знает, о чем я думаю.

Уже почти три часа ночи, когда Мали отвозит меня домой, то есть примерно через два часа после моего обычного комендантского часа и через восемь часов после того, как мой отец велел мне тащить свою задницу домой. Наивная часть меня надеется, что он спит. Что у него было некоторое время, чтобы остыть, и он понял, что не имеет права наказывать свою взрослую дочь.

Но мне не настолько повезло.

Способом, который мог бы пристыдить ниндзя, я тихо открываю дверь и на цыпочках

вхожу в дом. Мне даже удается закрыть ее, не издав ни звука. Но в ту секунду, когда я поворачиваюсь, чтобы направиться к лестнице, включается свет, и я нахожу своего отца, стоящего там со скрещенными руками.

— Тебе лучше быть поосторожнее с первыми словами, слетающими с твоих губ, потому что я сейчас не в настроении выслушивать твою дерзость.

Судя по тому, как он смотрит на меня, и тону его голоса, я знаю, что лучше не нажимать на его кнопки и не опускать голову.

— Мне жаль.

Он хмыкает. — Ты хотя бы знаешь, за что извиняешься?

Нет, но я не могу ему этого сказать. — За все?

Его глаза закатываются, когда он хватает газету со стойки и швыряет ее передо мной. — Это счет механику за твою машину. Для этого нужен совершенно новый движок. И это, — он указывает на общую сумму в 7000 долларов внизу, — именно столько, сколько мне пришлось заплатить за это.

— Черт возьми!

Ладно, возможно, это было неправильно сказано.

— Не выражайся, юная леди.

Я мило улыбаюсь ему. — Святая помадка?

Он смотрит на меня мгновение, затем качает головой. — Нет. Не в этот раз. Милый и невинный поступок, возможно, и сработывал, когда тебе было пять, но ты далека от этого.

Что ж, попробовать стоило. — Ты хочешь, чтобы я отдала тебе мою следующую зарплату?

— Ты определенно собираешься поделиться со мной частью этого, — отвечает он, прислоняясь к стойке. — Но сначала я хочу знать, почему ты не меняла масло. Я назначаю встречи за тебя и даю тебе на это деньги. Все, что тебе нужно было сделать, это отвезти машину туда и подождать двадцать минут, пока они это сделают!

Он прав, и, возможно, если бы механики в том заведении были горячими и не лишились половины зубов из-за того, что слишком много лет употребляли метамфетамин, я бы действительно пошла. Но я бы буквально предпочла оказаться где-нибудь еще после того, как однажды парень по имени Скид сказал мне, что хочет научить меня обращаться с рычагом — и он не говорил о механической коробке передач.

— Ты знаешь, я ненавижу ходить туда, — пытаюсь я рассуждать, но это бесполезно.

— Ну, теперь единственное место, куда ты пойдешь, — это твоя комната. — Он бросает на меня строгий взгляд. — И ты не выйдешь из дома в течение одной недели.

— Серьезно? Мне восемнадцать. Ты не можешь держать меня в заложниках.

— Мне все равно. Пока ты живешь под моей крышей, ты будешь соблюдать мои правила.

Ни один из нас не двигается с места, пока мы стоим в противостоянии, пока я не понимаю, что в этом поединке мне не победить. Разозлившись, я оставляю его на кухне и стремительно поднимаюсь по лестнице. К черту сейчас тишину. В этом нет никакого смысла.

Как только я захожу в свою комнату, я достаю телефон из заднего кармана и набираю сообщение для Мали.

Наказана. Одна неделя. Серьезно, убей меня сейчас.

Ответ, который приходит немедленно, говорит мне, что она уже дома.

Нет, спасибо. У меня будет кровь на одежде. Но, эй, по крайней мере, ты выплеснула весь свой гнев до того, как вернулась домой. □

Я не могу удержаться от того, чтобы уголки моих губ не приподнялись.

Она права.

Это так.

4

Хейс

Почему, когда ты уже собираешься все закрывать, кто-то всегда решает войти в эту чертову дверь? Клянусь, это похоже на то, как если бы они сидели на парковке и ждали, пока пробьет пять минут до закрытия, прежде чем войти. И мне приходится сидеть без дела, пока они заканчивают просматривать, как будто я не жду с нетерпением, когда они уйдут.

К тому времени, как я наконец выхожу с работы, прошел почти целый час, когда я должен был закрыться, а все, что они купили, это чертову наклейку, чтобы наклеить на свою машину.

Потому что на самом деле не обязательно быть девушкой-серфингисткой, чтобы выглядеть как таковая.

Конечно, catfish (Кэтфишерами называют людей, которые разными уловками перевоплощаются в тех, кем не являются. Благодаря очередному «челленджу» в TikTok такие пользователи вышли на свет, продемонстрировав себя миру настоящими.). Как скажешь.

Отъезжая от магазина серфинга, я отправляю Кэму сообщение, сообщающее, что я в пути. Если у него проблемы с тем, что я опаздываю, он может обсудить это с цыпочками, которые пытались задушить меня своим парфюмерным облаком.

Мой грузовик с ревом несется по главной улице, когда я проезжаю через город. Люди останавливаются, чтобы посмотреть на меня, когда я прохожу мимо — некоторые бросают на меня неприязненные взгляды, в то время как другие улыбаются, потому что узнают меня. В этом проблема жизни в месте, где население достаточно низкое, чтобы вместить всех на баскетбольной площадке. Все друг друга знают, и они постоянно думают, что ваше личное дело — их дело.

Нет, блядь, спасибо.

Я сворачиваю на подъездную дорожку, на которой мой грузовик провел больше времени, чем на моей собственной, и бросаю его на стоянке, хватая коробку с

пассажирского сиденья и направляясь внутрь. Кэм стоит на кухне со своим телефоном в руке, когда поднимает глаза и видит меня.

— Смотрите, кто решил объявиться.

Я закатываю глаза и прижимаю коробку к его животу. — Отвали. Я пытался написать тебе.

Его брови хмурятся, когда он снова смотрит на свой телефон. — О да. Думаю, ты так и сделал.

— Слишком занят, переписываясь со своей вчерашней цыпочкой с мимозой?

Он хмыкает. — Не-а. Не пойми меня неправильно, нам было весело, но я не заинтересован в том, чтобы видеть ее снова.

Теперь *это* меня не удивляет. — Тебе недостаточно Мали?

Его глаза расширяются, и он ищет Лейкин, но, когда он замечает, что ее нет рядом, он расслабляется. — Нет, мудака. Она просто слишком требовательна для меня.

— Итак, ты ищешь женскую версию Toyota? — пошутил я.

Он на секунду закрывает глаза и качает головой. — Я не знаю, что хуже — то, что ты мудака, или то, что ты только что сказал, имеет смысл.

Я беру яблоко из миски в центре острова и откусываю от него. — Ни то, ни другое. Я фантастический.

Прежде чем он успевает выплюнуть какой-нибудь остроумный ответ, Лейкин стремительно спускается по лестнице. По выражению ее лица можно сказать, что она не в лучшем настроении. И когда Кэм преграждает ей путь к холодильнику, я почти беспокоюсь за его благополучие.

— Мне тебя подвинуть? — усмехается она.

Он смотрит на нее, а затем снова на меня, с выражением, которое говорит, что даже он знает, что с ней сейчас не стоит связываться. Он отходит с ее пути, и она хватает бутылку воды, прежде чем топтать своей маленькой задницей обратно в свою комнату.

Только когда она, наконец, оказывается вне пределов слышимости, кто-то из нас снова может спокойно дышать.

— Что, черт возьми, с ней не так? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами. — Она была наказана, так что теперь здесь ураган Лейкин на следующую неделю.

— Ой.

— Да, расскажи мне об этом. Никто не застрахован от ее гнева.

Кэм ставит коробку на остров и открывает ее, вытаскивая один из брусков воска для серфинга. Одним из преимуществ спонсорства владельца магазина серфинга является то, что он получает весь воск, который он хочет, бесплатно. И одно из преимуществ дружбы со мной в том, что его доставляют к нему домой. Остальные из этих ублюдков могут прийти и забрать это в магазине.

— Идеально, — говорит он. — Спасибо, чувак. Не мог бы ты все же оставить это в моей комнате? Мне нужно уходить.

Впервые с тех пор, как я здесь, я замечаю, что он полностью одет — или, по крайней мере, так, как одевается Кэм. — Я думал, ты сказал, что больше не встречаешься с той девушкой.

— Это так. У меня свидание за ужином, — объясняет он.

За все годы, что я знаю Кэма, у него было в общей сложности, может быть, пять

свиданий. И это включает в себя год, когда у него были несколько серьезные отношения с Сиенной.

— Ладно, что, черт возьми, происходит? — смеюсь я.

— Что ты имеешь в виду?

— *Я имею в виду*, что в последнее время у тебя было много свиданий, и все же ни на одно из них не было второго.

Он засовывает телефон в карман и снимает ключи с крючка. — Я не знаю. Я не могу рисковать, бывая на вечеринках, поэтому в течение следующих двух лет мне придется проводить время в другом месте.

Уголок моего рта приподнимается. — И тот факт, что все они похожи на Мали, является полным совпадением?

Вместо ответа он направляется к двери и показывает мне средний палец. — Увидимся позже, придурок!

Подшучивать над ним по поводу нее — мое любимое хобби. И, честно говоря, я никогда по-настоящему не понимал, почему он просто не пригласит ее на свидание. Я видел, как они смотрят друг на друга. Если бы она сказала нет, я был бы шокирован. Но, я думаю, мы никогда не узнаем, поскольку у него никогда не вырастет пары яиц, когда дело дойдет до нее.

Я беру коробку с острова и поднимаюсь по лестнице, чтобы отнести ее в его комнату. Одежда разбросана по всей его кровати, что говорит о том, что он приложил к этому свиданию немного больше усилий, чем хочет признать. Кто знает, может быть, ему действительно нравится она.

Или, может быть, он просто избегает очевидного.

Как раз, когда я собираюсь уходить, я слышу пение, доносящееся со второго лестничного пролета. Голос Лейкин разносится по всему дому, когда она слишком хорошо исполняет текст песни Тейлор Свифт *All Too Well*. Никогда не было секретом, что она умеет петь. Она исполняла Национальный гимн на наших хоккейных матчах больше раз, чем я могу сосчитать. Но есть что-то другое в том, как она берет правильные ноты, когда она одна, а не когда у нее есть аудитория. Похоже, она готова продвинуться немного дальше, оказавшись в своем собственном маленьком мире.

Я поднимаюсь по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, пока не оказываюсь в дверях спальни Лейкин. Забавно, потому что я всегда дразнил ее по поводу комнаты на чердаке, но, стоя здесь и наблюдая, как она танцует с закрытыми глазами в наушниках, я не могу не ревновать немного. Луна светит сквозь окно в крыше, заставляя меня задуматься, каково это — засыпать, глядя на звезды.

Прислонившись к дверному проему, я наблюдаю за Лейкин и слушаю, как она поет, и на моем лице появляется ухмылка. Ее волосы завиты, макияж нанесен, а свободное платье с глубоким вырезом — это определенно не футболка и спортивные штаны, которые были на ней несколько минут назад. Но прежде чем я успеваю понять, что она задумала для себя, она открывает глаза и видит мое отражение в зеркале.

— Иисус Христос! — кричит она. — Какого хрена ты делаешь?

— Наслаждаюсь видом, — просто отвечаю я.

Приподняв бровь, она смотрит на меня, вынимает наушники и кладет их обратно в футляр. — Как долго ты там был?

— Достаточно долго, чтобы услышать, как ты распеваешь тексты песен, как будто

расставания Тейлор Свифт — твои собственные.

Она усмехается. — Эти расставания — мои собственные. Не сжигай мою девочку, и о тебе не напишут песню. Просто и понятно.

Моя улыбка становится шире. — Говоришь, как настоящий Свифти.

— Тот факт, что ты даже знаешь, что такое Свифти...

— Эй, — говорю я, защищаясь, — у меня есть сестра.

Ее руки скрещены на груди, когда она оглядывает меня с ног до головы. — Угу. Я уверена, что ты кричишь *I Knew You Were Trouble* в своем грузовике по дороге домой с работы.

— Это хорошая песня!

Честно говоря, я даже не знаю, что это за песня. Я уверен, что слышал это в тот или иной момент времени, но, видя, как она хихикает над моей дурацкой шуткой, мне почти хочется ее послушать.

Почти.

Она подходит к своей кровати и садится, прежде чем сунуть ноги в туфли на каблуках. То, что я думал, что ей просто скучно и она переодевается, чтобы развлечь себя, определенно что-то другое.

— Что ты делаешь? — Нерешительно спрашиваю я.

Последнее, чего я хочу, это чтобы она откусила мне голову так же, как она почти откусила Кэму.

Лейкин смотрит на меня так, словно у меня выросла вторая голова. — Собираюсь на вечеринку.

— Разве ты не должна быть наказана? — От меня не ускользнул тот факт, что я говорю, как родитель, но я не уверен, что хочу, чтобы она куда-нибудь отправилась в таком *виде*.

Она забавно хмыкает. — Хорошо, во-первых, тот факт, что у них даже есть возможность наказать меня, когда я совершеннолетняя, — это чушь собачья.

Тут я точно не могу с ней спорить, но она еще не закончила, поскольку продолжает, подходя и открывая окно в крыше.

— И, во-вторых, если они не хотели, чтобы я улизнала, им не следовало предоставлять мне такой легкий доступ. Кроме того, есть кое-что, о чем мне нужно позаботиться.

То, как она вылезает на крышу, показывает, что для нее это не в новинку. Ей слишком комфортно — она даже ни капельки не беспокоится о том, что каблуки и черепица плохо сочетаются друг с другом. Но что касается меня, то мне не нравится, что ее верх слишком сильно приоткрывается, когда она двигается определенным образом.

— Я действительно не думаю, что тебе следует этого делать, — пытаюсь сказать я ей, когда ее нога соскальзывает.

— Ты собираешься остановить меня?

Вопрос звучит скорее, как вызов, но если я что-то знаю об этой девушке, так это то, что это только подтолкнет ее еще больше.

Мои плечи опускаются от поражения. — Как будто я вообще смог бы.

Уголки ее рта приподнимаются, когда она оглядывает меня с ног до головы. — Полагаю, ты знаешь меня лучше, чем я думала.

Прежде чем я успеваю даже попытаться разобрать это утверждение, она закрывает окно в крыше, и звук ее каблуков, скребущих по крыше, эхом разносится по комнате. Я открываю его обратно и просовываю голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как она спускается по

песту. Несколько секунд спустя она уже на земле и идет по подъездной дорожке.

Черт возьми.

Я вставляю ключ в замок зажигания и поворачиваю его, слыша, как мой грузовик с ревом оживает. Выходя из комнаты Лейкин, я закрыл дверь и запер ее на ключ в надежде, что это уберет ее от поимки. Удивляет ли меня, что она сбежала тайком? Ни капельки. Мы все это делали, особенно когда наши родители *запрещали* нам выходить на улицу. И она была права — она совершеннолетняя по закону. Однако я не думаю, что ее родители воспримут это таким образом, если узнают.

Съезжая с дороги, я направляюсь домой, когда встречаю Лейкин, идущую по обочине дороги. Я был уверен, что Мали или кто-то из ее друзей будет прямо за углом, чтобы забрать ее, но, похоже, я ошибался.

Моя нога зависает над тормозом, и я знаю, что это плохая идея. Единственное, что я должен делать прямо сейчас, это идти домой, принять душ и изучить новые пьесы для завтрашней хоккейной тренировки. И все же я обнаруживаю, что съезжаю на обочину и опускаю стекло, ожидая, пока Лейкин сядет в мой грузовик.

— Садись, — почти требую я.

Она выглядит немного смущенной. — Ты собираешься отвезти меня домой или на вечеринку?

Тьфу.

— Вечеринка, — уточняю я, испытывая облегчение, когда она открывает дверь и забирается внутрь. — Где это?

— Дом Хизер Фредрик.

Я киваю, не нуждаясь в дополнительной информации, и я уверен, что она знает почему. У Хизер есть старшая сестра Кэсси. И давайте просто скажем, что мы с Касс не совсем незнакомы. Я был в том доме достаточно, чтобы знать, как туда добраться.

— Ты собиралась идти пешком так далеко?

Она пожимает плечами и смотрит в окно. — Я говорила тебе. Есть кое-что, о чем мне нужно позаботиться.

Расплывчато, но ладно. — И Мали не пойдет с тобой?

— Она на работе — единственное объяснение, которое она предлагает.

На некоторое время снова становится тихо, пока я не позволяю своему любопытству взять верх надо мной.

— Итак, за что тебя все-таки удалось наказать?

Она напевает, отвлекая свое внимание от окна и переводя его на меня. — Мой отец узнал, что я не меняла масло, и теперь мой двигатель барахлит.

Этого достаточно. — Разве он не дает тебе денег, чтобы это сделать?

— Да, но ни одна уважающая себя женщина не захочет сидеть там, пока кучка механиков паялится на наше декольте и предлагает нам вещи, которые нам на самом деле не нужны.

Я хихикаю, не имея на это ответа. Если честно, я тоже не хочу, чтобы какой-то ублюдок паялился на нее, пока она ждет свою машину, но это только потому, что она младшая сестра Кэма. Она заслуживает большего уважения, чем это дерьмо.

— Ты могла бы пригласить Кэма пойти с тобой, чтобы сделать это, — предлагаю я. — Держу пари, они больше никогда не будут заниматься этим дерьмом.

Она фыркает. — Да, ну, вопреки распространенному мнению, на самом деле мне не нравится, что он такой навязчивый, какой он есть. Он все еще относится ко мне так, как будто мне двенадцать.

У меня отвисает челюсть в притворном неверии. — Ты хочешь сказать, что это не так?

Тыльной стороной ладони она шлепает меня по руке. — Заткнись.

Но я не упускаю то, как ее улыбка отражается в окне, когда она снова обращает свое внимание на проплывающие мимо дома.

Мы подъезжаем и обнаруживаем, что дом забит до отказа. Должно быть, это какая-то вечеринка в честь возвращения на лето, потому что на лужайке есть люди, которые, как я точно знаю, уехали в колледж в сентябре. Разве они не знают, что будет лучше, если они просто останутся там? Кто вообще захочет возвращаться в этот дерьмовый городишко?

— Спасибо, что подвез, — говорит мне Лейкин, отстегивая ремень безопасности, но останавливается, как только я заглушаю двигатель грузовика. — Что ты делаешь?

Я пожимаю плечами. — Я уже здесь. Думаю, я могу зайти и поздороваться с несколькими людьми.

Судя по выражению ее лица, она предпочла бы, чтобы я делал что угодно, только не это — именно поэтому я все равно это делаю. Не так уж много раз я видел Лейкин такой решительной, чтобы пойти на вечеринку, и особенно без Мали. Это означает, что вещь, о которой ей *нужно позаботиться*, достаточно важна, чтобы она пришла одна. Если бы я оставил ее здесь и с ней что-нибудь случилось, Кэм никогда бы мне этого не простил.

Я просто потусуюсь, немного пообщаюсь и незаметно присмотрю за ней.

Никакого вреда.

Мы вдвоем заходим на вечеринку, и я даже не успеваю попрощаться, как она покидает меня, чтобы пойти к нескольким друзьям. Но это нормально. Проходит всего секунда, прежде чем я замечаю Кэсси и нескольких парней, тусующихся на кухне.

— А вот и лицо, которого я давненько не видела, — говорит она с улыбкой.

Я убираю волосы с лица. — Как дела, Касс?

— Ничего особенного. Не ожидала увидеть тебя здесь.

— Да, хорошо. Я был поблизости.

Это наглая ложь. Даже она это знает. Но она не собирается обвинять меня в этом, особенно потому, что она знает, что я никогда просто так не появлялся здесь *ради нее*. Меня всегда приглашали первым, и даже тогда иногда ей приходилось убеждать меня прийти.

Я здороваюсь с некоторыми парнями, пока Кэсси идет за пивом из бочонка. Когда она возвращается, она вручает его мне и прислоняется к стойке.

— Итак, как у тебя дела? — спрашивает она.

Пока я делаю глоток, она ждет моего ответа. — Не могу жаловаться. Как дела в университете?

— Это потрясающе. — Ее лицо светится, как будто это ее любимая тема для разговора. — Мои соседи по комнате замечательные, и я встречаюсь с этим парнем. Его зовут Дрю. Он был моим партнером по лаборатории.

Я улыбаюсь, хотя на самом деле мне абсолютно все равно. — Это здорово. Я действительно рад за тебя.

Она проводит пальцами по волосам. — Спасибо. Хотя я бы солгала, если бы сказала, что иногда не хотела, чтобы он был тобой.

И вот оно. Причина, по которой я никогда не воспринимал ее всерьез и даже не рассматривал возможность отношений с ней. У меня никогда ни с кем по-настоящему не было отношений, но, если бы я собирался, это, конечно, было бы не с ней. В этой девушке нет ни капли преданности. Она всегда пыталась проповедовать, что я был для нее *единственным парнем*. Тот, в кого она была влюблена годами и не может найти никого, кто мог бы сравниться. Но я на это не куплюсь.

Она просто хочет быть девушкой, которая может изменить меня.

Этого не произойдет.

— И на этой ноте, — говорю я, наклоняя свою чашку в ее сторону. — Я собираюсь пойти посмотреть, кто еще здесь есть.

Ее улыбка увядает, когда она понимает, что тому, на что она надеялась, не суждено сбыться. Но я не из тех, с кем можно изменить *твоему парню*. Интересно, догадывается ли напарник по лаборатории Дрю о том, что она вернулась домой с полными намерениями переспать со старым приятелем, если представится такая возможность?

Совершив обход и не встретив никого, ради кого стоило бы остаться, я почти подумываю об уходе. Я вымотан, а все, что делает Лейкин, похоже, это тусуется с несколькими друзьями. Ничего необычного. Но эта идея вылетает у меня из головы, когда я замечаю Крейга в другом конце комнаты.

Он стоит с группой парней из футбольной команды, как бывших, так и нынешних, но каждые несколько минут он поглядывает в сторону Лейкин. И после того, что произошло вчера за завтраком, ты не смог бы даже заплатить мне за то, чтобы я ушел сейчас.

Я не сталкер. Или, по крайней мере, это то, что я продолжаю говорить себе, притворяясь, что общаюсь с единственным намерением присмотреть за Лейкин и ее бывшим придурком. К счастью, Крейг ничего не сделал, кроме того, что жаждал ее внимания, как бездомный щенок. Я, наконец, убеждаю себя, что они двое могут существовать в одной комнате без того, чтобы он представлял для нее угрозу, и даю себе разрешение сходить в ванную.

Большая ошибка.

Я не мог отсутствовать больше пяти минут, и все же, когда я возвращаюсь, Крейга нет там, где он был, когда я уходил. Вместо этого он стоит у двери с Лейкин, примерно в пятидесяти футах ближе, чем хотелось бы любому из нас. Ее нос морщится от отвращения, когда он делает шаг ближе, и она кладет руку ему на грудь, чтобы сохранить некоторую дистанцию между ними. Я вмешиваюсь, только когда он хватается за запястье, чтобы она не ушла, и начинает кричать на нее.

— Эй, — прерываю я их, игнорируя то, как Лейкин закатывает глаза. — У вас здесь все в порядке?

Крейг самодовольно ухмыляется. — У нас все хорошо, Уайлдер. Разве это не так, Лей?

Она еще раз пытается высвободить запястье, но безуспешно. Ее глаза встречаются с моими, и смысл ясен. Возможно, она не хочет просить о помощи — она слишком упряма для этого, — но она нуждается в ней.

— Убери свою руку от девушки, Крейг, — рычу я.

— Да ладно тебе, чувак. Я думал, у нас все было круто.

Делая шаг ближе, я киваю туда, где он крепко сжимает ее. — Не заставляй меня повторять это снова.

Он отпускает ее и поднимает руки в знак капитуляции. — Все в порядке. Расслабься.

Как только она оказывается на свободе, Лейкин уносится прочь, и я без колебаний следую за ней. Я кладу руку ей на плечо, и она вздрагивает, но затем выдыхает, когда замечает, что это всего лишь я.

— Что происходит?

Она качает головой и проводит пальцами по волосам. — Пустяки.

Да, нет. — Это не пустяк. Это уже второй раз, когда я вижу, как ты с ним споришь. Так что, либо ты мне говоришь, либо я приведу сюда Кэма. Как бы то ни было, я не уйду отсюда, пока не докопаюсь до сути.

Пощипывая себя за переносицу, я могу сказать, что ей неудобно. Я терпеливо жду, пока она делает пару вдохов, а затем ее плечи опускаются, когда она смотрит на меня.

— Он злится, что я не хочу возвращаться к нему, поэтому он держит несколько фотографий, которые я отправила ему, когда мы были вместе, над моей головой, как чертову

гильотину.

Она вытаскивает свой телефон из заднего кармана и протягивает его мне, позволяя мне увидеть все сообщения, которые он отправлял ей за последние пару дней.

Поговори со мной, детка. Ты не хочешь, чтобы я делился, не так ли?

В какой-то момент тебе придется ответить мне.

Детка, я клянусь. Бен и Таннер самостоятельно проверили мой телефон.

Перестань разыгрывать из себя недотрогу.

Я ни во что не играю. Оставь меня в покое.

Давай. Не похоже, что ты когда-нибудь найдешь кого-то лучше меня.

Ты должна быть благодарна за то, что я готов вернуться к тебе.

Теперь я понимаю, почему она так быстро сдалась, когда я упомянул о том, что приведу сюда Кэма. Если бы он знал об этом дерьме, он был бы на следующем автобусе в исправительной колонии Нойз, где его ожидают обвинения в убийстве. Черт возьми, я подумываю о том, чтобы сделать это сам прямо сейчас.

Я не знаю, что бесит меня больше, то, что он пытается шантажом заставить ее быть с ним, или то, что он намекает, что он — ее единственный вариант. Как будто она должна бежать к нему после всего, что он сделал, просто потому, что он считает себя крутым парнем.

Гребаный придурок.

— И ты не хочешь вернуться к нему? — Саркастически спрашиваю я, возвращая ей телефон.

Она фыркает, на ее лице проступает намек на улыбку. — Это удивительно, правда? Он настоящий очаровательный принц.

Мы вдвоем оглядываемся и видим, что он стоит в стороне со своими друзьями. Когда он замечает, что завладел вниманием Лейкин, он улыбается и подмигивает ей, как будто он не в опасной близости от того, чтобы мой кулак впечатался ему в лицо.

Да, этого не случится.

Я не собираюсь сидеть здесь и заставлять ее чувствовать себя униженной. Скорее всего, это ужасная идея, даже хуже, чем предложить забрать ее у механика или отвезти на вечеринку, но ярость, переполняющая меня, затуманивает мои суждения. Я нежно кладу руку на лицо Лейкин. Ее внимание немедленно переключается с него на меня, когда смесь страха и замешательства наполняет ее глаза.

— Я собираюсь кое-что сделать, и мне нужно, чтобы ты доверяла мне, хорошо?

Она прикусывает нижнюю губу и кивает. — Хорошо.

Я не позволяю себе колебаться ни секунды, когда притягиваю ее к себе и накрываю ее рот своим. Предполагалось, что все будет быстро — мягко и просто, — но, когда она обнимает меня за шею и приподнимается на цыпочки, чтобы быть ближе, я ничего не могу с собой поделать. Рука, которая не лежит на ее щеке, перемещается на поясницу и прижимает ее ближе, когда мы оба углубляем поцелуй.

В ту секунду, когда ее язык переплетается с моим, вкус клубники и ванили — это все, на чем я могу сосредоточиться. В этот момент мы не на вечеринке, она не младшая сестра моего лучшего друга, и я не целую ее с единственной целью заставить ее бывшего подавиться своими словами.

Нет.

В этот момент она моя.

Подожди, черт.

Осознание того, что только что пришло мне в голову, окатывает меня, как ведро ледяной воды, и я заставляю себя разорвать поцелуй. Я прижимаюсь своим лбом к ее, пока мы вдвоем переводим дыхание, и когда я открываю глаза, я вижу, что Лейкин смотрит на меня в ответ.

Достав ключи из кармана, я вкладываю их ей в руку. — Выйди на улицу и подожди меня у моего грузовика.

Она делает глубокий вдох, прежде чем кивнуть и сделать, как я говорю. Я смотрю ей вслед, когда она выходит через парадную дверь, а затем поворачиваюсь к Крейгу. Его внимание уже приковано ко мне, его челюсть сжата, а глаза сузились.

— Итак, скажи мне, — начинает он, когда мы встречаемся в середине комнаты. — Как поживают мои неряшливые секунды (Sloppy seconds — это выражение обозначает занятие сексом с партнёром, у которого только что уже был половой акт.).

Я прикладываю язык к щеке и сухо усмехаюсь, прежде чем схватить его за куртку и швырнуть на перила лестницы. Некоторые люди ахают, в то время как большинство просто останавливаются и смотрят.

— Иисус Христос, — говорит Крейг. — Остынь нахуй, братан.

Я, блядь, тебе не братан. — Отдай свой телефон, говнюк, или тебе будет только хуже.

— Хорошо, хорошо, — бормочет он и достает свой телефон.

Я вырываю его у него из рук и вместо того, чтобы перейти к фотографиям, сразу захожу в настройки. Достаточно плохо, что он позволяет своим друзьям заполучить фотографии, которые всегда должны были оставаться конфиденциальными. Я категорически отказываюсь предавать ее, тоже просматривая их, даже если это просто для того, чтобы удалить их.

В течение тридцати секунд его телефон находится в процессе сброса настроек, зная, что он не пользовался облаком с того дня, когда его чуть не исключили за то, что поймали с ответами на одном из выпускных экзаменов.

— Какого хрена ты это сделал? — скулит он, выхватывая телефон обратно. — У меня там было дерьмо, в котором я нуждался.

— Следовало подумать об этом, прежде чем угрожать тому, кто мне дорог, — усмехаюсь я. — Если появятся другие копии этого, я разобью твой телефон и скормлю тебе кусочки. Понял?

Он усмехается, отталкивает меня от себя и поправляет куртку. — Как скажешь, чувак. В любом случае, она психопатка. Ты должен увидеть, что эта сука сделала с моей гребаной машиной.

Я не могу удержаться от ухмылки. Лейкин на самом деле не делает ничего мелкого, и я уверен, что это ничем не отличается. Отказываясь удостоить его ответом, я проталкиваюсь сквозь потрясенную толпу и нахожу Лейкин, стоящую у входной двери. Она выглядит такой же удивленной, как и все остальные, за исключением блеска восхищения в ее глазах, который, вероятно, должен был бы вызвать тревогу в моем мозгу, но я не теряю ни секунды.

Я уже дала себе слово кое-что объяснить Кэму, потому что нет ни единого шанса, что он не услышит об этом. С таким же успехом я могу действительно довести дело до конца.

Обняв ее, мы вдвоем выходим прямо через парадную дверь, оставляя всех позади задаваться вопросом, что, черт возьми, только что произошло.

Мы оба молчим, направляясь к моему грузовику, пока я не замечаю Chevelle Крейга

1970 года выпуска. Краска на большей части машины полностью стерта, и Лейкин смотрит на это так, словно это дело ее жизни.

— Я так понимаю, это *твое* произведение искусства? — спрашиваю я.

Она улыбается слишком невинно в течение последних десяти минут. — Я немного переделала ее. Он должен быть благодарен мне. Теперь в ней появился характер.

Я смеюсь, зная, что он это заслужил. — Ты сумасшедшая.

Ее одно плечо приподнимается в полуприкрытом пожатии, когда она подходит к пассажирской стороне моего грузовика. — Я хотела поджечь ее, но Мали сказала, что это немного чересчур даже для меня.

Ради всего святого. — Напомни мне поблагодарить ее.

Всю обратную дорогу до дома Лейкин царит мертвая тишина. Даже радио не может ослабить напряжение между нами. Моя рука сжимает руль так крепко, что побелели костяшки пальцев, в то время как другая держит сигарету, которая должна была меня успокоить, но с треском проваливается.

Мне не следовало целовать ее. Я знаю это. Это был эгоистичный шаг с моей стороны, особенно зная, что она чувствует ко мне. И если бы самодовольное отношение Крейга не вывело меня из себя, я бы понял это задолго до того, как стало слишком поздно. Но в тот момент мне ничего так не хотелось, как стереть эту ухмылку с его лица — и я это сделал.

И теперь Кэм собирается снести мне голову прямо с плеч. По крайней мере, это будет быстро. Возможно, я даже не почувствую этого.

Не желая, чтобы ее родители услышали мой грузовик и вообще заметили, что Лейкин когда-либо выходила из своей комнаты, я останавливаюсь на обочине вниз по улице от ее дома. Краем глаза я вижу, как она поворачивается ко мне лицом, но я продолжаю пристально смотреть на приборную панель.

— Я перезагрузил настройки его телефона, — говорю я ей. — Фотографии пропали, и, если они у него где-то еще, он знает, что лучше их не хранить.

Она кивает, отстегивая ремень безопасности. — Спасибо тебе. Seriously.

Ее рука лежит на моей руке, и я ненавижу то, как ее прикосновение угрожает прожечь мою кожу.

— Я действительно ценю это.

— Нам нужно поговорить о сегодняшнем вечере, — говорю я, прежде чем она выходит. — Мне не следовало целовать тебя. Это было неправильно с моей стороны. Я просто—

— Хейс, — она прерывает меня с теплой улыбкой. — Ты не... Я знаю, что это был за поцелуй. Ты просто оказывал мне услугу. Не то чтобы я внезапно влюбилась в тебя или что-то в этом роде.

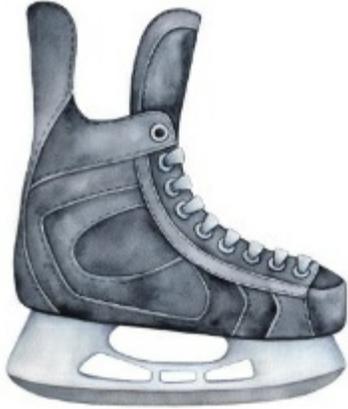
Кроме того, я могу сказать по тому, как она произносит эти слова — она такая. Это просто не внезапно. *Боже, я отправлюсь в ад.*

— Тем не менее. Мне жаль.

— Не стоит, — честно говорит она мне. — Я не жалею об этом.

С еще одной усмешкой, которая творит со мной такое, что я отказываюсь признавать, она вылезает из грузовика и остаток пути домой проходит пешком.

Осталось двенадцать часов до хоккейной тренировки, где Кэм неизбежно использует мою голову в качестве шайбы.

Все утро я ловлю себя на том, что бездумно играю со своей нижней губой. Я все еще чувствую мягкость ее губ, прижатых к моим. Как будто от ее поцелуя у меня в мозгу произошло короткое замыкание. Это должно было быть только ради мести. В тот момент я ничего так не хотел, как увидеть, как всегда самоуверенный настрой этого придурка немного спадет. И это сработало.

Дело закрыто.

Миссия выполнена.

Но если это послужило своей цели, какого черта я не могу перестать думать об этом?

— Чувак, — говорит Кэм, щелкая перед моим лицом. — Ты вообще слышал хоть слово, которое я сказал?

Я опускаю взгляд на сборник пьес в его руках. — Извините, плохо спал прошлой ночью. Повторишь еще раз?

Он начинает снова повторять пьесу, но мое подсознание продолжает, как мантру, повторять *скажи ему* в моей голове. Проблема в том, что я не знаю, как.

Эй, я целовался с твоей сестрой прошлой ночью.

Засунул язык в глотку твоей сестры, но не волнуйся, потому что это было для мести ее бывшему.

Есть идеи, как стереть вкус твоей младшей сестры с моего языка?

Кого я обманываю? Неважно, как я это говорю, результат все равно будет тот же. Ему уже приходится иметь дело с большинством его друзей, которые за ней приударяют. Узнать, что я поцеловал ее так, как прошлой ночью... это ставит меня на первое место в его списке подозреваемых.

Лучше сразу сорвать пластырь.

— Вообще-то, мне нужно с тобой кое о чем поговорить, — говорю я ему, но прежде чем я успеваю сказать что-либо еще, Айзек выбегает из раздевалки.

— Уайлдер! — ревет он, выходя на лед. — Что, черт возьми, заставляет тебя думать, что у тебя есть право угрожать моему брату?

Кэм приподнимает брови. — Ты угрожал Крейгу?

Я расправляю плечи и обращаю свое внимание на Айзека. — Если бы он не был таким куском дерьма, мне бы не пришлось. Может быть, кому-то из вашей семьи следует научить его, как обращаться с девушкой.

— О, ты имеешь в виду, что ты знаешь, как? — Коварная ухмылка на его лице говорит мне, что я облажался. — Да, Крейг рассказал мне все об этом поцелуе. Кэм знает, что ты трахался с малышкой Бланшар?

— Э-э, что? — Челюсть Кэма сжимается, когда он переводит взгляд между нами, но мое внимание остается на Айзеке.

— Ты ни хрена не знаешь, о чем говоришь.

— Конечно, знаю, — отвечает он. — Скажи мне, насколько она хороша?

Голова Кэма поворачивается к Айзеку. — Ты закроешь свой рот прямо сейчас, если знаешь, что для тебя лучше.

Но его усилия тщетны, поскольку он ухмыляется. — Давай. Я видел ее ноги в этом купальнике. Держу пари, она знает, как правильно на нем ездить.

Я уверен, что добавлю это к списку плохих решений, которые я сделал за последние двадцать четыре часа, но ничто не может удержать меня, когда я бросаюсь к нему и бью кулаком ему в лицо.

На трибунах холодно, поэтому пакет со льдом, который приносит мне Кэм, выглядит почти комично. Почему тренер разослал нас по разные стороны баррикад после прекращения драки, выше моего понимания. Ему следовало просто уложить нас на лед, чтобы залечить наши раны.

— Тебе следует осмотреть этот порез на губе, — говорит мне Кэм, когда я шиплю.

Я уже чувствую, что губа начинает опухать, но, по крайней мере, я больше не думаю о поцелуе с Лейкин.

Черт возьми, вычеркни это.

— Я попрошу маму проверить это, когда вернусь домой, — отвечаю я.

Я почти надеюсь, что он уйдет, пойдет выпустить пар или что-то в этом роде после того, как узнал о прошлой ночи, но вместо этого он садится рядом со мной.

— Итак, ты поцеловал мою сестру?

Иду прямо на убийство, я, полагаю. — Это не то, что ты думаешь. Клянусь, я просто помогал ей. Крейг вел себя как придурок, и ей нужен был кто-то, кто пришел бы ей на помощь.

Он хихикает. — Очевидно, ты не сказал *ей* этого. Если бы ты это сделал, ты бы здесь не стоял.

Ладно, возможно, он прав. Лейкин никогда не была из тех, кому нужен рыцарь в сияющих доспехах. Но он не видел выражения ее лица прошлой ночью или того, как ее

бывший способен за считанные секунды поднять ее настроение с небес до самого дна.

— Да, не говори ей, что я это сказал. Сегодня я уже получил один удар кулаком в лицо. Мне не нужен другой.

Он напевает. — Дерзко с твоей стороны предполагать, что я не собираюсь ударить тебя тоже.

— Я бы это заслужил, — честно отвечаю я. — Я перешел черту, но просто знай, что это был всего лишь поцелуй. Один поцелуй, чтобы Крейг оставил ее в покое, черт возьми.

— Так вот почему ты ударил Айзека?

То, как он смотрит на меня, говорит мне, что мой следующий ответ решит, куда каждый из нас пойдет отсюда. К счастью для меня, я привык к необходимости лгать на месте — результат травмы от ухода моего отца и необходимости годами убеждать всех, что со мной все в порядке.

— То, что он сказал, было полной чушью, — начинаю я. — Но, если бы я не ударил его, это сделал бы ты. Твой кулак уже был сжат. Я не могу допустить, чтобы ты нарушил испытательный срок из-за такого подонка, как он.

Он отводит взгляд от меня и переводит его на лед, и после самой длинной секунды в моей жизни медленно кивает. — Достаточно справедливо.

— Итак, у нас все хорошо?

— Да, — подтверждает он. — У нас все хорошо, но ты должен знать, что тренер взбешен.

Это прекрасно. Я могу справиться с разъяренным тренером и несколькими тяжелыми тренировками. Кроме того, ударить Айзека стоило того. И если я отказываюсь прислушиваться к своей совести, когда она говорит мне, что все, что я только что рассказал Кэму, было ложью, это тоже того стоит.

Это был просто поцелуй мести.

Вот и все.

5

Лейкис

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он поцеловал тебя? — спрашивает Мали в пятый раз.

Я откидываю голову на спинку дивана. — Мы что, во втором классе? Ты хочешь, чтобы

я нарисовала для тебя схему или что-то в этом роде? Он мужчина, я женщина, мы сжимаем губы и прижимаемся ими друг к другу.

Она усмехается в трубку. — Нет, я понимаю это, идиотка. Я просто имею в виду, что ты рассказываешь мне это, и тебя это не пугает. Над твоей головой не поют птицы и в небе не взрываются фейерверки. — Она делает паузу, чтобы вздохнуть. — Боже мой, Хейс плохо целуется?

— Нет, — отвечаю я немного слишком быстро. — Нет, это определенно не так.

И это не так. Ощущение его губ, прижатых к моим, не оставляло меня в покое весь чертов день. Честно говоря, я не думаю, что это произойдет в ближайшее время. Поцеловать Хейса — это то, о чем я мечтала годами, и это, наконец, произошло.

Я просто хотела бы, чтобы это было при других обстоятельствах.

— Это была услуга, — признаю я.

Она заикается, и я почти могу представить выражение ее лица. — ... услуга?

— Мм-хм. Крейг был там, будучи типичным придурком, и Хейс поцеловал меня, чтобы заставить его оставить меня в покое.

На секунду воцаряется тишина, а затем она задает вопрос, о котором я должна была догадаться.

— Был ли там язык?

Я закатываю глаза, хотя она не может меня видеть. — Имеет ли это значение?

— Конечно, это важно, — говорит она, как будто это очевидно. — Потому что без языка означает, что это был поцелуй из жалости, но *с языком* означает, что часть его хотела этого.

Вот оно. Вот почему я вообще не хотела ей говорить. И почему я ждала почти до полудня, чтобы ответить на ее сообщения. Мне не нужно, чтобы она вселяла в меня надежды насчет того, что больше никогда не повторится. То, что произошло прошлой ночью, было единичным случаем, и я не наивна, чтобы думать иначе.

— Там был язык, не так ли? — Волнение в ее голосе очевидно.

Я вздыхаю. — Да, но мы этого не делаем. Это ничего не значило. Или, по крайней мере, ничего не значило для него.

Пытаться сказать ей, что для меня это ничего не значит, было бы бессмысленно. Он ни за что не смог бы поцеловать меня, и это ничего *не* значило бы. Но ей не обязательно знать, что упомянутый поцелуй заставил меня вернуться домой и увидеть удручающе реалистичный сон о том, что мы счастливы в браке, у нас двое детей и дом на Барбадосе.

— Лей, — говорит она, и в ее голосе слышится сочувствие. — Ты хочешь, чтобы я надрала ему задницу?

— Нет. — Хотя я уверена, что наблюдать за ее попытками могло бы быть интересно.

— Оставить царапину ключом на его грузовике?

Я фыркаю. — Он убьет тебя и оставит след из хлебных крошек с кусочками твоего тела.

На линии становится тихо, почти до того момента, когда я думаю, что она повесила трубку, но затем она прочищает горло. — Это одновременно тревожно и чрезвычайно точно. Молодец.

— Я старалась.

— Однако серьезно, — продолжает она. — Я знаю, что у него есть свои собственные стандарты того, что приемлемо в твоём представлении, но не думай, что только потому, что он не бросился к твоим ногам и не умолял тебя быть с ним, это значит, что ты не лучшая сука, которую я знаю. Хейсу Уайлдеру чертовски повезло бы, если бы ты была у него под

рукой.

Ее слова вызывают у меня улыбку, потому что я знаю, что она честна. — Спасибо тебе.

Мали иногда действует мне на нервы и раздвигает границы, заставляя задуматься, стоит ли того от двадцати до пожизненного, но, когда это действительно важно, она всегда рядом. Всегда готова покорить мир, если это то, что мне нужно, но также всегда рядом, чтобы одернуть меня, если я собираюсь зайти слишком далеко.

Например, поджечь машину Крейга.

Стоило ли оно того? Абсолютно.

Мои родители могут справиться с тем, что меня арестовывают за поджог так скоро после того, как их сын чуть не попал в тюрьму за нападение при отягчающих обстоятельствах? Вероятно, нет.

Они религиозные и все такое, но я не жду, что они *так* скоро встретятся с Богом. Кроме того, кто будет кормить Кэма? Единственная причина, по которой ему двадцать один и он все еще живет дома, заключается в том, что его счет за продукты был бы просто невероятным. Я не знаю, куда, черт возьми, он все это пихает.

— Итак, — Мали снова привлекает мое внимание. — Обмен слюной с Хейсом был таким, как ты себе представляла?

— Как ты это делаешь?

— Делаю, что?

Я выдыхаю. — Что-то настолько замечательное звучит вульгарно и отвратительно.

Она хихикает. — Значит, это было замечательно, да?

— Я ненавижу тебя.

— Ты не смогла бы, даже если бы попыталась.

Прежде чем я успеваю возразить, меня отвлекают приглушенные голоса Хейса и Кэма, когда они выходят на крыльцо. Я надеялась, что у меня будет больше времени. Мне нужно подготовиться к тому, что я увижу его впервые со вчерашнего вечера. Это не может просто свалиться на меня. Но когда дверь начинает открываться, я понимаю, что это мой единственный выбор.

— Мэл, я напишу тебе позже, — говорю я ей.

— Подожди! Мы не обсудили все детали того, как вы двое сосете лицо!

Я вешаю трубку, обрывая голос Мали, как раз в тот момент, когда входят парни. Кэм поднимает подушку с дивана и швыряет ее в меня, проходя мимо, но я едва ли даже замечаю. Я слишком сосредоточена на свежем порезе на нижней губе Хейса. И если этого недостаточно, костяшки на его руке представляют собой отвратительную смесь фиолетового и синего.

На секунду я задумываюсь, не отключилась ли я и не забыла ли о том, что Хейс ввязался в тотальную драку с Крейгом, но я думаю, что я бы это запомнила. Ни одна девушка не забудет образ мужчины, сражающегося, чтобы защитить ее честь — и да, я действительно считаю, что то, как он прижал его к перилам, защищало мою честь. Возможно, мне больше никогда не удастся поцеловать его снова, но, по крайней мере, я получила этот прекрасный мысленный образ.

Мой взгляд встречается с его взглядом, когда он следует за Кэмом на кухню, и того, как приподнимаются уголки его губ, достаточно, чтобы сказать мне, что теперь все будет не совсем неловко... по крайней мере, для него. Я, однако, буду использовать мышечную память, чтобы воспроизводить этот поцелуй в своем воображении, пока не состарюсь и не

поседею.

Заранее приношу извинения моему будущему мужу.

— Мама и папа дома? — кричит Кэм.

— Нет, — отвечаю я. — Они на каком-то благотворительном вечере для церкви. Почему ты спрашиваешь?

Холодильник захлопывается, и я слышу приближающиеся ко мне шаги и треск открываемых банок.

— Потому что мы хотели пива, — говорит мне мой брат.

Я смотрю на него в ответ, одновременно невеселая и ошеломленная. — Ты ведь знаешь, что тебе двадцать один, верно? Как насчет установленного законом возраста употребления алкоголя в штате Северная Каролина?

Он повторяет это пронзительным тоном, издеваясь надо мной, как над четырехлетним ребенком. — Очевидно, я это знаю. Но моему юному другу-мальшу здесь *нет* двадцати одного.

Хейс отшвыривает его, пока я хихикаю. — Если ты искренне веришь, что мама и папа думают, что Хейс, из всех людей, не пьет, ты глупее, чем я думала.

— Эй! — Хейс надувает губы. — Что это должно означать?

Я поднимаю бровь, глядя на него. — Ты подумал, что было бы неплохо использовать Jagermeister в соревновании по выпивке, а потом тебя вырвало в любимую вазу моей мамы.

— Я не смог дойти до ванной, — утверждает он. — Это лучше, чем блевать на пол.

— Ты оставил это там на три дня!

— Я не помнил, что это произошло до тех пор!

Кэм качает головой и дрожит. — И вы удивляетесь, почему мы больше не позволяем людям пить Jagermeister и Red Bull. Запах этого дерьма навсегда останется в моей памяти.

— О, отвали. Как будто ты не делал ничего хуже, — хлопает он в ответ. — Разве ты не помнишь ту ночь, когда решил выпить целую бутылку водки для себя, запивая ее контейнером апельсинового сока?

— Как я могу забыть? — Он улыбается воспоминаниям. — Это был чистый блеск.

Хейс хмыкает. — О да. Это было также великолепно, когда ты проснулся посреди ночи, чтобы тебя вырвало за край кровати, забыв, что я спал на полу.

— Боже мой, я и забыла об этом. — Я съеживаюсь, все еще вспоминая, как Хейс был в абсолютной истерике. — Ты был буквально залит выпитым апельсиновым соком.

— И водкой, — добавляет он. — Не могу этого забыть. Несколько дней от меня пахло, как от пола в ванной в доме братства, и сколько бы раз я ни принимал душ, это не уходило.

Кэм подносит к нему свое пиво. — Тем не менее, я держал пол в чистоте.

— Этого не будет, когда он будет покрыт твоей кровью, — возражает Хейс.

Пока они вдвоем ходят взад-вперед, я замечаю, что мой телефон на коленях начинает вибрировать, и изображение Мали, высунувшей язык, заполняет экран. Я должна была знать, что она так просто не отпустит меня с крючка.

Закатывая глаза, я нажимаю «Ответить» и подношу трубку к уху. — Знаешь, обычно, когда люди вешают трубку, ты им не перезваниваешь.

— Ладно, во-первых, ты груба. И, во-вторых, скажи мне, что ты слышала, что произошло.

Я изображаю удивление, выдыхая. — Ты, наконец, получила одобрение на смену пола, о которой ты мечтала?

Оба, Кэм и Хейс, прекращают свои занятия и поворачиваются, чтобы посмотреть на меня, смущенные и обеспокоенные, в то время как Мали смеется.

— Пожалуйста, мир был бы опасным местом, если бы у меня был пенис.

У меня отвисает челюсть, и я на секунду теряю дар речи. — Прости, какого хрена ты мне только что сказала?

— Неважно, — говорит она. — Из Айзека выбили все дерьмо этим утром на хоккейной тренировке.

Миллион разных вопросов проносятся у меня в голове одновременно. — Какого хрена?

— Это то, что я сказала! Я удивлена, что Кэм не рассказал тебе об этом.

Я бросаю взгляд на своего брата, который переключает каналы, держа в руке пиво, а ноги положив на кофейный столик. Есть только одна причина, по которой он не упомянул бы о чем-то подобном.

Мое внимание переключается на Хейса, и, более конкретно, на синяк на его руке и рассеченную губу — ту, с которой я хотела бы, чтобы он перестал трахаться языком. Достаточно плохо, что он умудряется выглядеть еще сексуальнее, будучи потрепанным. Мне не нужно представлять, что он тоже может вытворять своим языком.

— Я напишу тебе, — говорю я Мали и второй раз подряд вешаю трубку.

Моя кровь закипает, когда я встаю и оцениваю Хейса одним взглядом.

— Кухня, — приказываю я, как будто у меня есть на это какое-то право. — Сейчас.

Он вздыхает и встает, чтобы последовать за мной, но как только мы отходим от дивана, звук голоса Кэма останавливает меня как вкопанную.

— На этот раз, пожалуйста, держите языки за зубами.

Я поворачиваю голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Хейс морщится. — Ты рассказал ему?

— Мы стояли посреди переполненной вечеринки, — указывает он. — В какой-то момент он собирался узнать, и было лучше, что он услышал это от меня.

Я делаю глубокий вдох, зная, что это совершенно понятная причина. Тем не менее, я надеялась сохранить это маленькое событие при себе. Ну, и Мали. Я ничего не могу от нее утаить, иначе она скормит меня стае аллигаторов.

Как только мы заходим на кухню, я прислоняюсь к столешнице и наблюдаю, как Хейс неловко ерзает. Его рука потирает затылок, а глаза, кажется, смотрят куда угодно, только не на меня. Это может показаться безобидным, но немного жжет. Не нужно быть ученым-ракетчиком, чтобы понять, почему ему вдруг стало не по себе в комнате наедине со мной. Но я не могу беспокоиться об этом прямо сейчас.

— Что случилось с твоей рукой?

Он на секунду опускает взгляд на синяк. — О, в меня попала шайба на тренировке.

— Угу. — Я задумчиво киваю. — И шайба случайно не была лицом Айзека?

То, как он ухмыляется, выглядя виноватым и все еще несправедливо великолепным, говорит мне, что я права. Я поджимаю губы в линию и, схватив деревянную ложку из-за спины, бросаю ее прямо в него.

— Не лги мне, засранец.

Он хихикает. — Ну, я не знал, что ты уже знаешь!

О, да, потому что так было бы лучше.

Я провожу пальцами по волосам и тяжело вздыхаю. — Пожалуйста, скажи мне, что это не имеет отношения к прошлой ночи.

— Хорошо. То, что я ударил его, не имело никакого отношения к прошлой ночи.

Хорошо. Это хорошо. — Хорошо, тогда почему ты его ударил?

— Чтобы удержать Кэма от того, чтобы ударить его.

Он говорит это так просто, как будто это очевидный ответ, и мне даже не приходит в голову, что это вообще не имеет смысла, когда я врываюсь обратно в гостиную и бью Кэма по затылку.

— Ой, — скулит он, потирая голову. — Какого хрена это было?

— Тебе буквально *только что* назначили испытательный срок, и ты уже собираешься рисковать нарушить его из-за такого никчемного человека, как Айзек? — Я усмехаюсь. — Ты что, с ума сошел, черт возьми?

Хейс прислоняется к двери кухни. — Лейкин, я бы не—

— Ни слова от тебя, — говорю я ему, мгновенно заставляя его замолчать. — Я все еще не закончила с тобой.

Кэм и Хейс разделяют взгляд, но мне это не нравится.

— Не смотри на него, — рычу я на своего брата. — О чем, черт возьми, ты думал?

— Брось это, Лей, — пытается он.

Я скрещиваю руки на груди. — Абсолютно нет. Нет, пока ты не скажешь мне, что он мог бы сделать такого, из-за чего стоило бы рисковать попасть в тюрьму!

Ни один из них ничего не говорит, но я не собираюсь отступить.

— Я жду.

Кэм закатывает глаза и делает еще один глоток пива, прежде чем поставить его на кофейный столик. — Он говорил о тебе всякое дерьмо.

Ох.

Ладно, теперь я чувствую себя немного стервой.

Хейс наклоняет голову набок. — Я имею в виду, *технически*, он делал ей комплимент.

Кэм отмахивается от него, и Хейс усмехается, садясь обратно на диван.

— Крейг, по-видимому, проболтался, — объясняет он. — Когда он начал говорить о тебе, я увидел, что Кэм готовится к нападению, поэтому я опередил его.

Выглядев абсолютно беспечным по поводу всего этого, Кэм возвращается к переключению каналов. — Я же говорил тебе, я не собирался его бить.

— Ты полон дерьма, — возражает Хейс. — Мы с тобой оба знаем, что он не собирался закрывать рот, пока один из нас не заткнет его за него. И *мне* не грозит тюремное заключение.

Он пожимает плечами, прежде чем выключить телевизор. — Неважно. В этом нет ничего хорошего. Хочешь поиграть в Call of Duty?

Хейс соглашается, и они вдвоем встают и направляются к лестнице, оставляя меня одну мысленно распаковывать все, что я только что узнала. Кэм, защищающий меня, не является чем-то новым. Он делал это с тех пор, как мы были детьми. Но то, что Хейс опередил его в этом, шокирует меня больше всего.

Возможно, он действительно сделал это, чтобы уберечь Кэма от риска получить испытательный срок. Айзек годами добивался одного из мест капитана, и я бы не стала отрицать, что ради этого он отправил бы Кэма в тюрьму. Но есть маленькая часть меня, которая теплится надеждой, что, возможно, Хейс сделал это, потому что тоже хотел защитить меня.

Так же, как он поступил прошлой ночью.

Но даже если бы и был, это только потому, что я младшая сестра Кэма. Позволить себе думать иначе — это просто жестокое наказание.

Чуть больше часа спустя, я беру выпивку, когда Хейс спускается по лестнице. Он останавливается, как только видит меня, и ни один из нас ничего не говорит, пока я не замечаю, что с его губы стекает маленькая капелька крови, стекающая по подбородку.

— У тебя идет кровь, — говорю я ему.

Он инстинктивно прикасается к порезу. — Да, я случайно укусил ее и снова открыл порез.

Иду за бумажным полотенцем, я сворачиваю его и промываю под холодной водой, прежде чем передать ему. Он тихо благодарит меня, прикладывая его к губам. И я не упускаю то, как он шипит, когда он касается пореза.

— Не будь таким ребенком.

Он прищуривается, глядя на меня. — Знаешь, для того, кто причинил вред этому прекрасному лицу, ты ужасно груба.

Я невольно улыбаюсь. — Итак, ты признаешь это. Ссора произошла из-за того, что произошло прошлой ночью.

— Нет. Это было из-за того, что он сказал о тебе. Тот факт, что события прошлой ночи были его мотивацией для этого, не имеет значения. Это совершенно другой инцидент.

Я не купилась на это ни на секунду. Эти два события идут рука об руку. Но он, очевидно, не собирается менять свое мнение по этому поводу, так что продолжать рассуждать об этом бессмысленно.

— Прекрасно, — говорю я. — Но независимо от этого, как ты сказал, я стала причиной этого. Так что, по крайней мере, позволь мне помочь тебе убрать это.

Он убирает бумажное полотенце ото рта. — Не с чем помогать. Видишь?

В ту секунду, когда он улыбается, чтобы показать мне, что с ним все в порядке, она снова начинает кровоточить — растянутая губа заставляет порез открыться во второй раз. Я бросаю на него понимающий взгляд, и он закатывает глаза. Он отмахивается от меня, и я иду за жидким бинтом из аптечки в ванной на первом этаже.

— Вот. Это, по крайней мере, не даст этому разгореться, — говорю я ему. — В противном случае может остаться шрам, а ты этого не хочешь.

Он прислоняется к стойке. — Ты хочешь сказать, что я не выглядел бы сексуально со шрамом?

Мой рот открывается и закрывается, пока мой мозг лихорадочно ищет способ ответить на это. Если бы это было до прошлой ночи, у меня не было бы проблем с тем, чтобы отомстить ему. Я бы сказала что-нибудь остроумное, от чего у него возникло бы ощущение, что он только что получил пощечину. Но это не так. Это *после* прошлой ночи, и я не могу не

задаться вопросом, шутит ли он или флиртует.

— Стой спокойно и перестань болтать, — вместо этого продолжаю я. — Я не могу нанести это на рану, если у тебя шевелятся губы.

Он хихикает, но ничего не говорит, когда я подхожу ближе и осторожно вытираю жидкостью повреждения. Я пытаюсь не заикливаться на том, как близко к нему я нахожусь, но, когда я выгибаюсь, чтобы убедиться, что у меня все получилось, моя нога соскальзывает, и я падаю на него. Он ловит меня, положив руки мне на бедра, и я ненавижу то, как сильно я всегда буду жаждать этого чувства.

— Ты в порядке? — спрашивает Хейс почти шепотом.

Я заставляю себя двигаться, и, отступая назад, киваю. — Да. Сейчас ты должен вести себя хорошо, но обещай больше не связываться с этим.

Он неуверенно прищуривается. — Ммм, я обещаю, что приложу слабые усилия.

Его ответ меня ни в малейшей степени не удивляет. — Ты безнадежен, ты знаешь это?

— Да, — отвечает он с гордостью. — Спасибо за исправление, Рочестер.

Это прозвище действует мне на нервы — чертова Мали. Хейс достает из холодильника еще одно пиво, но как только он собирается вернуться в комнату Кэма, я понимаю, что не могу просто так позволить ему уйти. Нет, пока я кое-что не скажу.

— Хейс?

Он останавливается и поворачивается ко мне. — Да?

— Спасибо тебе, — бормочу я. — За то, что защищал меня... снова.

Его губы изгибаются вверх. — Без проблем.

В том-то и дело, что для него это может и не быть проблемой, но для меня это проблема. События последних восемнадцати часов дурманят мне голову. И тот факт, что в итоге он получил травму, меня не устраивает, даже если Айзеку было хуже.

— Мне жаль, что ты поранил руку, — добавляю я.

— Не стоит, — отвечает он, используя те же слова, которые я сказала ему прошлой ночью. — Я не жалею об этом.

Подмигнув, что заставит меня сомневаться во всем всю чертову ночь, он возвращается наверх к Кэму, совершенно не подозревая о бабочках, которых он только что выпустил у меня в животе.

Да, я знаю. Я дура.

Хейс

Дьявол испытывает меня.

Я бы обвинил в этом Бога, но я думаю, что он слишком свят для того, что в последнее время крутится у меня в голове.

Нет ни одной вещи, о которой я бы не пытался думать, чтобы отвлечься от Лейкин. Мертвые щенки, голая бабушка. Я все это сделал. И все же этим утром я проснулся на полу у Кэма и обнаружил в своих штанах палатку, достаточно большую, чтобы вместить семью из пяти человек.

Давайте просто скажем, что лучше не стало, когда Лейкин спустилась вниз в одной футболке большого размера. Этот образ в ближайшее время не покинет мой разум.

Все в этом неправильно. Хотеть сестру своего лучшего друга — самый простой способ нарушить братский кодекс. Но то, что я не могу заполучить ее, не значит, что мы не можем быть друзьями.

Дым заполняет мои легкие, когда я делаю затяжку сигаретой. Крыша немного влажная от ранней утренней росы, но мне все равно. Мне всегда нравилось здесь, наверху, — маленький оазис, в который я могу сбежать. Мы с Кэмом начали приходить сюда несколько лет назад, и, хотя он перестал это делать после того, как поскользнулся и чуть не упал двумя этажами ниже, я все еще не могу устоять.

Здесь, наверху, спокойно.

— Хейс Беккет, — зовет мама Кэма с земли, и я быстро прячу сигарету. — Что, ради всего святого, ты там наверху делаешь?

Я дарю ей свою лучшую, *я хороший мальчик*, улыбку. — Просто наслаждаюсь видом.

Она в смятении качает головой. — Прекрасно, но будь осторожен.

— Всегда такой, миссис Би.

Подходя к машине, где ее ждет отец Кэма, она вздыхает. — Клянусь, у всех этих мальчиков есть желание умереть.

Я смотрю, как они оба садятся в машину и уезжают, оставляя меня здесь.

Одного.

С Лейкин.

Когда я проснулся, Кэма не было, и, честно говоря, я даже не заметил, пока не увидел сообщение от него, в котором говорилось, что его вызвали на раннюю смену. Я не в первый

раз бываю здесь, когда его не было, и я уверен, что это не последний. Но на этот раз что-то по-другому — осознание того, что здесь только мы с Лейкин.

Я должен уйти. Сесть в свой грузовик и уехать. Это то, что я планировал сделать в любом случае после того, как покурю. Но когда до моих ушей доносится пение Лейкин, в голову приходит идея получше.

Взбираться по склону, ведущему к ее потолочному люку, непросто, из-за росы он немного более скользкий, чем обычно, но я справляюсь. Сигарета свисает у меня изо рта, когда я лежу на животе. И тут же все обрывается, когда я понимаю, на что смотрю.

Мой план состоял в том, чтобы напугать ее. Клянусь Богом, я подумал, что было бы забавно постучать по стеклу и заставить ее подпрыгнуть. Вернуть нас обоих на безопасную территорию, где флирт и поцелуи на вечеринках не в моде. Чего я, однако, не планировал, так это найти ее в полотенце, только что из душа.

Отвернись. Блядь, отвернись.

Мое подсознание готово взбунтоваться, и все же я не могу пошевелиться. Если кто-нибудь увидит меня здесь, наверху, подглядывающим в ее окно в крыше, как сталкер-извращенец, я потеряю все.

Мой лучший друг.

Уважение его родителей.

Моя репутация — потому что арест за что-то подобное обязательно всплывет наружу.

Я все это знаю, но, когда она снимает полотенце и бросает его на пол, становится ясно, что я не имею права голоса в этом вопросе. Мое тело и мой мозг работают по двум совершенно разным схемам. Я ничего не могу поделать.

Ее пение затихает, когда она стоит перед зеркалом, проводя пальцами по мокрым волосам. Слабый вид татуировки посередине ее позвоночника заинтриговал меня больше, чем мне хотелось бы признать, и становится только хуже. Она нежно проводит кончиками пальцев вниз по руке и по животу.

Нет.

Пожалуйста, скажи мне, что она не собирается...

Но это так.

Конечно, это так. Как я уже говорил ранее, дьявол испытывает меня. И под испытанием я подразумеваю пытки... жестокие.

Голова Лейкин запрокидывается, когда она проводит рукой дальше на юг, и я прикусываю губу, пытаюсь сохранить спокойствие. Интересно, имеет ли она хоть малейшее представление о том, насколько она чертовски соблазнительна? Если она знает, что у нее есть сила заставить парня упасть ниц от одного взгляда. Но я думаю, что это часть ее сексуальной привлекательности. Она знает, что она ни в коем случае не уродина, но понятия не имеет, насколько она чертовски великолепна.

Подойдя к своей кровати, она ложится и закрывает глаза, начиная круговыми движениями массировать свой клитор. Одного взгляда на это достаточно, чтобы я за считанные секунды стал твердым, как камень, в своих джинсах. Ее движения медленные и обдуманные, но, когда она начинает ускоряться слишком рано, они становятся беспорядочными.

Притормози.

Ты делаешь это неправильно.

Ее голова поворачивается из стороны в сторону, когда она гонится за собственным

кайфом, но, похоже, она просто не может этого достичь. Я в отчаянии сжимаю кулаки, наблюдая за ее борьбой.

Это, черт возьми, не скретч-карта, Лейкин.

Притормози, блядь.

В буквальном смысле больно видеть разочарование на ее лице и то, как она меняет руки, когда у нее болит запястье. И когда она, наконец, сдается, без оргазма, в котором она так явно нуждается, я не могу удержаться от того, чтобы не отбросить осторожность на ветер.

Я стучу в мансардное окно, ухмыляясь, когда Лейкин вскрикивает. Я широко улыбаюсь и тычу в нее пальцами, мгновенно выводя ее из себя. Она свирепо смотрит на меня и хватается ближайшее одеяло, чтобы прикрыться, но если она в ближайшее время не снимет эту штуку, я не буду извиняться за то, что сделаю дальше.

— Открой его, — требую я.

Она недоверчиво смотрит на секунду, прежде чем встать и открыть замок.

— Ты ведь знаешь, что это незаконно, верно?

Да, мне сейчас абсолютно похуй.

— Ты делаешь это неправильно.

— Я— она делает паузу, ошеломленная. — Что?

Я толкаю окно шире и спрыгиваю в ее комнату, глядя на нее сверху вниз и одеяло, прижатое к ее груди, которое прикрывает только переднюю часть ее обнаженного тела.

— Ты. Делаешь. Это. Неправильно, — повторяю я, четко выговаривая каждое слово.

Она на мгновение колеблется, а затем с сексуальной уверенностью, которой я никогда не ожидал, расправляет плечи и смотрит на меня. — Как будто ты мог бы сделать лучше.

Трахни меня. — Это приглашение?

— Ты хочешь, чтобы это было так?

Их мама была права в одном — у меня действительно есть желание умереть, потому что, если Кэм узнает о том, что я собираюсь сделать, я не выберусь отсюда живым. Но, кажется, я ничего не могу с собой поделать.

Я подхожу на шаг ближе, заставляя ее двигаться вместе со мной, пока она не перестает двигаться дальше и не падает обратно на кровать. — Я никогда не отказываюсь от вызова, особенно когда мои навыки ставятся под сомнение.

У нее перехватывает дыхание, но я не прикасаюсь к ней.

Пока нет.

— Сделай это снова.

Ее глаза расширяются от удивления и, возможно, намек на смущение. — Что?

— Ты слышала меня, — рычу я. — Прикоснись к себе так, как ты делала раньше.

Ее рот открывается и закрывается, когда она пытается подобрать слова. — Трогать себя — нет. Я не могу—

Теряя терпение, я хватаю ее за руку и кладу ее туда вместо нее. Ее челюсть сжимается, и стон, который не должен быть таким порнографическим, вырывается из ее рта, когда я прижимаю ее собственные пальцы к клитору.

Трахни меня, — выдыхает она.

Я бы хотел.

Ее движения снова начинают ускоряться слишком рано, но на этот раз я рядом, чтобы остановить ее.

— Тсс, — говорю я, медленно качая головой. — Расслабься. Перестань торопить события. Закрой глаза и просто наслаждайся подъемом.

Она выдыхает, позволяя глазам закрыться и вжимая голову в подушку. Я держу свои пальцы поверх ее, направляя ее движения. Хриплые стоны наполняют комнату, и я клянусь, если мой член не воспламенится сам от этого, это будет чертово чудо. Она начинает хныкать, с каждой секундой теряя контроль, и я точно знаю, что ей нужно.

— Просунь два пальца внутрь.

Прикусив нижнюю губу, она позволяет своим глазам распахнуться, и ее пристальный взгляд не отрывается от моего. — Покажи мне.

Выстрел.

Блядь.

В голову.

То, как она это говорит, так невинно, как будто понятия не имеет, что это со мной делает, у меня нет ни малейшего шанса отказать ей. Это так неправильно. Так чертовски неправильно, что я тону в море неправильных решений. И все же, я нуждаюсь в ее оргазме так же сильно, как и она сама.

Тыльной стороной ладони я опускаю ее руку ниже, пока кончики пальцев не начинают дразнить ее вход. Схватив ее указательный палец, я просовываю его внутрь до второй костяшки и вытаскиваю обратно. Она сжимает губы в линию, чтобы заглушить издаваемые ею звуки, но я этого не потерплю.

Свободной рукой я провожу большим пальцем по ее губам. — Не лишай меня этих восхитительных звуков. Я хочу услышать, как хорошо ты себя чувствуешь.

Она ухмыляется и слегка приоткрывает рот, накрывая мой большой палец и посасывая его чертовски непристойным способом. Я мгновенно представляю, как она обхватывает своими губами мой член, и, если бы сейчас речь шла не о ней и только о ней, я бы показал ей, чего именно она добьется, поддразнивая меня подобным образом.

— Ты такая гребаная дразнилка, — рычу я.

Взглянув вниз на то, как я все еще медленно погружаю в нее один из ее собственных пальцев, она поджимает губы. — Говорит парень, который на самом деле не прикасается ко мне.

Она вызывает меня на дуэль и бросает перчатку одновременно, а я никогда не был из тех, кто сдается. Я кладу свой палец поверх ее и вставляю их оба одновременно. Если бы это был мой член, то, как она сжимается вокруг меня, вероятно, заставило бы меня кончить на месте. Она такая чертовски тугая, и если бы я не знал ее лучше, то подумал бы, что она девственница.

— Используй свои собственные соки, чтобы смазать пальцы, — инструктирую я ее. — Это будет лучше ощущаться на твоём клиторе.

Раздраженный вздох срывается с ее губ, когда я вытаскиваю наши пальцы, но он быстро сменяется хныканьем, когда я прохожу прямо по ее чувствительному комочку нервов. Ее собственный сладкий мед делает это так, что я могу с легкостью скользить нашими прикосновениями взад и вперед. Если раньше она думала, что возбуждена, то это даже не идет ни в какое сравнение с тем, как она начинает терять контроль. Ее стоны поднимаются на октаву, и все ее тело сотрясается от непревзойденного желания.

— Я не могу, — хнычет она, подходя ближе. — Этого недостаточно. Мне нужно, чтобы ты это сделал.

Я хочу. Боже, я ничего так не хочу, как быть тем, кто подтолкнет ее к краю пропасти. Но я не должен этого делать. Даже то, что я делаю сейчас, отправит меня в ад. Я не имею права находиться рядом с ней. И все же, вот он я, моя рука прижата к ее маленькой тугой киске, и я облизываю губы при мысли о том, чтобы прижаться к ней ртом.

— Ты справишься, детка, — мягко говорю я. — Ты почти у цели. Просто продолжай.

Она качает головой и убирает руку, не оставляя ничего между моими пальцами и ее клитором, но я следую ее примеру.

— Лейкин. — Ее имя тяжело давит мне на язык, напоминая о серьезности того, что я делаю. — Я не могу.

— Не можешь или не хочешь?

Я наблюдаю, как ее грудь поднимается и опускается с каждым вздохом. — И то, и другое.

Ее взгляд смягчается, когда она смотрит на меня снизу-вверх. Она медленно обхватывает пальцами мое запястье и тянет мою руку туда, куда она хочет, чтобы я был.

Где я ей нужен.

Но то, что она делает дальше, говорит мне о том, что я не был главным с той секунды, как пролез через ее окно в крыше.

Она моргает, и ее язык высовывается, чтобы облизать губы. — Пожалуйста? Я хочу, чтобы ты это сделал, — умоляет она. — Хочу, чтобы ты заставил меня кончить так сильно. Я буду хорошей девочкой, обещаю.

У меня отвисает челюсть, и в горле мгновенно пересыхает. Никогда в своей жизни я и представить себе не мог, что наступит момент, когда Лейкин окажется передо мной обнаженной и будет умолять меня заставить ее кончить. Может быть, это из-за шока или из-за того, что ее голос уже звучит таким разбитым из-за того, что мы сделали до сих пор, но прежде чем я успеваю сказать себе, что это ужасная гребаная идея, я сокращаю дистанцию и оказываю нужное давление прямо на ее клитор.

— Это то, чего ты хотела? — грубо бормочу я. — Хотела, чтобы я доставил тебе удовольствие?

— Да. Черт возьми, да!

Она крепко сжимает мое запястье, выгибая бедра навстречу моим прикосновениям, но, когда ее другая рука касается того места, где мой член напрягается под джинсами, я останавливаю ее.

— Держи свои руки при себе, или я остановлюсь, — предупреждаю я.

Ее нижняя губа выпячивается, когда она надувает губы. — Но я хочу прикоснуться к тебе.

— Таковы правила. Ты сказала, что будешь хорошей девочкой. Ты лгала?

Она отдергивает руку, как будто обожглась, и качает головой. Черт возьми, я мог бы привыкнуть к этому, и именно это делает это опасным.

— Посмотри на меня, — требую я, и она немедленно повинуется. — Не своди с меня глаз. Я хочу, чтобы ты не видела ничего, кроме меня, когда будешь кончать.

Выражение ее лица, такого беспомощного, уступчивого и отчаянно нуждающегося во мне, чертовски греховно. И то, как ее рот приоткрывается, когда я просовываю внутрь два пальца и растягиваю ее еще немного, — это просто еще одна вещь, которую я вспомню, когда окажусь в аду из-за этого.

— Ты собираешься кончить мне на пальцы, Рочестер? — дразню я, потирая большим

пальцем ее клитор, в то время как сгибаю два пальца, чтобы дотянуться до ее точки G.

Ее дыхание учащается, когда она кивает, но не отводит от меня взгляда, будучи хорошей девочкой, как и обещала. — Да.

— Тогда сделай это. Обхвати их и покрой своей влагой. — Я слегка ускоряю свои движения. — Покажи мне, какой хорошей девочкой ты можешь быть.

Любая капля контроля, которая у нее оставалась, исчезает, когда ее движения становятся неистовыми. Похоже, она не может решить, хочет ли она большего давления или меньшего, когда начинает водить по моей руке, обращаясь со мной как со своей личной секс-игрушкой.

Она выглядит так чертовски хорошо в таком виде.

— Давай, детка, — рычу я. — Я хочу это, а теперь отдай это мне. Отпусти.

— Еще нет, — протестует она.

Мои брови приподнимаются. — Извини?

Впервые с тех пор, как я приказал ей посмотреть на меня, ее глаза закрываются. Она теряет в ощущениях от всего этого.

Удовольствие.

Боль.

Я наклоняюсь и касаюсь губами ее губ. — Дай мне почувствовать, как ты взрываешься. Кончай, Лейкин.

Ее бедра снова выгибаются, когда она вскрикивает, и я оказываюсь рядом, чтобы довести ее прямо до края. Мои пальцы не останавливаются, когда я провожу ими по ней, скользя вверх к ее клитору, а затем снова опускаясь внутрь нее. Все ее тело сотрясается, когда оргазм накрывает ее.

Ощущение того, как ее ногти впиваются в мое запястье, — это просто вкус того, каким невероятным был бы секс с ней, и, чтобы не превращать эту ситуацию из плохого в худшее, я прикусываю губу, чтобы удержаться от поцелуя с ней. Порез, который она так любезно закрыла для меня прошлой ночью, снова открывается, но это последнее, о чем я думаю, когда она корчится от излишней чувствительности.

Я хихикаю, снова касаясь губами ее губ, прежде чем неохотно вытащить из нее свои пальцы и отступить назад. Ее глаза остаются закрытыми, когда она опускается и замедляет дыхание. Когда она, наконец, снова смотрит на меня, страх в ее взгляде идет рука об руку с чувством вины, нарастающим внутри меня.

— Итак, ты что-то говорила? Что-то насчет того, что я не мог бы сделать лучше?

Улыбка пробивается сквозь ее губы, и она отшвыривает меня. — Пошел ты.

Видишь ли, но в этом-то и проблема.

Я бы, блядь, этого хотел.

Дерзко улыбаясь ей, прикусив язык за щекой, я отступаю к двери. Непосредственно перед уходом я засовываю два пальца, которые только что были глубоко внутри нее, себе в рот и позволяю сладкому вкусу ее киски завладеть моими чувствами. У нее отвисает челюсть, когда она наблюдает за мной, и, подмигнув, я отворачиваюсь и оставляю ее прокручивать в голове все, что только что произошло.

Бог свидетель, я так и сделаю.

Я придурок. Абсолютно худший человек, которого я знаю. Тому, что я сделал этим утром, нет оправдания. Я поклялся, что никогда не перейду черту, которую я переступил. И чем больше я думаю об этом, тем более виноватым себя чувствую.

Мои яйца болят, когда я бью кулаками по боксерской груше. Я подумывал о том, чтобы подрочить, когда вернусь домой, но решил этого не делать. В том, чтобы иметь синие яйца, нет ничего такого, чего бы я не заслуживал. Такие говнюки, как я, не могут кончить, особенно если это означает, что я буду думать о ней, пока это делаю.

Мешок раскачивается взад-вперед при каждом ударе. Наверное, это последнее, что мне следовало бы сейчас делать, учитывая, какие синяки у меня на костяшках пальцев от вчерашнего удара Айзека по лицу, но боль помогает. Это меня успокаивает. Напоминает мне о том, какой я говнюк.

Поцелуй с ней на вечеринке был ошибкой, но, по крайней мере, это я мог выдать за одолжение, даже если это было бы отчасти ерундой. Но это утро было намного хуже.

Я своими пальцами заставил кончить младшую сестру моего лучшего друга.

И самое худшее, то, что пугает меня больше всего, — это то, как сильно я хотел сделать гораздо больше, чем это. Я хотел раздвинуть ее своим членом и почувствовать, как ее стенки дрожат вокруг меня. Хотел посмотреть, как подпрыгивают ее сиськи, когда я вхожу в нее. Хотел послушать, как она умоляет меня трахнуть ее сильнее.

Сукин сын.

Я срываю одну из перчаток и швыряю ее через весь подвал.

То, что произошло, не может повториться, независимо от того, как сильно я этого хочу или как часто воспоминание преследует меня во сне. Слишком многое поставлено на карту. Я бы слишком многим рисковал.

Сидя на полу, я беру свой телефон и открываю новое сообщение с Лейкин. Требуется минута, чтобы сообразить, что я хочу сказать, и, в конце концов, я не уверен, что какие-то слова достаточно хороши, но это нужно сделать.

Пожалуйста, не ненавижь меня. То, что произошло этим утром, было неправильным решением. Я никогда не должен был так к тебе прикасаться. Я обещаю тебе, что это больше никогда не повторится. Даю тебе слово.

Я нажимаю «Отправить» и ложусь обратно на пол. Прохлада цемента приятно ощущается на моей коже. Мое дыхание прерывается, когда я закрываю глаза, только чтобы снова открыть их, когда звонит мой телефон.

То, как мой член начинает возбуждаться просто при виде имени Лейкин на экране, — еще одна причина, по которой это утро никогда не повторится. Она чертова соблазнительница. Сирена, заманивающая меня невинным взглядом своих глаз и звуком своих просьб. И она понятия не имеет, насколько она смертоносна.

Я открываю сообщение и читаю текст.

Но что, если я этого захочу?

Хватка на моем телефоне усиливается. Было бы так легко, так непринужденно просто сказать ей, чтобы она приехала и трахнуть ее на моем матрасе. Но последствия, которыми я бы рисковал, поступив так, были бы разрушительными — это самое изменяющее жизнь событие, которое случилось со мной с тех пор, как мой отец бросил нас много лет назад.

У меня нет другого выбора.

Я должен держаться от нее подальше, как бы тяжело это ни было.

7

Лейкис

Он избегает меня.

И я не совсем уверена, что ранит больше — то, что он это делает, или то, что я знала, что он это сделает. Его сообщение прошлой ночью меня не удивило. Вина была написана на его лице, когда он в тот день выходил из моей комнаты. Даже если он пытался скрыть это и отвлечь меня движением, которое я не должна была считать таким сексуальным, я могла это видеть. Но он ушел до того, как я смогла попытаться поговорить с ним.

Мой ответ ему был не столько предложением, сколько просто попыткой сказать, что он не должен сожалеть об этом, потому что я этого не делаю. Но он так и не ответил. И на третий день он придумал Кэму какое-то оправдание, почему он не смог прийти, я знала.

Он и близко ко мне не подойдет.

Сказать, что я сводил себя этим с ума, было бы преуменьшением. Поцелуй — это одно. Никогда не было такого момента, когда бы я не знала, что это такое. Он оказал мне услугу и избавил меня от Крейга — и, хотя мне это нравилось больше, чем следовало бы, я не позволила этому сбить себя с толку.

Но на этот раз все было по-другому.

На этот раз все дело было в нем.

Не было бывших парней, от которых можно было бы отвадиться. Никакая ситуация, связанная с вопросом жизни и смерти, не вынуждает нас быть вместе. Ничего, кроме двух человек и напряжения, от которого можно задохнуться. И он может сколько угодно говорить, что это была ошибка, но я видела это в его глазах, когда мы смотрели друг на друга.

Он тоже этого хотел.

К пятому дню мое отношение меняется. Я больше не в замешательстве. Это прекратилось, когда я, наконец, позволила себе признать, что ни к чему его не принуждала. Конечно, я умоляла его, но, как напомнила мне Мали, Хейс не из тех парней, которых можно к чему-то принудить.

Если бы он не хотел этого делать, он бы этого не сделал.

Все очень просто.

Был момент, когда я разозлилась. Это настоящий подлый поступок — избегать меня, как трус, после всего, что произошло в прошлые выходные. Угрозы Крейгу на вечеринке заставили меня подумать, что он заботится обо мне, и все, что он делал с того утра, которое мы провели вместе, показало прямо противоположное.

Но время способно изменить ваш взгляд на все, и то же самое верно и в отношении этого. Я больше не сержусь — мне просто грустно. Если бы я знала, что *это* будет последствием того, что мы сделали, я бы никогда не открыла люк в крыше.

Это был лучший оргазм в моей жизни, но я бы променяла его за секунду, чтобы он снова был рядом со мной.

— Я такая жалкая, — говорю я, уронив голову на руки.

Мали вздыхает. — Расстраиваться из-за этого совсем не жалко. Это по-человечески.

— Но, я типа, скучаю по нему, — признаюсь я. — Я скучаю по нему так сильно, что это действительно причиняет боль. Он сделал это и бросил, и все же все, чего я хочу, — это чтобы он появился и, по крайней мере, вел себя так, как будто меня лично не существует.

Она хихикает. — Я люблю тебя, детка, но *технически* это не так. Сделал и бросил, это означало бы, что он тоже оторвался по полной. И если бы он это сделал, я бы заставила его почувствовать боль от того, что ему выдергивают лобок по одному за раз, пока он не будет выглядеть так, будто его яйца еще не упали. Но здесь дело не в этом.

Застонав, я падаю на свою кровать. В той же кровати, в которой я больше не могу лежать, не представляя, как он нависает надо мной. Неужели он так же зациклен на этом, как и я? Да, точно. Конечно, это не так. Если бы это было так, он был бы здесь — вместо того, чтобы придумывать Кэму отговорки и опаздывать на хоккейную тренировку только для того, чтобы избежать встречи со мной.

— Я не думаю, что когда-нибудь смогу смириться с этим.

Мали ложится рядом со мной. — Я тоже, но кто знает. Может быть, он придет к костру сегодня вечером. Он когда-нибудь пропускаял его?

Мои губы поджимаются, когда я пытаюсь вспомнить время, когда его там не было, но у меня ничего не выходит. — Я так не думаю, но, полагаю, все когда-нибудь случается в первый раз.

— Ну, если он все-таки появится, я обещаю отвлечь Кэма и парней, чтобы ты могла поговорить с ним. Противостояние ему в любом случае кажется единственным вариантом, который у тебя есть.

Она права, и часть меня подумывала о том, чтобы зайти в магазин серфинга и поговорить с ним там. Но, хотя я могу быть полной задирой, когда дело касается буквально всего остального, мой мозг руководствуется с ним другим набором правил. Страх быть отвергнутой слишком силен. Я имею в виду, сообщение, которое он отправил, все еще причиняет боль. Я даже представить не могу, каково это было бы, услышать, как он скажет это мне в лицо.

— Спасибо. — Я переворачиваюсь и кладу голову ей на плечо. — Ты лучший друг, который у меня когда-либо был.

Она фыркает. — Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю.

Вы когда-нибудь видели кошку в комнате, полной кресел-качалок? То, как каждая мелочь заставляет их оглядываться по сторонам? Это я. С каждой захлопывающейся дверью машины я взволнованно оборачиваюсь, надеюсь увидеть Хейса, идущего через задний двор как ни в чем не бывало. И каждый раз я остаюсь разочарованной.

Он не придет.

Мали, кажется, не теряет надежды, но если бы он собирался появиться, то уже был бы здесь. Вместо того чтобы забивать себе голову ложными надеждами, я предпочла бы встретиться с этим лицом к лицу сейчас.

Он так решительно настроен не приближаться ко мне, что готов нарушить единственную летнюю традицию, которую они с Кэмом соблюдали последние три года — с тех пор, как мои родители впервые разрешили им развести костер без присмотра.

Я подтягиваю ноги и обхватываю их руками, кладу голову на колени. Мали продолжает поглядывать на меня с озабоченным выражением на лице, прежде чем, наконец, решает избавить меня от страданий.

— Почему мне кажется, что нам кого-то не хватает? — спрашивает она, оглядываясь вокруг, как будто она еще не знает, кого здесь нет.

— Потому что это так, — отвечает Лукас. — Хейс и Айзек оба не пришли.

— Айзека, блядь, не приглашали, — усмехается Кэм.

Мали опускает голову, улыбаясь, затем возвращается к тому, что было ее первоначальным намерением. — А Хейс? Где этот идиот?

Кэм пожимает плечами. — Не здесь.

— Ну, очевидно. — Она закатывает глаза. — Но *почему* его здесь нет? Он всегда здесь.

Оуэн делает последний глоток пива и бросает банку в кучу, образующуюся на земле. — Кто-нибудь еще думает, что он был не в себе в последнее время?

Лукас и Эйден кивают, но Кэма, похоже, это не беспокоит. Он хватает кочергу и начинает разбрасывать дрова в камине.

— Он, наверное, встречается с какой-нибудь новой цыпочкой, — просто говорит он, понятия не имея, что только что словесно ударил меня в живот. — Обычно он ненадолго исчезает, когда появляется кто-то новый. Он вернется, когда, либо он поймет, что они пытаются сделать, либо они поймут, что он никогда не остепенится.

Я знаю, что это неправда. Хейс может быть мудаком, но я не думаю, что он настолько жесток, чтобы начать встречаться с какой-то другой девушкой сразу после того, что произошло между нами. И Кэм не знает, что он не приходит для того, чтобы избегать меня, поэтому, конечно, он бы так подумал. Но это не значит, что сама идея не вызывает у меня чувства, что меня может стошнить.

Мали, богиня, которой она и является, настолько созвучна моим эмоциям, что она дает мне выход, прежде чем я даже попрошу об этом. Она кладет руки на низ живота и морщится.

— Лейк, можно я пойду прилягу к тебе в постель?

Я киваю. — Да. Я пойду с тобой.

Брови Кэма хмурятся, когда он оглядывает Мали. — Все в порядке?

— Да, — говорит она, отмахиваясь от этого. — Менструальные спазмы.

Все парни замолкают, поглядывая друг на друга, как будто это самая неловкая ситуация, в которой они когда-либо были.

— Тебе сколько, семь? — язвит Мали. — Я должна иметь это в виду. Если мне когда-нибудь будет нужно, чтобы вы, ребята, заткнулись? Легко. Просто упомяну кровотечение из моего влагалища.

— Если бы я только знала это, когда мы еще учились в средней школе, — вступаю я в разговор.

Когда мы уходим, уже начинается мужской разговор.

— Ты когда-нибудь трахал девушку во время месячных? — спрашивает Оуэн. — Такой мокрой она еще никогда не была. Опустите руки. Никаких возражений.

Эйден вздыхает. — Да, я падаю в обморок при виде крови, так что на этот раз я откажусь.

— Будем надеяться, что у него никогда не будет дочери, — говорю я Мали.

Она снова смотрит на огонь. — Кто, Эйден? Для этого ему пришлось бы переспать, а у него нет ни единого шанса.

Достаточно справедливо.

Мы заходим в дом, и, прежде чем подняться в мою комнату, я указываю на холодильник. — Может, мне взять мороженое и обезболивающие?

Она качает головой. — Мои месячные были две недели назад. Ты просто выглядела так, будто предпочла бы быть где угодно, только не там.

Мои плечи опускаются, когда я грустно улыбаюсь ей. — Спасибо тебе.

— Ты можешь отблагодарить меня, позволив нам посмотреть *Сумерки*.

Когда она взбегает по лестнице, я откидываю голову назад и вздыхаю, прежде чем последовать за ней.

Я должна была догадаться, что здесь есть подвох.

Наступает вторник, и я стараюсь задержаться на катке немного дольше, чем необходимо, после работы под предлогом оформления каких-то регистрационных документов. На самом деле, я жду, появится ли Хейс на тренировке, пока я все еще здесь. Но он этого не делает. Я предполагаю, что он где-то поблизости, ждет, пока моя арендованная машина выедет со стоянки, прежде чем зайти внутрь.

Это чертовски расстраивает, но он определенно настроен решительно — надо отдать ему должное.

В среду я позволяю себе в миллионный раз подумать о том, чтобы прийти к нему на работу, но всегда что-то меня удерживает. Тихий внутренний голос говорит мне, что это плохая идея. Что я не должна подвергать себя вероятности того, что мне растопчут сердце... снова.

Но когда я направляюсь на встречу с Хизер и Мали на ужин, я замечаю его грузовик перед бильярдной на Мейн-стрит. Мои большие пальцы барабанят по рулевому колесу, когда я продолжаю поглядывать на него. И когда загорается зеленый, я, наконец, говорю «к черту все» и поворачиваю налево.

Бездействие по этому поводу сводит меня с ума. Если он больше не хочет иметь со мной ничего общего, это прекрасно. Но ему придется сказать мне это в лицо — к черту потенциальное разбитое сердце.

Паркуя свою машину, я достаю телефон и отправляю девочкам сообщение, сообщая им, что кое-что произошло. Как только я нажимаю «Отправить», я смотрю на себя в зеркало. Сделав последний глубокий вдох, я проглатываю комок в горле и прогоняю тошноту, прежде чем войти внутрь.

Мне требуется всего секунда, прежде чем я замечаю его, стоящего в дальнем углу, пока он пьет пиво и играет в бильярд. И что самое лучшее из всего этого?

Он один.

Хейс

Есть что-то расслабляющее в том, чтобы поиграть в бильярд. Здесь нет ни таймера, ни ожиданий, а когда вы играете сами по себе, то и правил тоже нет. Последние полторы недели были не самыми насыщенными событиями в моей жизни. В основном это состояло из того, что я проводил время в своей комнате, слушая музыку, играя в видеоигры и уклоняясь от приглашений Кэма прийти потусоваться.

Так было до тех пор, пока я не услышал, как моя мама и Девин начали шептаться друг с другом обо мне, спрашивая, не в депрессии ли я или я сделал что-то такое, из-за чего потерял всех своих друзей. Тогда я понял, что, вероятно, разумно выйти из дома ради чего-то другого, кроме работы и хоккейных тренировок.

Итак, это бильярд.

Я наклоняюсь и выстраиваюсь в очередь, чтобы сделать свой выстрел, когда последний голос, который я ожидал услышать, достигает моих ушей.

— Вау. В конце концов, у тебя все еще есть пульс.

Лейкин.

Я должен был догадаться, что в какой-то момент она вступит со мной в конфронтацию. Есть много девушек, которые позволили бы мне уйти безнаказанно после перепихона, но она не из их числа. Для этого у нее слишком много самоуважения. Я просто надеялся получить еще немного времени, чтобы перестать думать о ней, прежде чем броситься в логово льва.

— Что ты здесь делаешь, Лей?

Она пожимает плечами и обходит стол, осматривая висящие на стене бильярдные кии. — Я всегда хотела взять один из них и сломать о колено, чтобы использовать его как оружие, как в фильмах с Джеки Чаном.

Звучит угрожающе, но она меня не пугает. — Ты хочешь сказать, что хочешь причинить мне боль? Ты действительно соответствуешь этому прозвищу, не так ли, Рочестер?

Глядя на меня, ее глаза обшаривают мое тело, как будто она оценивает меня. — Я обдумывала это.

Я фыркаю от удовольствия. — Думаю, я это заслужил.

— Ты думаешь? — Она поворачивается обратно к бильярдным киям и хватает один. — Но ты приложил все усилия, чтобы избежать этого разговора, так как насчет того, чтобы вместо этого заключить пари?

Мои брови приподнимаются. — Пари?

— Одна игра. Если я выиграю, ты должна перестать избегать меня — и не говори, что это не так, потому что это так. — Мои губы сжимаются, когда она с трудом выдавливает из себя слова. — Перестань утверждать, что ты слишком занят, чтобы прийти потусоваться, когда мы оба знаем, что ты дуешься дома с пакетом Doritos.

Это чипсы для барбекю, но неважно. — Я не дуюсь.

Она ухмыляется, зная, что ни капельки в это не верит. — Уверена, что нет.

Я не должен был потакать ей. Поступив именно так, я в конечном итоге узнал, насколько хороша на вкус ее киска. Но какая-то часть меня заинтересована в этом пари.

— А что, если я выиграю?

Обходя стол с другой стороны, она выглядит так, словно вляпалась по уши. — Все, что ты захочешь.

Я позволяю себе на мгновение задуматься об этом. Не то чтобы она просила о чем-то таком, чего в конечном счете не должно было произойти. Мне может сойти с рук только то, что я не появляюсь так долго, прежде чем люди начнут задавать вопросы, и у меня такое чувство, что Кэм все равно приближается к этому моменту.

Взглянув вниз на бильярдный стол, а затем снова на нее, я не могу удержаться от улыбки. — Ты вообще когда-нибудь раньше играла в бильярд?

Она закатывает глаза. — Нет, но ты загоняешь шары в лузы. Насколько это может быть сложно?

Ладно, я заинтригован. — Ты сама заключила сделку, Рочестер.

Это резня, и это слабо сказано. Все ее полосатые мячи, кроме двух, все еще на столе, пока я нацеливаюсь на свой последний мяч, прежде чем забить восьмерку. Поначалу все было напряженно, и никто из нас почти ничего не говорил, но чем больше она раздражается, когда я забиваю шар в лузу, тем больше я не могу удержаться, чтобы не поддразнить ее по этому поводу.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной, — стонет она, когда я делаю это.

Я улыбаюсь и приподнимаю брови, глядя на нее. — Не так-то просто, не так ли?

— Нет.

Обходя стол, я ищу хороший ракурс, чтобы сделать этот выстрел, но это невозможно. Ее шары стоят у меня на пути. Я наклоняюсь и делаю случайный бросок, отправляя восьмерку шаров в середину стола, но далеко не в лузу.

Настала ее очередь.

Ее глаза сужаются, когда она пытается сфокусироваться, но даже по тому, как она выстраивается для выстрела, я могу сказать, что она делает это неправильно. Ее пальцы расположены неправильно, и она смотрит на это под неправильным углом.

— Прекрати, — говорю я, сжалившись над ней.

Я прислоняю свой бильярдный кий к столу и встаю у нее за спиной. Это опасно — позволять себе быть так близко к ней. Я знаю это. Но когда, черт возьми, я был в состоянии следовать правилам, когда дело касалось ее?

— Расслабь плечи. — Я осторожно опускаю их вниз, а затем двигаюсь, чтобы зафиксировать ее руку. — Зажми его между пальцами, и пусть это направляет твой выстрел.

Она делает, как я говорю, и это ближе, но она все равно промахивается. Она разочарованно опускает голову, и я хихикаю.

— Попробуй еще раз.

Возвращаясь в исходное положение, она делает то, что я ей показал, но все еще выглядит неловко. Я кладу руку ей на спину и провожу ею вниз по позвоночнику.

— Ты слишком напряжена, — говорю я ей. — Тебе нужно немного расслабиться.

Она вздыхает. — Кажется, я просто не могу найти способ держать эту вещь там, где ей удобно. И каждый раз, когда я отправляюсь на выстрел, мне кажется, что у меня недостаточно контроля над этим.

Я оглядываю комнату, чтобы убедиться, что здесь нет никого из наших знакомых, а затем сдаюсь, подходя к ней сзади. Моя грудь прижимается к ее спине, когда я кладу свои руки поверх ее, чтобы помочь ей направить удар.

— В бильярде важно иметь правильную стойку, — бормочу я, прижимаясь губами к ее уху. — Затем ты представляешь, что есть линия, указывающая точно, куда полетит мяч. Ты целишься, не сводя глаз с мяча, а затем стреляешь.

Мы вместе забрасываем мяч, наблюдая, как он попадает точно в угловую лузу. Ее улыбка становится шире, когда она оглядывается на меня.

— Видишь? Это не так уж и сложно.

Она выглядит гордой собой, когда улыбается мне. — Покажи мне еще раз?

— Это пари, Рочестер. Ты хочешь, чтобы я заставил себя проиграть?

Как будто она точно знает, что делает, она смотрит на меня из-под опущенных ресниц. — Пожалуйста?

Это все, что для этого нужно. Одно короткое слово, и я с полной силой возвращаюсь в то утро, которое мы провели в ее спальне — когда она умоляла меня и обещала быть хорошей девочкой.

— Хорошо, — соглашаюсь я, пытаюсь хоть как-то выкинуть это воспоминание из головы.

Я не могу думать об этом, если у меня есть хоть какой-то шанс уйти отсюда тем же путем, каким я пришел, — один. Она встает в позу для выстрела, наклонившись над столом и выпятив задницу. Боже, было бы так легко трахнуть ее вот так. Наблюдаю, как она изо всех сил вцепляется в стол, когда я вхожу в нее с такой силой, что шары дребезжат в лузах.

Я выбрасываю мысли из головы, отчаянно пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь другом.

— Вот так? — спрашивает Лейкин, но она снова неправильно держит кий.

— Нет. — Я наклоняюсь над ней и беру ее за руку. — Вот так.

— А потом я просто нажимаю на нее?

Моя рука скользит вниз по ее руке, пока не ложится на бок. — Сначала целься. Затем ударь по нему.

Она выглядит так, будто собирается выстрелить, но перед этим оглядывается на

меня. — А как насчет того единственного шара? Он мешает.

Это не так, но я могу понять, почему она так думает под этим углом. — Ты его обойдешь. Тебе просто нужно ударить по боковой стороне шара, а не по середине.

Я слегка перемещаю кий, но для этого мне нужно подойти немного ближе, чтобы я мог точно видеть, куда она целится. И вот тогда ее задница прижимается ко мне.

Это ловкий ход, я не собираюсь лгать. Если бы я был пьян или не провел последние полторы недели, коря себя за то, что произошло, это могло бы сработать. Но этого не произойдет. Во всяком случае, не сегодня вечером.

Хриплый смех срывается с моих губ, когда я опускаю голову ей на плечо. — Я играю тебе на руку, не так ли?

— Немного. Да, — с гордостью отвечает она.

Она наносит удар, но он проходит мимо, не только не попадая по ее шару, но и идеально выравнивая мой удар. Я не двигаюсь, пока она разворачивается, но, возможно, мне следовало бы это сделать, потому что она так близко, что я чувствую тепло ее дыхания на своем лице.

— Ты так просто не сдаешься, не так ли? — спрашиваю я.

— На самом деле меня воспитывали не совсем так.

Она прямо здесь. Поцеловать ее могло быть так чертовски легко. Все, что для этого потребуется, — это сдвинуться на пару дюймов. Это было бы так просто.

— А что, если ты добьешься своего? Что тогда?

Ее пальцы пробегают по моей шее сзади и зарываются в волосы, нежно массируя. — Поцелуй меня и узнаешь.

Я ухмыляюсь, облизывая губы, когда смотрю на нее сверху вниз. И когда я начинаю приближаться, ее глаза закрываются.

Только для того, чтобы открыть, когда она услышит отчетливый звук попадания восьмого шара в боковую лузу.

— Я победил.

Я отступаю назад, увеличивая столь необходимую дистанцию между нами, в то время как Лейкин раздраженно фыркает. Она кладет бильярдный кий на место и проводит пальцами по волосам.

— Хорошо, — говорит она. — Достаточно справедливо. Чего ты хочешь?

Бросив кий на стол, я подхожу к ней, не сводя с нее глаз. Мои руки опускаются по обе стороны от нее, и, хотя часть меня думала, что она уклонится, она высоко держит голову и выдерживает мой пристальный взгляд.

— Я хочу...

Я придвигаюсь ближе, играя с ней так же, как она только что играла со мной. И когда у нее перехватывает дыхание, я понимаю, что преуспел.

— ... чтобы ты шла домой.

Весь воздух покидает ее легкие, когда я целую ее в лоб и заставляю себя отстраниться.

Я могу сказать, что она не удивлена моим ответом. Явно разочарована, да, но не удивлена. Она медленно кивает и начинает обходить стол, но как раз в тот момент, когда я думаю, что она собирается уйти, она хватается со стола бильярдный кий. Как будто я просто играл с кем-то совершенно другим, она выстраивается в линию и нацеливает мяч, как гребанный профессионал, прежде чем нанести свой удар — забивает три мяча сразу.

Встав, она кладет кий, мило улыбается и подмигивает мне. И когда она выходит за

дверь, все, что я могу сделать, это смотреть на нее с изумлением и недоверием.

Отлично сыграно, Рочестер.

Нет ничего более скучного, чем магазин серфинга в день, когда спасатели считают воду слишком небезопасной, чтобы заходить в нее. Конечно, время от времени попадаются любители острых ощущений, которые хотят нарушить правила, но по большей части — это мертвая зона. Надвигающийся на море шторм порождает беспокойные волны и опасное течение, которое угрожает затянуть вас на дно и выплюнуть.

Честно говоря, было бы лучше, если бы мы просто закрылись.

Но босс хочет, чтобы мы оставались открытыми. Он убежден, что все люди, которые придут на пляж и узнают, что не могут сегодня плавать, вместо этого придут за покупками. Я считаю, что он должен провести здесь такой день, как сегодня, чтобы увидеть, насколько он на самом деле неправ.

Я смотрю на свой телефон, играя в какую-то дурацкую игру, в которую меня втянула Девин, когда приходит сообщение от Кэма.

Кэм: Привет, ублюдок. Ты придешь завтра на костер?

Мой первый порыв — сказать ему «нет». Придумать оправдание или заявить, что я плохо себя чувствую. Что-нибудь, чтобы я больше не видел Лейкин. Каждый раз, когда я нахожусь рядом с ней, мне становится все труднее контролировать себя. Это прискорбно и идет вразрез со всем, чем я являюсь, но так оно и есть.

Черт возьми, прошлой ночью мне даже приснилось, как я трахаю ее на бильярдном столе.

Я должен держаться от нее подальше, но в то же время я знаю, что не смогу делать это вечно. Настанет время, когда мне нужно будет смириться с этим, контролировать свой член и проводить время рядом с ней. Я не могу вечно избегать своих друзей.

И кто знает, может быть, увидеть ее в групповой обстановке будет легче. Менее... соблазнительно. В конце концов, я же не собираюсь сажать ее к себе на колени и трахать, как собаку во время течки, когда Кэм сидит рядом.

Не то чтобы я сделал бы это, даже если бы его там не было, но в последнее время я начинаю понимать, что у меня нет права голоса в том, что я делаю, когда она рядом.

Нет никаких гарантий, и там, где она замешана, все сопряжено с риском.

Но к черту все это. Если бы она действительно играла вчера в бильярд вместо того, чтобы играть со мной, она бы выиграла пари, и я был бы вынужден пойти в любом случае. Я могу это сделать.

Прежде чем я успеваю отговорить себя от этого, я набираю ответ и нажимаю «Отправить».

Да, я буду там. Дай мне знать, какое пиво ты хочешь, чтобы я купил после работы.

Его ответ приходит раньше, чем я успеваю положить трубку.

То, в котором высокий процент алкоголя.

Это Егермейстер.

Нет! Буквально все, что угодно, только не это.

И водка. Вероятно, этого тоже следует избегать. □ □

Да, он прав.

9

Лейкки

В большинстве случаев я люблю свою работу. Наблюдать за тем, как дети с таким энтузиазмом учатся чему-то новому, и видеть, как они совершенствуются, — это так приятно. Но бывают дни, подобные сегодняшнему. Дни, когда кажется, что у всех плохое настроение. Он полон выходов и вспышек гнева, и позвольте мне сказать вам — нелегко поднять кричащего, бьющегося ребенка со льда.

Все, что я знаю, это то, что я готова забрать свою машину у механика, а затем пойти домой, чтобы принять душ, который может быть достаточно горячим, а может и не быть, чтобы обжечь меня. Возможно, это бессмысленно, поскольку сегодня вечером мои волосы будут пахнуть дымом после костра, но мне все равно. Я все равно собираюсь это сделать.

Уходя, я пишу Мали сообщение, рассказывая о прошедшем дне и о том, как мать одного ребенка спросила, может ли она оставить своих четверых детей, включая шестимесячного малыша, на катке, пока она пойдет делать маникюр. Мои большие пальцы танцуют по экрану, когда я печатаю то, что она сочтет романом, но все это останавливается, когда я натыкаюсь на что-то твердое.

Запах его одеколona ощущается раньше всего остального, и его руки согревают мою кожу, когда он хватает меня за талию, чтобы поддержать. На мгновение закрыв глаза, я притворяюсь, что мне нужна секунда, чтобы собраться с мыслями, но на самом деле мне просто нравится быть так близко.

— Ты в порядке? — спрашивает он, наклоняя голову, чтобы посмотреть на меня.

Я заставляю себя сосредоточиться. Видит бог, я выгляжу достаточно отчаявшейся, когда дело касается его. Мали всегда говорила, что я должна играть в неприступную игру, но, очевидно, у меня на уме свои собственные планы.

— Да, — отвечаю я. — Да, я в порядке.

Он отпускает меня и улыбается. — Хорошо. Не хочу, чтобы ты пострадала.

Хейс исчезает на катке, и все, что я могу сделать, это задаться вопросом, был ли какой-то скрытый смысл в этом заявлении.

Мне следовало открыть свой чертов рот. Надо было прямо спросить его, планирует ли он прийти сегодня вечером или нет. Может быть, тогда я не мучила бы себя игрой «будет он там или не будет». Конечно, бьюсь об заклад, я могла бы просто пойти и спросить Кэма, но последнее, что мне нужно, — это дать ему хоть какой-то намек на то, что между мной и Хейсом что-то происходит.

Я даже сама не могу понять, что между нами происходит.

Иногда мне кажется, что я сошла с ума. Он так часто играет в «горячо» и «холодно», что я начинаю думать, что мне мерещится желание в его глазах, когда он смотрит на меня, или ощущение, что его сдержанность висит на волоске. Я думала, что после того, как я так долго хотела его, мой разум сыграл со мной злую шутку, показав мне то, чего там нет. В некотором смысле это жестокий случай принятия желаемого за действительное.

Но если бы это было так, поцелуй на вечеринке был бы началом и концом нашей трагически преждевременной истории любви.

В этом должно быть что-то большее. Я просто не знаю, будет ли у меня когда-нибудь шанс узнать, что это такое, особенно если он продолжит избегать меня, как чумы.

Огонь потрескивает передо мной, завораживая, когда дрова превращаются в пепел. Вы могли бы подумать, что в какой-то момент нам это надоест, но это не так. Ни капельки. Я могла бы сидеть здесь всю ночь, просто наблюдая, как он горит.

— Это идеально, — счастливо говорит Мали, забрасывая ноги мне на колени. — Мы молоды, красивы, и мы сидим у костра с бокалом вина.

Мои брови хмурятся, когда я оглядываюсь вокруг. — Мэл, у нас нет бокалов вина.

— Тогда мы должны это исправить, не так ли?

Посмеиваясь, я закатываю глаза и отталкиваю ее ноги от себя. Мы встаем, чтобы сходить за вином, и отвлекаемся, когда ребята начинают кричать.

— Смотрите, кто это! — Замечает Оуэн. — Это Каспер, дружелюбное приведение.

— Отвали. Я был занят.

Этот голос. Тот, из-за которого мне хочется вздохнуть с облегчением и перестать дышать одновременно. Я поднимаю глаза и, конечно же, Хейс подходит и обменивается с Кэмом братским рукопожатием.

— Занят? Это то, как мы теперь это называем? — спрашивает Лукас.

Не буду врать, меня бесит, что все они, похоже, думают, что он трахал какую-то цыпочку. С другой стороны, он мог бы. Я бы не удивилась, и даже если бы это было так, действительно ли у меня есть право злиться из-за этого?

Услышав слова Лукаса, Хейс на секунду встречается со мной взглядом, затем заставляет себя отвести его. Он смеется, не соглашаясь с ним, но и не отрицая этого, и я изо всех сил стараюсь не дать этому заморочить мне голову.

— Думаю, он перестал тебя избегать, — тихо говорит Мали.

Я медленно выдыхаю. — Я бы не была так уверена.

Приятно, когда все возвращается на круги своя. Не поймите меня неправильно, есть тонкие различия, например, тот факт, что Хейс еще ни разу не разговаривал непосредственно со мной с тех пор, как приехал сюда. Но он здесь, и мои стандарты сейчас, возможно, немного занижены, поэтому я приму это.

— Ребята, вы знали, что они отремонтировали бильярдную на Мейн-стрит? — спрашивает Хейс.

Я притворяюсь, что жую свой рукав, чтобы скрыть улыбку. Шок на его лице, когда я забросил сразу три шара, был бесценен. Если бы у меня была его фотография, я бы установила ее в качестве фона.

Кэм выглядит удивленным. — Это место все еще открыто?

— Да, и они проделали чертовски хорошую работу, отремонтировав его.

Оуэн напевает, делая глоток пива. — Я всегда хотел заняться сексом на бильярдном столе.

Время выбрано ужасное. Я делаю глоток на середине, вино все еще во рту, когда я вдыхаю. Я немедленно начинаю кашлять. Мали хихикает, похлопывая меня по спине, как ребенка.

— Лей, детка, — говорит она снисходительным тоном. — Мы пьем вино, а не вдыхаем его.

Но она понятия не имеет, что я представляю, как мое тело было зажато между бильярдным столом и Хейсом. И, судя по тому, как он теребит нижнюю губу, уставившись в свое пиво, я думаю, он тоже это представляет.

Примечание для себя: Добавь секс на бильярдном столе в мой список «Трахни Хейса».

— Мы должны пойти поиграть как-нибудь вечером, — предлагает Лукас. — Но не удивляйтесь, когда я надеру вам всем задницы.

Парни обмениваются взглядами, прежде чем разразиться истерическим смехом. Лицо Оуэна краснеет, когда он хватается за воздух ртом, а Кэм чуть не плачет.

— Чувак, каждый из нас раньше обыгрывал тебя в бильярд, — говорит ему Хейс.

Лукас усмехается. — Это неправда. Я точно знаю, что победил Оуэна.

— Хрен ты это сделал, — парирует Оуэн.

— Я сделал! — спорит Лукас. Он смотрит на Кэма. — Ты был там. Разве ты не помнишь, как я победил Оуэна, когда играл с ним в бильярд?

Кэм прищуривается. — Не совсем, но я помню, как моя сестра выставляла тебя дилетантом.

Посмеиваясь, я наклоняю свой бокал вина в сторону Лукаса. — Твое здоровье.

— Это несправедливо, — жалуется он. — Она может переиграть любого из нас.

— Тут с тобой не поспоришь, — соглашается Оуэн, а Кэм просто хмыкает.

Но Хейс смотрит прямо на меня, впервые за весь вечер обращаясь непосредственно ко мне. — Ты просто полна сюрпризов, не так ли, Рочестер?

Я беспечно пожимаю плечами. — В один прекрасный день люди перестанут недооценивать меня.

Его улыбка становится шире, и я не уверена, что это — восхищение или нежность в его глазах, но это определенно что-то.

Проблема с вином в том, что я редко его пью. Что означает, что, когда я пью его и выпиваю почти целую бутылку в себя, это сильно ударяет по мне. И Лейкин, выпившая вина, отличается от Лейкин, выпившей пива. Она счастливее. Более беззаботная.

Мы с Мали танцуем, пока Оуэн играет на губной гармошке с таким же мастерством, с каким малыш «пукает» ртом. Она держит меня за руку и кружит, и когда я падаю на землю, она ложится рядом со мной вместо того, чтобы помочь мне подняться.

— Мы можем просто переночевать здесь? — спрашиваю я, глядя на звезды. — Небо заставляет меня чувствовать себя такой маленькой.

Мали скулит. — Мне надоело спать здесь на улице. Это звучит по-деревенски.

— Ладно, во-первых, спать на заднем дворе — это не *по-деревенски*, — говорит ей Кэм. — И во-вторых, вы, ребята, знаете, что там в лесу живут змеи, верно?

Мы обе визжим в унисон, вскакиваем и возвращаемся на свои места. Кэм и Хейс оба хихикают и чокаются своими банками с пивом.

Придурки.

Бессоница — это настоящая сука. На самом деле нет более приятного способа сказать это. Сначала я подумала, что просто не могу заснуть, потому что была пьяна, но комната перестала вращаться, когда я протрезвела пару часов назад. И все же, кажется, я не могу отключить свой мозг.

Мали крепко спит рядом со мной, когда я переворачиваюсь на другой бок и проверяю время на своем телефоне.

Три часа ночи.

Я тяжело вздыхаю и прикладываю руку ко лбу. Такими темпами я, вероятно, не засну до восхода солнца. К счастью, завтра утром у меня нет работы, так что, когда я в конце концов засну, я смогу выспаться.

Может быть, мне просто нужно подышать свежим воздухом. Тепло тела Мали согревает меня с той секунды, как мы забрались в постель — примерно в то же время она пьяно пробормотала что-то о желании купить дикобраза и научить его колоть людей, которые действуют ей на нервы. Она чокнутая даже во сне.

Сев, я выскальзываю из кровати и заворачиваюсь в плед. Заниженная часть потолка всегда была моей любимой деталью в этой комнате. Вот почему я в первую очередь хотела заполучить чердак. Это делает мансардное окно достаточно низким, чтобы я могла стоять через него, как на своем личном балконе. Кроме того, отсюда легко добраться до самой высокой части крыши.

Я осторожно взбираюсь наверх и выбираюсь на крышу. Прохладный ночной воздух немного шокирует, но, когда я сажусь и кутаюсь в одеяло, я быстро привыкаю к нему. Все звезды так ясно сияют у меня над головой. Надвигающейся бури не будет еще пару дней, так что я наслаждаюсь видом, пока могу.

Немного успокоившись, я ложусь на спину и делаю глубокий вдох. Здесь так спокойно. Так умиротворенно. Возможно, я была пьяна ранее, когда сказала Малик, что небо заставляет меня чувствовать себя маленькой, но я была серьезна. В этом есть что-то расслабляющее.

Проходит несколько минут, и я слушаю стрекотание сверчков и пару сов вдалеке, когда слышу, как кто-то взбирается на крышу — и мне не нужно оборачиваться, чтобы увидеть, кто это.

Хейс ложится рядом со мной, но ни один из нас не поворачивается, чтобы посмотреть друг на друга.

— Не можешь уснуть? — спрашивает он, как раз в тот момент, когда тишина становится немного невыносимой.

Есть что-то в том, как Хейс неловко заявляет об очевидном, что заставляет меня усмехнуться. — Что меня выдало?

Он толкает меня локтем. — Не будь умником.

— Ничего не могу с собой поделаться, — отвечаю я. — Это моя настройка по умолчанию.

Просто лежа здесь с ним, мои эмоции выходят из-под контроля. Ему не нужно было подниматься сюда. Я даже не знала, что он был здесь, не говоря уже о том, что все еще не спал. Сейчас три часа ночи. Он мог бы вернуться через окно Кэма, и я бы никогда не узнала. Но вместо этого он пришел сюда сам.

— Я рада, что ты вернулся, — тихо говорю я ему.

Он хмыкает. — Ну, я точно не мог оставить Кэма думать, что я внезапно возненавидел его или что-то в этом роде.

— О, не волнуйся. Он просто предположил, что у тебя был праздник секса.

Это задумывалось как шутка — попытка немного поднять настроение и поддержать ложь о том, что идея не похожа на удар паяльной лампой по сердцу. Но острый взгляд на его лице говорит мне, что он не находит это забавным, поэтому я пытаюсь отвлечь его.

— Эй, а ты знал, что есть приложение, которое ты можешь скачать на свой телефон, и оно использует камеру, чтобы показать тебе, на какие звезды ты смотришь?

— Нет, — говорит он мне, не задумываясь ни на минуту. — Я имею в виду, я ни с кем не спал.

Облегчение захлестывает меня. — Хорошо.

Тишина длится всего несколько секунд, прежде чем я продолжаю, несмотря на то, что все во мне говорит мне заткнуться.

— Но даже если бы это было так, это не мое дело.

Он не отвечает, и становится так тихо, что я начинаю задаваться вопросом, не заснул ли он, но, когда я поворачиваю голову, чтобы проверить, я обнаруживаю, что он смотрит на меня в ответ. По моим венам разливается непреодолимое желание поцеловать его, но я не могу.

Не без того, чтобы иметь некоторое представление о том, что происходит между нами.

Я прерываю зрительный контакт и снова поворачиваюсь к ночному небу. Я не могу смотреть на его лицо, пока задаю вопрос, который собираюсь задать. Я боюсь ответа, но мне нужно его услышать.

— Можешь ли ты честно сказать, что я единственная, кто здесь что-то чувствует?

Мой голос звучит почти надломленно, и вы можете услышать, как моя уверенность начинает пошатываться. Но я знаю, что он слышит меня, когда вздыхает.

— Пожалуйста, не заставляй меня отвечать на этот вопрос.

— Почему? — Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть ему в лицо. — Потому что мне не понравится ответ или потому что тебе не понравится?

Ты можешь видеть это по его глазам — по тому, как расширяются его зрачки и как он продолжает смотреть на мои губы. Он ведет мысленную битву в своей голове, пытаюсь понять, следует ли ему прислушиваться к ангелу на своем правом плече или дьяволу на левом. И когда он поворачивается на бок и легонько кладет руку мне на лицо, я думаю, что могу понять, кто из них выигрывает.

Мое сердце колотится о грудную клетку, когда я смотрю на него в ответ. Он заправляет мои волосы за ухо, и его челюсть сжимается.

— Чертов ад, — шепчет он. — У меня нет ни единого шанса, когда дело касается тебя, не так ли?

Я хочу спросить, что он имеет в виду. Заставить его развить это утверждение и дать мне

что-нибудь обдумать позже, когда я дам волю своим мыслям. Но прежде чем я успеваю спросить, он вырывает слова прямо из моего рта, прижимаясь своими губами к моим.

Если я думала, что поцелуй на вечеринке был хорошим, то это ставит меня в неловкое положение. Он притягивает меня к себе сзади за шею, и его большой палец проводит по моей скуле, заставляя оживать каждую частичку меня. Приоткрыв мой рот, его язык встречается с моим, и тихий стон, который он издает, подтверждает для меня все.

Я определенно не одинока в этом.

Когда я перекидываю через него ногу, его рука перемещается с моего лица на бок, и он обхватывает меня за талию, чтобы притянуть ближе. Я провожу ногтями по его спине, наслаждаясь тем, как учащается его дыхание.

Обстановка начинает накаляться, и я уверена, что если бы мы не были на крыше, то прямо сейчас снимали бы одежду. Мы хватаемся за каждую частичку друг друга, за которую только можем, и Хейс углубляет поцелуй, как будто не может насытиться. Но вскоре после того, как мы начинаем тереться друг о друга, он все прекращает.

— Черт, — ворчит он, прижимаясь своим лбом к моему.

Я ничего не говорю, когда он садится и проводит руками по лицу. Воцаряется ошеломляющая тишина, ни один из нас не знает, что сказать. Единственное, что я точно знаю, так это то, что он не посмотрит на меня. Я наблюдаю, как он смотрит на небо, затем в мою сторону, но никогда не возвращает свой взгляд ко мне.

Он опускает голову, признавая поражение. — Вот почему я пытался держаться подальше.

Я уверена, что должна что-то сказать. Что-нибудь, что помешало бы ему снова впасть в панику. И, может быть, если бы я не сидела здесь с онемевшей задницей посреди ночи, я бы смогла подумать об этом. Но я слишком ошеломлена — так же сбита с толку, как и он, если не больше.

Он остается на месте еще пару минут, а затем почти шепчет «Спокойной ночи, Лейкин», прежде чем соскользнуть с крыши и проскользнуть обратно через окно Кэма.

И любой шанс, который у меня был заснуть сегодня вечером, исчезает вместе с ним.

10

Хейс

Наждачная бумага проходит по заготовке, разглаживая ее и придавая форму доски для

серфинга, о которой я всегда мечтал. Это долгий процесс — создать свою собственную доску, но это будет так приятно, когда я буду кататься на волне с этим малышом.

Однако пройдет совсем немного времени, прежде чем это произойдет. После того, как я буду удовлетворен формой, настанет время добавить стекловолокно и смолу. Я также планирую попросить Мали сделать для нее художественное оформление. Я видел всего пару ее рисунков, но Кэм постоянно говорит о том, какая она талантливая.

Я хотел упомянуть об этом вчера вечером, но у меня так и не было возможности. Единственный человек, который знает, что я создаю свою собственную доску, — это Кэм. Если остальные парни узнают, они будут приставать ко мне с просьбой сделать каждому из них по одной, а у меня нет времени на это дерьмо.

Технически, я мог бы поговорить с ней об этом сегодня утром... если бы остался поблизости. После того, как прошлой ночью я вернулся в дом, у меня не было ни малейшего шанса заснуть. Все, что я мог делать, это лежать и пялиться в потолок, в то время как мысли о Лейкин постоянно напоминали мне, что я снова облажался.

Как только взошло солнце, я солгал все еще полусонному Кэму и сказал ему, что мне нужно идти на работу. По крайней мере, так мне не пришлось бы встречаться с Лейкин. Это идиотский поступок, я знаю, но как я мог смотреть на нее после прошлой ночи? Я пообещал, что больше к ней не прикаснусь, а потом послал это обещание к черту, поцеловав ее на крыше. Да, она этого хотела, но только потому, что не знает ничего лучшего.

Если бы она знала, насколько я не в ее лиге, она бы не удостоила меня второго взгляда.

Лейкин Бланшар находится в отдельной категории. Она не только незаслуженно великолепна, но и может оскорбить вас, а потом заставить извиняться за это. Убийственная смесь красоты и нахальства. Парень, который в итоге окажется с ней, будет счастливым сукиным сыном, но это буду не я. Как только она избавится от этого образа меня, который сложился у нее в голове, она будет двигаться дальше и в конце концов выйдет замуж за какую-нибудь рок-звезду или миллиардера.

Но это не значит, что это не будет действовать мне на нервы.

Я бездумно покусываю нижнюю губу, все еще ощущая ее там. Это гребаная пытка. Хотел бы я винить прошлую ночь в том, что был пьян, но я был совершенно трезв. Единственная причина, по которой я вышел на крышу, — это выкурить сигарету после того, как проснулся, чтобы отлить, и мне следовало оставить все как есть. Когда я впервые услышал, как она вылезает из своего мансардного окна, я подумал, что она снова собирается улизнуть. Не похоже, что она может просто так выйти за дверь в три часа ночи. И, честно говоря, когда Мали спала в ее комнате, я задавался вопросом, ради кого она могла тайком уходить. Но вместо этого она поднялась на крышу и лежала там, глядя на звезды.

Я должен был притвориться, что не замечаю ее — вернуться в дом и заставить себя снова уснуть — но когда я в последнее время поступал правильно, когда дело касалось ее? Как и в прошлый раз, меня потянуло к ней, как мотылька на пламя. И, как и в прошлый раз, я ничего не мог с собой поделать.

Теперь я не знаю, что делать дальше.

Воспользовавшись перерывом, я выхожу из гаража и направляюсь в дом в поисках выпивки. Я беру пиво из холодильника и открываю его. Ледяная жидкость освежает, когда скользит по моему горлу. Я прислоняюсь к стойке и подолом рубашки вытираю пот со лба.

— Какого хрена ты делаешь? — Обвиняющим тоном спрашивает Девин.

Мои брови хмурятся. — Делаю перерыв?

— Не это, придурок, — рывкает она. — Ты поцеловал Лейкин? Ты знаешь, что она чувствует к тебе. О чем, черт возьми, ты думал?

Ну и черт. — Я не думал, — признаюсь я со вздохом. — Было поздно, и мы были на крыше, смотрели на звезды, и это просто случилось.

— Какая крыша?

— Крыша дома Лейкин.

Мы стоим совершенно неподвижно, оба выглядим смущенными, пока не раздастся щелчок.

Я съеживаюсь, когда выдыхаю. — Ты говорила о вечеринке, не так ли?

Поджав губы, она подходит ко мне и запрыгивает на стойку. — Значит, ты поцеловал ее дважды.

— Да.

Это не ложь. Я поцеловал ее всего дважды. Она просто не знает, что *еще* мы делали, и я планирую так и оставить. Чем меньше людей знают, тем лучше.

— Итак, она тебе нравится или что-то в этом роде? — спрашивает Дев, слегка ударяя ногами по шкафу.

Я опускаю голову. — Это не имеет значения. Кэм перерезал бы мне горло только за то, что я так на нее смотрел.

Она хихикает. — Ладно, во-первых, это не ответ. И, во-вторых, ты не знаешь этого наверняка. Он мог бы тебя удивить.

— Он мог бы также сказать мне, что меняет имя на Эдгар и становится буддистом-веганом, но шансы на то, что это произойдет, невелики.

Закатывая глаза, она наклоняется, чтобы подтолкнуть меня плечом. — Я серьезно. Ты бы убил его, если бы он захотел встречаться со мной?

Как законченный лицемер, я поворачиваю голову в сторону сестры. — Тебе лучше, блядь, начать говорить, и немедленно.

Ее руки поднимаются в защиту. — Полегче, Куджо. Это был всего лишь гипотетический вопрос. И ты ответил неправильно, так что забудь, что я что-то сказала.

Видишь? Вот что я имею в виду. Я придурок. Лицемерный кусок дерьма, которому нечего делать рядом с ней, не говоря уже о том, чтобы быть в ее постели. Если Кэм когда-нибудь узнает, что мы сделали, я не буду винить его за то, что он разорвал меня на части и использовал части моего тела в качестве декора на Хэллоуин.

— Ты даже не хочешь попробовать поговорить с ним об этом? — спрашивает Дев через несколько минут.

Я смотрю на нее так, словно она сошла с ума. — Ты хочешь остаться единственным ребенком в семье?

Она хихикает. — Нет, но Лейкин не заслуживает того, чтобы с ней играли, так что, либо будь мужчиной, либо отвали, потому что, если ты причинишь ей боль, я буду вынуждена тебя ударить.

Спрыгнув вниз, она возвращается в свою комнату, но ее слова звучат в моей голове еще долго после того, как она ушла.

Моя надоедливая младшая сестра права — Лейкин не заслуживает того, чтобы с ней играли. Она не заслуживает ничего из того дерьма, через которое я заставил ее пройти в последнее время.

Как я уже сказал, она не в моей лиге.

Солнце уже начинает садиться, когда я добавляю последние мелкие детали к форме доски. Прохладный ветерок дует через открытую дверь гаража, но это не останавливает пот, стекающий с моего лба. Если мне удастся уговорить Марка закрыть магазин серфинга завтра, я, возможно, смогу получить смолу для одной стороны к завтрашнему вечеру.

Отрывая взгляд от доски, я вижу джип Кэма, въезжающий на подъездную дорожку. Он выскакивает, а затем громко хлопает дверью, и моя жизнь начинает проноситься у меня перед глазами.

— У меня есть к тебе разговор, — говорит он, подходя ко мне.

Да, это оно.

Это момент, когда я умру.

Думаю, все в порядке. Не совсем так, как я себе представлял, но я прожил довольно приличную жизнь. Хотел бы я, чтобы мне исполнился двадцать один год, но это то, что есть.

Я откладываю шлифовальный круг, чтобы инстинктивно не пытаться защититься, и высоко держу голову. Что бы он ни собирался со мной сделать, я это заслуживаю.

Но когда Кэм подходит достаточно близко, все, что он делает, это вручает мне расписание игр на следующую неделю и список того, что нам нужно потренировать до этого.

Это из-за хоккея?

— Мог бы предупредить меня, что ты собираешься пропустить тренировку, — рычит он. — Тренер заставил нас всех кататься на коньках до потери сознания. Сказал, что в последнее время мы недостаточно усердно работали. И твоей заднице пришлось пропустить это.

О, слава Богу.

Я был уверен, что я живой мертвец.

— Черт, извини, — говорю я ему. — Работал над этим весь день. Думаю, я просто отключился. Хотя я не жалею, что пропустил тренировку, потому что это звучит жестко.

Он бросает мне средний палец. — Мудак.

Я смотрю, как он подходит к доске, осматривая ее так, как это сделал бы только опытный серфер. Он присаживается на корточки, чтобы посмотреть на тонкий изгиб, и проводит по нему рукой.

— Она будет охренительной.

На моем лице появляется гордая усмешка. — Я знаю. Я в восторге от этого. Хотя это и заноза в заднице.

Он хмыкает. — Ни хрена себе. Как ты думаешь, почему я никогда не пытался создать свою собственную?

— Потому что ты слишком занят ремонтом машины мечты Мали.

— Ой, — шипит он. — Если бы я знал, что в меня будут бросать дерьмо, я бы не пришел. И, кроме того, это просто совпадение, что мы оба любим эту машину.

Я бросаю на него насмешливый взгляд, который говорит ему, что я не верю ни единому слову из этого. — Хорошо.

Подойдя к подержанному дивану, который мы поставили здесь прошлым летом, он ложится и достает свой телефон. — Мои родители убираются в доме и попросили Лейкин и меня помочь. Я выкрутился, сказав им, что у меня свидание, но она отменила, так что я просто собираюсь расслабиться здесь.

— Поступай как знаешь, — говорю я. — Или, выслушай меня, ты всегда можешь выбрать ту единственную девушку, которую действительно хочешь.

Он смеется. — Идея получше! Ты мог бы пойти на хуй.

— Киска, — бормочу я, и моя совесть впивается в меня взглядом.

Да, да. Я знаю.

Чья бы корова мычала...

11

Лейкин

Со мной что-то не так.

Я имею в виду, что это должно быть, верно? Иначе зачем бы мне сидеть здесь, уставившись в свой телефон и ожидая смс, которое, я знаю, никогда не придет?

Проснуться на следующее утро и узнать, что Хейс уже ушел, было ударом по моему самолюбию. Не то чтобы я думала, что проснусь от объятий, поцелуев в лоб и завтрака в постель. Но я ошибочно позволила себе надеяться, что мы, по крайней мере, поговорим об этом на следующее утро.

И вы знаете, что говорят о надежде — она порождает вечные страдания.

После того, как я прервала его игру в бильярд и практически преподнесла себя на блюде с голубой каемочкой, я пообещала себе, что никогда больше не буду выглядеть такой чертовски отчаявшейся. Итак, я дала Мали свой телефон на день и сказала ей, чтобы она не разрешала мне писать ему, по крайней мере, в течение следующих двадцати четырех часов.

Она справилась отлично. Я отдам ей должное. Она переадресовывала все мои звонки на свой телефон, а затем заперла мой телефон в своей машине. Никаких просьб или угроз было

недостаточно, чтобы убедить ее вернуть его.

Серьезно, если кто-нибудь когда-нибудь попытается пытками вытянуть из нее информацию, он будет разочарован. Девушка просто не сдается.

Клянусь, в моем безумии был смысл. Никак не связываясь с ним по крайней мере в течение дня, вы достигаете трех целей. Во-первых, это дает ему возможность связаться со мной первым. Во-вторых, это не дает мне выглядеть отчаянно нуждающейся в его внимании. И в-третьих, это заставляет меня пройти ту фазу, где желание написать ему сильнее всего, и после этого становится легче не писать ему.

За исключением того, что вычеркнула последнюю часть, потому что после того, как Мали вернула мне телефон, я продержалась не более двадцати минут, прежде чем написала ему смс с просьбой поговорить.

— Фу, — стону я, бросаясь на кровать Мали. — Меня так чертовски тошнит от его отношения горячо-холодно.

Она не отрывает взгляда от своего телефона. — Так ты сказала.

— Я имею в виду, серьезно. Как он может целовать меня, а затем снова вести себя так, будто меня не существует?

— Чертов нахал, — бормочет она, и я выбиваю телефон у нее из рук. — Ладно, это было грубо. Я не тот, кто оставил тебя с метафорическими синими шарами.

— Предложение надрать ему задницу все еще в силе? — спрашиваю я.

Она наклоняет голову из стороны в сторону. — Если ты застанешь меня в достаточно дерьмовом настроении, я уверена, ты сможешь заставить меня немного поколотить его. Но я не думаю, что ты искренне хочешь, чтобы я это сделала.

Бросив телефон на край кровати, я тяжело вздыхаю. — Я могла бы, если бы он хотя бы проявил немного вежливости и ответил на мое сообщение.

— Откуда ты знаешь, что он его видел?

Я опускаю голову на ее сторону кровати. — Оно отмечено как прочитанное.

— О, — говорит она, ее губы на мгновение остаются в форме круга. — Может быть, он все еще пытается придумать, что сказать.

— Прекрати это делать.

— Что делать?

— Это. — Мой палец указывает на ее лицо. — Говоришь мне то, что я хочу услышать, вместо того, чтобы быть честной и рискнуть ранить мои чувства.

Она улыбается и протягивает руку, чтобы поиграть с моими волосами. — Но ты моя маленькая принцесса. Когда тебе грустно, мне грустно.

— Мали, — предупреждаю я.

Она с отвращением морщит нос. — Фу, не произноси мое имя так, будто у меня проблемы.

— Прекрати пытаться сменить тему.

— Прекрати пытаться заставить меня разрушить твои надежды и мечты, — возражает она.

Как будто мне не хватает даже минимального самоконтроля, я сажусь и беру телефон, чтобы посмотреть, ответил ли он.

НОВЫХ УВЕДОМЛЕНИЙ НЕТ.

Я бросаю телефон на колени и потираю лицо руками. Раньше все было лучше — когда я сама убедила себя, что отношения с ним были просто нереальной фантазией в моей

голове. Что не было ни малейшего шанса, что это когда-либо произойдет на самом деле.

Делая глубокий вдох, я вытягиваю шею, а затем смотрю на Мали. — Хорошо. Вывали это на меня.

Мали хнычет. — Лей.

— Пожалуйста? Я знаю, что это будет больно, но мне нужно это услышать.

Она на секунду задумывается об этом, прежде чем закатить глаза и положить телефон. Ее кровать двигается, когда она садится и берет меня за руки. То, как она смотрит мне в глаза, говорит мне, что все, что она собирается сказать, предназначено для того, чтобы помочь мне, а не причинить боль — даже если последнее неизбежно.

— Я думаю, он тебе не подходит, — прямо говорит она. — Мне жаль. Я знаю, что он твоя первая любовь, и в твоих глазах он не может сделать ничего плохого, но он тебя не заслуживает. То, как он ведет себя в последнее время, только доказывает это.

Единственная слеза выскальзывает и скатывается по моему лицу. — Для него все это было игрой, не так ли?

Вытирая мое лицо рукавом, она качает головой. — Я бы так не сказала. Я думаю, Хейс явно что-то чувствует к тебе. Я не знаю, насколько сильны они, но я не думаю, что последние пару недель произошли бы, если бы он не испытывал каких-то чувств.

Ее слова заставляют меня чувствовать себя немного лучше, зная, что я не совсем бредила.

— Но, — продолжает она, и у меня скручивает живот, — это не значит, что он планирует когда-либо действовать на основе этих чувств. По крайней мере, не без того, чтобы сразу после этого не сбежать, как будто он все еще верит, что у девочек вши. И если он не желает говорить об этом, я не совсем уверена, что ты можешь что-то с этим поделать.

Я знаю, что она права. Парни склонны быть чертовски упрямыми, когда дело доходит до избегания вещей, с которыми они не хотят иметь дело, а Хейс еще хуже, но это все равно задевает. Может быть, я выдавала желаемое за действительное, но я надеялась, что он хотя бы согласится поговорить — даже если это всегда заканчивалось тем, что мое сердце разбивалось на куски.

Я даже не уверена, что здесь делать. Пытаться ли двигаться дальше и забыть его, каким бы невозможным это ни было? И если да, то позволю ли я ему безнаказанно игнорировать меня, как будто то, что произошло, ничего не значило ни для одного из нас?

Нет.

Он не должен обращаться со мной как с игрушкой. С другими девушками ему может сойти с рук его поведение горячо-холодно, но я не другие девушки. И я чертовски уверена, что не позволю ему сорваться с крючка, не сказав хотя бы свою часть правды.

— К черту это, — говорю я ей, слезая с кровати и хватая ключи. — Он собирается выслушать то, что я должна сказать, нравится ему это или нет.

Брови Мали приподнимаются, и я не могу сказать, нервничает она или впечатлена.

Вероятно, это и то, и другое.

— Что ты собираешься делать? — спрашивает она.

Единственное, чего я избегала.

То, на что я до сих пор не могла набраться достаточно смелости.

— Единственное, что я могу сделать, — говорю я ей, завязывая волосы в узел. — Я собираюсь встретиться с ним лицом к лицу в единственном месте, которое он не может покинуть.

Волны разбиваются о берег, а ветер развеивает красный флаг. Он предназначен для того, чтобы отпугнуть любого, кто хочет искупаться в океане, но ирония в том, что он находится прямо перед магазином серфинга, это выглядит комично. Может быть, кому-то стоит заставить Хейса постоянно носить с собой один из них.

Это могло бы спасти несколько сердец.

Правда, не мое. Мое уже не спасти.

Его грузовик стоит на парковке, давая мне знать, что он внутри. И тот факт, что у нас здесь только две машины, говорит о том, что он сам по себе. Я делаю глубокий вдох.

— Ты можешь это сделать, — говорю я себе. — Он не может относиться к тебе так, будто твои чувства ничего не значат, и ему это сходит с рук.

Заканчивая свою ободряющую речь, я собираю всю уверенность, на которую способна, за то время, которое требуется, чтобы пересечь парковку и открыть дверь.

Тут тихо.

Хейс стоит ко мне спиной, когда я вхожу, но звонок сообщает ему, что здесь кто-то есть. — Привет. Добро пожаловать в *Wax and Waves*.

Я молчу. Гнев, который я испытывала, когда ехала сюда, должно быть, вылетел в окно по дороге, потому что сейчас я стою здесь, и все, что я хочу делать, это плакать.

Быстро, ЧБСМ? *Что бы сделала Мали?*

Ну, для начала, она бы сказала мне, что я не половик, по которому он может ходить. И она была бы права. Если дерьмо с Крейгом чему-то меня и научило, так это тому, что, если я не хочу, чтобы со мной обращались как с дерьмом, я должна отказаться принимать дерьмовое обращение. Возможно, я не в состоянии контролировать то, что кто-то делает, но я могу контролировать, как я на это реагирую.

Когда он понимает, что никто не ответил, Хейс оборачивается, и его глаза встречаются с моими.

— Лейкин. — Он произносит мое имя так, словно это вздох, и это закаляет мой хребет.

— Ты не можешь продолжать в том же духе, — говорю я ему. — Ты не можешь поцеловать меня, а потом отказаться разговаривать со мной после. Мне все равно, сожалеешь ты об этом или нет. Я заслуживаю лучшего, чем это.

Как будто он полностью осознает, насколько он неправ, он опускает голову и кивает. — Я знаю.

Его ответ застает меня врасплох. Более конкретно, это печаль в его голосе. Это выводит меня из себя, заставляя мой гнев рассеяться — и это отстой, потому что это было моей движущей силой. По крайней мере, если я зла, я не расстроена. И я отказываюсь позволять ему видеть меня расстроенной.

Мы собирались быть *менее* жалкими, помнишь?

Я захожу вглубь магазина и начинаю разглядывать ожерелья из ракушек на одном из столов. Они прекрасны, но я здесь не из-за них.

— Что мы делаем? — Я выдавливаю из себя, разворачиваясь к нему лицом.

Вопрос, похоже, застал его врасплох. — Что ты имеешь в виду?

— Не прикидывайся дурачком. Что между нами происходит?

Если он собирается положить конец тому, что, черт возьми, это такое, он сделает это лицом к лицу. Не через текст, который он неизбежно отправит позже.

Я наблюдаю, как он изо всех сил пытается найти ответ, терпеливо ожидая, пока он остановится на одном.

— Мы друзья.

Сухой смех вырывается из моего рта, когда я делаю пару шагов к нему. — Да, я на это не куплюсь.

— Это правда, — говорит он, но я не думаю, что даже он сам верит в то, что говорит.

Я скрещиваю руки на груди. — Ммм. Значит, я так понимаю, ты целуешь всех своих друзей так же, как целовал меня прошлой ночью?

Он отводит взгляд от меня и проводит пальцами по волосам. — Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал.

Конечно, он этого не знает.

Даже я не знаю, что я хочу, чтобы он сказал. Я знаю, что я бы *хотела*, чтобы он сказал, но мы не собираемся этого делать. Не тогда, когда у меня нет полной уверенности, что он не заберет их обратно на следующее утро.

Прислонившись к прилавку, я излагаю теорию, которую прокручивала в голове. — Ты слышал меня той ночью, когда я была на кухне с Мали и Девин. Ты слышал разговор, а затем сделал вид, что ничего не слышал.

Его глаза закрываются, когда он вздыхает. — Я просил Девин не говорить тебе этого.

— Она этого не сделала. Ты только что сделал.

Он выдыхает, бормоча «*черт*» себе под нос. — Послушай, я не хотел, чтобы ты чувствовала себя неловко или странно рядом со мной.

Я усмехаюсь. — Так вместо этого ты решил поймать меня? Ты прав, это намного лучше.

— Нет, Лейкин. — Он качает головой. — Это совсем не то.

— Тогда что это? — С каждой секундой я начинаю терять терпение. — Скажи мне, потому что с моей точки зрения, это именно так и выглядит.

Его пальцы запутались в волосах, и он тянет их, постанывая от разочарования.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал? — Побужденный взгляд на его лице угрожает обезоружить меня, но я зашла так далеко не для того, чтобы сейчас отступить.

— Правду! О чем ты думаешь. Что ты чувствуешь.

Он поворачивается и хватается за заднюю стойку, хотя это никак не помогает ему успокоиться. Его спина двигается с каждым вдохом, а от того, как он крепко держится за стойку, костяшки пальцев белеют.

Я делаю все возможное, чтобы убрать яд из своего тона. — Я здесь в неведении, Эйч.

Вскидывая руки в воздух, он смотрит мне в глаза. — Я хочу тебя, хорошо? Когда ты рядом, я, кажется, не могу отвести от тебя глаз. И когда мы наедине, мне не хватает даже самых элементарных основ самоконтроля. — Он делает шаг ближе и кладет руки на стойку передо мной. — Но не важно, насколько ты сводишь меня с ума, в конце концов, ты все еще младшая сестра моего лучшего друга. Мы не можем переступить эту черту.

Заставляя себя отвести от него взгляд, я закатываю глаза. — О, отвали.

Его брови удивленно приподнимаются, когда с его губ срывается невольный смешок. — Прости?

— Нет. Тебе *нет* прощения, — усмехаюсь я. — Ты можешь взять свой моральный компас и свои дерьмовые оправдания и засунуть их себе в задницу, потому что, как ты можешь утверждать, что мы не можем переступить эту *черту*? Ты уничтожил ее в тот момент, когда высосал мои соки со своих пальцев.

Не давая ему шанса ответить, я оставляю его с его потрясенным выражением лица позади и марширую своей задницей прямо из магазина.

Мое сердце бешено колотится. Из-за бурлящего во мне адреналина трудно отдышаться, но я благодарна за это. Потому что я знаю, что в ту секунду, когда этого больше не будет, я буду плакать.

Я сажусь в свою машину и выезжаю со стоянки. Впервые с тех пор, как мое сердце решило привязаться к семнадцатилетнему парню с опьяняющей улыбкой и татуировкой на бицепсе, я не хочу, чтобы Хейс был где-то рядом со мной.

Проезжая по улице, я смахиваю несколько слез, которым удастся вырваться. Мне не просто больно — я раздражена. Все это время он знал, что никогда не допустит, чтобы у нас что-то получилось, и он все равно это сделал.

Это было эгоистично и безответственно, и я убедила себя, что это не так, несмотря на все красные флажки, которые говорили мне об обратном.

Мали как раз собирается сесть в свою машину, когда видит, что я подъезжаю к ее дому, и вот тогда я теряю самообладание. Я пытаюсь отстегнуть ремень безопасности и выпрыгиваю из машины.

— Мэл, — икаю я.

Она вздыхает и раскрывает объятия как раз вовремя, чтобы я врезалась в нее. Рыдания безжалостно сотрясают меня. Они разрывают меня в клочья, и все, что я могу сделать, это позволить этому случиться.

— Идем, детка, — мягко говорит Мали. — Давай зайдем внутрь.

Я шмыгаю носом и пытаюсь вытереть глаза, но это бесполезно. — Разве ты не собиралась куда-то идти?

Крепко прижимая меня к себе, она начинает вести меня в дом. — Это не имеет значения. Ты на первом месте.

Я лежу, положив голову на колени Мали, пока она играет с моими волосами так, как, она знает, я люблю. Это не то, что я могу объяснить. Это просто одна из тех вещей, которым всегда удается меня успокоить.

Мои глаза горят от слез, и даже нескольким слезинкам все же удастся просочиться, но,

к счастью, все не так, как раньше. Во всяком случае, на данный момент.

— Итак, что ты собираешься делать? — спрашивает она после того, как я наконец смогла объяснить, что произошло. — Ты не можешь продолжать заставлять себя проходить через это.

— Я знаю, что не могу. Это несправедливо по отношению ко мне. Что оставляет мне только один вариант. — Я хватаю свой телефон и удаляю его номер. — Я думаю, пришло время ему попробовать свое собственное лекарство. У него было мое внимание. Теперь давайте посмотрим, как ему нравится его отсутствие.

12

Хейс

Вот одно слово для вас: радиомолчание.

Прошло три дня с тех пор, как Лейкин ворвалась ко мне на работу, набросилась на меня так, как ни одна другая девушка никогда не делала, и ушла, держа в руках мое достоинство. Я всегда знал, что Лейкин из тех, кто не терпит дерьма. Это одна из вещей, которые большинство парней находят в ней такими привлекательными. Но я не думаю, что когда-либо ожидал того, что произошло.

Пока она стояла там, давая мне словесный пинок под зад, которого я по праву заслуживал, я знал, что мне нечего было сказать. Я не мог придумать ей никакого оправдания. Ничего, что могло бы оправдать то, что я сделал, и то, как я обращался с ней.

Я был мудаком, и связываться с ней, когда я знал о ее чувствах ко мне, было хреново. Больше и сказать нечего.

И теперь я вынужден иметь дело с последствиями, которые, по-видимому, проявляются в виде молчания Лейкин.

Хорошо, я признаю, это беспокоит меня больше, чем я думал. Это то, чего я хотел, верно? Чтобы она поняла, что ей не нужен парень, который ничего не добьется, как я? Тогда почему я до сих пор не могу прожить и часа, не думая о ней?

Я прихожу на каток на полчаса раньше, чем обычно. Тренер попросил меня прийти пораньше, чтобы показать ему новые пьесы, которые я придумал. Вид машины Лейкин на парковке говорит мне, что она внутри, и я не совсем уверен, что я чувствую по этому поводу.

Когда я вхожу в парадную дверь, из динамиков звучит классическая музыка, сообщающая мне, что Лейкин, скорее всего, на льду. Желание понаблюдать за ней сильно, но я знаю, что не имею права находиться где-либо рядом с ней. Не после всего. Итак, вместо этого я захожу в раздевалку и бросаю свою сумку на скамейку.

— Привет, тренер, — говорю я, заглядывая в его кабинет.

Он отрывает взгляд от своего сборника пьес. — Привет. Спасибо, что пришел пораньше. Наша предстоящая игра против Бофорта очень важна. Хотя они, возможно, и не являются нашими главными соперниками, в последнее время они произвели много шума.

Я усмехаюсь. — И при этом несут кучу дерьма.

— Точно, — соглашается он. — Итак, я ставлю перед собой задачу немного их усмирить.

— По-моему, звучит неплохо. Мне ничего так не хотелось бы, как сбить их с толку.

Улыбка, которая растягивается на его лице, вызывает у меня легкое беспокойство. — Я рад слышать, что ты это говоришь. Пойдем со мной.

Встав из-за своего стола, он выводит меня из раздевалки на каток. Лейкин полностью погружена в себя, и она скользит по льду со своим обычным непревзойденным мастерством. У нее есть способ сделать так, чтобы это выглядело легко, и единственное, что я могу сделать, — это смотреть с благоговением.

Тренер скрещивает руки на груди. — Она хороша, не так ли?

— Она потрясающая, — почти шепчу я.

Все ее тело взлетает в воздух, и она быстро вращается, делая два оборота и приземляясь двойным акселем, как будто это самая простая вещь в мире. Честно говоря, если бы она постаралась, то, вероятно, смогла бы освоить тройной, но тогда мистер Циммерман никогда бы не оставил ее в покое из-за того, что она бы стала профессионалом.

Видеть ее в своей стихии завораживает. Она уверена в себе вне льда — особенно когда стоит посреди магазина для серфинга, прижимается ко мне и заставляет сожалеть обо всех неправильных поступках, которые я когда-либо совершал. Но на льду? Как будто она единственная, кто существует.

Нет ничего, чего бы она не могла сделать.

Нет никого, кем бы она не могла быть.

Весь ее мир находится внутри этого катка, и ей принадлежит каждый его дюйм.

— Она также станет нашим секретным оружием, — говорит тренер.

Мой взгляд отрывается от Лейкин и переходит к нему. — Она *что*?

Он посмеивается, как будто это именно то, чего он ожидал от меня. — Лейкин собирается научить тебя и остальных членов команды навыкам, которые помогут тебе лучше держаться на коньках. Сегодня вы все берете уроки... у нее.

У судьбы всегда была привычка смеяться мне в лицо, и на этот раз она, должно быть, объединилась с Кармой. Время для этого было выбрано как нельзя хуже. Лейкин ненавидит меня до глубины души — и это справедливо, — и теперь я должен провести с ней следующие три часа.

О, и ее брат, который не должен знать, что между нами что-то не так.

Это должно быть потрясающе.

— Ты растрачиваешь свои навыки на маленьких детей, — говорит тренер Лейкин, когда музыка смолкает.

Она подходит к воротам и резко останавливается на коньках, разбрызгивая снег по полу, но все, что я вижу, — это ее ноги. Айзек был прав. Они чертовски идеальны. И меня бесит, что он тоже это заметил.

— Ты этого не знаешь, — возражает она. — Один из этих детей мог бы стать следующим Ильей Малининым.

Он смеется. — Это будет тот, кто ковырял в носу и вытирал его о лед, не так ли?

— Отвратительно, — вмешиваюсь я, используя это как предлог, чтобы поговорить с ней. — Кто из них это делал?

Здесь внезапно становится холодно, и это не имеет ничего общего со льдом. Она бросает на меня взгляд, едва признавая мое существование, прежде чем снова поворачивается к тренеру.

— Я собираюсь чего-нибудь выпить. Дай мне знать, когда я понадобится.

Он кивает в ответ. — Идет. Спасибо, Лейкин.

Она встает со льда и снимает коньки, прежде чем уйти в носках. Как только она уходит, Тренер смотрит в ту сторону, куда она исчезла, а затем на меня, издавая долгий свист.

— Что ты сделал, чтобы разозлить Малышку Бланшар?

Я съеживаюсь, потирая голову сбоку. — Это долгая история.

Его рука поднимается, чтобы похлопать меня по плечу, когда он посмеивается. — О, сегодня тебе будет весело.

Гипотетически, если бы я ударил его по лицу, меня бы исключили из команды? Я имею в виду, что, по крайней мере, это, вероятно, избавило бы меня от жестоких пыток, которые он запланировал. Возможно, риск стоил бы награды.

— Я думал, мы сегодня просматриваем новые пьесы. — Я стону. — Если это был твой план, почему ты заставил меня прийти раньше?

Он окидывает меня беглым взглядом. — Потому что другие парни следуют твоему примеру, и я знал, что ты будешь тем, кто устроит мне наибольшую херню по этому поводу.

— Ну, ты явно не продумал *это* до конца, — говорю я ему. — Как ты думаешь, что сделает Кэм, когда ты расскажешь ему?

— Ты не думаешь, что он согласится с этим?

Мне требуется все мое мужество, чтобы сдержать смех. — Берет уроки катания на коньках у своей младшей сестры? О, да. Я уверен, он будет в восторге.

Все мы собираемся на катке, перед нами тренер и Лейкин. Половина парней раздражена, в то время как другая половина слишком занята, разглядывая ее — то, что я изо всех сил пытаюсь игнорировать. И потом, есть Кэм.

— Ты издеваешься надо мной, — говорит он, качая головой, в полном отрицании.

Тренер смотрит на меня, и я улыбаюсь, мысленно говоря ему: «*Я же тебе говорил*». Я могу понять, почему он думал, что я буду его самой большой проблемой, когда дело дойдет до этого. Во мне нет ничего, что кричало бы о *балете на льду*, и у меня никогда не было проблем с отказом что-либо делать.

Например, тренировка, которую я пропустил. Когда я пришел в следующий раз, тренер сказал мне, что мне придется наверстывать упущенное. Последнее, чего он, вероятно, ожидал, это того, что я скажу ему, что у него было больше шансов, что я разглажу каток своим языком, и что он может отвалить и найти нового второго капитана, если ему это не нравится, но это именно то, что он получил.

Это, однако, другое.

Кэм и Лейкин действительно близки. У них есть связь, которой нет у большинства братьев и сестер. Но между ними всегда была какая-то динамика. Кэм — типичный старший брат — пугающий и защищающий до невозможности, когда дело касается ее. Лейкин, с другой стороны, — принцесса в башне. Не поймите меня неправильно, она может вырубить кого-нибудь, даже пальцем не тронув. Если бы кто-нибудь другой попытался относиться к ней так, как будто она в них нуждается, он пожалел бы о своих словах еще до того, как закончил их произносить. Но с Кэмом она это допускает.

Именно поэтому необходимость учиться у нее — удар по самолюбию Кэма.

— Я этого не делаю, — говорит ему тренер. — У всех вас большой потенциал, но больше всего вам нужно совершенствоваться в основах. Умение контролировать шайбу ни к чему тебя не приведет, если ты не умеешь кататься на коньках.

Айзек хмыкает. — Она прославленная танцовщица на льду. Она не может научить меня ничему, чего я уже не знаю. — Он оглядывает ее с ног до головы и ухмыляется. — Если только она не захочет перенести это в более уединенное место.

Моя челюсть сжимается, когда Лейкин закатывает глаза.

Кэм поворачивается и свирепо смотрит на Айзека. — Заткни свой чертов рот, пока я не заткнул его за тебя.

— Только не это снова, — раздражается тренер. — Послушайте. Это не подлежит обсуждению. Если тебе это не нравится, иди и отсидись. Но если вы находитесь на скамейке запасных во время этого, вы можете ожидать, что будете на скамейке запасных и во время игры.

Все стонут, им явно не нравится идея учиться у фигуристки. Некоторые из них даже не

согласны с тем фактом, что это Лейкин. И пока я стою здесь, зная, насколько она предпочла бы быть сейчас где-нибудь еще, чем в одной комнате со мной, я не могу на это больше смотреть.

— Хорошо. Этого достаточно, — говорю я достаточно громко, чтобы все меня услышали. — Что случилось? Бойтесь, что вас увидит девушка? — Глядя конкретно на Айзека, мои брови приподнимаются. — А как насчет тебя? Потому что лично я думаю, что она сможет обогнать твою медленную задницу.

— Отвали, Уайлдер, — выплевывает он.

Я пожимаю плечами. — Тогда докажи, что я ошибаюсь.

Тренер кивает мне в знак молчаливой благодарности, а затем поворачивается к Лейкин. — Они все твои. Удачи.

— Спасибо. — Ее глаза на секунду встречаются с моими, но она быстро отводит их и обращается к команде. — Хорошо. В хоккее ваш самый важный инструмент — клюшка, но в фигурном катании все зависит от вашего тела. Умение расставлять приоритеты — недооцененный набор навыков. Для меня это означает выполнение двойного акселя. Для тебя это означает возможность кататься быстрее, чем твой противник. И они не смогут помешать тебе забить, если не смогут добраться до тебя вовремя.

Предупреждение о спойлере: Мне следовало отсидеться нахуй. К черту Бофорта, которым нужно надрать задницы. Это того не стоит, когда мне приходится стоять посреди катка с кучей чуваков, отрабатывая чертово деми-плие ((фр. **demi-plié**) — полуприседание, при котором пятки остаются прижатыми к полу.).

Где кнопка, чтобы прервать гребаную миссию?

— Это смешно, — ноет Оуэн. — Какое отношение к хоккею имеет балет?

На ее лице появляется дьявольская ухмылка. — Хороший вопрос. Позволь мне показать тебе.

Она катится к скамейке запасных и хватает две сломанные хоккейные клюшки и рулон клейкой ленты. Оуэн остается совершенно неподвижным с зажмуренными глазами, пока она приклеивает дерево к задней части его ног. Закончив, она встает и смотрит на Кэма.

— Вы двое собираетесь участвовать в гонках, — говорит она им. — Выигрывает тот, кто первым окажется на другой стороне катка.

Оуэн не выглядит счастливым по этому поводу, но он сам загнал себя в этот медвежий капкан. Они с Кэмом выстраиваются рядом, и когда Тренер дает свисток, Кэм уходит, но у Оуэна возникают небольшие проблемы.

И под небольшими неприятностями я подразумеваю, что он ковыляет, как гребаный пингвин.

Он даже не доходит до середины катка к тому времени, как Кэм пересекает финишную

черту. Лейкин хихикает над его разочарованием, доказав свою точку зрения.

— Правильное сгибание колен имеет решающее значение для вашей скорости. Она смотрит на Кэм и кивает в сторону стартовой линии.

Идея участвовать в гонках с Лейкин его несколько не пугает. Его самоуверенность проявляется, когда он выстраивается рядом с ней. Но он должен знать, что она никогда не ставит себя в ситуацию, которая не пойдет ей на пользу.

Свисток раздается еще раз, и они трогаются в путь. Вы можете сказать, что Кэм напрягает себя больше, чем раньше, но у него нет ни единого шанса. Лейкин пересекает финишную черту на целых три секунды раньше него, и при этом она даже не вспотела.

— Чувак, — смеется Эйден. — Твоя сестра только что надрала тебе задницу.

Это выводит Кэма из себя. — Я никогда не утверждал, что я самый быстрый в команде. Если она победит Хейса, то я буду впечатлен.

Лейкин отводит взгляд при упоминании обо мне, но она бормочет тихое «*хорошо*» и направляет коньки к линии ворот. Я следую ее примеру, разбрызгивая немного снега в ее сторону в попытке поднять настроение, но это не работает.

— Вы двое готовы? — спрашивает тренер. — Лейкин, тебе нужна минутка? Ты только что закончила гоняться с Кэмом.

— Нет, — уверенно отвечает она. — Давайте покончим с этим, чтобы они могли извиниться, и мы могли вернуться к балету.

Посмеиваясь, он дает свисток, и мы одновременно отталкиваемся ото льда.

Я должен победить ее в этом. Не то чтобы я не уважал Лейкин. Я уважаю. Но у меня есть репутация, которую нужно поддерживать. И все же, даже если я буду стараться изо всех сил, этого недостаточно. Она по крайней мере на фут впереди меня, когда мы пересекаем черту.

Оба наших конька поворачиваются в сторону, и снег забрызгивает стену.

Я опускаю голову и тихо смеюсь про себя.

Это уже второй раз за одну неделю, когда она дает мне пинок под зад.

Положив руку на бедро, она поворачивается к остальной команде. — Кто-нибудь еще?

Все знают, что у них нет ни единого шанса; они качают головами.

— Отлично. — Она жестом приглашает их продолжать. — Теперь, когда мы с этим разобрались, давайте вернемся к деми-плие.

— Подожди! — кричит кто-то, и Кэм выглядит так, словно попал в свой личный ад, когда Мали выбегает на трибуну с телефоном в руке. — О, спасибо, черт возьми. Я думала, что пропустила лучшую часть.

— Амалия! — кричит тренер. — Мы не записываем тренировки. Ты это знаешь.

Она широко улыбается, но не опускает телефон. — Не волнуйся, тренер! Это видео предназначено только для целей шантажа. Я обещаю.

Лукас останавливается и наклоняет голову к Мали. — Тебя зовут Амалия?

— Осторожно, — рычит она. — В этом видео ты меньше похожа на Лукаса, а больше на Люси. Ты *не* хочешь быть на моей плохой стороне.

Его глаза расширяются от страха.

Ни для кого не секрет, что Мали не блефует.

Если ты ей не нравишься, ты в значительной степени облажался.

К концу тренировки я совершенно выбиваюсь из сил. Измученный даже не начинает это объяснять. Мои ноги болят в таких местах, о которых я и не подозревал, что они *могут* болеть. Но просто выполнив некоторые из тех вещей, которые она нам показала, я могу понять, насколько они будут полезны.

— Мали, ну же, — умоляет Кэм.

Она качает головой, улыбаясь, как кошка, поймавшая канарейку. — Ни за что. Ты не можешь заплатить мне за удаление этого видео.

— Эй, просто радуйся, что у нее не получилось, как у Лейкин обыграть тебя в гонке, — говорю я ему.

У Мали отвисает челюсть, когда она поворачивается, чтобы посмотреть на Кэма, и он вздыхает.

— Большое тебе спасибо за это, — процедил он сквозь зубы.

Лейкин подходит со своей сумкой на плече. — Если бы он не сказал ей, я бы сказала.

Ее волосы собраны в беспорядочный пучок на макушке, и на ней шорты и толстовка с капюшоном, но, черт возьми, она так хорошо выглядит. Может быть, это то, как она продолжает ставить меня на место, или то, что я отчаянно хотел увидеть ее с того момента, как она выбежала из магазина, но так легко потеряться во всем, чем она является.

Я позволяю себе взглянуть на нее на мгновение, а затем отвожу глаза, не желая, чтобы Кэм уловил это. Хотя, кажется, он уходит.

— Хорошо, хорошо, прежде чем ты дашь ей еще больше боеприпасов, я собираюсь уйти. — Он пятится к двери, а затем уходит. Остались только Мали, Лейкин и я — за исключением Эйдена, который еще не оторвал свою задницу от льда.

— Если бы только его суд еще не состоялся, — говорит Мали. — Мы могли бы показать это видео судье. «Ваша честь, эта принцесса с острыми носочками выглядит для вас как угроза?»».

Лейкин хихикает и качает головой. — Ты стерва.

— Я знаю, — с гордостью отвечает она.

— Смотрите, ребята! — кричит Эйден.

Мы все оборачиваемся, чтобы увидеть, как он скользит, задрав одну ногу за спину. Когда он понимает, что завладел нашим вниманием, он выпрямляется и поднимает руки над головой, как в балете.

— Я чувствую себя потрясающе, — кричит он, но когда он собирается проделать трюк, он падает, как только что родившийся детеныш газели.

Мали медленно качает головой. — Как тренер не заставляет его постоянно носить шлем?

— Я чувствую, что на данный момент ущерб уже нанесен, — отвечает Лейкин. — Ты

готова идти?

— Да. Ты собираешься следовать за мной?

Она кивает, и как раз перед тем, как они уходят, я не могу сдержаться. Моя рука двигается, прежде чем я успеваю обдумать это, и Лейкин останавливается, когда чувствует, как мои пальцы слегка хватают ее за руку.

— Могу я поговорить с тобой минутку? — Спрашиваю я, ненавидя то, как ей на самом деле удастся заставить меня нервничать.

Бросив взгляд на наши руки, она выглядит так, будто могла бы согласиться, но затем вырывается.

— Нет. — Моя рука опускается, когда она делает шаг назад. — Время поговорить было примерно в то же время, когда ты игнорировал меня и заставил меня почувствовать, что я для тебя просто игра. Теперь для этого слишком поздно.

Мали выглядит впечатленной, когда Лейкин хватается за руку и уходит с катка, оставляя у меня ощущение, что я, возможно, облажался даже больше, чем думал.

13

Хейс

Что вы делаете, когда другая команда дает интервью и говорит гадости о вашей? Когда их недавняя удача бьет им в голову, делая их невыносимо самоуверенными, и вы полны решимости заставить их пожалеть об этом? Это просто. Вы все согласны прийти на пару дополнительных тренировок.

Тренер стоит на одном конце льда с секундомером в руке, засекая каждую из наших скоростей. Он записывал их, чтобы сравнить, где мы были, когда начинали, с тем, какие мы сейчас, и я не думаю, что есть хоть один из нас, кто не улучшился.

Ну, за исключением, может быть, Эйдена, но он в любом случае парень, который чаще всего просто подает нам воду. По-прежнему ценный член команды, просто не тот, кого мы поставили бы в последний тайм игры. Или даже в последний тайм игры, в которой мы выигрываем с перевесом в три очка.

— Хорошо, — говорит тренер. — Я определенно доволен этими результатами. Кэм, ты увеличил скорость до той, что была у Хейса изначально.

Кэм поджимает губы и кивает. Достижение моей скорости всегда было одной из его целей. Он просто никогда не понимал, как это сделать — до Лейкин.

— Эйч! — рывкает тренер. — Ты опережаешь свое время на целых три секунды. Если бы ты сейчас соревновался с Лейкин, я думаю, ты бы поборолся с ней за победу.

Да, невелик шанс, что она когда-нибудь снова добровольно подойдет ко мне.

Он просматривает результаты по каждому из парней. У некоторых дела идут отлично; другим не помешало бы еще кое-что улучшить. Они, вероятно, провели время во время урока Лейкин, следуя ее указаниям, но полагая, что на самом деле им ничего из этого знать не нужно.

Чертовы идиоты.

— Лукас. — Тренер останавливается и качает головой. — Каким-то образом тебе удалось стать медленнее. Как, черт возьми, это произошло?

Остальные из нас хихикают, пока он потирает затылок. — Я не знаю, тренер. Может быть, мне нужно несколько индивидуальных уроков от Малышки Бланшар. Я уверен, что это мне поможет.

Все мое тело напрягается при мысли о том, на что он намекает. В том, что Лукас приударяет за Лейкин, нет ничего нового. Он делал это годами. Но сейчас я ничего так не хочу, как впечатать его в доски с такой силой, чтобы вызвать перелом.

Кэм закатывает глаза. — На днях я собираюсь убедить ее добиться судебного запрета в отношении тебя.

Вот с *этой* идеей я мог бы согласиться.

— О, да ладно, — возражает Эйден. — Ты хочешь сказать, что не хочешь, чтобы я однажды стал твоим шурином?

Этот ублюдок собирается отправить меня на испытательный срок за нападение при отягчающих обстоятельствах, если будет продолжать в том же духе. С другой стороны, мне, вероятно, не повезло бы так, как Кэму. Я бы закончил жизнь в тюрьме, проводя ночи в мечтах о супружеских свиданиях с девушкой, которую я не могу заполучить.

Изо рта Кэма вырывается лающий смех. — Чувак, я бы даже не позволил тебе жениться на моей четвероюродной сестре.

Лукас выглядит оскорбленным. — Вот это уже просто подло. Ты вмешиваешься в мою судьбу.

— Не держи на него зла, — вмешивается Оуэн. — Кэм не хочет, чтобы ты был в его семье, но это не имеет никакого отношения к тому, почему ты не женишься на Лейкин.

— Что ты хочешь этим сказать? — спрашивает он.

Тренер щиплет себя за переносицу. — Это значит, что *Лейкин* не согласилась бы выйти за тебя, особенно если ты продолжишь называть ее *Малышкой Бланшар*, как какой-нибудь педофил. Теперь мы можем вернуться к делу?

Выражение лица Лукаса бесценно — как будто все его надежды и мечты только что растоптали. Оуэн кладет руку ему на плечо и улыбается.

— Все в порядке, чувак, — говорит он. — Она просто не в твоей лиге.

Кэм фыркает. — Она вне всех ваших гребаных лиг. Ни у кого из вас нет с ней ни единого шанса, и даже если бы он у вас был, я бы никогда этого не допустил. Моя сестра под запретом для каждого из вас, придурков.

Если это не знак от чертовой Вселенной, то я не знаю, что это такое. С годами Кэма все больше раздражало, что парни пристают к ней. Однажды, когда о ней заговорили в раздевалке, он, черт возьми, чуть не пробил Оуэна сквозь стену. Похоже, Лукас может быть следующим — если только Кэм не узнает, что я натворил.

Я никогда не предполагал, что настанет время, когда я буду чувствовать себя немного неуютно в доме Кэма. Не после тех лет, что я провел здесь. Последнее, что я хочу сделать, это проявить неуважение к Лейкин, и находиться здесь, когда я знаю, что я в ее списке дерьма, кажется неуважением. Но когда Кэм спросил, пойду ли я к нему домой поиграть в видеоигры, как мы обычно делаем, я не смог достаточно быстро придумать оправдание.

Поэтому сейчас я сижу на диване и играю в видеоигры.

Их родители уехали вскоре после того, как мы приехали сюда, чтобы поужинать с парой друзей. Они бросили Кэму немного денег на пиццу и велели ему сказать Лейкин, когда он закажет ее, и вышли за дверь. Это и тот факт, что ее машина стоит на подъездной дорожке, — единственная причина, по которой я знаю, что она в доме.

Может быть, она спустилась вниз и, когда поняла, что я здесь, убежала обратно наверх. Я имею в виду, если она возненавидит меня до такой степени, что больше никогда не захочет находиться рядом со мной, я не могу сказать, что стал бы ее винить. Но, черт возьми, это было бы отстойно.

— Я собираюсь взять еще пива, — говорю я Кэму. — Хочешь еще одно?

Он берет свою банку с кофейного столика и встряхивает ее. — Да, моя почти пустая. Спасибо, чувак.

— Без проблем.

Я иду на кухню и открываю холодильник, ища, куда Кэм положил пиво. Как только я замечаю его, спрятанное у задней стенки второй полки, я слышу кашель и сопение, доносящиеся с лестницы. Моя голова резко поворачивается, и когда глаза Лейкин встречаются с моими, она замирает.

Ее нос красный и раздраженный, а одеяло, в которое она завернута, является явным признаком того, что она больна. Похоже, вчера она завязала волосы в пучок и так и не поправила его после того, как проснулась, судя по тому, как пучок свисает набок у нее на голове. И больше всего бесит то, насколько чертовски великолепно она все еще умудряется выглядеть.

Больной человек никогда не должен выглядеть так чертовски хорошо.

— Можно, э-э... — Она делает паузу, чтобы откашляться. — Не мог бы ты передать мне бутылку воды?

Я киваю и беру одну, затем ставлю ее на остров, чтобы она могла взять.

— Спасибо.

Это первый раз, когда мы разговариваем за три дня, и у меня такое чувство, будто я делаю быстрый вдох после того, как чуть не утонул. Но знать, что это продлится недолго, — все равно что снова погрузиться под воду.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она отмахивается от этого, делая глоток воды. — Я в порядке. Это просто простуда.

Мои брови приподнимаются. — Но сейчас почти июнь.

— Это, наверное, из-за перемены погоды. — Она замолкает, а затем напевает что-то себе под нос. — Ты должен знать об этом все, будучи экспертом по переходу от горячего к холодному.

Ее слова попадают точно в цель, и я вздрагиваю от того, как больно они звучат. В мои намерения никогда не входило причинять ей боль или играть с ее чувствами, но это не меняет того факта, что это произошло. И все, что я хочу сделать, это загладить свою вину.

— Лей, — выдыхаю я, но все, что я собирался сказать, отпадает, когда в комнату входит Кэм.

— Ты голоден? Я, пожалуй, закажу пиццу. — Он останавливается и смотрит на Лейкин как раз в тот момент, когда она отводит от меня взгляд. — О, привет, холерик.

— Осторожно, — насмехается она над ним. — Я прямо сейчас пойду наверх и покашляю тебе в подушку.

Он достает меню из ящика и кладет его на стойку. — Знает ли мама, что она родила демона?

Лейкин ухмыляется. — Да. Она все время говорит о твоих родах.

Я никак не мог подавить появившуюся улыбку. Даже когда она чувствует себя дерьмово, она настоящая задира — заставляет тебя сожалеть о каждом слове, слетающем с твоих губ.

Просто было бы приятнее, если бы я тоже не был в этом замешан.

Каток битком набит болельщиками. Обычно тут всегда аншлаг, но это уже следующий уровень. Здесь не хватает мест, чтобы все могли сесть. После интервью Бофорта весь город хочет увидеть, как мы покажем им, кто здесь главный.

Мы все в раздевалке, готовимся и убеждаемся, что наш настрой на правильном пути. Если и есть что-то, что мы делаем лучше всего, то это оно. Возможно, мы не всегда ладим, но когда дело доходит до доказательства того, что мы лучшая команда в округе, мы объединяемся. Вот что происходит, когда вы все играете вместе в течение многих лет.

Я оглядываюсь в поисках сборника пьес, желая просмотреть его еще раз, но его нигде нет. И Кэма, если уж на, то пошло, тоже.

— Оуэн, — я привлекаю его внимание. — Ты видел Кэма?

Он кивает в сторону двери. — Он вышел на минутку.

— У него был с собой сборник пьес?

— Конечно.

Тьфу. — Спасибо, чувак.

Каждую игру Кэм на минутку выходит из раздевалки, чтобы повидаться со своей семьей. Его родители желают ему удачи, а Лейкин комментирует, как она надеется, что он

упадет лицом вниз. На данный момент это, по сути, стало традицией.

Я хватаюсь за ручку и открываю дверь, чтобы пойти поискать его, но весь воздух мгновенно высасывается из моих легких, как только я выхожу.

Святое. Блядь. Дерьмо.

Лейкин стоит там с Мали и Кэмом, выглядя как воплощенная мечта. Ее волосы завиты, а легкий макияж, который, должно быть, нанесла для нее Мали, подчеркивает ее и без того захватывающие черты лица.

Я позволяю своему взгляду опуститься ниже и прикусываю губу, когда вижу, как ее белый топ заканчивается прямо под сиськами, оставляя обнаженным живот. Кольцо в пупке блестит на свету чуть выше того места, где джинсы облегают ее тело во всех нужных местах. От всего этого, вместе взятого, у меня, черт возьми, слюнки текут.

Дверь раздевалки начинает открываться позади меня, но когда я замечаю, что это Лукас, я быстро захлопываю ее обратно. Если он увидит, что она так выглядит, у него встанет, и тогда я буду вынужден зарезать его и окрасить лед в красный цвет его кровью.

Мне требуется все, что у меня есть, чтобы отвести от нее взгляд и оторвать челюсть от пола, когда я подхожу к Кэм.

— Привет, — говорю я, прочищая горло. — Можно мне взять сборник пьес? Я просто хочу обдумать пару вещей, прежде чем мы отправимся туда.

Он кивает. — Подожди. Я присоединюсь к тебе.

Когда он поворачивается обратно к девушкам, каждая из них обнимает его, и Лейкин говорит свою коронную фразу — желая ему удачи. А потом она ушла, не сказав мне ни единого слова. К счастью, Кэм даже не замечает этого и направляется обратно в раздевалку, а я смотрю ей вслед.

Она выглядит так аппетитно, что я мог бы есть ее весь день.

Хоккей — одна из немногих вещей, которыми я горжусь. После того, как я использовал его как отдушину, когда от нас ушел мой отец, это стало самой важной вещью в моей жизни. Это единственное, в чем я всегда был хорош, и никогда не было времени, когда моя голова не была погружена в игру — до сегодняшнего вечера.

Мы все возвращаемся в раздевалку после первого периода, каждому из нас нужна передышка, которую дает нам перерыв. Может, мы и выигрываем с перевесом в два очка, но это и близко не та бойня, на которую я надеялся. Каждый человек на льду выкладывался по полной.

— В чем дело, чувак? — спрашивает Кэм, возясь с чем-то в своем шкафчике.

Я качаю головой и выдыхаю. — Я не знаю. Просто это не моя ночь, но я пытаюсь.

Это гораздо более безопасный вариант, чем правда. *Меня отвлекает то, что твоя сестра выглядит так, будто она секс на ножках* — это не то, что прошло бы хорошо.

Он достает свой телефон и протягивает его мне, на экране интервью. Мы оба смотрим видео, которое смотрели более двадцати раз, и слушаем, как они несут свою чушь — ведут себя так, будто мы просто препятствие на их пути к чемпионату.

— Представьте, что они скажут, если действительно победят нас, — говорит Оуэн.

И он прав.

Ни при каких обстоятельствах мы не можем проиграть эту игру, как бы тяжело ни было перестать представлять, как вышвыриваю всех отсюда и трахаю Лейкин на каждой поверхности этого места.

Встав, я возвращаю ему телефон и хватаю свой шлем. К счастью, все остальные на взводе. Мы побеждаем, и до тех пор, пока мы сможем сохранять этот темп, их беспроигрышная серия закончится сегодня вечером.

Но когда я выхожу за дверь, у открывшегося передо мной зрелища появляется идея получше — убить их гребаного капитана.

Лейкин прислонилась спиной к стене, и на ее лице появилось кокетливое выражение, когда он склонился над ней. Мои зубы скрежещут, и единственное, что я хочу сделать прямо сейчас, это оторвать его от нее и вырубить к чертовой матери, но я не могу.

Какое право я имею это делать? *Она не моя.*

Заставляя себя смотреть прямо, я позволяю своей клюшке принять на себя основной удар моего гнева и прохожу мимо них. Но это не значит, что я не смотрю на нее в ту же секунду, как возвращаюсь на лед.

Я ненавижу каждую чертову вещь в этом.

То, как он приковывает к себе все ее внимание.

То, как он играет с прядью ее волос.

То, как светится все ее лицо, когда она смеется над чем-то, что он сказал.

Я не собственник. Однажды девушка попыталась переспать с Кэмом, чтобы заставить меня ревновать, и все, к чему это привело, — это то, что я бросил ему презерватив и сказал, чтобы он занялся этим. Но, наблюдая за ней с ним, я чувствую себя так, словно живу в своем личном аду.

Мали подходит, чтобы забрать Лейкин, и на секунду я испытываю облегчение, но когда он протягивает ей маленький листок бумаги, все, что я вижу, — это красный цвет.

Обе команды возвращаются на лед, и все снова занимают свои места, поскольку пришло время померяться силами — и мне противостоит не кто иной, как сам мистер Флирт. Мы стоим друг напротив друга, судья сбоку от нас, и меня охватывает ярость от того, как он оборачивается, чтобы улыбнуться Лейкин.

— Эй, — рычу я. — Не спускай глаз со льда.

Он издевается. — В чем, черт возьми, твоя проблема?

— Пока ты, блядь, держишься от нее подальше, у меня не будет проблем.

Саркастический смешок, слетающий с его губ, — последнее, что ему следует делать, и когда шайба падает, только для того, чтобы он немедленно толкнул меня, все ставки отменяются.

Моя клюшка падает на землю, когда я разворачиваюсь, замахиваясь. Обычно в хоккейных драках по крайней мере несколько секунд танцуют друг вокруг друга, но не в этот раз. Я срываю с его головы шлем и отбрасываю одну перчатку, чтобы убедиться, что он чувствует каждый удар моего кулака по его лицу.

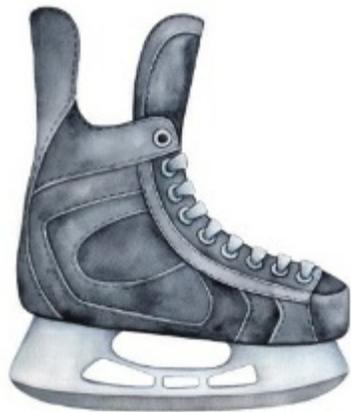
Он пытается сопротивляться, нанося несколько ударов, но это ничто по сравнению с

побоями, которые он получает. И когда я хватаю его за джерси и валю на лед, судьбе недостаточно просто дать свисток. Ему приходится оттаскивать меня от него.

Мы вдвоем направляемся к своим штрафным, и только когда я сажусь, я вижу ее. Мали выглядит впечатленной, но Лейкин далека от этого, она закатывает глаза и качает головой.

Неважно. Добавь это к гребаному списку вещей, которые я сделал неправильно.

Мне все равно.

Я думал, что это все. Что я выплесну свой гнев, немного пустив ему кровь. Но я был неправ. Так радикально неправ.

Дерьмо попадает в вентилятор после второго перерыва. Я должен чувствовать себя великолепно. Возможно, им и удалось забить еще один гол, но мы увеличили свое преимущество еще на два очка, сделав счет 7:3. Если мы не сможем победить с отрывом, то это самое близкое к тому, чтобы занять второе место. Но когда мы все возвращаемся на лед, ярости, которая взрывается внутри меня, достаточно, чтобы поджечь весь гребанный мир.

Лейкин сидит на трибунах с Мали и ее родителями, но она больше не отмораживает себе задницу в белом топе, который был на ней раньше.

Все намного хуже.

На ней его гребаная джерси.

Все мои намерения дать ей пространство и держаться подальше, чтобы уважать ее границы, вылетают прямо в окно, когда я подъезжаю к ней и стучу по стеклу. Мали смеется, когда взгляд Лейкин встречается с моим, наблюдая, как я машу ей в мою сторону. Она спускается с трибуны и встает по другую сторону стекла.

— Сними это дерьмо, — рычу я.

Она совсем не впечатлена. — Нет.

Неправильный ответ. — Я серьезно, Лейкин. Сними это на хрен, или я с тебя это сорву.

Уголок ее рта слегка приподнимается, и она скрещивает руки на груди. — Мой напиток пролился, а это значит, что если я сниму это, то буквально останусь сидеть здесь в лифчике. Это действительно то, чего ты хочешь?

Черт. В ее словах есть смысл. Но это не значит, что я просто буду стоять рядом и позволять ей выглядеть так, будто она принадлежит ему. Это произойдет только через мой труп.

Сойдя со льда, я подхожу к своему шкафчику и беру запасную джерси, которая у меня там висит. Я крепко сжимаю ее, снова распахиваю дверь и подношу к Лейкин, передавая ей, когда отхожу в сторону от трибун.

Ее брови хмурятся, когда она поднимает ее и смотрит на обратную сторону. — Нет. Абсолютно нет. Ты не предъявишь на меня никаких прав или что бы ты там ни пытался сделать. Принеси мне что-нибудь из вещей Кэма.

Да, этого не произойдет. — Это или бюстгальтер, и ты может быть и напористая, но ты не из тех, кто занимается самоуничижением.

Она бросает на меня взгляд, который соперничает с тем, что был у нее в магазине серфинга. — Ты мудак, ты знаешь это?

— Ага, — отвечаю я. — И я рад, что ты это поняла. А теперь ненавишь меня, сколько хочешь, но *сними его гребаную джерси*.

У нее нет ни малейшего шанса продолжить спор, когда я ухожу и возвращаюсь на лед. И когда я снова смотрю на нее, она, может быть, и злится, но она делает это, с *моим* номером на своей спине.

Начинается третий период, и вскоре я снова оказываюсь лицом к лицу с чуваком, который, должно быть, сегодня хочет умереть, если судить по ухмылке на его лице. Мы находимся в их зоне, и у нас есть шанс забить снова, если игра пойдет так, как нам хотелось бы. Но пока мы ждем, когда шайба упадет, он просто ничего не может с собой поделывать.

— Ты думаешь, я не трахну ее, пока на ней твоя джерси? — спрашивает он, и его ухмылка становится самодовольной. — Не волнуйся. Я обязательно дам тебе знать, как ощущается ее киска.

Это не моя вина.

Мои действия не принадлежат мне.

И то, как моя клюшка летит ему в лицо, рассекая кожу возле уголка его глаза, — это не то, за что кто-либо когда-либо получит от меня извинения. Честно говоря, ему повезло, что это все, что я сделал.

Его перчатка мгновенно закрывает ему глаз, и прежде чем я успеваю продолжить атаку, судья встает между нами и удерживает меня.

— Иди, проверь это, — кричит ему судья, а затем поворачивается ко мне. — Хорошая работа, крутой парень. Тебя только что вышвырнули из игры.

Может быть, таков был его план. В конце концов, единственный шанс, который у них есть на победу, — это избавиться от одного из наших лучших игроков. Меня бы не удивило, если бы после последнего периода они решили сыграть грязно. Возможно, я сыграл ему на руку, но к черту все это.

Оно того стоило.

Я отталкиваю от себя руки судьи и ухожу со льда. Тренер качает головой, когда я прохожу мимо, но не делает ничего, чтобы помешать мне зайти в раздевалку. Каждый человек в моей команде знает, что сейчас не время пытаться заговорить со мной.

Моя кровь все еще кипит, когда дверь за мной закрывается. Я срываю свой шлем и швыряю его через всю комнату, без сомнения, поцарапав его и заставив меня нуждаться в новом. К черту оставаться здесь до конца игры. У ребят все под контролем. Лучшее, что я

могу сделать для всех прямо сейчас, — это убратся отсюда к чертовой матери.

Я сажусь на скамейку и снимаю коньки, хладнокровно гадая, достаточно ли остры лезвия, чтобы перерезать парню горло.

Да, как я и сказал...

Мне нужно убратся подальше от этого места.

Мне удается снять форму, и я натягиваю джинсы, когда слышу, как открывается дверь. Все мое тело замирает, мне даже не нужно смотреть, чтобы понять, кто это.

Напряжения, которое вибрирует между нами, достаточно, чтобы понять это.

— Ты не хочешь рассказать мне, что это было? — спрашивает она.

Я отказываюсь смотреть на нее. — Это хоккей. Драки случаются постоянно.

Единственный способ выбратся из этой комнаты, не сделав чего-то еще, о чем я неизбежно пожалею позже, — это вести себя так, будто это было не из-за нее, хотя мы оба знаем, что это не так. Назовите это правдоподобным отрицанием.

— А джерси?

Я усмехаюсь. — Ты не можешь надеть джерси команды соперника на одну из *наших* игр. Не позволяй этому забивать себе голову.

Она издает смешок, не веря ни единому слову, слетающему с моих губ. — А как насчет этого?

Наконец, обернувшись, я вижу, что она держит в руках тот же маленький листок бумаги, что и раньше, с нацарапанным на нем номером его телефона.

— Ты хочешь сказать, что это не имеет к этому никакого отношения?

Я опускаю голову и усмехаюсь, зная, что сейчас я ни черта не могу сделать. Моральный компас, который она велела мне засунуть себе в задницу, вылетает в трубу, и нигде не найти ни грамма самоконтроля.

Меня больше ничто не остановит.

— Ты действительно думаешь, что он — то, что тебе нужно? — спрашиваю я низким голосом, медленно подходя к ней. — Ты думаешь, он может заставить тебя чувствовать то же, что и я? Заставит все твое тело дрожать, когда ты кончаешь?

Ее горло вздрагивает, когда она сплывает, но она не осмеливается произнести ни слова. Все, что она может сделать, это смотреть на меня в ответ, когда я подхожу к ней. Достав зажигалку из кармана, я ни на секунду не отвожу от нее взгляда, поджигая бумагу.

Когда тепло достигает ее пальцев, она отпускает его и смотрит, как он падает на пол, превращаясь в пепел, сгорая на кафеле. Я беру ее за подбородок большим и указательным пальцами и возвращаю ее пристальный взгляд к себе.

— Он не может, и я даже не позволю ему попытаться. — Я удерживаю ее на месте, приближаясь, пока мои губы не оказываются прямо напротив ее, чувствуя, как жар нашего дыхания смешивается воедино. — Потому что ты, черт возьми, моя.

И маленькое пространство между нами исчезает, когда я целую ее так, что мы оба падаем в пропасть.

Лейкин

Я не собиралась быть той, кто сделает это первой, но в ту секунду, когда он пересекает черту, которую столько раз стирал до этого, нас уже ничто не сдерживает. Мои руки обвиваются вокруг его шеи, мои пальцы зарываются в его волосы. То, как он, не теряя времени, заставляет меня открыть рот и переплетает свой язык с моим... Все это обостряет мои чувства.

Единственное, на чем я могу сосредоточиться, единственное, о чем я могу думать, — это он.

Его руки обхватывают меня за талию, затем он с легкостью поднимает меня и прижимает к стене. Я обхватываю его ногами, и в тот момент, когда я чувствую, как его твердый член трется о мою киску, я стону ему в рот.

Проводя ногтями по его спине, я наслаждаюсь тем, как он выгибается навстречу мне, но этого недостаточно. Между нами слишком много слоев. Слишком многое отдаляет его именно от того места, где я хочу его.

Где он мне *нужен*.

Он прерывает поцелуй только для того, чтобы прижаться губами к моей шее. Я задыхаюсь от этого ощущения и поворачиваю голову, чтобы дать ему больше доступа. Он мог бы пометить каждый дюйм моей кожи, и я не думаю, что прямо сейчас он получил бы от меня хоть одну жалобу.

— Боже, ты так чертовски хорошо выглядишь в моей джерси, — бормочет он, касаясь моей кожи. — Маленькая соблазнительница. Тебе нравится проверять мои пределы, не так ли?

Я ударяюсь головой о стену, тяжело дыша. Его рука поднимается, чтобы обхватить меня за горло, и его глаза пристально смотрят в мои.

— Ответь мне, Лейкин.

Черт. — *Да.*

— Что да?

— Я люблю проверять твои пределы, — признаю я. — Хотела увидеть, как ты ломаешься.

На его лице появляется самая сексуальная ухмылка, которую я когда-либо видела. — Миссия, блядь, выполнена.

Обхватив пальцами мою шею, он снова накрывает мой рот своим. То, как его язык двигается вместе с моим, как будто у меня нет ни единого шанса на какое-либо доминирование, опьяняет. Я могла бы в буквальном смысле опьянеть только от него.

Раздается звуковой сигнал и радостные возгласы, сообщающие нам обоим, что хозяева поля забили, и Хейс неохотно отстраняется. Его глаза скользят по моему лицу, выискивая что-то, о чем я не догадываюсь, а затем он выдыхает.

— Как бы сильно я ни хотел взять тебя прямо здесь, последнее, чего мы хотим, это чтобы кто-то из команды застал нас врасплох, — говорит он.

Я киваю, все еще пытаюсь отдышаться. — Верно. Ты прав.

Он осторожно ставит мои ноги обратно на землю и делает шаг назад. На мгновение у меня в животе образуется пустота, когда я думаю, что все кончено, и тогда он снова погружается в свою обычную спираль сожалений, но это улетучивается из моей головы в ту минуту, когда он говорит.

— Ты можешь придумать предлог для своих родителей, чтобы уйти?

Я киваю и провожу пальцами по волосам в попытке привести их в порядок.

— Хорошо. — Он достает футболку из своего шкафчика и натягивает ее. — Иди, разберись с этим, а потом встретимся у моего грузовика.

— Хорошо.

Я поворачиваюсь, чтобы сделать именно это, но прежде чем успеваю дойти до двери, он тянет меня обратно. Его большой палец скользит по моей щеке, когда он целует меня еще раз — на этот раз нежно.

— Ты сведешь меня в могилу, — почти шепчет он.

Улыбаясь, я приподнимаюсь на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку, а затем выхожу за дверь.

Я обхватываю себя руками и возвращаюсь на трибуны. Все еще на взводе после недавно забитой шайбы, но у меня есть работа, которую нужно выполнить.

— Вот ты где, — радостно приветствует меня моя мама. — Ты в порядке?

— Нет, — лгу я. — Думаю, я, возможно, перестаралась. Я все еще не чувствую себя на сто процентов, так что я просто собираюсь пойти домой и отдохнуть.

Ее брови хмурятся, но когда мой папа кричит о чем-то, что происходит на льду, ее внимание переключается на что-то другое. — Хорошо, милая. Что ж, я надеюсь, ты почувствуешь себя лучше.

— Тебе нужно, чтобы я отвезла тебя домой? — спрашивает Мали, напоминая мне, что я приехала сюда с ней.

Я качаю головой. — Все в порядке. Меня ждет Uber снаружи.

— Как удобно. — Сарказм, сквозящий в ее тоне, остается незамеченным моими родителями, но я слышу его громко и ясно.

Я незаметно показываю ей средний палец, заставляя усмехнуться. Взяв джерси Грега, я передаю ее Мали.

— Проследи, чтобы он получил это обратно.

Ее брови приподнимаются. — Ты не хочешь оставить ее себе?

О да. Я уверена, что это не закончилось бы хорошо. — Нет. Мне это ни к чему.

Прежде чем она успевает сказать что-нибудь еще, что могут уловить мои родители, я машу им троем и ухожу, нетерпеливо направляясь к двери.

Когда я выхожу на улицу, грузовик Хейса стоит на стоянке. Я опускаю голову и

забираюсь на пассажирское сиденье. Он наблюдает, как я пристегиваю ремень безопасности, и как только я заканчиваю, он заводит грузовик.

Никто из нас не произносит ни слова, когда он выезжает с парковки. Я не могу поверить, что это происходит на самом деле. Он везет нас Бог знает куда с единственным намерением прикоснуться ко мне всеми способами, о которых я мечтала.

Остановившись на красный свет, он смотрит на меня и усмехается, качая головой и снова сосредотачивается на дороге.

— Что? — спрашиваю я с любопытством.

— Ты ведешь грязную игру.

Моя улыбка становится шире, но я ничего не признаю. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Весело хмыкая, он нажимает на газ, когда загорается зеленый свет. — На каждую игру, на которой я видел тебя, ты приходила в джинсах или спортивных штанах, с волосами, завязанными сзади, как будто тебя это не беспокоило. Но сегодня вечером ты появляешься в таком виде, будто готова провести ночь в городе.

Честно говоря, этот наряд был идеей Мали, и притом блестящей. Возможно, там было немного холодновато, но как люди говорят? Без труда не вытаскишь и рыбку из пруда? Очевидно, это того стоило.

— А потом у тебя хватило наглости надеть чужую джерси.

Я не могу удержаться от смеха. — В свою защиту скажу, что моя майка была испорчена, и мне нужно было надеть что-то другое.

— Значит, ты идешь в раздевалку и берешь одну из моих, — рычит он. — Но единственный чертов номер, который будет на твоём теле, — это мой. Тот факт, что ты вообще уделила этому говнюку время, выводит меня из себя.

Хорошо. В этом-то и был смысл. — Может быть, я просто хотела чувствовать себя хорошо.

Он усмехается, поворачивая руль влево. — О, поверь мне, детка. Ты собираешься это сделать.

Детка. Боже, у меня такие чувства любви и ненависти, что это заставляет мое сердце учащенно биться.

Хейс паркует грузовик и выключает фары, оставляя лунный свет единственным, что освещает пустую парковку. Пляж перед нами не пользуется популярностью, в основном им пользуются только местные серферы и рыбаки. Он точно знал, куда идти, чтобы убедиться, что нас не поймают.

Когда он поворачивается ко мне лицом, мое дыхание немного сбивается.

— Если мы сделаем это, ни один из нас не сможет забрать это обратно. Ты ведь знаешь

это, верно?

Я прижимаю язык к щеке. — Я никогда ничего не забирала обратно.

Закрыв на секунду глаза, он хрипло смеется. — Трудно сказать, кто убьет меня первым, ты или Кэм.

— Вероятно, пятьдесят на пятьдесят, — признаю я.

— Конечно, это так. — Он нежно улыбается, но улыбка исчезает, когда он становится серьезным. — Не быть откровенным с тобой раньше было подлым поступком. Мне следовало поговорить с тобой, и я больше не совершу этой ошибки, поэтому я говорю с тобой сейчас.

Он на мгновение замолкает, чтобы быть абсолютно уверенным, что завладел моим вниманием.

— Если ты ищешь отношения, то здесь ты их не найдешь. Скажи мне, что это нарушает условия сделки, и я отвезу тебя домой прямо сейчас. Никаких обид.

Услышать эти слова — не шок. Я всегда знала, что он за парень, и я никогда не думала, что мы будем делать то, что уже сделали, так что неудивительно, что мы не уедем вместе в закат или еще какая-нибудь романтическая хрень. Но это не значит, что та часть меня, которая жаждет этого, не разочарована.

Тем не менее, я не собираюсь сейчас отступать из-за небольшой формальности.

Если мне разобьют сердце, что ж, по крайней мере, я получила от этого несколько оргазмов.

— А что, если меня это не волнует?

Он высовывает язык, чтобы облизать губы. — Я просто хочу, чтобы ты была уверена, что это то, чего ты хочешь.

— Так и есть, — говорю я без малейших колебаний.

Он ухмыляется и облакачивается на центральную консоль. — Тогда иди сюда.

Я встречаюсь с ним посередине. Он заправляет прядь волос мне за ухо и кладет руку мне на затылок, чтобы притянуть меня к себе. Поцелуй медленный. Мягкий и взвешенный. Он прижимается своим ртом к моему, как будто у нас в запасе все время в мире. Но когда я прикусываю его нижнюю губу зубами, он больше не сдерживается.

Все меняется от легкого и деликатного до огненно-адского желания и нужды. Он тянет за рычаг, чтобы откинуть спинку сиденья, и тянет меня на себя.

— Черт, — стонет он.

Я прижимаюсь к нему, чувствуя, какой он твердый под джинсами. — Мне это нужно. Ты мне нужен.

Издав легкий стон, он расстегивает свои джинсы и выгибается достаточно, чтобы снять их. Его член лежит у него на животе, выглядя так, словно он действительно может разорвать меня пополам. А сердитый оттенок красного показывает, насколько он возбужден. Если какая-то часть меня все еще думала, что я единственная, кто хочет этого, она быстро успокоилась.

Его пальцы перемещаются к пуговице на моих джинсах. Снять их в таком положении непросто, но мы справляемся. Когда мои трусики падают на пол его грузовика, он проводит большим пальцем по моему клитору, посылая заряд удовольствия.

— Я не могу дождаться, когда окажусь внутри тебя, — говорит он мне, играя с моей киской. — Это будет так чертовски хорошо.

Ожидание убьет меня. Я хватаюсь за низ его джерси и собираюсь стянуть ее через

голову, когда он останавливает меня и снова опускает ее.

— О нет, детка, — рычит он. — Оставь ее. Хочу трахнуть тебя, пока на тебе это надето.

Позвольте мне сказать вам, что для парня, который не заводит отношений, он ужасно собственнический. Но упоминание об этом прямо сейчас привело бы к резкой остановке, поэтому вместо этого я наклоняюсь вперед и целую его.

Чувствуя, как два его пальца погружаются внутрь меня, я стону от облегчения. Я нуждалась в нем с тех пор, как он делал это в последний раз. Ничто из того, что я делала, даже вибратор, на покупке которого настояла Мали, не помог. Ничто из этого не заставляло меня чувствовать что-либо близкое к тому, что делает со мной он.

— Эйч, — умоляю я. — Боже, Эйч.

Он ухмыляется во время поцелуя. — Скажи мне, чего ты хочешь, Рочестер.

При любых других обстоятельствах я бы покраснела и уклонилась от его просьбы, но прямо сейчас? К черту все это.

Отстраняясь, я смотрю ему прямо в глаза. — Я хочу, чтобы ты трахнул меня.

— Хорошая девочка.

Я прихорашиваюсь от комплимента, когда он тянется к центральной консоли и достает презерватив. Он берет свой член в руку и пару раз дрочит его, не сводя с меня пристального взгляда. Я отвожу взгляд, чтобы посмотреть, как он натягивает на себя презерватив.

— Последний шанс отступить, детка, — говорит он мне, но я качаю головой.

— Этого никогда не случится.

Схватив меня за бедра, он насаживает меня на свой член. — Спасибо, черт возьми.

Все во мне словно горит, когда он трется о мой вход, дразня и мучая. И когда он начинает опускать меня на себя, растяжение жалит и обжигает одновременно. Я делаю все возможное, чтобы скрыть боль, но он уделяет мне слишком много внимания. Еще до того, как он засунул внутрь всю головку, он видит, как я слегка вздрагиваю, и замирает.

Я отвожу взгляд, надеясь, что это заставит его продолжать, но он не собирается этого допустить.

— Посмотри на меня.

Я бы действительно предпочла не делать этого прямо сейчас.

— Лейкин, — говорит он, и это не просьба. — Посмотри на меня.

Сделав глубокий вдох, я делаю, как он говорит. Он пристально смотрит мне в глаза. На его лице отражается целая гамма эмоций, но самая большая из них — беспокойство.

— Ты...

Он не заканчивает вопрос, и я использую это в своих интересах.

— Лесбиянка? — Я заканчиваю за него. — Нет, явно нет. Мали привлекательна и все такое, но ей не хватает необходимых деталей.

Это должно было быть шуткой, но ему не смешно.

— Ты девственница?

Черт. Я закатываю глаза, как будто идея возмутительна. — Черт возьми, нет. У меня много раз был секс.

Да, он ни на секунду не купился на это. Не то чтобы я думала, что он это сделает. Я ужасная лгунья, и это было самое далекое от моего лучшего выступления.

Он выдыхает, как будто ему стыдно за себя, и немедленно выходит из меня. Я откидываю голову назад и стону, когда он опускает меня обратно, на этот раз его член лежит под моей киской, а не пульсирует внутри нее.

— Это такой пиздец, — говорит он, борясь с собой.

— Это не так. Я же говорила тебе. — Я прижалась своим лбом к его. — Я хочу этого. Я хочу *тебя*.

Медленно целуя его, я чувствую, как он немного сдерживается, но затем начинает двигать своим ртом вместе с моим. Я прижимаюсь к нему и издаю хриплый стон, когда его член дергается. Я начинаю думать, что он снова согласен с этим, но когда я пытаюсь снова ввести его в себя, он останавливает меня.

— Лей, — говорит он, и я боюсь того, что будет дальше. — Мы здесь говорим не о каком-то случайном трахе. Это твой *первый раз*. Ты заслуживаешь гораздо, блядь, большего, чем это.

Он оглядывает грузовик, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Мои плечи опускаются, когда я понимаю, что этого не произойдет — разочарование заполняет пустоту, которую я бы предпочла заполнить им. Но когда он замечает, что выражение моего лица меняется, он немного смягчается

— Эй. — Он кладет ладонь мне на лицо, чтобы заставить меня посмотреть на него. — Только потому, что мы не можем заняться сексом, это не значит, что я все еще не могу доставить тебе удовольствие.

Притянув меня к себе, он снова целует меня, на этот раз круговыми движениями поглаживая мой клитор. Это и близко не так хорошо, как я себе представляла, трахаться с ним, но, Боже, это потрясающее ощущение. Он точно знает, как прикасаться ко мне, как двигаться, чтобы мне захотелось кричать.

Когда я начинаю тереться о его член, его руки скользят вверх по моему животу и забираются под лифчик. Он хватается обе мои груди, играя с моими сосками. Когда он видит, как мое тело реагирует на его прикосновения, он коварно улыбается. Приподнимая свою майку и мой лифчик ровно настолько, чтобы оставить меня обнаженной, он накрывает ртом одну грудь.

О, черт возьми.

Не поймите меня неправильно, я путалась с парнями. В какой-то момент, когда я подумала, что действительно хочу быть с Крейгом, я подрочила ему и позволила себя потрогать. Но я не почувствовала ничего даже отдаленно похожего на это.

Это все.

Я запрокидываю голову, издавая звуки, которые мне не следовало издавать. Щеки Хейса впадают вокруг моего соска, когда он посасывает его и дразнит языком. Запуская пальцы в его волосы, я притягиваю его ближе и сильнее прижимаюсь к нему.

Внутри меня начинает нарастать давление, но этого недостаточно.

Мне нужно больше, чем это.

Больше, чем его пальцы.

Он мне нужен.

— Да, детка, — стонет он, ложась на спину. — Потришь о мой член. Используй меня, чтобы кончить. Бери, что хочешь.

Я в отчаянии прикусываю губу. — Чего я *хочу*, так это чтобы ты трахнул меня.

Его глаза сужаются, когда он смотрит на меня, и я знаю, что он думает об этом. Я чувствую его под собой — чувствую, какой он твердый и как его член умоляет об освобождении. В последней отчаянной попытке подтолкнуть его к краю, я смотрю на него, в моих глазах нет ничего, кроме чистого желания.

— Пожалуйста? — Я умоляю его. — Мне это нужно. Мне нужно почувствовать тебя внутри себя.

— Лейкин, — предупреждает он.

Я закатываю глаза. — Я знаю, знаю. Я заслуживаю лучшего. Я слышала тебя. Но это не меняет того факта, что это именно то, чего я хочу. Так что, если ты не хочешь трахать меня, потому что ты действительно этого не хочешь, или потому что у тебя какой-то странный комплекс по поводу лишения меня девственности, это нормально. Я найду кого-нибудь другого, кто расколется мою вишенку, и тогда мы сможем вернуться к этому разговору. Но если ты делаешь это только потому, что у тебя в голове есть какая-то идея, что я—

Мои слова обрываются, когда он целует меня... жестко. Его язык танцует с моим, когда он приподнимает меня и снова прижимается ко мне. И на этот раз, когда он начинает опускать меня на себя, он не останавливается.

Он не останавливается.

Он скользит в меня и целует, несмотря на боль.

И, черт возьми, это такая приятная боль.

Ощущение того, как его член растягивает меня, — это все, и когда он достигает дна, звуки, наполняющие грузовик, откровенно порнографичны.

— Ты такая чертовски тугая, — стонет он.

— Я ведь не делаю тебе больно, правда? — Спрашиваю я, чувствуя себя немного неуверенно.

Он усмехается, затаив дыхание. — Нет, детка. Ты само совершенство. Я собираюсь начать двигаться, хорошо?

Я киваю, и он использует свою хватку на моей талии, чтобы начать поднимать меня и опускать обратно. Первые несколько раз это причиняет такую же боль, как и в начале, но по мере того, как он ускоряет темп с каждым толчком, боль превращается в удовольствие.

— О Боже, — стону я, чувствуя себя так хорошо. Так полна им.

Он чувствует себя так же, откидывая голову на подголовник. — Вот и все. Именно так. Черт, Лейкин. Ты так хороша для меня.

Его слова разжигают что-то внутри меня, так же, как они это сделали в моей спальне. Моя единственная цель, моя единственная забота в мире — быть такой, какой он хочет, чтобы я была. И прямо сейчас все, чего я хочу, это дать ему то, чего он хочет.

Я убираю его руки от себя и прижимаю их к его голове, когда начинаю подпрыгивать на его члене. Его пальцы переплетаются с моими, и его зубы впиваются в губу, когда он наблюдает, как я достигаю нашей общей цели.

— Мне нравится видеть тебя такой, — говорит он мне. — Видеть тебя в моей джерси, чувствовать, как твоя киска обхватывает мой член. Не могу дождаться, когда почувствую, как ты кончаешь на него.

Тихий стон срывается с моих губ, и он ухмыляется.

— Это то, чего ты хочешь, детка? Хочешь кончить прямо на мой член?

— Да, — выдыхаю я. — Я хочу, чтобы ты чувствовал себя хорошо.

Он выгибается навстречу мне. — Так и есть. С тобой мне так чертовски хорошо.

Увеличивая скорость, я понимаю, что уже так близко. Это прямо здесь, готовое взорваться внутри меня, как бомба. Мне просто нужно, чтобы он был глубже.

Мне нужен каждый его дюйм глубоко в моей киске.

В ту секунду, когда я отпускаю его руки, он снова обхватывает меня за талию и

притягивает к себе — сильно и грубо. Я опускаю голову ему на плечо, начиная терять контроль. В этот момент больше ничего не существует. Есть только он и я, и то, как он трахает меня, одновременно притягивая к себе.

— Черт возьми, Лейкин, — стонет он. — Я собираюсь кончить. Мне нужно, чтобы ты кончила со мной.

Мои пальцы впиваются в его руки, и когда он протягивает руку между нами и начинает играть с моим клитором, я погружаюсь на глубину. Хейс поворачивает голову и целует меня, заглушая мои стоны, когда все мое тело сжимается и дрожит вокруг него.

— Да, — выдыхает он. — Черт возьми, да. Такая хорошая девочка для меня.

Он толкается еще несколько раз, растягивая мой оргазм, прежде чем последовать за мной прямо к краю. Его член пульсирует внутри меня, когда он выливает все, что у него есть, в презерватив.

Моя голова остается лежать у него на плече, пока мы вдвоем пытаемся восстановить дыхание. Все окна запотели, как в каком-нибудь фильме, и я улыбаюсь, когда поднимаю руку и кладу ее на стекло, скользя ею вниз, пока не добираться до двери.

Хейс усмехается, наблюдая за мной. — «Титаник», серьезно?

— Что? — возражаю я. — Это классика.

Он может вести себя так, будто я нелепа, но ухмылка на его лице говорит об обратном — как и круги, которые он бездумно рисует на моей спине.

Мы остаемся в таком положении еще несколько минут, пока не начинаем испытывать дискомфорт. Нежно поцеловав меня в макушку, он поднимает меня с себя и усаживает обратно на пассажирское сиденье.

— Я не причинил тебе боли, не так ли? — спрашивает он, снимая презерватив и протягивая мне мою одежду.

Я с улыбкой качаю головой. — Нет. Вовсе нет.

— Хорошо.

Он почти полностью одет, в то время как я все еще пытаюсь найти свои трусики. Когда он замечает это, то ухмыляется и поднимает их вверх.

— Ищешь это?

Я киваю, но, когда я приближаюсь, чтобы взять их, он забирает их и засовывает к себе в карман.

— Я оставлю их себе, — говорит он мне. — Одевайся.

Это и близко не должно быть так горячо, как есть. Но все же, даже когда я натягиваю джинсы и чувствую, как неудобно в них без нижнего белья, я не могу перестать думать об этом.

— Подожди. — Я прищуриваюсь, глядя на него. — Это не какой-то твой странный фетиш, не так ли? У тебя в комнате целый склад женских трусиков?

Он фыркает. — Я так рад, что ты считаешь меня таким развратником, Рочестер.

— Это не то, что я — Я закрываю рот и фыркаю.

Может быть, что у него в комодке целый ящик, заполненный памятками о девушках, которых он трахал? Конечно. Скажет ли он мне, если сделал это? Ни за что на свете. Нет никакого способа ответить на этот вопрос, не заставив его выглядеть так, как он не хочет выглядеть.

Если он скажет мне, что так и есть, это будет выглядеть так, будто я просто еще один номер. Еще один случайный трах.

И если он скажет мне, что это не так, он признает, что я значу для него больше, чем любая из женщин, с которыми он спал до меня.

По сути, это вопрос с подвохом. Ему не победить.

На полпути к моему дому мы слушаем радио, и моя рука высовывается из окна, ощущая легкий ветерок между пальцами. Я пою вместе с музыкой, откидывая голову назад. Хейс смотрит на меня и улыбается, прежде чем положить руку мне на ногу.

Это такой маленький жест, и для кого-то другого он мог бы показаться незначительным, но из-за него у меня в животе порхают бабочки. Возможность того, что может произойти дальше, тяжелым грузом лежит на задворках моего сознания, но я отгоняю ее прочь. Я отказываюсь разрушать это чрезмерными размышлениями. Я могу беспокоиться об этом позже.

Прямо сейчас я просто хочу наслаждаться этим.

Мы подъезжаем к моему дому десять минут спустя, и, к счастью, дома еще никого нет. Неизвестно, что сказал бы кто-нибудь из моей семьи, если бы увидел, как Хейс высаживает меня. Особенно Кэм.

Я расстегиваю ремень безопасности, но он не убирает руку с моего бедра.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — спрашивает он, звуча искренне обеспокоенным этим.

Это мило, на самом деле. — Да, я в порядке. Я обещаю.

Удовлетворенный моим ответом, он бросает взгляд на дом, а затем наклоняется, чтобы поцеловать меня еще раз. Это не поцелуй жалости или обязательства, это просто... приятно. Он отстраняется и смотрит на меня с чем-то необъяснимым в глазах.

— Спокойной ночи, красавица.

Мое дыхание сбивается. — Спокойной ночи.

Выбираясь из грузовика, я собираюсь закрыть дверь, когда он останавливает меня.

— Лейкин?

— Да?

— Ты достаточно отвлекаешь на наших играх, — говорит он мне. — Если ты ожидаешь, что мы победим, я бы подумал о том, чтобы больше так не одеваться.

Моя улыбка становится шире, когда я смеюсь. — Поняла. В следующий раз я надену тренч.

Его глаза сужаются. — С одеждой под ним?

Я пожимаю плечами. — Посмотрим.

Его голова запрокидывается, и он стонет, когда я закрываю дверь и захожу внутрь. Он может наслаждаться представлением этого мысленного образа всю оставшуюся ночь. Тем временем я поднимаюсь прямо в свою комнату и переодеваюсь во что-нибудь более удобное.

С каждым своим движением я чувствую это.

То, как он растянул меня.

Боль, которую он оставил после себя.

Я падаю спиной на кровать и прикусываю губу. Возможно, это было не так, как я представляла себе потерю девственности, но я бы ничего не изменила.

Я лежу в постели, читаю книгу, но едва могу прочитать пару абзацев, как мои мысли начинают блуждать. Прошло несколько часов с тех пор, как Хейс высадил меня, и прошло всего около двадцати минут, прежде чем я начала беспокоиться.

Если судить по прошлому опыту, то именно тогда он переходит в режим отступления. Когда он сожалеет обо всем, что только что произошло, и пишет мне, чтобы я знала, что это была ошибка.

Что он сожалеет.

Что это больше не повторится.

Я подумала о том, чтобы написать ему, но, как бы тяжело это ни было, я стараюсь воздержаться от этого сегодня вечером. Если он снова оставит меня без ответа, идеальный маленький пузырь, в котором я сейчас живу, лопнет, и мне придется иметь дело с болью от того, что он снова остынет.

Заставляя себя вернуться к чтению, мне, наконец, удастся дочитать полторы страницы, когда звонит мой телефон. Волнение и страх захлестывают меня, но они оба утихают, когда я вижу, что это всего лишь Мали.

Ладно, выкладывай. Насколько он большой?

Когда я отвечаю, из меня вырывается взрыв смеха.

Ты груба.

Через секунду я отправляю еще одно.

Не меньше восьми, может девяти дюймов. И толстый.

Ну, черт возьми, Уайлдер. Однако будь осторожна. Эта штука может разорвать твою дырку для члена.

Моя дырка для члена? □

Что ж, либо это, либо дырка для тампона, и это далеко не так весело.

Серьезно, иногда я задаюсь вопросом, что с ней не так.

□ И на этой ноте, спокойной ночи, Мэл.

Ее ответы следуют один за другим, как будто у нее нет проблем с тем, чтобы взорвать мой телефон, если это потребуется.

Подожди!

Мне нужны подробности!

Ты не можешь оставить меня в таком подвешенном состоянии. Это просто неправильно.

Лейкин Роуз!

Не смей ложиться спать. Я прошла через все это, не для того, чтобы не узнать, были ли удовлетворены мои сексуальные ожидания или нет!

Тьфу. Ты стерва. Я люблю тебя.

Я усмехаюсь и кладу трубку. Она может подождать до завтрашнего утра. Кроме того, это разговор, который я бы предпочла провести лично. Мне не нужно, чтобы мои родители или Кэм услышали меня или завладели моим телефоном.

Правило номер один сохранения чего-либо в секрете: никогда не излагайте это в письменной форме.

Мой телефон звонит снова, и я вздыхаю, поднимая его и ожидая, что это Мали, но, когда я вижу номер, который я узнаю, но не сохранила в своем телефоне, мое сердце замирает.

Хейс.

Я делаю глубокий вдох, задерживаю его на пять секунд, прежде чем выдохнуть. Предполагалось, что это поможет мне справиться с нервами, но сейчас это действительно не помогает. Никто не знает, что может быть в этом сообщении.

Все, что я знаю, это то, что, если это очередное сообщение с извинениями, я собираюсь засунуть его телефон так глубоко ему в задницу, что его придется удалить хирургическим путем.

Я даю себе еще минуту, чтобы успокоиться, а затем молча считаю до трех, прежде чем открыть его.

Что ты делаешь?

Хорошо. Это определенно не самое худшее.

Если только он не ведет к этому...

Лежу в постели и читаю книгу. Ты?

Из «доставлено» он переходит в «прочитано» мгновенно, и появляющиеся три точки оказывают на меня большее воздействие, чем должны.

Представляю тебя в тренче.

Мое лицо болит от растянутой на нем улыбки.

Твоя тайная фантазия или что-то в этом роде?

Ты — моя тайная фантазия. Просто ты.

Я хватаю подушку и с визгом утыкаюсь в нее, понимая, насколько это нелепо, но меня это ни в малейшей степени не волнует. Я не думаю о том, чем это может закончиться или как все может пойти не так. Я не ожидаю, что мне разобьют сердце, и не думаю о том, как я могла бы попытаться заставить его захотеть отношений. Я просто живу настоящим моментом.

Я посылаю в ответ смайлик с изображением поцелуя и сердечко и кладу телефон, прижимаясь к подушке, улыбаясь от уха до уха.

На этот раз он не забирает свои слова обратно.

Хейс

Мне не следовало быть здесь.

Каждая частичка меня знает, что я должен просто сидеть в своем грузовике и ждать, пока ребята приедут сюда на тренировку. Но когда я смотрю на машину Лейкин, стоящую на другой стороне парковки, я не могу думать о том, что мне *следует* делать.

К черту все это. Я уже разнес все к чертовой матери несколько дней назад. Не похоже, что принятие правильного решения сейчас изменит мою судьбу.

Когда я вхожу, из динамиков доносится музыка, под которую Лейкин катается на коньках. Я быстро оставляю сумку в раздевалке и затем направляюсь на каток. Я ожидаю увидеть ее на льду, делающую вращения похожие на волшебство, но когда я добираюсь туда, там совершенно пусто.

Где она, черт возьми?

Во-первых, я задаюсь вопросом, забрала ли ее Мали или что-то в этом роде. Это был бы не первый раз, когда она оставляла свою машину на катке. Мы все это делаем. Но потом я думаю о том, что музыка все еще играет, и часть меня беспокоится, что с ней могло что-то случиться.

Мои глаза обшаривают каток, пытаюсь увидеть хоть какие-то признаки ее присутствия, и как раз в тот момент, когда уровень моего стресса начинает повышаться, он снова падает.

— Ищешь кого-нибудь?

Я оборачиваюсь и вижу, что Лейкин стоит там, все еще на коньках, и пьет воду из бутылки.

— Да, вообще-то.

Без колебаний я подхожу ближе и притягиваю ее для поцелуя. Она роняет свою бутылку с водой на пол и тут же растворяется во мне. Ее руки обвиваются вокруг моей шеи, и я поднимаю ее, унося за трибуны, где мы не так открыты.

Перепихон не является чем-то новым для меня. Что *является* новым, однако, так это то, как я чертовски жажду ее. Я никогда не ловил себя на том, что стараюсь изо всех сил увидеться с девушкой до Лейкин.

Я не уверен, что мне это нравится, но если я чему-то и научился за последний месяц, так это тому, что у меня нет права голоса в этом вопросе.

Перемещая руки к ее заднице, я прижимаю ее к стене и вжимаюсь в нее. Она реагирует

именно так, как я и предполагал — стонет мне в рот, как нуждающееся маленькое создание, которым она и является. Между этим и тем, как она дергает меня за волосы, вся кровь приливает прямо к моему члену.

Черт возьми, я как чертов подросток, который только что открыл для себя порно.

Я позволяю себе поцеловать ее еще раз, прежде чем неохотно отстраниться и опустить ее.

— Если мы продолжим, я не смогу надеть свою ракушку, — объясняю я, когда вижу выражение ее лица.

Она морщит нос. — Эти вещи не кажутся удобными.

— Это не так, но это лучше, чем получать шайбой по яйцам, так что мы справляемся с этим. — Я делаю паузу, думая о том, как Айзек отказывается надевать ее во время тренировки. *Идиот*. — Ну, во всяком случае, большинство из нас.

Она снимает резинку для волос, распускает волосы и проводит по ним пальцами. И хотя мне, вероятно, следовало бы быть немного менее нетерпеливым, я ничего не могу с собой поделаться. Наклоняясь, чтобы поцеловать ее еще раз, я чувствую ее улыбку на своих губах.

— Я скоро вернусь, — говорит она мне. — Мне просто нужно пойти выключить музыку.

Как только она уходит, я опускаю руку и натягиваю джинсы. Было бы намного проще, если бы я мог просто надеть спортивные штаны или баскетбольные шорты, но они ничего не дают с точки зрения скрытности, если кто-то застанет нас вместе. Они увидели бы палатку у меня в штанах, и мы бы ничего не смогли сказать, чтобы отрицать то, что происходит между нами.

Я сажусь на скамейку и оглядываюсь по сторонам. В последний раз, когда я был здесь, я пришел сюда только с двумя целями. Во-первых, заставить команду Бофорта пожалеть обо всем, что они сказали о нашей команде. И, во-вторых, не отвлекаться от игры даже на Лейкен.

Только одна из них была выполнена, и это было не благодаря мне.

В тот момент, когда она вошла в раздевалку и подняла этот телефонный номер, как какой-то трофей, я понял, что больше не смогу ее отталкивать. Это отправило бы ее напрямик в его объятия. И после того, как я, наконец, снова завладел ее вниманием, я не собирался позволить этому случиться.

Хотя я и не знал, что она была девственницей. Это было для меня шоком. Если бы у меня была хоть малейшая догадка, я бы никогда не привел ее на тот пляж. И даже когда я узнал об этом, у меня не было намерений трахать ее. Я не шутил, когда сказал, что она заслуживает большего, чем потерять свою визитную карточку на переднем сиденье моего грузовика возле общественного пляжа.

Она нуждалась в некотором облегчении, и я собирался дать ей это, но я никогда не собирался позволять этому зайти так далеко. Но наблюдая, как она двигается вверх и вниз по моему члену, гоняясь за собственным кайфом, я нуждался в этом. Мне нужно было почувствовать, как она сжимается вокруг меня, когда взрывается. И как только она упомянула о возможности отдать эту часть себя кому-то другому, все было кончено.

Я больше не мог отказывать ей в том, чего мы оба хотели.

И теперь, когда она у меня есть, я не могу насытиться. Она глубоко запустила свои когти, и это сводит меня с ума. Мы не смогли снова заняться сексом, потому что, очевидно, встречаться тайком — не самая легкая вещь в мире, но мы смогли проскользнуть через

несколько сеансов поцелуев, от которых у меня до конца дня синели яйца.

Лейкин возвращается и улыбается, садясь рядом со мной, развязывая свои коньки и снимая их.

— Итак, как прошла работа? — спрашиваю я.

Она хмыкает, слегка посмеиваясь. — Это всегда интересно, мягко говоря. Девочки великолепны, а некоторые мальчишки очень сосредоточены и целеустремлённые. Именно те, кого родители заставляют приходить, доставляют мне больше всего проблем.

— Используют тебя в качестве детского сада?

— В значительной степени, — отвечает она. — Я подумывала о том, чтобы сказать родителям, что мне нужно, чтобы они вышли на лед и помогли с ними, чтобы уменьшить вероятность получения травмы. Я полагаю, они либо сделают так, как я прошу, либо перестанут приводить своих детей на уроки. Как бы то ни было, я выигрываю.

Я посмеиваюсь и подталкиваю ее локтем. — Ты уже все продумала, не так ли?

— По большей части. — Она подмигивает мне. — О! Есть одна маленькая девочка. Ей всего шесть, но мне пришлось перевести ее в класс с одиннадцатилетними, потому что она так быстро схватывает все на лету. Она просто такая целеустремленная, несмотря на то, что так молода, и она действительно хорошо слушает.

Ее голос затихает, когда она поворачивается и видит, что я уже улыбаюсь ей в ответ.

— Прости, я делюсь слишком многим, — говорит она.

— Нет, — говорю я ей, беря ее за руку. — Мне нравится слушать, как ты говоришь о вещах, которые важны для тебя.

Она смотрит вниз, туда, где я держу ее за руку, и я понимаю, что, вероятно, мне не следовало этого делать. Последнее, что я пытаюсь сделать, — это дать ей надежду. Но то, как она улыбается мне и наклоняется для поцелуя, не вызывает во мне ни капли сожаления.

Голос Оуэна отражается от стен, затем Айзек говорит ему заткнуться, и я понимаю, что наше время вышло. Я опускаю голову и тяжело вздыхаю.

— Это мой сигнал идти.

Она посмеивается над моим разочарованием. — Я всегда могу спросить тренера, могу ли я дать вам, ребята, еще один урок балета.

Мои глаза расширяются. — Ради любви к Богу, нет.

Было достаточно плохо, что мне пришлось однажды проделать это дерьмо, да еще и перед Лейкин, если уж на то пошло. Это было убедительным доказательством того, что у Кармы есть чувство юмора. Но делать это сейчас, после того, как мы занялись сексом, — это совершенно новый уровень унижения.

Зная, что они, вероятно, уже видели мой грузовик на стоянке, это только вопрос времени, когда один из парней придет искать меня. Итак, чтобы меня не застукали, я быстро целую Лейкин на прощание и сжимаю ее руку, прежде чем отпустить и направиться в раздевалку.

— Привет, Мейвезер (Флойд Мейвезер-младший — американский боксёр-профессионал, выступавший в полусредней весовой категории.), — шутит Оуэн, начиная веселиться, поскольку он не видел меня с игры. — Как прошел твой ранний вечер?

Я закатываю глаза и кидаю ему средний палец. — Этот говнюк заслужил все, что получил.

— Что он *получил*, так это три шва возле левого глаза, — сообщает мне Айзек. — С каких это пор ты так грязно играешь?

— С тех пор, как люди не знают, когда нужно заткнуть свой гребаный рот. Ты хочешь быть следующим?

Айзек и я терпим друг друга ради команды, но мы ни в коем случае не друзья. Он придурок. Напыщенный, высокомерный, заноза в заднице, который думает, что он лучший во всем, потому что родители избаловали его в детстве. Даже в старших классах он считал себя крутым парнем просто потому, что его семья богаче наших.

Вероятно, именно поэтому он до сих пор не покинул дом, хотя у него есть трастовый фонд для этого.

Он полностью доволен тем, что живет на мамины и папины деньги, занимаясь чем-то продуктивным только тогда, когда приходит на хоккейную тренировку.

— Чувак, ты не видел, как кто-то пытался сжечь это место дотла? — спрашивает Лукас, указывая на черную отметину на плитке.

Мои брови хмурятся. — Что за черт? Кто бы это сделал?

— Я думал, это ты, — говорит мне Оуэн.

— Я?

Он пожимает плечами. — Ты был здесь последним.

Я недоверчиво фыркаю. — Какая часть меня кричит тебе «Поджигатель»?

— Все, — в унисон отвечают Оуэн и Лукас.

— Пошли вы оба.

Кэм входит в тот момент, когда Оуэн безуспешно пытается стереть пятно ботинком. — Я просто говорю, что ты был очень зол, когда тебя вышвырнули из игры.

Глядя на метку, а затем снова на меня, Кэм приподнимает брови. — Ты пытаешься сжечь весь мир дотла, поджигатель?

Нет никакого правдоподобного оправдания тому, что я поджег номер телефона этого мудака, так что мой единственный вариант — отрицать это.

— Это дерьмо сделал не я, — говорю я ему. — Если бы я хотел поджечь это место, я бы справился с этим гораздо лучше.

Все парни обмениваются взглядами, и Кэм кивает, поджимая губы. — Справедливое замечание.

Все возвращаются к подготовке к тренировке, в то время как Кэм кладет свои вещи на скамейку рядом со мной. Я пытаюсь понять, есть ли у него хоть какое-то представление о том, что произошло прошлой ночью, но в нем нет ничего необычного.

— Уайлдер, — говорит тренер, выходя из своего кабинета. — Назови мне хоть одну вескую причину, почему я не должен отстранять тебя от должности за тот трюк, который ты выкинул прошлой ночью.

Я могу придумать больше.

Он мудака, который связался не с тем парнем.

Он не знает, когда нужно заткнуться.

Он клеился к моей девушке.

Но ни один из этих ответов он не хочет услышать, а последний — не вариант. Единственное, что я могу сделать, это опустить голову и проглотить свою гордость.

— Он залез мне под кожу, — говорю я ему. — Это больше не повторится.

— Недостаточно хорошо. Ты один из моих лучших игроков. Я не могу допустить, чтобы тебя вышвырнули из игр, особенно из тех, где нам есть что доказывать.

Я киваю, соглашаясь с тем, что мне придется пропустить следующую игру, но Кэм

закрывает свой шкафчик и разворачивается.

— Тренер, при всем должном уважении, я здесь на стороне Эйча, — говорит он.

Тренер выглядит каким угодно, но только не удивленным. — Ни хрена себе, Шерлок. Он твой лучший друг.

Кэм качает головой. — Дело не в этом. Некоторые парни пытались использовать Лейк, чтобы поймать нас. Я слышал, как они говорили об этом после игры.

В какой-то момент такая возможность промелькнула у меня в голове, но известие о том, что я был прав, выводит меня из себя. Мне неприятно осознавать, что я сыграл им на руку. Но что я ненавижу еще больше, так это то, что они пытались использовать Лейкин как пешку.

— Это правда, Эйч?

Я киваю. — Он сказал о ней несколько довольно неуважительных вещей, и я вышел из себя.

Тренер переводит взгляд с Кэма на меня, затем тяжело вздыхает. — Прекрасно, но если это случится снова, я отстраню тебя. Никаких исключений.

Он исчезает обратно в свой кабинет, когда Кэм садится, чтобы надеть коньки. — В любом случае, что этот парень тебе сказал?

Я не удивлен, что Кэм этого не слышал. С тех пор, как его арестовали, он носит затычки для ушей во время игр. Сначала это было для того, чтобы он не слышал, что люди говорят о нем, но после того, как он привык к этому, он понял, что это помогает ему сосредоточиться.

Насколько я знаю, единственный человек, который слышал, что было сказано, это судья.

— Просто назвал ее парой неподобающих имен и заставил Лейкин пролить на себя свой напиток, чтобы ей пришлось надеть его джерси.

— Ааа. — Он кивает. — Мне было интересно, почему на ней это надето, но прежде чем я успел спросить ее, она переделалась в твою.

Пыхтя, я зашнуровываю коньки. — Да, я ни за что не позволил бы им выйти сухими из воды с этим дерьмом. Они хотят, чтобы девочки были в их джерси, они могут привезти с собой своих собственных болельщиц.

Мы все заканчиваем готовиться, и некоторые ребята начинают покидать раздевалку. Мы с Кэмом встаем, чтобы последовать за ним, и он похлопывает меня по плечу.

— Тренер может с этим не согласиться, но я ценю, что ты меня прикрываешь, — говорит он, отчего чувство вины во мне усиливается. — Спасибо, чувак.

Я смотрю, как он выходит на лед, и все, о чем я могу думать, — это о том, как все это хреново. Он думает, что я такой замечательный друг, а я тем временем лгу ему и тайком встречаюсь с его младшей сестрой — предаю его таким образом, что это неизбежно разрушит нашу дружбу.

Но я пытался остановиться.

Я пытался держаться от нее подальше.

Это просто не то, на что я способен.

Я хочу ее слишком сильно.

Проходя через парадную дверь, Кэм без умолку рассказывает о какой-то новой пьесе, которую он придумал, и о том, как это изменит правила игры. Честно говоря, он, вероятно, прав, если мы сможем заставить ребят разобраться в этом. Это сложно, и потребуется много практики, прежде чем мы сможем использовать это в игре.

Как он делает каждый раз, когда приходит домой с тренировки, Кэм направляется прямо на кухню, чтобы заправиться. Я смотрю на свой телефон, улыбаясь сообщению, которое прислала мне Лейкин, когда его слова привлекают мое внимание.

— Привет, предатель, — язвит он.

Поднимая глаза, я вижу стоящую там Лейкин. Она прислоняется к стойке и чистит банан.

Она усмехается. — Предатель? Я носила эту штуку всего две секунды, прежде чем Хейс принес мне другую из раздевалки.

Это умная мысль с ее стороны, создать впечатление, что она попросила меня принести ей что-нибудь еще, чтобы надеть. Это не только делает ее менее виноватой, но и делает *меня* менее похожим на собственнического ублюдка, каким я был.

— Не имеет значения. Ты носила цвета другой команды.

Отложив на секунду банан, она вскакивает, чтобы сесть на стойку. — Хорошо, в следующий раз я просто буду ходить в лифчике.

Слава богу, Кэм засунул голову в холодильник, когда хватал все, что было хоть сколько-нибудь аппетитным, потому что, если бы это было не так, он бы увидел, как у меня сжимается челюсть и я свирепо смотрю на нее.

Не смей, — кричу я ей одними губами.

Она улыбается, подмигивая мне, прежде чем вернуться к снятию шкурки с банана. Если бы она была тактичной, то отломала бы кусочек и съела его таким образом. Все знают, что употребление его в пищу обычным способом выглядит чертовски эротично. Но когда на ее лице появляется хитрая ухмылка, я понимаю, что, возможно, таков и был ее план.

Нет.

Она бы этого не сделала.

О, кого я обманываю? Конечно, она бы так и сделала.

И она так и делает, смотрит мне в глаза и все такое, обхватывая банан ртом, как будто воображает, что это мой член.

Я пытаюсь отвести взгляд, сосредоточиться буквально на чем-нибудь другом, но она все еще там, в моем боковом зрении, плотает чертов банан. Я ни за что не смогу стоять здесь, пока она это делает, и выглядеть совершенно невозмутимым.

— Я вернусь, — говорю я Кэму. — Мне нужно в туалет.

Он отмахивается от меня, открывая и захлопывая другой ящик холодильника. Проходя

мимо Лейкин, я бросаю на нее мрачный взгляд, и она тихо посмеивается. Как только я оказываюсь в безопасности за дверью ванной, где мой стояк может остаться незамеченным, пока он не пройдет, я достаю свой телефон и отправляю ей сообщение.

Ты заплатишь за это позже.

16

Хейс

Тот факт, что сегодня вечер пятницы и я сижу дома, вызывает жалость. Обычно я бы сейчас сидел у костра у Кэма — пил пиво и старался не показывать виду, что предпочел бы трахнуть его сестру. Но у матери-природы, очевидно, были другие планы, и вы точно не сможете развести костер под проливным дождем.

Так что вместо этого я сижу на своем диване. Телевизор включен, но я не обращаю на это особого внимания. Отправка текстовых сообщений Лейкин — гораздо более заманчивый выбор.

Как ты думаешь, если я оставлю окно в крыше открытым во время шторма, он заполнит мою комнату, как бассейн?

Я фыркаю и качаю головой. Только ей могло прийти в голову сделать что-то подобное.

Я думаю, тебе стоит попробовать и узнать. Я уверен, твоим родителям понравится эта идея.

Хм, справедливое замечание, но твой сарказм не остался незамеченным.

Я не знаю, с кем ты, по-твоему, связалась, но сарказм — это все, чего ты от меня добьешься.

Ответ, который она отправляет, не должен вызвать у меня такой реакции, какую вызывает, но я крепче сжимаю телефон.

Технически, я ни с кем не связывалась. Я одинока и готова к общению. О, мне стоит попробовать быстрые свидания.

Мои большие пальцы ударяют по экрану немного сильнее, чем это необходимо. Я знаю, что она всего лишь шутит, но одной мысли о чьих-то чужих руках на ней достаточно, чтобы меня укололо. Возможно, отношения — это не мое, но это не значит, что я когда-нибудь смирюсь с тем, что она встречается с кем-то другим.

Чертовски токсичен? Конечно.

Меня это волнует? Нет.

Попробуй это и дай мне знать, как у тебя это получится. □

Появляются три маленькие точки, и я сижу и наблюдаю за этим, предвкушая ее ответ.

Ты не научился делиться в детском саду, не так ли?

Боже, она такая нахалка. Как будто она точно знает, как проникнуть мне под кожу, а потом заставить меня улыбнуться, чтобы я подумал, что все в порядке. Неудивительно, что она работает с детьми. Этот газлайтинг, вероятно, творит с ними чудеса.

Я ненавижу тебя.

Это не так. Ты просто все еще злишься, что я победила тебя в гонке.

Я знал, что она никогда не позволит мне пережить это.

Эй! Да будет тебе известно, что тренер сказал, что, если мы снова будем участвовать в гонке, я мог бы побороться с тобой за победу.

Держу пари, что он так же сказал тебе, что ты хорош в хоккее. □

Смех разносится по комнате, когда моя голова откидывается на подушку. Я не могу сказать ей ничего такого, на что у нее не было бы возможности ответить. Люди думают, что Мали плохая, но это только потому, что дерзость Лейкин проявляется только тогда, когда ей комфортно с тобой. Когда они обе находятся в редкой форме одновременно, берегитесь. Вы узнаете, что смерть от оскорблений — это реальная вещь.

— Кто заставил тебя улыбаться как идиота? — Спрашивает Девин, входя с кухни.

Я кладу телефон лицевой стороной вниз себе на колени. — О, я просто смотрел забавное видео.

Ее брови хмурятся. — Без звука?

Черт. — Да. Это, мм, было беззвучно, но все равно было забавно.

Она пристально смотрит на меня, прежде чем разоблачить мой блеф. — Хорошо. Покажи мне.

— Что?

— Покажи мне видео, — говорит она, откидываясь на спинку дивана, чтобы лучше видеть мой телефон.

Я смотрю на нее, закатывая глаза, пока она выжидает. — Знаешь, я умолял маму вернуть тебя в больницу и вместо этого привести домой мальчика.

— Тебе было три года, и ты не знал ничего лучшего. — Она пытается забрать мой телефон. — Теперь дай мне посмотреть видео, ты, чудак.

Я хватаю его как раз в тот момент, когда он оказывается у нее в руках, и мы вдвоем начинаем бороться из-за моего телефона. Проблема в том, что она держится за него гораздо лучше, чем я, и тот факт, что она стоит, работает ей на пользу. Как только она начинает вырывать его у меня из рук, я впадаю в панику.

— Я смотрел порно, — выпаливаю я.

Девин бросает мой телефон, как будто он заражен, и поднимает руки с выражением отвращения на лице. — Подожди, ты смеялся над порно?

Что ж, мы зашли так далеко. С таким же успехом можно действительно огорчить ее.

— Да, он ударил ее по лицу своим членом и оставил отметину.

Она смотрит на меня в ответ, совершенно ошарашенная. — Клянусь, я никогда не пойму, что девушки находят в тебе.

Взяв с дивана подушку, я бросаю ее в нее и усмехаюсь, когда она попадает ей в лицо.

Если бы не уход нашего отца, я не думаю, что мы были бы так близки, как сейчас. Но ей

было всего двенадцать, когда он ушел и больше не вернулся. Мне было больно, как и любому ребенку от чего-то подобного, но Дэв восприняла это очень тяжело.

Почти так же тяжело, как это сделала мама.

Я быстро попал в категорию «хозяин дома», и одна из таких вещей заключалась в том, чтобы быть рядом с моей сестрой. В каком-то смысле это сблизило нас. Может быть, мы и не так близки, как Кэм и Лейкин, но я определенно могу понять защитную натуру Кэма, когда дело касается ее.

Если бы кто-нибудь причинил вред Дэв, я бы живьем содрал с этого ублюдка шкуру.

— Я удивлен, что ты не тусуешься со своими друзьями, — говорю я ей.

Она пожимает плечами. — Я собиралась посмотреть фильм с Пейсли, но мне нужно собрать вещи.

— Собирать вещи?

— Да. Я уезжаю завтра утром, — отвечает она. — Валери, Куинн и я собираемся на ночь в Миртл-Бич. Мы вернемся в воскресенье, вероятно, поздно утром.

Я напеваю, пытаюсь вспомнить эти имена. — Знаю ли я их?

— Нет. Мы встретились в новом спортивном клубе, где я работаю помощником тренера. И даже не позволяй этой мысли промелькнуть у тебя в голове. Я отказываюсь приводить их сюда.

Да, это определенно не то, о чем я думал. Не тогда, когда все мои мысли, кажется, прикованы к Лейкин.

— Боже, — поддразниваю я. — Однажды я переспал с одной из твоих подруг во время вечеринки с ночевкой и внезапно захотел их всех.

Она скрещивает руки на груди. — Я беспокоюсь не о том, что они нужны тебе. Ты знаешь, как раздражает, когда твои друзья постоянно говорят о том, какой у тебя горячий брат?

— Не могу сказать, что понимаю, — отвечаю я. — У меня нет брата, и если бы кто-нибудь из моих друзей назвал тебя горячей, я бы заехал им локтем в лицо.

Мое подсознание впивается взглядом в вопиющее лицемерие, которое только что сорвалось с моих губ, и я понимаю это. Я — ходячий двойной стандарт. Добавь это к списку вещей, которые обрекают меня на адские муки.

— Хорошо, что я не считаю никого из твоих друзей привлекательным. — Она замолкает. — Кроме, может быть, Айзека. У него есть эта атмосфера богатого парня.

Я сужаю глаза до щелочек. — Во-первых, он не считается одним из моих друзей, а во-вторых, если он хотя бы произнесет твое имя, я заставлю его пожалеть о том дне, когда он вообще родился.

— Я расскажу маме, какой ты ненормальный.

— Как ты думаешь, откуда я это взял?

Она усмехается, когда микроволновка выключается, и хватает еду, прежде чем отнести ее в свою комнату. Тем временем шестеренки в моей голове уже вращаются.

Если Девин не будет здесь завтра вечером, это значит, что дом будет в моем распоряжении. Мама работает по ночам в больнице — славная жизнь медсестры, — и поскольку это в часе езды отсюда, она спит там после смены, чтобы не рисковать заснуть за рулем. Иногда, в зависимости от того, насколько они заняты, она вообще не приходит домой, пока у нее не выдастся выходной.

Это дерьмовый график, и я могу сказать, что это сказывается на ней, но это то, что

происходит, когда твой муж уходит и оставляет тебя одну содержать двоих детей. Возможно, она позволила этому сбить ее с ног на какое-то время, но как только она взяла себя в руки, она преисполнилась решимости по-прежнему обеспечивать нам лучшую жизнь, на какую только была способна. И ей это удалось.

Я бросаю взгляд на свой телефон, вижу ожидающее сообщение от Лейкин и улыбаюсь идее, которая приходит на ум.

О, я задела твое большое мужское эго?

□ Девин чуть не увидела мой телефон. Я меняю твой контакт на имя парня.

Это приведет к такому неловкому секстингу. Я не могу дождаться.

Субботнее утро — единственный день, когда хоккейная тренировка начинается раньше смены Лейкин. Тренировки обычно отстойные, когда мы все страдаем от похмелья после пятничных ночных костров. Но поскольку никто из нас вчера вечером не пил, мы необычайно оживлены для десяти утра.

Кроме Оуэна. У него все еще похмелье.

Лейкин сидит на трибунах, ожидая начала своей смены, пока мы выполняем кое-какие упражнения. Она попеременно пишет в блокноте и листает свой телефон. Как бы то ни было, ее внимание приковано не ко мне, и мне это чертовски не нравится.

Выровняв шайбу в нужный момент, я отталкиваю ее от клюшки и отправляю в полет прямо в стекло. Громкий хлопок, эхом разносящийся по катку, пугает всех вокруг, но особенно Лейкин. Ее глаза расширяются, когда она подпрыгивает, блокнот падает на пол, а рука прижимается к груди.

Это не должно было быть смешным. Это должно было привлечь ее внимание. Но, судя по ее реакции, я, кажется, не могу перестать смеяться, и Кэм тоже. Лейкин показывает мне средний палец, и как только я убеждаюсь, что никто не обращает внимания, я пару раз приподнимаю брови — молча говоря: «Я только за».

Проезжая мимо нее во время следующего упражнения, я подмигиваю. Она закатывает глаза, но я вижу, как она улыбается, глядя на свой телефон.

Все, чего я хочу, — это снова заполучить ее в свои руки. Уложить ее на свою кровать и почувствовать ее под собой, когда я буду скользить в нее своим членом. Может, я и далек от отчаяния, но я чертовски изголодался по ней.

Если я в ближайшее время не останусь с ней наедине дольше, чем на несколько минут, я почти уверен, что мои яйца сморщатся и умрут. В последнее время они и так натерпелись от постоянных поддразниваний.

Это как самое долгое оттягивание оргазма в мире, и мое имя даже не занесено в «Книгу рекордов Гиннеса».

Если бы это не означало, что больше никаких пятничных ночных костров не будет, я бы настоятельно рекомендовал оставаться трезвым вечером перед каждой утренней тренировкой. Конечно, я знаю, что мог бы не пить, но что в этом веселого? Сидеть у костра с кружкой пива в руке — это мой личный рай. Ну, один из них.

Я выхожу с катка вместе с ребятами, наблюдая, как Оуэн чуть не сбивает ребенка, не обращая внимания.

— Черт, извини, — говорит он, затем морщится. — И прости, что наговорил дерьма!

Лукас посмеивается. — Ты такой образец для подражания.

— Отвали.

Я качаю головой, когда вижу двух других детей в пределах слышимости от него. — Ты довольно успешен, чувак.

Он отмахивается от этого. — Как будто они не слышали от своих родителей ничего хуже.

Ладно, в чем-то он прав.

— Встретимся у меня дома? — спрашивает Кэм.

— Я бы хотел, — отвечаю я. — Вместо этого моя счастливая задница следующие восемь часов сидит в магазине серфинга и присматривает за идиотами, которые покупают доску, полагая, что заниматься серфингом легко.

По крайней мере, раз в неделю приходит кто-то, кто явно понятия не имеет, что он делает, и покупает доску для серфинга, основываясь на том, как она выглядит сама по себе. И когда я рассказываю им об уроках, которые мы предлагаем, они практически смеются мне в лицо.

Это стоять на доске, а не на ракетостроение.

Ладно, хорошо, не приходи ко мне плакаться, когда сломаешь доску и чуть не утонешь, потому что думал, что все знаешь.

— Я бы предпочел заниматься этим, чем плотничать, — возражает Кэм. — Нет ничего забавного в том, что твой постоянно пьяный босс заставляет тебя управлять компанией за небольшой процент от прибыли.

— Итак, увольняйся. Найди другую, — предлагаю я.

Он качает головой. — То, что я зарабатываю лишь небольшой процент, не означает, что это не больший процент, чем я получил бы в любом другом месте. И, кроме того, может быть, если он напьется до смерти, я составлю ему компанию.

— Разве его сын не работает с вами?

— Да. Бесплезный маленький придурок.

Я фыркаю, и как только мы начинаем подходить к тому месту, где его джип припаркован рядом с моим грузовиком, я чувствую, что в карманах у меня пусто.

— Ублюдок, — ворчу я. — Я забыл свои ключи внутри.

Он открывает дверцу своего джипа и забирается на водительское сиденье. — Лучше быть осторожным. Однажды я кое-что забыл, и Лейкин уговорила меня помочь завязать детские коньки, прежде чем я ушел.

— Я буду иметь это в виду, — говорю я ему. — Увидимся позже, чувак.

Я начинаю идти обратно к катку и смотрю, как Кэм выезжает со стоянки, а остальные парни следуют его примеру.

Идеально.

Дети бегают кругами, накачанные непомерным количеством натурального кофеина. Серьезно, куда все это девается, когда ты становишься старше? Потому что, если бы я делал хотя бы половину того дерьма, что делают они, мне бы отчаянно нужно было вздремнуть.

Уворачиваясь от нескольких не слишком подающих надежды игроков НХЛ, я оглядываюсь в поисках Лейкин и, когда ее не вижу, направляюсь напрямик в женскую раздевалку. Она как раз выходит за дверь и визжит, когда я хватаю ее.

Я разворачиваю нас и прижимаю ее к стене, подальше от чьих-либо невинных глаз. — Что ты делаешь сегодня вечером?

Она хмыкает, только для того, чтобы усмехнуться, когда я быстро целую ее, просто потому, что прошло слишком много времени с тех пор, как я был в состоянии это делать. — Вообще-то, у меня жаркое свидание. Нас будет трое.

Улыбка сползает с моего лица, пока я не вижу, как она изо всех сил старается не рассмеяться. — Это ты и мороженое, не так ли?

— Не говори это так. Мои отношения с Беном и Джерри священны.

— Угу. — Я ущипнул ее за бок. — Я думаю, тебе просто нравится выводить меня из себя.

Ее ухмылка становится шире. — Я имею в виду, это довольно забавно.

— Так рад, что смог развлечь тебя, принцесса. — Я целую ее снова, и она тает в этом. — Хотя, серьезно. Какие у тебя планы на вечер?

— У меня их нет. Почему ты спрашиваешь?

— Ну, у моей мамы работа, а Девин уехала на ночь с друзьями, так что мой дом будет пуст. — Я скольжу руками вниз по ее телу к талии. — Я подумал, может быть, ты захочешь зайти.

Ее брови хмурятся, и она прижимает руки к моей груди, мягко отталкивая меня. — Это очень похоже на секс по вызову. За какую девушку ты меня принимаешь?

Ладно, я совсем не так думал, что все пойдет. — Н-нет, это не... Я не...

Она подносит кулак ко рту, когда сквозь него пробивается смех, и я закрываю глаза на выдохе.

— Тебе нравится издеваться надо мной? — спрашиваю я.

— Немного. Да.

Улыбка на ее лице могла бы соперничать даже с самыми красивыми пейзажами в мире. И если бы я был романтиком, я бы сказал ей об этом. Этого, конечно, не произойдет, но, черт возьми. Счастье так чертовски хорошо смотрится на ней.

— Все в порядке, — говорю я ей, приближая губы к ее уху. — Теперь тебе нужно заплатить за две вещи, а я всегда собираю долги.

Она тихо стонет и прижимается ко мне. — Это просто подло.

— О, ты еще ничего не видела. — Я целую ее в макушку, а затем в губы, когда она

смотрит на меня. — Я напишу тебе и дам знать, когда освобожусь с работы.

— Хорошо, — соглашается она.

Я отступаю назад, чтобы еще раз взглянуть на нее, а затем разворачиваюсь и направляюсь к выходу, отказываясь признать, как я взволнован сегодняшним вечером.

Не перед самим собой и уж точно, черт возьми, не перед ней.

Было не так уж много дней, когда я хотел бы, чтобы здесь было более оживленно, но сегодняшний определенно один из них. Если бы я постоянно имел дело с клиентами, мне бы не казалось, что часы стоят на месте. Клянусь, я думал, что уже почти пора закрываться, но посмотрел на часы и понял, что прошло всего три часа с того момента, как я пришел сюда.

Итак, я начал заниматься инвентаризацией, которую некоторое время откладывал.

Поднимая телефон, я вижу новое сообщение от Лейкин. Это видео о маленькой девочке, о которой она рассказывала мне на днях. Она крошечная — достаточно маленькая, чтобы вы не могли видеть, что она делает, когда она уходит слишком далеко. Честно говоря, она напоминает мне Лейкин.

Когда я впервые увидел ее, она была на льду. Я помню, как наблюдал за ней и удивлялся, зачем кому-то тратить свое время на катание на коньках, когда они могли бы играть в хоккей, но она все равно произвела на меня впечатление. Возможно, тогда она и близко не каталась так грациозно, как сейчас, но у нее всегда было природное мастерство, за которое другие люди убили бы.

Напоминает мне кое-кого еще, кого я знаю. □

Она будет еще лучше лучше.

Почему-то я сомневаюсь в этом.

Особенность Лейкин в том, что у нее есть склонность не признавать, насколько она на самом деле хороша в чем-то. Она занимается этим с тех пор, как я ее знаю. Катание на коньках? Называет это хобби. Пение? Утверждает, что у нее нет того, что для этого нужно. Группа поддержки? Выводит свою команду на Национальные чемпионаты в качестве капитана и говорит, что она была плоха, а все остальные просто отстой.

Похоже, она не может смириться с тем фактом, что она талантлива во многих вещах, поэтому она говорит себе, что она посредственна.

Звонит телефон в магазине и вырывает меня из моих мыслей.

— Wax and Waves, — отвечаю я.

— Привет, Эйч, — говорит Марк. — Как дела?

Поднимая глаза, я замечаю нескольких человек в магазине, но я был бы идиотом, если бы не воспользовался возможностью, которая передо мной. — Эх, здесь мертвая тишина.

Он хмыкает. — Правда? Совсем никого?

— Нет. Никого не видел несколько часов.

— Угу, — говорит он, и я усмехаюсь, когда слышу его голос по телефону и за входной дверью. — Итак, люди на заднем плане — это кто? Призраки?

Входит Марк, и я виновато улыбаюсь, вешая трубку.

— В свою защиту скажу, что за весь день мы не продали ни одной доски, — говорю я ему.

— Простите? — спрашивает покупатель. — Не могли бы вы мне помочь в задней части? Там есть лонгборд, который меня интересует.

О, конечно. Просто сделай из меня гребаного лжеца.

— Не смотри на меня так, — говорю я Марку, видя, как он ухмыляется. — Тебе не обязательно сидеть здесь по восемь часов кряду. Это жестоко.

Он смеется, когда я иду за покупателем и помогаю ему вытащить доску на прилавок. Обычно я бы помог ему померить и убедиться, что это правильный размер, но, учитывая то, как он говорил о разных характеристиках, в этом нет смысла. Он знает, что делает. Как только он проводит своей карточкой, я вручаю ему квитанцию и придерживаю для него дверь открытой, когда он выходит и направляется на пляж.

— Хорошо, итак, сегодня мы продали *одну* доску, — говорю я Марку.

Он фыркает, просматривая некоторые отчеты за последний месяц. — Кто она?

Нет. Не делать *этого*. — Кто есть, кто?

— Девушка, к которой ты пытаешься выбраться отсюда, чтобы увидеться.

Я должен это отрицать. Чем больше людей знают о нас, тем выше риск того, что это выйдет наружу. Это воплощение поговорки, что *двое могут хранить секрет, только если один из них мертв*. Но если есть шанс, что он позволит мне уйти на пару часов раньше, возможно, стоит сказать ему, что у меня есть *кто-то*.

Убирая волосы с лица, я выдыхаю. — Это несерьезно.

— Этого никогда не бывает, — парирует он. — Она тебе нравится?

Тьфу. — С ней все в порядке.

Тихий внутренний голос, говорящий мне, что я гребанный лжец, — это досадная помеха, от которой я должен мысленно отмахнуться, как от жука.

Мой телефон вибрирует на прилавке, и я хватаю его, прежде чем Марк увидит имя. Мне действительно нужно сменить ее имя в моем телефоне. Боже упаси, чтобы Кэм был здесь и увидел, как она пишет мне. Это ни за что не прошло бы хорошо.

— Это она? — спрашивает Марк.

Не буду врать, я был не в лучшем положении, когда Марк вошел в мою жизнь. Я много дрался в школе, капризничал дома. Это было через год после ухода моего отца, и я винил в этом каждого человека в мире. И когда он дал мне работу в качестве одолжения моей маме, я почувствовал себя так, словно меня наказывают.

Я и не подозревал, что он вовсе не наказывал меня.

Он спасал меня.

То, что я был здесь каждый день после школы, означало, что у меня не было неприятностей. Это означало, что я не тусовался не с той компанией и мне не предлагали наркотики, которые я, вероятно, попробовал бы просто ради подросткового бунта. Это удерживало меня на правильном пути, и в некотором смысле он стал тем отцом, в котором я всегда нуждался.

— Да, — говорю я, открывая свой телефон.

Итак, какой наряд мне надеть на сегодняшний вечер? Шикарный тренч?

Я начинаю отвечать ей, даже не осознавая, что улыбаюсь, пока Марк что-то не говорит по этому поводу.

— Убирайся отсюда, Эйч.

Мои брови приподнимаются, когда я поворачиваю к нему голову. — Серьезно?

— Да, я могу справиться с оставшейся частью дня, — говорит он, пожимая плечами. — Любая девушка, которая способна сделать тебя таким счастливым простым текстом, совершенно особенная.

— Подожди, нет. Мы не—

Он усмехается. — Ты не встречаешься. Верно. Понял.

Если бы он не позволил мне уйти прямо сейчас, я бы, наверное, отшил бы его. Но в интересах того, чтобы не заставить его передумать, я решаю не делать этого. Я беру свои ключи с задней стойки и, уходя, благодарю его.

Теперь нужно вернуться домой и убедиться, что моя комната не выглядит так, будто в ней взорвалась бомба, прежде чем туда доберется Лейкин.

Мне требуется пятнадцать минут, чтобы прибраться в своей комнате, и под уборкой я, очевидно, подразумеваю запихивание всего разбросанного по полу в мой шкаф. Я собираюсь потрахаться сегодня вечером, ты действительно думаешь, что у меня хватит терпения сделать это дерьмо правильно? Ну же.

К счастью, моя мама поддерживает в доме порядок, так что единственное, что мне еще нужно сделать, — это избавиться от посуды, которую я оставил в раковине. Я открываю кран и беру губку, как будто знаю, что делаю, но быстро понимаю, что я немного более избалован, чем думал.

К черту это. И вообще, зачем нам двенадцать тарелок? Нас всего трое. По одной из них никто не будет скучать.

Выбрасываю ее в мусорное ведро вместе с использованной вилкой, закрываю крышку и ухожу.

Проблема решена.

Когда я начинаю расхаживать по комнате, ожидая, когда она придет сюда, до меня доходит, что это первый раз, когда у меня в постели будет девушка. *Подожди, что за хрень?* Я ломаю голову, пытаюсь вспомнить, когда я переспал с девушкой здесь, и однажды там была одна из подруг Дев, но это было в гостиной. С кем бы то ни было еще, я всегда ходил к ним домой или где-нибудь встречался с ними.

Дело не в том, что Лейкин значит для меня больше или что-то в этом роде. Просто у нас не так много мест, куда мы можем пойти, чтобы перепихнуться. Не могу пойти к ней домой, потому что Кэм может узнать о нас. Общественные места опасны, потому что мы рискуем быть пойманными кем-то из наших знакомых. Единственный раз, когда это произошло, было

после игры. Если бы я не добрался до нее в ту же секунду, я бы покончил с собой.

Да, это просто обстоятельства. Она не... Это не...

Черт.

На подъездную дорожку въезжает машина, и я заставляю себя перестать слишком много думать, когда выхожу на крыльцо. Лейкин вылезает с пассажирской стороны, в то время как Мали опускает стекло.

— Извините меня, мистер Уайлдер. Каковы ваши намерения относительно моей Лейкин?

Лицо Лей становится красным, как свекла, когда она поворачивается и свирепо смотрит на нее. — Мали.

— Что? — Мне нужно знать, что он не пытается украсть твою добродетель, — возражает она, затем снова сосредотачивается на мне. — Ну? Я жду.

— Привет, *Амалия*, — говорю я, зная, что она терпеть не может, когда люди используют ее полное имя.

Ее губы сжимаются в тонкую линию. — Неправильный ответ. Лейкин, возвращайся в машину. Мы возвращаемся домой.

Лейкин вздыхает и смотрит в небо. — Что я сделала, чтобы заслужить это?

— Возвращайся в машину, и я отвезу тебя в стрип-клуб! — кричит Мали. — Мы можем устроить денежный дождь для этих толстозадых шлюшек!

Мои брови приподнимаются, и я смеюсь, когда Лейкин бормочет себе под нос: «*ради всего святого*». Потом поворачивается ко мне и улыбается.

— У тебя есть хоккейная клюшка, которую я могу одолжить?

Я киваю в сторону своего грузовика. — Проверь кузов.

Подходя, она улыбается еще шире и хватает хоккейную клюшку, держа ее как бейсбольную битву. Мали визжит и ругается, когда она дает задний ход и выезжает на улицу.

— Не делай ничего такого, чего бы я не сделала! — кричит она и быстро уезжает.

Как только она уходит, Лейкин вздыхает с облегчением. — Есть идеи о том, где похоронить тело?

Я усмехаюсь и открываю дверь, чтобы она вошла внутрь. — Я бы предложил разобраться с этим, но я не уверен, что хочу, чтобы ее дух преследовал мою задницу.

Она поджимает губы. — Ладно, хорошая мысль. Я думаю, она будет жить, по крайней мере, сегодня.

— Ага.

Обхватив ее руками, я наклоняюсь и нежно целую ее. Она делает глубокий вдох и выдох, как будто весь день провела в ожидании этого момента.

Блядь, то же самое.

— Как прошла работа? — спрашивает она, когда мы отстраняемся.

— Скучно, но появился Марк и позволил мне уйти пораньше.

— Это было мило с его стороны. Она поднимает свой пустой стаканчик из Старбакса. — Где мусорка?

Я киваю в угол комнаты. — С другой стороны холодильника.

Она подходит к ней, собираясь выбросить стаканчик, когда в последнюю минуту до меня доходит. *Чертюва тарелка*. Но уже слишком поздно. Она нажимает ногой на рычаг, и она открывается, открывая совершенно отличную тарелку, которую я выбросил.

Уставившись на нее на секунду, она склоняет голову набок и начинает смеяться. —

Это... это сделал ты?

— Знаешь что, может быть, Мали следовало забрать тебя с собой, — говорю я, только наполовину шутя, потому что мне бы очень хотелось избежать *этой* ситуации.

Она на секунду прищуривает глаза, но явно не собирается оставлять эту тему без внимания. — Почему ты выбросил тарелку, Эйч?

Я смотрю на потолок, затем на стену, затем на пол — куда угодно, только не на нее. — Потому что я не хотел, чтобы она была в раковине.

— А ты не думал, что можно просто помыть ее?

Черт возьми, блядь. — Я не знаю как, ясно?

У нее отвисает челюсть, и я могу сказать по выражению ее лица, что ей это нравится. — Тебе двадцать! Как ты можешь не знать, как мыть посуду?

— Потому что я всегда покупал еду на вынос или заказывал пиццу, — объясняю я. — И если мне нужна была тарелка, я просто оставлял ее в раковине, а потом моя мама или Девин ее мыли.

Она прикусывает губу, пытаюсь удержаться от слишком широкой улыбки. — Ты очарователен.

Мои глаза закатываются. — Да, да. Мы можем оставить это сейчас?

— Нет. — Достав тарелку и вилку из мусорного ведра, она кладет их обратно в раковину и подходит ко мне. — Давай. Я собираюсь научить тебя.

— Что? Нет. Мы не—

Она хватается за руку и тянет к раковине. — Мы сделаем это.

Я фыркаю и встаю перед тарелкой, которую больше всего на свете хотел бы расколоть на кусочки. Мне следовало просто разбить ее, прежде чем выбрасывать. Можно было бы избежать всего этого. Но нет.

— Хорошо, возьми губку, — говорит она, и я хватаю ее правой рукой. — Теперь нанеси на нее средство для мытья посуды, но не слишком много.

— Как мне узнать, не слишком ли это много?

— Ты узнаешь.

Переверачивая бутылочку вверх дном, я сжимаю ее, и она вытекает, покрывая губку синей жидкостью. Глаза Лейкин расширяются, затем она смеется и забирает у меня бутылку.

— Хорошо, — говорит она. — Может быть, ты не узнаешь.

Я бросаю губку в раковину и собираюсь уйти, но она останавливает меня.

— Мне жаль, прости меня. — Ее смех все еще не стихает. — Хорошо, включи воду и подставь под нее тарелку.

— Это глупо, — ворчу я.

Она целует меня в плечо. — Нет, то, что ты не знаешь, как мыть тарелку, — это глупо. Это необходимо знать.

Я делаю, как она говорит, и жду от нее следующих инструкций.

— Теперь потри ее губкой. — Когда я провожу губкой по тарелке, кажется, ничего особенного не происходит. — Нет, тебе нужно надавить.

— Я собираюсь разбить ее, — говорю я ей.

Она качает головой. — Это не так. Представь, что это клитор.

Я прекращаю то, что делаю, когда из меня вырывается смех. — Что мне с тобой делать?

— Со мной? — удивленно спрашивает она. — Это ты не знаешь, как мыть посуду. Могу только представить, чего еще ты не знаешь.

Глядя на нее, я ухмыляюсь. — Я потратил много времени на освоение других навыков. И если бы ты не заставляла меня делать это, ты бы прямо сейчас наслаждалась этими навыками.

Она облизывает губы, глядя на меня, но затем снова отворачивается к раковине. — Хорошая попытка. Давай, пора ополаскиваться.

Моя челюсть сжимается, когда я подставляю тарелку под струю воды и наблюдаю, как все мыло смывается, не оставляя ничего, кроме чистой поверхности. Лейкин гордо улыбается и забирает ее у меня, чтобы положить в сушилку.

— Видишь? Это было не так уж и сложно. — Она берет вилку и протягивает ее мне. — Теперь это.

Я бормочу несколько отборных слов себе под нос, проделывая те же действия с вилкой, и передаю ее ей, как только закончу.

— Слава богу, что все закончилось, — говорю я, но она морщит нос.

— Теперь раковина.

— Раковина? Какого хрена мне нужно мыть раковину?

— Потому что. — Она указывает на кусочки еды внутри. — Ты же не хочешь, чтобы все это осталось здесь. Это затвердеет и станет отвратительным.

Черт.

Вы знаете, когда я пригласил ее к себе, это даже не входило в список того, что, как я думал, мы будем делать. И если бы я хоть немного представлял, что это превратится в урок по домашнему хозяйству, я бы с самого начала ел над раковиной, а не пользовался чертовой тарелкой.

Я заканчиваю драить раковину и ополаскиваю ее, когда мне в голову приходит идея. Выключив воду, я поворачиваюсь к ней, и она улыбается мне в ответ.

— Ты сделал это, — говорит она. — Я так горжусь тобой.

— Спасибо, что научила меня.

Ее глаза прикованы к моим, так что она даже не видит, как это происходит, но она чувствует это в тот момент, когда мои руки касаются ее щек, покрывая их пеной, когда я наклоняюсь и крепко целую ее. И когда я отстраняюсь, она крепко сжимает губы и выдыхает.

— Ты не просто так это сделал.

— Да, — признаю я, делая шаг назад.

Я буквально вижу, как эта идея приходит ей в голову, когда она на секунду отводит взгляд и поднимает брови. Ее руки опускаются, и она стягивает через голову футболку, вытирая ею мыльные пузыри с лица. Но именно кружевной лифчик, в котором она осталась, заставляет меня изо всех сил пытаться вспомнить, как дышать.

— Вот это уже просто жестоко, — рычу я, позволяя своему взгляду скользить по ней.

— Правда? — поддразнивает она. — Ты собираешься что-то с этим делать?

— Ты чертовски права, я собираюсь.

Через несколько секунд я поднимаю ее и сажаю на стойку, устраиваясь у нее между ног. Я начинаю целовать ее шею, в то время как мои руки скользят вверх по ее спине, пока не доберутся до застёжки лифчика. Хриплые стоны срываются с ее губ, когда я покусываю и посасываю ее кожу, стараясь не оставить следов, хотя это так соблазнительно.

Ее лифчик расстегивается, и я стягиваю его с ее рук, позволяя ему упасть на пол рядом с ее футболкой. Ее сиськи идеальны, и я немедленно накрываю одну из них рукой, а другую

беру в рот. Лейкин откидывается назад, чтобы дать мне больше простора. Ее голова прислоняется к шкафу, когда она запускает пальцы в мои волосы.

— Боже, у тебя это так хорошо получается, — выдыхает она.

Я слегка прикусываю, и она вздрагивает, показывая мне, насколько она чувствительна. И ее реакция даже лучше, чем я надеялся. Отпуская ее с хлопком, я ухмыляюсь.

— О, это будет весело.

Поднимая ее, она визжит, но я проглатываю это, накрывая ее рот своим. Я иду по коридору в свою комнату, и она крепко прижимается ко мне, облизывая мой рот, когда целует меня. Как только я кладу ее на свою кровать, я встаю, чтобы восхититься тем, как чертовски идеально она выглядит — такая возбужденная и нуждающаяся во мне.

— Ты потрясающая, — бормочу я.

Комплимент застает ее врасплох, но прежде чем она успевает вдуматься в него, я наклоняюсь и слегка провожу кончиком языка от ее пупка вверх к центру груди, а затем к шее. Она извивается, выгибая бедра в поисках трения, которого я ей пока не даю.

Мы прижимаемся друг к другу, хватаемся руками везде, где только возможно, чтобы притянуть друг друга ближе. Но когда она начинает расстегивать мои джинсы, я останавливаю ее.

Ее брови хмурятся. — Разве ты этого не хочешь?

Что? — Это глупости. Конечно, я хочу, — говорю я ей. — Та ночь была потрясающей, но я лишил тебя девственности на переднем сиденье своего грузовика. Я не лгал, когда сказал, что ты заслуживаешь лучшего, чем это дерьмо.

— Ну, теперь мы в постели. Так почему ты не трахаешь меня прямо сейчас?

Боже, она просто мечта. Все мои сексуальные фантазии собрались вместе и воплотились в ней, просто чтобы испытать меня на прочность.

— Я собираюсь, но на этот раз спешить некуда. — Я снова соединяю наши губы. — Я собираюсь наслаждаться каждым твоим гребаным дюймом, и если ты не уйдешь отсюда, не ощущая меня при каждом движении, я не выполнил свою чертову работу.

Схватив ее за бедра, я переворачиваю ее так, чтобы она оказалась на мне сверху, затем скольжу руками вниз к ее заднице. Я притягиваю ее к себе и выгибаюсь навстречу. Это именно то трение, которого она жаждала, и она хнычет мне в рот.

— Слишком много одежды, — вздыхает она. — Пожалуйста. Мне нужно чувствовать тебя.

— О, ты многое почувствуешь, детка, — рычу я.

Она продолжает тереться обо меня, и мне неловко от того, как легко я мог бы кончить в штаны прямо сейчас. Мои яйца болят, а член тверд как сталь, отчаянно желающий разрядки, но я отказываюсь устраивать еще один быстрый трах.

Садясь, я беру ее с собой и поворачиваюсь, чтобы снова уложить на спину. Мои пальцы расстегивают ее джинсы, стягивая их вниз вместе с кружевными трусиками, которые сочетаются с ее лифчиком. Я делаю мысленную заметку, чтобы после этого она снова надела только эти два предмета одежды.

Ее киска такая влажная, блестит на свету. Я провожу по ней рукой и наслаждаюсь тем, как напрягается все ее тело. Я облизываю губы, дразня ее вход. Я хотел прикоснуться к ней губами с тех пор, как впервые увидел, как она распадается на части под моими пальцами.

— Скажи мне, Рочестер. — Я смотрю ей в глаза. — Кто-нибудь когда-нибудь касался

ртом твоей киски? Заставлял тебя кричать, когда ты каталась верхом на их лице?

Она сглатывает и качает головой. — Нет.

— Хорошо, — говорю я ей, сползая вниз. — Черт возьми, пусть так и остается.

В тот момент, когда я провожу языком по ее киске, я знаю, что никогда не смогу насытиться. Ее сладкий вкус покрывает мой язык, и то, как она откидывает голову на мою подушку, когда звуки ее стонов наполняют комнату, — это все.

Я хотел немного подразнить ее. Чтобы заставить ее заплатить за трюк с бананом и за то, что она мучила меня бесконечными синими шарами последние несколько дней. Но для этого потребовался бы определенный уровень самоконтроля, которого у меня явно нет.

Мой язык погружается в ее киску как раз перед тем, как я снова поднимаю его вверх. Я поджимаю губы и втягиваю ее клитор в рот, и все ее тело содрогается в конвульсиях. Ухмыляясь, я просовываю в нее два пальца и чувствую, как она сжимается вокруг них.

— Святое дерьмо, — выдыхает она. — Срань господня.

Чем быстрее я двигаю пальцами внутрь и наружу, тем быстрее лижу и посасываю ее клитор. Она не может оставаться неподвижной, как бы сильно я ни старался вдавить ее бедра в матрас. И когда она наклоняется, чтобы схватить меня за волосы, я стону, прижимаясь к ней.

— Не стесняйся, детка, — бормочу я, мой язык все еще тянется, чтобы попробовать ее еще немного. — Продолжай. Потришь о мое лицо.

Она начинает медленно, едва притягивая меня к себе, когда выгибается навстречу. Но через минуту она начинает чувствовать себя более комфортно. Еще более безрассудно. Она ласкает себя моим ртом, и я засовываю пальцы глубоко внутрь нее, загибая их вверх, чтобы ударить по маленькому комочку нервов внутри нее.

— Ты нужен мне, — умоляет она. — Пожалуйста, Хейс. Ты нужен мне внутри.

— Ни за что, черт возьми, — бормочу я ей. — Ты будешь хорошей девочкой и кончишь мне на язык. Я хочу ощутить каждую каплю твоего удовольствия. Заставь меня, черт возьми, утонуть в этом.

Она хнычет, и ее дыхание учащается, когда она приближается к своему оргазму. Все мои чувства поглощены ею. Ее вкус. Ее запах. Все это так чертовски опьяняет. Каждый раз, когда она притягивает меня ближе, мне становится трудно дышать, но я бы с радостью задохнулся от этого.

— Вот и все, — бормочу я. — Кончи мне на лицо, детка. Ты такая хорошая маленькая принцесса со мной.

То, как она мгновенно взрывается в ту секунду, когда последняя фраза слетает с моих губ, шокирует меня больше, чем когда-либо, но прямо сейчас у меня есть работа, которую нужно сделать. Ее киска напрягается, когда она сжимается вокруг моих пальцев, и хватка, которую она держит за мои волосы, не ослабевает, когда она притягивает меня к себе. Я посасываю ее клитор, обводя его языком и заставляя ее оргазм длиться как можно дольше, пока все ее тело не расслабляется.

— Это не навык, — говорит она, тяжело дыша. — Это чистое колдовство.

Я облизываю губы и слизываю ее соки со своих пальцев. — Ты чертовски вкусная.

Вставая, я запечатлеваю в памяти ее вид, лежащей обнаженной на моей кровати, и стягиваю футболку через голову. Лейкин прикусывает нижнюю губу, пока ее взгляд скользит по моему прессу. И когда я одним быстрым движением сбрасываю штаны и боксеры, она смотрит на мой член так, словно это ее любимая игрушка.

Лучше бы, черт возьми, так и было.

Я беру его в руку, медленно дергая, подхожу к прикроватной тумбочке и достаю презерватив. Разрывая его зубами, я собираюсь надеть его, но она садится и смотрит на меня из-под опущенных ресниц.

— Можно мне? — спрашивает она, и это выглядит как невинность и грех в одном флаконе.

Не доверяя своему голосу, чтобы ответить прямо сейчас, я протягиваю ей презерватив, но сначала у нее другие планы. Она обхватывает рукой мой член, заставляя меня зашипеть от соприкосновения. Накачивая его пару раз, она высовывает язык и облизывает кончик, как леденец на палочке, а затем тихо стонет, пробуя меня на вкус.

— Научи меня.

Весь воздух мгновенно выходит из моих легких. — Лей.

Она облизывает мой член от центра до кончика. — Вот так? Тебе это нравится?

— Значит ли это...

Я даже не могу закончить вопрос, потому что она открывает рот и обхватывает губами мой член. Мышцы моей задницы напрягаются, когда я изо всех сил стараюсь не кончить, и моя рука ложится на ее голову, нежно оттягивая ее.

— Детка, — говорю я мягко.

В ее глазах появляется нерешительность, когда она смотрит на меня. — Я сделала это неправильно?

Я качаю головой еще до того, как вопрос полностью слетает с ее губ. — Нет. Нет, ты само совершенство. — Я провожу большим пальцем по ее губам. — Такой талантливый маленький ротик. Я просто знаю, что если я в ближайшее время не войду в тебя, есть большая вероятность, что я сойду с ума.

Ее настроение меняется, и она натягивает презерватив по всей моей длине. Как только он надежно закреплен, я отталкиваю ее назад и ставлю одно колено на кровать. Выпрямляясь, я медленно погружаюсь в нее. То, как она растягивается вокруг меня, так же, как и прошлой ночью, и она пытается скрыть это, но я вижу, как она морщится от боли.

Я двигаюсь медленно, но не останавливаюсь, пока полностью не окажусь внутри нее. Моя голова откидывается назад, когда я говорю себе не кончать. Нам редко выпадает шанс сделать это, и я не собираюсь упускать его, продержавшись всего две секунды. Я сосредотачиваюсь на своем дыхании, и как только я чувствую, что отступил от края, я вытягиваюсь почти до конца, просто чтобы скользнуть обратно.

— Мне нравится, как ты заставляешь меня чувствовать себя такой наполненной, — стонет она. — Хочу вот так проводить каждую секунду с тобой внутри меня.

Наклоняясь над ней, я обхватываю рукой ее горло. — Тебе бы это понравилось, не так ли? — Она кивает, и мои глаза сужаются, когда я пристально смотрю на нее. — Ты такая хорошая девочка, не так ли?

Ее веки закрываются, и она стонет, обхватывая пальцами мое запястье.

Я вырываюсь, переворачиваю ее и поднимаю ее задницу в воздух, только чтобы снова вонзиться обратно в ее киску. Ракурс намного лучше, мой член трется о ее стенки, и я чувствую, как ее оргазм уже снова приближается.

Я наматываю ее волосы на руку и использую их, чтобы откинуть ее голову назад, когда начинаю входить сильнее. — Посмотри на себя, ты так хорошо принимаешь мой член. Моя хорошая девочка.

Звук шлепков моей кожи о ее смешивается с нашими стонами. И чем выше становится ее голос, тем точнее я понимаю, что она близко. Я шлепаю ее по заднице, достаточно сильно, чтобы оставить след, и она вскрикивает.

Ее дыхание замедляется, и я жду ее реакции. Если бы я не уделял этому столько внимания, то, возможно, пропустил бы это мимо ушей. Но то, как она шепчет: «Сделай это снова», врзается в мой мозг и поселяется там навсегда.

— Черт возьми, — стону я, снова шлепая ее и наблюдая, как подрагивает ее ягодица.

Тот факт, что отпечаток моей руки остался на ее коже, говорит о той части меня, которая хочет завладеть каждым дюймом ее тела. Запереть ее там, где только я смогу до нее дотянуться. Единственная часть меня, которая когда-либо думала о чем-то большем, чем просто взаимное сексуальное удовлетворение.

Я перемещаю свою хватку с ее волос на шею и притягиваю ее к себе, пока моя грудь не прижимается к ее спине. Касаясь губами ее уха, я покусываю мочку.

— Я так горжусь тобой, детка, — шепчу я ей на ухо. — С тобой мне так хорошо.

Ее голова откидывается на мое плечо, когда она отдается удовольствию. Я убираю руку с ее бедра и перемещаю к ее киске, оказывая давление именно там, где ей это нужно.

— Дай мне это, Лейкин. — Я втираю круги прямо по ее клитору, и она вздрагивает от того, насколько она чувствительна. — Я знаю, что это там, и я хочу этого. Кончи на мой член. Покажи мне, какая ты хорошая.

Еще несколько секунд трения и усиленной хватки на ее горле, и она теряет самообладание. В ту секунду, когда я чувствую, как ее киска сжимает мой член, я отпускаю ее горло и наклоняю ее вперед, врзаясь в нее всем, что у меня есть, когда я выстреливаю все, что у меня есть, в презерватив.

Она прижимается ко мне и стонет от того, насколько глубоко я нахожусь, и я ухмыляюсь. Второй раз занимаясь сексом, и она уже рок-звезда, точно так же, как и все остальное, что она пробует в жизни.

В последний раз шлепнув ее по заднице, я выхожу и падаю на кровать рядом с ней. Она поворачивается ко мне лицом, и мы вдвоем ждем, пока наше дыхание успокоится.

— Ты — самая безумная мечта любого парня, ты знаешь это?

Она моргает в ответ, ее голова покоится на предплечье. — Даже твоя?

Я знаю, что не должен, но не могу остановиться, когда переворачиваюсь и легонько целую ее. — Особенно моя.

Самодовольная ухмылка на ее лице — это то, о чем я должен сожалеть, но я этого не делаю. Не тогда, когда она выглядит такой счастливой, как сейчас. И определенно не тогда, когда мы оба испытываем блаженство после секса.

Говоря о... — Итак, есть еще какие-нибудь... увлечения, которыми ты хочешь поделиться со мной?

Ее щеки розовеют, и она отводит взгляд. — Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Мм-хм. Итак, если бы я обхватил рукой твое горло и назвал тебя моей хорошей де—

Она закрывает мне рот рукой, не давая закончить то, что я говорил. Она вздыхает и смотрит в потолок, и я могу сказать, что она нервничает.

— Я не знаю, что это такое, — признается она. — В этом есть что-то обнадеживающее, и мне это нравится.

Я перекаत्याюсь на бок и кладу руку ей на лицо, поворачивая ее голову, пока она не смотрит на меня. — Эй, тебе не нужно смущаться. Не из-за этого. Это чертовски сексуально.

Она улыбается и наклоняется, чтобы поцеловать меня, медленно и лениво. Когда она отстраняется, то быстро чмокает меня в кончик носа и садится, сбрасывая ноги с края кровати. Мой взгляд сразу же фиксируется на татуировке, идущей вдоль ее позвоночника.

Это неуловимые светло-серые чернила на фоне ее кожи, но они так хорошо смотрятся на ней.

Я сажусь и прикасаюсь к ней губами. — Твои родители знают, что у тебя это есть?

Она оглядывается на меня через плечо, выдыхая, когда я оставляю несколько легких поцелуев вдоль ее позвоночника. — Нет. Они бы убили меня. Вот почему это в таком месте, где я могу это спрятать.

— От всех, кроме меня, — уточняю я.

Ее глаза закатываются, когда она ухмыляется. — От тебя ничего не скроешь.

— Рад, что ты начинаешь понимать.

Я никогда не любил обниматься. Сама идея лежать вместе, не зная, где заканчивается один из вас и начинается другой, просто ради того, чтобы быть рядом, всегда казалась мне слишком романтической. У меня не было к этому никакого интереса. Но когда Лейкин положила голову мне на грудь, когда я запустил фильм, я не смог найти в себе сил остановить ее.

Я не мог найти в себе *желания* остановить ее.

Кончики моих пальцев касаются ее спины, пока она спит. Она потеряла сознание чуть больше часа назад, а я просто лежал здесь, прокручивая в голове события последних нескольких дней.

Я знаю, что должен разбудить ее. Отвезти ее обратно к машине, чтобы она могла добраться домой. Но я не хочу этого делать.

Пока нет.

Я просто хочу лежать здесь, где нет ни осуждения, ни страха, ни сомнений. Просто дай мне почувствовать тяжесть ее головы на своей груди, когда запах ее волос расслабляет меня так, как никогда не расслабляло пиво.

Дай мне это, пока у меня еще есть возможность.

Лейкити

Когда я начинаю просыпаться, до моих ушей доносится щебетание птиц, но что-то не так. Мое тело слишком сильно вжимается в кровать, и мне теплее, чем было бы в моей комнате. Когда мой мозг начинает осознавать окружающее, все это обрушивается на меня.

Я все еще в доме Хейса.

Его руки обнимают меня, когда он спит, прижавшись к моей спине. Это напоминает мне о прошлой ночи — о том, как он притянул меня к себе, когда трахал меня. Мне до смешного больно, и я ощущаю это при каждом движении, но я уже жажду этого сна.

— Эйч, — шепчу я, надеясь, что он не злится.

Мы никогда не обсуждали, что я останусь у него ночевать. Насколько я знала, вчера вечером я должна была вернуться к Мали в какой-то момент. Слава Богу, я сказала родителям, что переночую у нее, так что они не ждали меня домой в определенное время. В противном случае они, вероятно, прямо сейчас подали бы заявление о пропаже человека.

Я снова пытаюсь разбудить его, на этот раз немного громче. — Хейс.

Он стонет, убирая одну руку из-под меня, когда перекачивается на спину. Слепо дотягиваясь до своего телефона, он нажимает кнопку, чтобы посмотреть время, и ворчит.

— Слишком рано. Мне нужно поспать.

Его рука снова накрывает меня, и я поворачиваюсь к нему лицом. Его глаза закрыты, и он выглядит таким умиротворенным, но когда он приоткрывает один, я не могу удержаться от улыбки.

— Привет, — тихо говорю я.

Он что-то бормочет. — Привет, извращенка.

То, как уголки его рта непроизвольно поднимаются вверх, говорит мне о том, что он не сердится. Может быть, немного капризен, но точно не злится.

— Наверное, хорошо, что я не сама приехала сюда вчера, — говорю я ему. — Моя машина простояла бы у твоего дома всю ночь.

Он снова закрывает глаза, явно слишком вымотанный, чтобы просыпаться прямо сейчас, и я почти слеую его примеру, но когда слышу, как открывается и закрывается входная дверь, мое сердце, черт возьми, почти останавливается, когда меня начинает охватывать паника.

— Э-э, Эйч?

Он бормочет в ответ.

— Кто-то только что вернулся домой? — Я бросаю взгляд на дверь спальни, но, к счастью, она закрыта.

Он делает глубокий вдох, а затем выдыхает. — Расслабься. Вероятно, это просто Девин.

Я приподнимаюсь на локте, подпирая голову рукой. Хейс, должно быть, чувствует мой взгляд, потому что его глаза снова открываются.

— Что?

Мои брови приподнимаются. — Ты ни капельки не беспокоишься о том, что Девин узнает о нас?

Он вздыхает и потягивается, прежде чем хрустнуть шеей. — Нет. Девин — одна из примерно четырех человек в мире, которым я доверяю.

— О, да? — спрашиваю я. — А кто остальные трое?

— Моя мама, Кэм... — он делает паузу и ухмыляется мне, — ... и динозавр Барни.

Я падаю обратно на кровать и начинаю смеяться. — Солидный третий выбор.

— Эй, он всегда был рядом с тех пор, как мне исполнилось три года, ясно?

— Угу.

Конечно, какая-то часть меня надеялась, что он скажет, что я третья, но думать так — значит просто обрекать себя на разбитое сердце. Я точно знала, что это такое, с того самого момента, как это началось. Просто потому, что мы провели ночь, прижавшись друг к другу, это не значит, что что-то внезапно изменилось.

— Который час? — спрашиваю я.

— Чуть за девять, — отвечает он. — Тебе на работу в полдень, верно?

Я киваю. — Нам, наверное, стоит одеться.

Он скулит, явно желая еще немного поваляться в постели, и я его не виню. Я бы ничего так не хотела, как провести весь день здесь, лежа с ним вот так, но у меня нет другого варианта.

Вероятно, у меня *никогда* не будет такого варианта.

— Ладно, прекрасно, — ворчит он, сбрасывая одеяло.

Я встаю и оглядываюсь в поисках своей одежды, и когда замечаю ее на стуле, поворачиваюсь, чтобы взять ее. Хейс оглядывает меня с ног до головы с блеском в глазах.

— Чего бы тебе стоило надевать только *это* каждый раз, когда мы остаемся наедине?

Взглянув на мои лифчик и трусики, я вспоминаю, как прошлой ночью он вернул мне только эти две вещи и отказался отдать мне остальную одежду. Не то чтобы я возражала. Он остался в своих боксерах. Если бы я полностью оделась, я бы чувствовала себя странно.

И, кроме того, то, как он не мог оторвать от меня глаз, стоило того.

Мали и магазин нижнего белья в выигрыше.

Я напеваю и прикладываю палец к губам. — Сделай это своим ртом еще раз, и ты сможешь получить все, что захочешь.

— Договорились, — соглашается он и пытается затащить меня обратно в постель, но я неохотно останавливаю его.

— У нас нет времени, — говорю я ему с грустью. — И, кроме того, Девин бы нас услышала.

— Пусть. Мне похуй.

Посмеиваясь, я хватаю его за руку и тяну, пока он не садится. — В следующий раз.

Он смотрит вниз на то, как его стояк натягивает боксеры. — Посмотри, что ты

наделала.

— Это была не я. Это все ты, — говорю я. — Никто не просил тебя смотреть на меня.

Хейс усмехается. — О, да. Предполагается, что я просто должен иметь великолепную полуобнаженную девушку в своей комнате и *не* смотреть. Конечно.

Я качаю головой, посмеиваясь. — Ты ненасытен.

— Я знаю. Я виню тебя.

— Меня?

Он кивает. — Я был в полном порядке, пока ты не начала мастурбировать у меня на глазах.

Раздается взрыв смеха, и я прикрываю рот рукой. — Ты имеешь в виду, когда ты подглядывал за мной через окно в крыше, как последний гребаный извращенец? Я бы вряд ли классифицировала это как мастурбацию перед тобой.

— Ты смотришь на это по-своему, а я буду смотреть на это по-своему, — говорит он, целуя меня в лоб и вставая с кровати.

Мои глаза игриво закатываются. — Ты всегда создаешь свою собственную реальность?

Он наклоняет голову из стороны в сторону. — В значительной степени, да.

Я натягиваю брюки и застегиваю их, прежде чем надеть футболку. Хейс берет пару вещей из своего комода и натягивает их, прежде чем направиться в ванную.

Пока я одна, я думаю о том, какой невероятной была прошлая ночь. Я имею в виду, я знала, что он хорош в постели, особенно после того, что случилось в его грузовике, но я понятия не имела, что он *настолько* хорош. Не может быть, чтобы секс был настолько хорошим с кем-то постоянно. Никому никогда не удастся добиться такого результата.

Нет. Только с ним.

Он разрушил меня для всех остальных, прежде чем кто-либо успел даже попытаться.

Выходя из ванной, он протягивает мне леденец. — Мята?

Я скрещиваю руки на груди. — Ты хочешь сказать, что тебе не нравится мое утреннее дыхание?

Вместо того, чтобы подумать, что я на самом деле обиделась, как я надеялась, он закатывает глаза и хватается за мою шею, притягивая к себе, для глубокого поцелуя. Он заставляет меня открыть рот и переплетает свой язык с моим, только для того, чтобы засунуть мятный леденец, который он, должно быть, только что положил себе в рот, в мой.

Еще раз чмокнув, он отстраняется и хватается за еще одну мятную конфету, с подмигиванием засовывая ее в рот.

Я смотрю вниз и улыбаюсь про себя, когда следую за ним из его спальни по коридору. Но как только мы входим в гостиную, его окликает мамин голос.

— Милый, это ты?

Мои глаза расширяются, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Хейса, но прежде чем мы успеваем обернуться, из-за угла выходит его мама. Кажется, она приятно удивлена, увидев меня.

— О, Лейкин. Я не ожидала тебя увидеть, — говорит она. — Как у тебя дела?

— Действительно хорошо, — честно отвечаю я. — Как дела?

— О, ты знаешь. Просто, как всегда, провожу три четверти своей жизни на работе. — Она делает паузу и смотрит на Хейса. — Это и попытка держать этого идиота в узде.

Я смотрю на Хейса, и мне требуется каждая капля самообладания, которая у меня есть, чтобы не улыбаться как идиотка. — Ну, что бы ты ни делала, я думаю, это работает.

— Приятно это слышать, потому что иногда я задаюсь вопросом.

Хейс раздраженно вздыхает, закатывает глаза и отводит взгляд, заставляя нас с его мамой смеяться.

— Итак, ты пришла с Кэмом? — спрашивает она и начинает смотреть мимо нас. — Где он? У меня такое чувство, что я не видела его целую вечность.

Тьфу. Это не то, чего я ожидала, когда проснулась этим утром. Не с учетом того, что Хейсу, казалось, было все равно, когда я услышала, как закрылась дверь.

Хейс кашляет. — Его здесь нет, мама. Я как раз собирался отвезти Лейкин домой.

Я сжимаю губы и смотрю куда угодно, только не на нее, когда она улавливает суть.

— Ох. Хорошо. Что ж, думаю, увидимся, когда ты вернешься домой. — Она снова отступает в сторону кухни. — Было приятно увидеть тебя снова, Лейкин.

— Мне тоже! — любезно отвечаю я.

Положив руку мне на поясницу, Хейс выводит меня через парадную дверь, и мы забираемся в его грузовик.

Во мне так много эмоций, но самая большая из них — это страх. Его мама, которая так рано застучала нас за этим делом, наверняка отпугнет его. Он собирается отменить это, еще раз сказав мне, что не может так рисковать. Или мама Хейса могла бы проговориться Кэму.

Или еще хуже — моим родителям.

Я тревожно грызу ногти и смотрю в окно, когда Хейс протягивает руку и отводит ее ото рта.

— Расслабься, — говорит он мне.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и он на секунду переводит взгляд на меня, но остается сосредоточенным на дороге.

— Не делай вид, что ты не сходишь с ума, — говорит он. — Я вижу это по твоему лицу.

Честно говоря, удивительно, насколько он спокоен, но это немного помогает мне дышать.

— Я не *сходила с ума*, — уточняю я. — Просто меня никогда не ловили с парнем, с которым я тайно сплю.

Он ухмыляется так, что угрожает растопить меня на месте. — Посмотри на меня, крадущего все твои первые.

Я усмехаюсь, закатывая глаза, но чувствую себя лучше, зная, что он не психует. Тяжесть спадает с моей груди. Если он не паникует, то почему я должна?

Все затихает на минуту, прежде чем он снова нарушает тишину.

— Ты была так напугана.

И я даже не могу отрицать этого, как не старайся.

Моя машина стоит в конце подъездной дорожки у дома Мали. Хейс паркуется на улице

перед ее домом и отстегивает ремень безопасности. Мои брови хмурятся, когда он поворачивается ко мне лицом.

— Я, э-э... — Он потирает затылок. — Я хочу сделать тебе подарок на твой день рождения.

Подожди, что? — Ты не придешь на вечеринку?

Ежегодная вечеринка по случаю моего и Мали дня рождения стала еще большей традицией, чем наши летние костры. Это самая большая вечеринка лета в моем доме, и я не думаю, что Хейс пропустил хоть одну за последние шесть или семь лет.

— Нет, я буду там, — уверяет он меня. — Но я ничего не дарю Мали, и я не хочу, чтобы Кэм слишком много думал о том, что я делаю подарок только тебе.

Потянувшись в бардачок, он достал конверт, и я никогда еще не была так смущена. Сначала я безнадежно решила, что это любовное письмо, написанное от руки и говорящее мне, что все, что он говорил о том, что не хочет отношений, — ложь. Но когда я открываю его, то обнаруживаю, что внутри на удивление кое-что получше.

Мои глаза расширяются, и я ахаю. — Ты достал мне билеты на концерт Томаса Ретта?

Томас Ретт — мой любимый певец, второй после Курта Кобейна, но, очевидно, я не смогу увидеть его на концерте. Я понятия не имела, что он вообще устраивает концерт где-то поблизости. И места невероятные.

— Святое дерьмо, — говорю я, не веря своим ушам. — Спасибо тебе. Ты не должен был этого делать.

Он улыбается, когда я целую его. — Теперь, когда я думаю об этом, я мог бы просто дать тебе один, а Мали — другой.

Я замираю, обдумывая идею, которая, возможно, безумна, но попробовать стоит.

Нервно покусывая внутреннюю сторону щеки, я заставляю себя спросить. — Что, если я хочу, чтобы ты пошел со мной?

Он сразу выглядит неуверенным, говоря мне, что даже не рассматривал эту идею, когда покупал билеты. — Я не знаю, Лей. Это на публике.

— Да, но это больше чем в часе езды, — указываю я. — Шансы увидеть там кого-нибудь из наших знакомых невелики. И, кроме того, Кэму даже не нравится Томас Ретт.

— Мне тоже.

— Да, но тебе нравлюсь я. — Слова вылетают из моего рта прежде, чем у меня появляется шанс остановить себя.

Его брови приподнимаются, и я собираюсь взять свои слова обратно или извиниться, но решаю не делать этого. Я ему нравлюсь, хочет он это признать или нет. Нельзя спать с человеком, который тебе хотя бы немного не нравится.

Вместо этого я использую другой подход.

Выпячивая нижнюю губу, я слегка надуваюсь. — Пожалуйста?

Он выдыхает весь воздух из своих легких. — Вот это просто несправедливо.

Я улыбаюсь и наклоняюсь через центральную консоль, прижимаясь губами к его уху.

— Пожалуйста? — Повторяю, на этот раз потише.

Повторяя это слово, как молитву, я прикусываю мочку его уха, и его дыхание становится тяжелее. Как только я провожу рукой по его ноге к члену, он хватает меня за запястье, чтобы остановить.

— Не начинай того, что не можешь закончить, — предупреждает он.

Я отступаю ровно настолько, чтобы посмотреть на него. — Скажи, что пойдешь со

мной.

Он прищуривается, глядя на меня, и мы мгновение смотрим друг на друга, прежде чем он вздыхает. — Хорошо. Я пойду.

Сияя от счастья, я благодарю его и целую еще раз. Я открываю дверь грузовика и вылезая, но когда иду закрывать ее, вижу, как он игриво смотрит на меня.

— Ты играешь нечестно, — говорит он.

Я усмехаюсь. — Я знаю.

С этими словами я закрываю дверь грузовика и направляюсь к Мали за ключами, оглядываясь только раз, чтобы посмотреть, как Хейс уезжает.

18

Хейс

Возвращаясь к себе домой, я знаю, что меня ждут неприятности. Я сделал вид, что в том, что моя мама застучала нас, не было ничего особенного, но это только потому, что Лейкин выглядела так, словно была на грани срыва. Я не мог оставить ее в таком состоянии до конца дня.

Ее ночевка не входила в планы. Я намеревался разбудить ее, когда закончится фильм. Но потом я заснул. И как бы мне ни было неприятно это признавать, это был один из лучших снов в моей жизни.

Я заезжаю на подъездную дорожку и вылезая из своего грузовика, делаю глубокий вдох, чтобы подготовиться к предстоящему допросу. Если бы я знал, что это она вернулась домой, я бы тайком вытащил Лейкин через мое окно. Оглядываясь назад, легко говорить о том, что уже произошло, но все, что я могу сейчас сделать, это сорвать пластырь.

Войдя в дом, я застаю свою маму сидящей за кухонным столом с чашкой кофе в руках. Я подхожу к холодильнику и беру пиво, зная, что оно мне понадобится для этого разговора, но я должен был знать, что она никогда бы этого не допустила.

— Мальчик, всего лишь десять утра, — говорит она с недоверчивым видом.

— Значит, в Италии сейчас пять часов, — шучу я, но ее плотно сжатые губы говорят мне, что ей не смешно.

Она приподнимает одну бровь, глядя на меня. — Положи это обратно.

Слава богу, Лейкин здесь нет, чтобы увидеть это. Наблюдать, как моя мать командует мной, — это то, чего она никогда бы мне не позволила пережить. Я могу только

представить, как бы она прокомментировала эту ситуацию.

Заметка для себя: не позволяй им находиться в одной комнате дольше нескольких минут.

Я ставлю пиво обратно и заменяю его Ред Буллом, что по-прежнему не делает ее счастливой, но она знает, что нужно выбирать свои битвы. Когда я открываю его и подношу к губам, она вздыхает.

— Ты понимаешь, что делаешь?

Я веду себя непринужденно. — Разрушаю свои внутренности?

Моя мама смотрит на меня в ответ, ее глаза похожи на лазерные лучи. — Хейс Беккет.

Я съеживаюсь от того, как она использует мое второе имя. Ставя Ред Булл на прилавок позади меня, я тяжело вздыхаю.

— Мы просто веселимся, мам.

— Она знает это?

Мой первый инстинкт — сказать да. Я сказал ей об этом в первую ночь, когда отбросил осторожность на ветер. Но что-то удерживает меня. Я закрываю рот, когда в моей голове прокручивается прошлая ночь, а затем сегодняшнее утро, когда она смогла убедить меня пойти с ней на концерт.

Черт. Это свидание, не так ли?

Когда я не отвечаю, моя мама встает и относит свою пустую кружку в раковину. — Не играй с ее чувствами, Эйч. Эта девушка заслуживает большего.

Я киваю, зная, что она права. Я часто думаю о том, чего заслуживает Лейкин. Может, она и хочет меня, но это не значит, что она не заслуживает гораздо лучшего. Это так. Но чтобы она поняла, мне пришлось бы сопротивляться ей, а я не могу этого сделать.

Я пытался.

— Кстати, что ты делаешь дома? — спрашиваю я. — Ты всегда спишь в больнице, прежде чем сесть за руль.

Она усмехается. — Мне удалось вздремнуть несколько часов во время моей смены. Но в следующий раз я предупрежу тебя, чтобы ты смог увести Лейкин до моего возвращения домой.

— Ты трахаешься с Лейкин? — Голос Девин гремит по комнате.

Черт! — Немного громче, Дев. Я не думаю, что весь город слышал тебя.

— Ты знаешь, я должна, — рычит она в ответ. — Может быть, один из них сможет вбить в тебя немного здравого смысла.

Я закатываю глаза. — О, отвали. Что ты вообще здесь делаешь, в любом случае? Я думал, ты вернешься домой позже.

— Планы меняются, — говорит она, отмахиваясь от темы. — Но забудь об этом. Лейкин? Серьезно?

— Оставь это в покое, Дев, — рычу я, стискивая челюсти.

Она явно не хочет, но все равно соглашается. — Хорошо, но пообещай мне одну вещь.

— Что?

Коварная ухмылка пересекает ее лицо. — Ты позволишь мне посмотреть, когда Кэм убьет тебя.

— О-о-о, — вмещивается мама. — Запиши это для меня.

Этот маленький комедийный дуэт стареет. — Эй!

— Что? — невинно спрашивает она. — Мне нужно что-нибудь на память о тебе.

Игнорируя их обеих, я ухожу и направляюсь прямо в свою комнату. Я твердо намерен вернуться в постель, пока мне не придется вставать на работу. Раннее утро просто не в моем вкусе, особенно когда оно заполнено мамой и Девин, которые лезут в мои дела.

Я закрываю за собой дверь и плюхаюсь лицом на кровать. Но когда я устраиваюсь поудобнее и вдыхаю, я понимаю, что запах Лейкин все еще остается на моей подушке.

Это расслабляет меня больше, чем я хотел бы признать.

Проникновение на чужую территорию никогда не бывает хорошей идеей. Это незаконно. Без шуток — на самом деле существует закон о нахождении где-либо без разрешения, даже если все, что вы сделали, это проехали мимо нескольких знаков, предупреждающих вас не делать этого. Но когда Лейкин появилась у меня на работе и сказала, что хочет сводить меня куда-то после работы, я не колебался.

Мы лежим на травянистом холме в конце взлетно-посадочной полосы, наблюдая, как самолеты взлетают и приземляются, пролетая прямо над нами. Солнце начинает садиться вдалеке, но каким бы прекрасным оно ни было, вид рядом со мной лучше.

— Ладно, у меня есть один, — хихикает она. — Ты бы предпочел заниматься серфингом голышом с акулой или обморозить все свои пальцы?

Легко. — Обморожение.

Ее глаза расширяются. — Это *серфинг* с акулой, а не быть съеденным одной из них.

— Мне все равно, — отвечаю я, не меняя своего решения. — Я лучше лишусь пальцев, чем рискну потерять член. Он важнее.

Она ухмыляется. — Очевидно, ты не чувствовал, на что способны твои пальцы.

— С тобой все было бы в порядке. Моему языку ничего не угрожает.

Ее голова склоняется набок, и она скулит. — Это просто жестоко. Ты не можешь напоминать мне об этом, когда мы ничего не можем сделать.

Верно. *У нее месячные.* То, что она говорила сегодня утром о том, что только с ней это может случиться за день до дня рождения, что лишает ее права на секс в день рождения, было просто восхитительно. Сообщения продолжали поступать, и каждый раз, когда я собирался ответить на одно, приходило другое.

В итоге я просто подождал, пока она закончит, прежде чем ответить.

— Кто сказал, что мы ничего не можем сделать? — Спрашиваю я, перекатываясь на бок, чтобы посмотреть ей в лицо.

— О, я не знаю. Тот факт, что мы на виду и уже вторглись на чужую территорию.

Наклоняясь, я посасываю ее нижнюю губу. — Точно. Мы уже нарушаем правила. Что случится, если мы нарушим еще одно?

Я провожу рукой по ее животу и опускаю кончик мизинца под пояс ее шорт. Выражение ее глаз говорит мне, что она обдумывает это. Я медленно целую ее, и она выдыхает стон.

— А как насчет пассажиров в самолетах? — спрашивает она. — Они нас увидят.

Напевая ей в рот, я провожу рукой дальше на юг. — Тогда давайте устроим им шоу.

В тот момент, когда мои пальцы касаются ее клитора, она выдыхает и выгибается навстречу мне. Я прижимаюсь губами к ее губам и растираю ее круговыми движениями, медленно и с нужным нажимом — именно так, как ей нравится. Месячные, должно быть, делают ее более чувствительной, потому что с каждой проходящей секундой она начинает становиться все более громкой.

Она наклоняется и хватается меня за запястье, удерживая его на месте, как будто я собираюсь убрать его в последнюю минуту. Это так чертовски сексуально, то, как она трется о мою руку, используя меня, чтобы кончить.

Это так чертовски горячо.

Звук трескающихся палочек привлекает мое внимание, и я на секунду прерываю поцелуй. Лейкин хнычет, поднимая голову, чтобы попытаться воссоединить наши рты, но этого не произойдет.

Не тогда, когда в десяти футах от нас стоят два копа.

— Хорошо, — говорит один. — Покажите нам свои руки.

Лейкин скулит, не соображая ясно из-за того, что погружена в свой надвигающийся оргазм. — Он должен? В данный момент одна из них немного занята.

Не в силах сдержаться, я роняю голову ей на плечо и смеюсь. — Детка, это копы.

— О, — говорит она, и ее губы формируют круг. — Ну и дерьмо.

Медленно и осторожно я убираю руку с ее шорт, и мы вдвоем встаем. Лейкин отводит взгляд, когда замечает двух офицеров, но мне нечего стыдиться.

Если бы у них был кто-то, похожий на нее, они бы тоже не смогли насытиться.

Она — лучший вид наркотика.

— Что мы можем для вас сделать, офицеры?

Они обмениваются взглядами друг с другом. — Ну, для начала, вы находитесь на частной территории.

Лейкин притворяется невинной. — На самом деле? Вау. Я так сожалею об этом. Мы уходим прямо сейчас.

Она начинает идти к моему грузовику, когда один из полицейских останавливает ее, положив руку ей на плечо. — Не так быстро. Позвольте мне взглянуть на ваше удостоверение личности. — Он кивает в мою сторону. — Ты тоже, сынок.

Я вытаскиваю бумажник из заднего кармана и отдаю права, в то время как Лейкин упирает руки в бедра. — Посмотри на меня. С чего ты взял, что у меня при себе удостоверение личности?

Ухмыляясь, мой взгляд скользит по ней, и я понимаю, что она права. Девушка в укороченном топе и крошечных шортах. Если только он не думал, что она прячет его в лифчике, ясно, что единственная вещь, которая у нее есть, — это ее телефон.

— Мэм, в таком отношении нет необходимости.

— В том, что вы прервали мой оргазм, не было необходимости, сэр, — выплевывает она в ответ.

То, что она ведет себя как стерва во имя сексуального удовлетворения, не должно быть и близко таким привлекательным, как есть. Я знаю, что в последнее время мы не могли насытиться друг другом, но, черт возьми. Я создал монстра, и мне это чертовски нравится.

Капитан Очевидность, с другой стороны, *не* впечатлен.

— Хорошо, — говорит он, доставая наручники. — Повернись и заведи руки за спину.

— Я не сделала ничего плохого, — утверждает она.

— Вы вторглись на чужую территорию. Одного этого мне достаточно, чтобы задержать вас, пока мы не разберемся, что здесь происходит.

Он хватается за руку и разворачивает к себе, вытаскивая наручники. Я делаю шаг к ним. Я хочу быть достаточно близко, чтобы помочь ей в случае необходимости, но драки с полицией я бы хотел избежать, если это возможно.

Лейкин насмеяется и позволяет ему надеть на себя наручники без проблем, но это не значит, что она относится к нему снисходительно.

— О, — взвизгивает она, когда он начинает ее ощупывать. — На твоём месте я бы этого не делала. Моего парня зовут Бубба, и он склонен становиться немного собственником.

Офицер бросает на меня взгляд. — Я так понимаю, ты Бубба?

— Нет, — отвечаю я сквозь смех.

Каждый раз, когда она открывает рот, парень, кажется, краснеет ещё больше. Тем временем его напарник пытается не смеяться.

— Ты из тех, кто любит рисковать, — говорит Лейкин, когда её продолжают обыскивать. — Мне это нравится.

— Мэм, — раздражённо рычит он. — Пожалуйста, просто позволь мне делать мою работу.

Она ухмыляется. — Хорошо, но ты должен знать, моё стоп-слово — сливовый сок.

Да, нет. Я никак не могу удержаться от смеха над этим. И, по-видимому, другой полицейский тоже не может, хотя он прилагает серьёзные усилия. Когда он пробивается, его партнер смотрит на него сердито.

— Что ты делаешь? — Он кивает головой в мою сторону. — Надень на него тоже наручники.

Ухмылка Лейкин становится шире. — О, ты тоже получишь пару браслетов! — Она снова сосредотачивается на полицейском. — Мы можем оставить их? Может быть, как небольшой сувенир?

— Что ты — начинает он, но потом замечает, как она поднимает брови. — С другой стороны, как насчет того, чтобы ты просто назвала мне свое имя, раз у тебя нет удостоверения личности? И прежде чем ты ответишь, ты должна знать, что сообщать полиции вымышленное имя — это преступление.

Ее нижняя губа выпячивается, когда она надувает губы. — Прекрасно. Лейкин Бланшар.

Он записывает это вместе с датой ее рождения. Хотя, похоже, его не волнует, что его партнер поздравляет ее с предстоящим днем рождения. Как только он получает всю информацию, они провожают нас и усаживают на заднее сиденье машины.

— Подождите здесь, пока мы проверим вашу информацию, — говорит он нам. — Убедимся, что вы те, за кого себя выдаете, и что ни у кого из вас нет никаких неоплаченных штрафов.

Как только он идет закрывать дверь, Лейкин останавливает его. — Подожди!

Он фыркает и выжидающе смотрит на нее. — Не могли бы вы снять с него наручники, чтобы он мог закончить то, что вы, благородный джентльмен, прервали?

Моя голова откидывается на спинку сиденья, когда я громко смеюсь, но он не находит это таким уж смешным. Его челюсть напрягается, и он захлопывает дверь, бормоча что-то себе под нос, уходя.

— Он тайно любит меня, — говорит она. — Сейчас может показаться, что это не так, но мы собираемся быть лучшими друзьями.

— О, ты так думаешь?

Ее голова наклоняется из стороны в сторону. — Либо это, либо нас арестуют, и Кэм убьет нас обоих.

— Нас не арестуют, — говорю я, уверенный в этом.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что мы не сделали ничего, кроме незаконного проникновения. Это преступление, за которое нельзя арестовать, — объясняю я. — И даже если бы это было так, он бы отпустил нас просто потому, что не хочет иметь дело с *тобой* столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы оформить нас.

Она щурится и что-то напевает. — Я не знаю. Мы в наручниках на заднем сиденье полицейской машины. Это квалифицируется как арест.

— Это не так.

— Это так! — Она хмурится. — Перестань лишать меня возможности говорить, что я была арестована. Это такой кайф.

Я заливаюсь смехом. — Почему ты хочешь иметь возможность сказать, что тебя арестовали?

— Звучит круто, — отвечает она. — В любом случае, твоя очередь.

Моя очередь?

О! Верно. Мы играли в игру, которая, кажется, стирает границы между «Что бы ты предпочел», «Правда или действие» и «Жениться, трахнуть, убить». По сути, просто забрасываем друг друга вопросами и сценариями.

— Ладно, у меня есть один, — начинаю я. — Жениться, трахнуть, убить. Оуэн, Айзек и Эйден.

Я рассматривал вариант с Лукасом, но у нее нет шансов убить его, и я не хочу слышать, как она говорит, что вышла бы за него замуж или трахнулась с ним. Не тогда, когда он так стремится сделать то или другое.

Она фыркает. — Это просто. Выйти замуж за Эйдена. Трахнуть Оуэна. Убить Айзека.

У меня отвисает челюсть. — Эйден? Seriously?

— Да. Ему не хватает пару шариков в голове. Я могла бы использовать это в своих интересах. — Черт возьми, она быстро это продумала. — Плюс, альтернативой было выйти замуж за Оуэна. Я бы скорее вышла за *тебя*.

То, как она это говорит, как будто выйти за меня замуж — это возмутительная мысль, задевает меня за живое. Не то чтобы это когда-нибудь произойдет. Весь этот образ жизни с белым забором мне не по карману. Но, черт возьми, я не знал, что пули летят *внутрь* полицейских машин.

— Продолжай, Рочестер, — говорю я ей. — Звучит так, что эта идея отталкивает.

Она усмехается, отводя взгляд и пытаясь пошевелиться, чтобы устроиться поудобнее. — С тобой иногда так легко.

Я не знаю, что хуже — то, что я только что сыграл ей на руку, или облегчение, которое захлестывает меня, когда я понимаю, что она пошутила. Тем временем Лейкин улыбается, как кот, поймавший гребаную канарейку.

— Неважно, — ворчу я. — Твоя очередь.

Она морщит нос, когда думает. — Правда или действие?

Я приподнимаю бровь, глядя на нее. — Э-э, поскольку мы заперты на заднем сиденье машины в наручниках, я думаю, «Действие» будет немного сложнее. Я также не доверяю тебе настолько, чтобы выбрать это прямо сейчас. Итак, правда.

— С тобой неинтересно.

Ха. — Даже ты знаешь, что это ложь.

Она выглядит так, как будто хочет с этим поспорить, но она знает лучше. Скорее всего, это закончилось бы тем, что мы двое здесь снова испытали бы сексуальное разочарование.

Долго думая об этом, она, наконец, задает вопрос. — О какой работе ты мечтаешь?

Должен сказать, я думал, что это будет намного более привычное, чем это. Или остроумный вопрос. Это тоже было бы ожидаемо. Но не это.

Тем не менее, ответ был один и тот же с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. — Я хочу владеть баром.

— Правда?

— Да, — я пожимаю плечами, насколько могу, будучи в наручниках. — Не похоже на одно из мест, где пьяницы тусуются весь день, вместо того чтобы заняться своим дерьмом. Больше похоже на бар, в котором люди нашего возраста хотели бы тусоваться, с обстановкой для серфинга и живой музыкой.

Она терпеливо сидит, слушая, как я говорю, с легкой улыбкой на лице. — Это потрясающе. Ты изучал семантику всего этого?

— Снова и снова, — отвечаю я. — Но все это недешево, так что пока это остается мечтой.

На мгновение все стихает, но в любом случае моя очередь ходить.

— А как насчет тебя? О чем *ты* мечтаешь?

Лейкин не пропускает ни одного удара сердца. — Ограбить банк.

Я задыхаюсь от воздуха, мне нужно прочистить горло. — Черт возьми, Шоушенк. Однажды ты оказалась на грани ареста, и ты внезапно стала профессиональным преступником?

Она напевает. — Если подумать, мне недостаточно нравятся киски для тюрьмы.

Чего она не знает, так это того, что она слишком хорошенькая. Скорее всего, она была бы той, кто *получает* вместо того, чтобы отдавать, но я ни за что не скажу ей этого. Ее не нужно заманивать в тюрьму.

Прежде чем я успеваю придумать ответ, Сука-коп открывает дверь, чтобы выпустить нас.

— Хорошо, — коротко говорит он. — Вы свободны. Но если мы когда-нибудь снова найдем вас здесь, вы *будете* арестованы.

Лейкин поворачивается ко мне с широко раскрытыми глазами, и я качаю головой.

— Тебе недостаточно нравятся киски, помнишь? — говорю я ей.

Она вздыхает, надувшись, как ребенок. — Прекрасно.

Сначала снимают мои наручники, но когда он идет снимать наручники Лейкин, она поворачивается к нему лицом, чтобы он не смог.

— Есть шанс, что я могу оставить их у себя? — Он безучастно смотрит на нее в ответ. — Что? Это в моем трах-листе (fuck-it list — список сексуальных действий, которые человек желает совершить).

Трах-лист?

— Хорошо, — соглашается он. — Ты можешь оставить их на себе.

— Правда?

— Да. Согласно правилам, оставайтесь в наручниках, пока мы доставляем вас в участок и оформляем.

Ее брови приподнимаются, и она поворачивается еще раз, чтобы он мог дотянуться до наручников. — Если подумать, у меня болят запястья. Лучшеними их.

Он самодовольно ухмыляется, наконец-то одержав над ней верх. Как только он снимает их, он засовывает обратно в кобуру. Подходит другой офицер и вручает каждому из нас наши вещи.

— О, Мали написала мне, — восклицает она, затем выпрямляется. — Эй, чувак-полицейский. Вы одиноки? Потому что моя подруга Мали была бы для тебя *идеальной*.

— Не обращай на нее внимания. Мы уходим. — Я обнимаю ее и веду к своему грузовику. — Ты с ума сошла? Мали убила бы тебя.

Она легкомысленно улыбается. — Я знаю, но представь, как забавно было бы это наблюдать.

Хриплый смех срывается с моих губ, когда я качаю головой. — Это все забавы и игры, пока Мали не арестуют.

Мы оба забираемся в грузовик, и я вставляю ключ в зажигание. Когда машина с ревом оживает — явно с выхлопом, который громче разрешенного, — я смотрю в зеркало заднего вида, чтобы увидеть реакцию офицеров. Они обмениваются взглядами, но когда один из них делает шаг к моему грузовику, Сука-коп останавливает его.

Хорошая работа, Шоушенк.

Я включаю двигатель и трогаюсь с места, оглядываясь на Лейкин, как раз, когда мы сворачиваем на дорогу.

— Итак, насчет этого трах-листа...

Высаживать ее у дома — рискованно. Кэм просто решит куда-нибудь уехать, и в зависимости от того, куда он повернет, он увидит нас вместе. Но у Мали были планы на вечер, и если бы машина Лейкин стояла у ее дома, у родителей Мали возникли бы вопросы.

Вопросы, на которые мы действительно не знаем, как ответить.

Итак, лучшее, что можно было сделать, это отправить Лейкин домой, чтобы она могла оставить там свою машину. Мали заехал за ней и высадил ее у серф-магазина как раз в тот момент, когда я выходил с работы.

Хорошо, что она знает о нас, потому что без нее все было бы намного сложнее.

Я останавливаюсь за пару домов, зная, что остаток пути ей лучше пройти пешком. И ее родители, и ее брат узнали бы звук моего грузовика, если бы я свернул на их подъездную дорожку. И снова — вопросы, на которые у нас нет ответов.

— Сегодня было весело, — говорит она. — Ты знаешь, кроме ареста.

Я пытаюсь выглядеть раздраженным, но у меня это с треском проваливается. — Да, Рочестер. Ты такая крутая.

Самодовольная ухмылка на ее лице и то, как она наклоняется, чтобы поцеловать меня на прощание, не должны оказывать на меня такого эффекта, как это оказывает. Это не должно заставлять мое сердце подпрыгивать, желая прорваться сквозь мою грудную клетку и броситься к ее ногам. У меня не должно болеть в животе от осознания того, что я не увижу ее до завтрашней вечеринки, и даже тогда мы должны действовать осторожно.

И все же, мы здесь.

— Напиши мне, когда вернешься домой, — говорит она мне, и это не обсуждается.

Дело в том, что мне не нужно, чтобы мне говорили. Я бы сделал это в любом случае; я ничего не могу с собой поделать. Не тогда, когда дело касается ее.

— Я напишу, я обещаю.

Она открывает дверь, но оборачивается, чтобы поцеловать меня еще раз. Я обхватываю рукой ее затылок, чтобы удержать ее там еще немного. Это мягко. Медленно. Воплощение поцелуя, которым обменивается пара перед тем, как один из них уйдет на некоторое время, хотя никто из нас никуда не собирается. И когда она отстраняется, я чувствую это всем своим телом.

— Спокойной ночи, Эйч, — говорит она, выбираясь из грузовика.

— Спокойной ночи, детка.

Но последняя часть выходит тихо, мой голос срывается, чтобы не выдать себя, потому что ничего не изменилось. Это — подкрадывание и украденные поцелуи, когда никто не видит, — это все, что когда-либо может быть.

Я знаю это лучше, чем что-либо еще.

Просто... впервые я начинаю понимать, что не выберусь из этого невредимым.

19

Хейс

Задний двор весь украшен, и я полагаю, что массивные шары в форме единицы и девятки, привязанные к почтовому ящику, не были идеей Лейкин. Обычно я прихожу потусоваться с Кэмом, пока они занимаются подготовкой. А под «они» я подразумеваю Мали. В прошлом году Лейкин лежала на гамаке, который они натянули между двумя деревьями, и пила вино прямо из коробки.

Жаль, что я не шучу.

Их взгляды могут быть одинаковыми, но их характеры не могут быть более разными. Лейкин предпочитает пригласить в гости несколько человек, разжечь костер и провести ночь, рассказывая шутки за чужой счет, потому что *«Это мой день рождения, а в день рождения меня нельзя оскорблять!»*.

Мали, однако, любит устраивать шоу из всего. Так что весь декор, трехъярусный торт, который они каждый год заказывают, и диадемы на головах — да, все это Мали. Такое ощущение, что каждый год для них такой же грандиозный праздник, как и «Сладкие шестнадцать».

И каждый год Лейкин просто хочет напиться и повеселиться.

Я выпрыгиваю из грузовика и направляюсь к заднему двору за Кэмом. Может, я и сильный, но не настолько, чтобы тащить целый бочонок через весь двор. Он стоит у костра, раскладывая дрова для сегодняшнего вечера.

— Йоу! — приветствую я.

Он оглядывается на меня и кивает, но я привлекаю не только его внимание. Глаза Лейкин встречаются с моими, и она улыбается. Мали шлепает ее по руке, чтобы она сосредоточилась, и смотрит на меня, чтобы я отвлекся.

Упс.

— Бочонок? — спрашивает Кэм, подходя.

— Да, — отвечаю я. — Брэндона там не было, а другой парень мог бы сказать, что мое удостоверение поддельное. Он почти не отдал его мне.

Он покачал головой. — Казалось бы, он должен уже знать, что ему нужно быть на смене. Мы делаем это каждый год.

— И каждый год ты его не приглашаешь.

Замерев на секунду, он хмыкает. — Ладно, справедливое замечание. Но я не контролирую список гостей. Вон там сержант-инструктор Хьюз.

Я усмехаюсь. — Она уже один раз на меня посмотрела. Может быть, это будет год, когда она меня убьет

— Если ты еще раз сунешь палец в торт, я могу почти гарантировать это.

Мы вытаскиваем бочонок из багажника моего грузовика и выносим его на задний двор. Там есть стол, уставленный красными стаканчиками, и каждый год бочонок ставится рядом с ними, но Кэму нужно быть умником.

— Куда ты хочешь это поставить, босс? — спрашивает он Мали.

Она скрещивает руки на груди. — Серьезно, Кэмерон? Правда?

Его губы поджимаются при звуке его полного имени. — Значит, прямо здесь? Я тебя понял.

Он ставит его по середине двора, заставляя меня сделать то же самое. Мали выглядит совсем не впечатленной.

— Прекрасно. Я просто перенесу его сама. — Но, когда она пытается поднять его, он даже не сдвигается с места. — Лейкин! Иди, помоги мне.

Глядя на нее, Лейкин морщит нос. — Да, нет. Я взяла за правило не заниматься физическим трудом в свой день рождения.

Кэм самодовольно ухмыляется, а Мали надувает губы. После еще пары бесполезных попыток поднять эту штуку она закатывает глаза и вздыхает, сдаваясь.

— Ладно, мне жаль, — говорит она ему. — Ты такой отзывчивый. Мой личный герой со

стальным прессом. Не мог бы ты, *пожалуйста*, поставить это рядом со столами?

— Неужели это было так сложно? — он поддразнивает, кивая мне, давая добро продолжать.

Ее глаза сужаются, когда она смотрит на него. — Это убивало меня изнутри, медленно и болезненно.

Мы переносим бочонок на свое место и ставим его. Кэм идет в дом, чтобы взять кран из своей комнаты, а я пользуюсь предоставленной мне возможностью. Мне все еще нужно быть осторожным. Вокруг полно других людей. Но нет никакого запрета на то, чтобы поздравлять сестру моего лучшего друга с днем рождения.

Тем не менее, я сначала обнимаю Мали для пущей убедительности.

— С наступающим днем рождения, — говорю я ей.

— Спасибо! — громко говорит она, а затем шепчет: «Но давай не будем притворяться, что ты здесь ради меня».

Я усмехаюсь и поворачиваюсь к Лейкин. Она выглядит великолепно. На ней платье, которое, как я знаю, пришлось натягивать на нее силой, и диадема, которую она хотела бы использовать в качестве фрисби, но когда она улыбается мне в ответ, она сияет. Излучает счастье, как чертово солнце.

Девятнадцать лет ей так идут.

Обнимая ее, я прижимаю ее к себе и вдыхаю запах ее духов. Мои губы приближаются к ее уху, и я говорю достаточно тихо, чтобы слышала только она.

— С Днем рождения, детка.

Она издает хриплый смешок. — Спасибо тебе.

Выражение нежности я приберегаю для разговоров в спальне, чтобы не размывать границы, но, видя, как это делает ее счастливой, я не жалею об этом.

Даже немного.

— Хорошо! — Кэм кричит, выходя через заднюю дверь, и я отпускаю Лейкин, когда она отступает. — Давайте подготовим эту сучку к работе.

Мы стоим и смотрим, как Кэм откупоривает бочонок. Закончив, он наливает четыре стакана и передает их нам, а последний забирает себе. Мы начали делать это два года назад, когда пиво оказалось испорченным, и мы не знали об этом, пока Оуэн неожиданно не выплюнул его на Айзека.

Лично мне это понравилось, но от пива я не откажусь.

— Итак, куда вы отправили своих родителей на этот раз? — спрашиваю я.

Кэм и Лейкин оба начинают смеяться, поэтому Мали отвечает за них. — Страна Амишей. Ланкастер, Пенсильвания.

— О Боже, — я съезживаюсь. — Ваш отец возненавидит вас обоих.

Это была идея Лейкин — отправить их на выходные, на которые запланирована вечеринка, и после того, как это сработало в первый раз, они повторяют это каждый год. Кэм и Лейкин весь год откладывают некоторую сумму денег, а затем бронируют поездку, стоимость которой не подлежит возврату. Они даже связываются с их работодателями, чтобы убедиться, что у них есть свободные от работы пятница до и понедельник после, что устраняет все возможные отговорки еще до того, как они будут использованы.

— Нет, — поправляет меня Кэм. — Он возненавидит *ее*.

Лейкин пожимает плечами. — Я была полностью за то, чтобы отправить их на рыбалку на выходные, на которую он так хотел отправиться, но потом он наказал меня. Взбивание

масла даст ему достаточно времени, чтобы обдумать ошибки своего поведения.

Я посмеиваюсь, глядя на нее. — Есть ли в тебе хоть какая-то часть, которая *не* является злой?

— Нет, — быстро отвечает она.

Да, я уже знал это.

Люди начинают прибывать, как только наступает темнота. Мали подключает фонари, которые она два дня расставляла по всему двору. Весь двор становится достаточно освещенным — но не слишком. Они с Лейкин оглядываются по сторонам, рассматривают все вокруг и бьют кулаками, когда видят результат.

Это идеально.

Я беру пиво и иду посидеть у огня, только для того, чтобы все остальные присоединились ко мне. Неудивительно, что ребята оказались здесь раньше всех остальных. Примерно через час этот двор будет заполнен, но никто больше не приходит на вечеринку раньше десяти вечера.

Это концепция, которую родители Кэм и Лейкин никогда по-настоящему не понимали, когда пытались назначить время окончания вечеринки на полночь — отсюда и поездки на выходные. Они решают проблему и делают так, чтобы у нас был бочонок пива.

— Боже, я скучал по этому, — говорит Оуэн. — Дождь в прошлую пятницу испортил все мои чертовы выходные.

— В эти выходные тоже чуть не разразился шторм, — сообщает ему Мали. — Слава Богу, этого не произошло.

Кэм фыркает. — Вероятно, он не хотел того адского пламени, которое ты бы вызвала, если бы это произошло.

Она поднимает бровь, глядя на него. — Осторожно, Бланшар. Сегодня ты уже в моем списке дерьма.

Лейкин, не обращая внимания, поднимает голову. — Что я сделала?

— Не ты, принцесса, — уверяет она ее, постукивая по ноге. — *Другой* Бланшар.

— Технически, Лейкин — это другой Бланшар, — утверждает Кэм. — Я родился первым.

— То есть, как я понимаю, ты хочешь быть в обоих наших списках дерьма, — парирует Лейкин. — Это мой день рождения. Ты не можешь оскорблять меня в мой день рождения.

Я усмехаюсь, глядя на свое пиво. Может, ей и нравится думать, что она непредсказуемая, но я предсказал это слово в слово. Либо она легко читается, либо я слишком много времени провожу рядом с ней.

Я бы выбрал последнее, но не существует такой вещи, как *слишком много времени*, когда дело касается Лейкин.

— Эйд, — говорит Кэм, привлекая внимание Эйдена. — Перестань следить за Хейсом. Это жутко.

Я поднимаю голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эйден смотрит на Кэма, прежде чем снова поворачивается ко мне.

— Я просто пытаюсь понять, что с ним происходит в последнее время, — говорит он, прищурившись, как будто это поможет ему заглянуть мне в душу.

Черт. Предоставьте придуркам из команды заметить изменение в моем отношении. Не могут забросить шайбу в пустые ворота, но могу заметить, что в ту секунду, когда у меня настроение немного лучше обычного.

— Отвали, — говорю я ему. — Со мной ничего не происходит.

— Нет, нет, — соглашается Оуэн. — Он прав. Ты другой.

Я закатываю глаза, пытаюсь отыгаться. — Все вы, ублюдки, бредите.

После минутного ощущения, что я нахожусь в чертовом аквариуме, окруженный людьми, которые смотрят на меня, Эйден срывается.

— Я знаю, что это такое, — уверенно говорит он. — Он переспал.

Иисус Христос.

Кэм усмехается. — Когда он этого не делает?

— Спасибо, — отвечаю я, протягивая кулак, чтобы стукнуть его.

На этом все должно было закончиться, но пока Эйден придумывал начало, Оуэн дополнил остальное. Он ухмыляется, наклоня свою чашку в мою сторону.

— Но эта ему действительно нравится.

Ублюдок.

Мое сердце начинает учащенно биться, даже когда я заставляю его, блядь, притормозить. Я бросаю быстрый взгляд на Лейкин. Она смотрит в свой телефон, пытаюсь сделать вид, что не обращает внимания, но небольшая улыбка на ее лице говорит о том, что она слушает каждое слово.

— Это правда? — спрашивает Кэм.

Я ухмыляюсь, поднося пиво к губам. — Я понятия не имею, о чем вы, придурки, говорите.

— Молодец, чувак, — говорит мне Кэм, видя меня насквозь. — В наши дни трудно найти хорошую киску.

Я успеваю сделать глоток, как слова вылетают из его рта, и при резком вдохе я втягиваю в себя больше пива, чем воздуха. Я яростно кашляю, пытаюсь избавиться от пива, которое я только что втянул в легкие. Все смотрят на меня, и это хорошо. Таким образом, они не обращают внимания на Мисс Припадок-от-хихиканья Мали.

А Лейкин? Ну, она выглядит как нечто среднее между самодовольством и отвращением. Но если бы Девин неосознанно назвала меня «Хорошим членом», я бы чувствовал то же самое.

У меня нет ни одной причины чувствовать себя так, как я чувствую себя сейчас. Абсолютно никакой. И тем не менее, каждый раз, когда я вижу, как какой-нибудь парень притягивает Лейкин к себе, чтобы поздравить ее с днем рождения, мне хочется стукнуть его головой о бордюр.

Это не имеет смысла.

У меня было много друзей, с приличным количеством из них я переспал, и ни разу я не почувствовал ни малейшего собственничества. С другой стороны, я никогда не жаждал их прикосновений, когда я тоже не мог их получить. Я был рядом в течение приличного времени, но не долго.

И точно так же я должен быть с Лейкин, но, похоже, у нас с ней все идет не так, как я планировал.

Она стоит рядом со мной, когда мы играем в корнхол (Cornhole (Кукурузная дыра) — популярная в Северной Америке игра на лужайке, в которой игроки или команды по очереди бросают тканевые бобовые мешки на приподнятую под углом доску с отверстием в дальнем конце.) — она и Мали в одной команде, Кэм и я — в другой. К счастью, она далеко не так хороша в этом, как в пивном понге. Но все равно мило, как она злится каждый раз, когда промахивается.

Она так близко, что все, что нужно, чтобы дотронуться до нее, — это протянуть руку. И все же с таким же успехом она могла бы находиться на другом конце города.

Я начинаю задаваться вопросом, какова вероятность того, что я смогу позже проникнуть в ее комнату. После того, как Кэм теряет сознание от чрезмерного употребления алкоголя, у него нет шансов очнуться. Но, как и во всем остальном, Лейкин шумит в постели. Если что-то и могло совершить невозможное, то это мог сделать звук его сестры, кричащей от откровенного удовольствия.

— Эй, — говорит Лейкин, отрывая меня от моих мыслей. — Твоя очередь.

Упс. Я сосредотачиваюсь на отверстии и прицеливаюсь, когда бросаю мешок, наблюдая, как он попадает прямо в него. Кэм торжествующе ухмыляется, а Лейкин стонет.

Теперь у нас на семь очков больше.

— О чем ты думал? — тихо спрашивает она, ожидая, пока Кэм и Мали соберут мешки для своей очереди.

— Ни о чем, — лгу я.

Она фыркнула. — Чушь собачья. Ты занимался тем, что жевал внутреннюю сторону щеки.

Мои брови приподнимаются, когда я ухмыляюсь. — Уделяешь мне пристальное внимание, Рочестер?

Ее взгляд поворачивается к Мали и Кэму, но ее слова предназначаются мне, когда она

понижает голос немного ниже. — Лучше, чем представлять тебя надо мной в постели, когда мы в разгаре вечеринки.

У меня слегка отвисает челюсть, когда недоверчиво усмехаюсь.

— Ты делаешь это, когда возбуждаешься, — объясняет она.

То, что она это знает, не сулит мне ничего хорошего. Девин, возможно, и сможет определить, когда я несу чушь, но способность Лейкин читать меня идет гораздо дальше. Если она увидит, что я ввязался в это дело больше, чем следовало бы, мне конец.

С другой стороны... Мне все равно пиздец.

— О! — взвизгивает Мали, роняя мешки из рук. — Лейкин, пойдем со мной. Монти здесь.

Даже не взглянув в мою сторону, Лейкин уходит, и они вдвоем взволнованно направляются к передней части дома. Я делаю глоток пива, используя его, чтобы скрыть закипающую во мне ярость, когда мы с Кэмом встречаемся посередине.

— Кто, черт возьми, такой Монти? — рычу я, слишком явно.

— Монтгомери Роллинз, — говорит он.

Роллинс. Фамилия звучит знакомо, но я не могу вспомнить его. — Почему я уже слышал это имя?

— Потому что его отец — Джеремайя Роллинз.

— Сенатор? *Сукин сын.*

Он кивает. — Это он. Судя по всему, они познакомились с ним в клубе несколько недель назад и завязали дружбу. Ты бы об этом узнал, если бы не пропустил костер.

Отлично. Так что в том, что Лейкин теперь дружит с тем, кого СМИ называют одним из самых привлекательных холостяков Северной Каролины, виноват я. Джеремайя Роллинз может стать следующим президентом, и если его сын чем-то похож на него, он именно такой парень, с каким я представляю себе Лейкин в конечном итоге.

— Однажды я встретил его, когда он заехал за ними на ланч, — продолжает Кэм. — Они думают, что он классный, но, если ты спросишь меня, он гребаный придурок.

Его слова находят отклик в тот момент, когда Лейкин снова появляется в поле зрения с рукой Монти, обнимающей ее за плечи. Неважно, что с Мали он ведет себя так же трепетно — это проблема Кэма.

Ему нужно убрать свои гребаные руки от моей девочки.

Лейкити

Особенность дня рождения в том, что все внимание приковано к тебе. И обычно это здорово. Мое удовольствие — цель всего вечера? Звучит потрясающе. Вот только... это не так.

Потому что единственное, чего я хочу прямо сейчас, это найти способ побыть наедине с Хейсом. А когда вечеринка посвящена *тебе*, это становится еще труднее сделать. Даже отсутствие в течение получаса может заставить кого-то задуматься, где я.

Мали подходит и садится рядом со мной. — Это наша вечеринка, и ты можешь поплакать, если хочешь?

Я хихикаю, только наполовину забавляясь. — Мне весело. Это отличная вечеринка.

— Это отличная вечеринка, — соглашается она. — Но другая часть была проклятой ложью.

Глядя на нее, я вздыхаю. — Это просто отстой. Вот и все.

В том, что Кэм и Хейс всегда рядом друг с другом, нет ничего нового. Они так долго были близки, что, естественно, их тянет друг к другу. У нас с Мали то же самое. Но прямо сейчас я просто хочу, чтобы его тянуло ко *мне*.

О, Боже. Я завидую своему брату.

Мали смотрит, как я тереблю свои шорты. Я сменила это отвратительное платье сразу после того, как все пришли сюда. И когда она попыталась оспорить это, я воспользовалась предлогом, который был у меня в заднем кармане с тех пор, как я надела эту штуку.

Я не хочу рисковать тем, что кто-то увидит мою тампонную нитку.

Она не смогла с этим поспорить, и я победила, переодевшись в майку и джинсовые шорты.

— Эй, — она подталкивает меня локтем. — У меня есть идея.

Мои брови хмурятся, когда она спрыгивает со стола для пикника и направляется туда, где ребята настраивают пивной понг. Я не знаю, какого черта у нее припрятано в рукаве, но находиться где угодно, только не рядом с ней, глупо.

Не *мой* рот принесет мне неприятности. А *ее*.

Через несколько секунд я встаю и направляюсь к ней. Она скрещивает руки на груди, стоя перед Кэмом. Честно говоря, на секунду я задаюсь вопросом, собирается ли она попытаться причинить ему боль.

Отправить его в больницу было бы отличным способом оставить нас с Хейсом наедине. Вместо этого она улыбается. — Хорошо, мы набираем новые команды.

— Что? — спорит Кэм. — Ты не можешь этого сделать. У нас всегда одни и те же команды.

— Я знаю, и мне не хочется проигрывать в пивной понг на собственной вечеринке из-за того, что вы с Хейсом — некая властная пара. Это несправедливо. — Она держит голову высоко, показывая, что не собирается отступать.

Мой брат закатывает глаза и стонет. — Прекрасно, но ты проиграешь не из-за этого. Ты проиграешь, потому что не сможешь сделать ни одного выстрела, чтобы спасти свою жизнь.

Ее рот открывается, чтобы возразить, но затем она коварно улыбается. — За этот комментарий я выбираю тебя.

— Дерьмо.

— Ага, — поддразнивает Мали. — Сам загнал себя прямо в это.

Он опускает голову. — Я знаю.

Поворачиваясь ко мне, Мали подмигивает, и я клянусь, я так сильно люблю ее прямо сейчас. — Лей, твоя очередь.

Я смотрю на нее как на сумасшедшую. — Хейс, конечно. Я хочу *выиграть*.

Кэм недоверчиво усмехается. — *Это* несправедливо. Ни у кого из нас нет ни единого шанса.

— С таким отношением — нет, — укоряет его Мали. — Черт возьми, Другой Бланшар. Ты сегодня просто на высоте.

Его глаза прищуриваются, когда он смотрит на нее. — Когда мы не будем праздновать твой день рождения, ты опустишься вниз.

— Может быть, когда у тебя будет день рождения, — говорит она, а затем продолжает, как будто она не намекала на минет у всех на глазах. — Ладно, все остальные партнеры будут определяться так же, как мы все решаем. Эйч?

Хейс достает из кармана складной нож и протягивает его ей.

— Э-э, что ты с этим делаешь? — спрашивает Монти.

Мали, будучи маленькой дрянью, улыбается как психопатка. — Проверяем группы крови каждого. Те, у кого совпадут, станут партнерами.

Ужас наполняет лицо Монти, и мы все храним молчание, пока Оуэн не прерывает его смехом. После этого смех становится заразительным — все мы смеемся над тем, как он думал, что она говорит серьезно. Мали, однако, разочарована.

— Оуэн! — скулит она. — Я могла бы продержаться еще хотя бы минуту.

— Бедняга выглядел так, будто у него вот-вот случится инсульт, — протестует он.

Она закатывает глаза, но даже не делает попытки что-либо объяснить Монти. И так, я делаю это за нее.

— Когда мы не можем что-то решить, мы вращаем лезвие. Тот, на кого оно попадает, обычно должен сделать то, что никто из нас не хочет делать, — говорю я ему. — В данном случае это будет больше похоже на «вращение бутылки». Тот, кто крутит, и тот, на кого он укажет, будут партнерами. Но это не имеет значения, потому что мы с Хейсом все равно выиграем.

— Черт возьми, да, мы выиграем! — Говорит Хейс, давая пять.

Как только моя рука касается его руки, я понимаю, как сильно я жажду остаться с ним наедине, где мы можем быть друг с другом и говорить без цензуры. Этого небольшого

контакта уже недостаточно.

На заднем дворе было установлено четыре стола, что превратило его в импровизированное соревнование по пив-понгу. Пришлось расставить их так, чтобы шарики не путались, отскакивая от стаканчиков. Впрочем, это проблема всех остальных.

Я не промахиваюсь.

Оуэн объединился с Эйденем, но мы все уверены, что они жульничали. Монти оказался с Лиамом, парнем, с которым мы учились в школе и которого пригласила Мали. Но больше всего мне понравилось, когда Девин в результате вращения оказалась в паре с парнем, в которого она влюблена уже больше двух лет. *Томми Валентайн*.

Да, он такой же дрянной, как и его имя.

Они вдвоем вечно играют в кошки-мышки. То ли она ему нравится, то ли он ей, но это никогда не происходит одновременно. До сих пор. И старший брат, похоже, совсем не рад этому.

— Оставь ее в покое, — говорю я ему, когда он вытягивает шею, чтобы посмотреть на нее.

Он отмахивается от меня. — Я ничего не делаю. Я просто присматриваю за ней.

Глядя через стол, я убеждаюсь, что наши оппоненты не обращают внимания. — Можешь ли ты представить, как все было бы, если бы Кэм всегда *присматривал за мной*?

— Именно *поэтому* я присматриваю за ней.

— О, это верно, — говорю я с сарказмом. — Единственная работа брата — обламывать кайф своих сестер.

Хейс понимает суть, вздыхает и, наконец, отводит от них взгляд. — Если он причинит ей боль—

— Ты его убьешь, — говорю я со вздохом. — Я знаю. Только не испачкай кровью лезвие ножа. Они заберут его как улику, и тогда мы больше не сможем им пользоваться.

— Принято к сведению.

Первые несколько партий проходят легко. Мы с Хейсом делаем каждый бросок, возвращая мячи, пока не останется ни одного стакана. У них, конечно, есть шанс отыграться, но он бесполезен. Они промахиваются, и нам остается ждать еще двадцать минут до следующего раунда.

Я бросаю взгляд на Девин как раз вовремя, чтобы увидеть, как она обнимает Томми, когда тот делает свой бросок, выигрывая их игру. Я улыбаюсь, просто радуясь тому, что она получает удовольствие, но не только я это вижу.

— В тюрьме разрешены супружеские свидания, верно? — спрашивает Хейс.

Глядя на него, я ухмыляюсь. — Думаю, да. Но если ты не передашь привет моему суженому, когда увидишь его, то между нами все кончено.

— Теперь он твой суженый? Я думал, он твой лучший друг.

— Позиция занята, а Мали умеет делиться еще хуже, чем ты.

С каждой игрой нам становится все комфортнее друг с другом. Может быть, даже слишком комфортно, если честно. Хейс дает мне пять, когда мы выигрываем, а это буквально каждая игра, и когда нам начинает становиться немного скучно, мы повышаем ставки.

— Знаешь, никто из нас не промахнулся ни разу, — говорю я ему. — Было бы очень обидно, если бы ты сейчас облажался.

Это примерно то же самое, что он сказал мне во время нашего первого летнего костра. Он ухмыляется, делая свою попытку, но вред уже нанесен. Я его сглазила. Он ударяется об обод и летит вправо, за пределы стола.

— Зачем тебе понадобилось так издеваться надо мной? — Он надувает губы.

Я невинно улыбаюсь. — Кто, я? Я бы никогда.

— Угу.

Настала моя очередь стрелять. Я подхожу к столу, но угол не тот. Когда я делаю шаг влево, боковая часть моего тела натывается на Хейса.

— Извини меня, — нахально заявляю я. — Мне нужно, чтобы ты подвинулся.

Он усмехается, поднимая руки и делая шаг назад.

— Боже, — ворчу я. — Приходится в одиночку тащить всю команду.

Звук смеха Хейса чуть не подкосил меня, но, к счастью, я успеваю бросить мяч, не сомневаясь в своих силах. Он опускается прямо в чашку, издавая звук всплеска.

— Видишь, как это делается? — поддразниваю я.

Его глаза темнеют, как будто он представляет себе все способы, которыми он может заставить меня заплатить за это позже, и я не могу, блядь, дождаться.

Последняя игра перед тем, как мы встретимся с Кэмом и Мали, — против Монти и Брэндона. Честно говоря, я немного удивлена, что Монти достаточно хорош, чтобы пройти так далеко. Я думала, что он слишком высокого класса для таких вещей. Но оказалось, что

богатые дети умеют веселиться как никто другой.

Как только Хейс промахнулся с тем единственным выстрелом, он промахнулся с тех пор еще несколько раз. А вот я пропустила только один — и то потому, что немного переборщила, сказав ему, что он бесполезен в этой игре. Он подошел ко мне сзади как раз в тот момент, когда я делала свой бросок, и то, как его рука слегка коснулась моей поясницы, заставило меня вздрогнуть.

Это несправедливо. Ему нельзя позволять прикасаться ко мне, когда я *так* напряжена.

Эта игра была очень напряженной, и это говорит о многом, учитывая, что мы выигрывали почти каждую игру с большим преимуществом. Возможно, у нас осталась последняя чашка, но у них осталось всего три. Я не думаю, что кто-то еще заходил так далеко против нас.

Пока Монти выстраивается в очередь, чтобы сделать свой выстрел, я достаю свой телефон и набираю на нем сообщение. Закончив, я кладу его на стол перед нами, чтобы у Хейса была возможность прочитать его, не выглядя очевидным.

Не облажайся со следующим выстрелом, и я отсосу тебе.

Я знаю, что он читает это в ту же секунду, потому что его голова откидывается назад, и он стонет. Его глаза встречаются с моими, и я могу сказать, что он изо всех сил старается держать свои руки подальше от меня.

— Серьезно? — спрашивает он.

Монти бьет мимо цели, и у них все еще остается три стакана.

— Ты действительно думаешь, что я стала бы шутить по этому поводу? — подразниваю я. — Разве эти вещи не священны для парней?

Его улыбка становится ярче. — Да, и если бы ты могла испытать это, ты бы согласилась.

— Ммм, я испытала нечто другое. Я уверена, что могу представить.

Импульсивно, словно вспоминая мой вкус, он облизывает губы — как раз вовремя, чтобы Мали успела прервать его. Она стоит перед столом для пив-понга, прислонившись к нему спиной, с бокалом вина в руке.

Она определенно навеселе.

— Без шуток, твой взгляд «трахни меня» заводит даже меня, — говорит она нам, но ее голос остается низким. — Я бы остыла, если ты не хочешь, чтобы Кэм понял, что происходит.

Ух, как я это ненавижу. Но еще больше я ненавижу, когда Брэндон использует спину Мали в качестве щита, его шарик отскакивает от нее и попадает в чашку. Монти и Брэндон поздравляют друг друга, а Мали ухмыляется, умоляя меня не делать ей больно.

— Упс?

— Мали, — предупреждаю я.

Она быстро отходит от стола. — Я ухожу, ухожу.

Но прежде чем я успеваю отпить пива из стакана, я слышу отчетливый звук опускания шарика в последний стакан. Подняв глаза на Хейса, он подмигивает мне.

Он сделал чертов выстрел и выиграл минет.

И поскольку им не удалось заполучить последние два кубка, игра за нами.

— Можем ли мы делать это для каждого игрового кубка? — спрашивает Хейс, когда мы ставим все чашки на место.

Мои брови хмурятся, когда я смотрю на его самодовольную, но нетерпеливую ухмылку. — Моя челюсть больше никогда бы не сомкнулась.

Он смотрит на меня в ответ, секунду посмеиваясь. — Я не вижу здесь проблемы.

Если я притворюсь, что у меня мышечный спазм, и укушу его, когда он потом будет забирать долларок, есть ли способ, чтобы Кэм не узнал, чем мы занимались?

Окей, каким-то образом Мали стала лучше играть в пивной понг, и я должна сказать — сейчас я не очень довольна этим. Кэм хорош. В некоторые дни он даже лучше меня. Но я рассчитывала на то, что в *хороший* день Мали попадает один раз на каждые три. Сейчас она попадает больше, чем промахивается.

— Мали, клянусь Богом, — прорычала я. — Как мой партнер ты вполне неплоха, но как партнер Кэма, ты начинаешь понимать, как играть?

Мали пожимает плечами, когда Кэм вызывает у меня желание стереть ухмылку с его лица.

— Я увидел ошибки, которые она совершала, и исправил их, — объясняет мой брат. — Ты должен работать с теми картами, которые тебе сдали.

Я пристально смотрю на них двоих. Я тут подумала, что Мали взяла Кэма в напарники, чтобы я могла заполучить Хейса, но она, должно быть, действительно имела это в виду, когда сказала, что не хочет проиграть на своей собственной вечеринке.

Но это *наша* вечеринка, и одна из нас проиграет.

— Расслабься, — говорит мне Хейс. — Это просто игра.

Я тяжело вздыхаю. — Это не так. Если мы проиграем против них, Кэм всегда будет настаивать, что он лучший. Что я проиграла с Мали в качестве моего партнера, а он нет. И не только я. Но и ты не услышишь конца этому.

Хейс делает свой выстрел и делает это с легкостью. — Ты кое-что забываешь.

— Что? — спросила я.

— Я знаю его слабые места.

Он отходит к краю стола и кивает мне, чтобы я сделала то же самое. Кэм бросает на Хейса недобрый взгляд, прежде чем направить шарик. Как только шар покидает его пальцы, у меня отпадает челюсть. Мы смотрим, как он перелетает через стол и приземляется в траве.

Он промахнулся.

— Гребаный мудака, — рычит Кэм.

Но Хейс никогда не казался мне более сексуальным, чем сейчас.

Мы с Мали проводили Монти до его машины — черного Range Rover с аудиосистемой, от которой лопаются барабанные перепонки. Он хотел остаться подольше, но у него запланирован завтрак с мамой. Честно говоря, я удивилась, что он вообще приехал. Я думала, что он еще будет отдыхать в Барселоне, но он прилетел на день раньше и приехал сюда прямо из аэропорта

— Мне было очень весело сегодня вечером, — говорит он нам. — И теперь, когда я вернулся, мы можем чаще тусоваться.

— Ты хочешь сказать, что ты не летаешь на самолете по всему миру все лето? — поддразнивает его Мали.

Он посмеивается и качает головой. — Не-а. Я буду рядом.

Сначала он обнимает Мали, прощается с ней, а затем поворачивается ко мне. Я подхожу ближе, и его руки крепко обнимают меня.

— С Днем рождения, Лейкин, — мягко говорит он. — Я рад, что смог отпраздновать его с тобой.

— Да, я тоже. — Я выхожу из его объятий, чувствуя, что за мной наблюдают. — Увидимся.

Он оглядывает меня с ног до головы и улыбается. — Рассчитывай на это.

Когда он уезжает, Мали прижимается ко мне. — У него к тебе что-то есть?

— Я так не думаю, — говорю я ей. — Я почти уверена, что он гей.

Она фыркает и поворачивается, чтобы вернуться на вечеринку, но мы обе останавливаемся, когда видим, что Хейс стоит там и смотрит на нас. Наблюдает за мной. И он не выглядит счастливым. Он начинает идти к входной двери дома, и я понимаю, что должна последовать за ним.

— Повеселись с этим, — говорит Мали. — Я постараюсь убедиться, что Кэм не придет искать вас двоих.

— Спасибо.

Она направляется на задний двор, и я делаю глубокий вдох, прежде чем подойти к Хейсу. Всю дорогу я ломаю голову, пытаюсь придумать что-нибудь, что могло бы его разозлить, но у меня ничего не выходит.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, когда оказываюсь достаточно близко.

Вместо ответа он хватается меня за запястье и тянет внутрь. Он знает, что мы не можем пойти в мою комнату; это первое место, где меня будут искать. Итак, мы оказываемся в комнате для гостей. Она внизу, спрятана в коридоре рядом с гостиной. В большинстве случаев я забываю, что она вообще здесь есть.

Как только за нами закрывается дверь, он прижимает меня к ней, и его рот встречается с моим в обжигающем поцелуе. Он отчаянный, как будто в любой момент без него

произойдет самоуничтожение. Но затем он заставляет себя отступить, оттолкнувшись от двери.

Он делает глубокий вдох, как будто пытается успокоиться, но, похоже, это не помогает.

— Что нужно сделать, чтобы ты больше никогда не позволяла парням прикасаться к себе? — рычит он.

Мои брови хмурятся. — О чем ты говоришь?

— Там! — кричит он, указывая на окно, выходящее во двор. — Вот о чем я говорю!

Он не может быть серьезным прямо сейчас. — С Монти? Это было прощальное объятие.

Усмехаясь, он закатывает глаза. — Может быть, для тебя, но я видел, как он всю гребаную ночь наблюдал за тобой, как будто ты была единственной в этой чертовой комнате. Он хочет тебя!

— Он не такой.

— Он такой, — утверждает он. — И все, что я хотел сделать, это оторвать его руки прямо от твоего тела. Видеть, как он вот так тебя обнимает... Боже. Я чуть не сорвался. Если бы ты не отступила, когда сделала это, возможно, это сделал бы я. — Он делает паузу, чтобы потянуть себя за волосы. — Ты не можешь. Ты не можешь позволить ему прикоснуться к тебе снова. Я не могу с этим справиться.

— Забавно, но это очень похоже на болтовню бойфренда, — говорю я, только с легким сарказмом.

Он поворачивается и смотрит на меня. — Так вот в чем дело? Я не даю тебе титул, и ты позволяешь какому-то богатому придурку думать, что он может попытаться с тобой замутить?

— Я никому не позволяю что-либо делать! — Я кричу, мне наплевать, слышит ли меня кто-нибудь. — Это было гребаное объятие! Я обняла половину присутствующих здесь парней сегодня вечером!

— Да, я знаю, — усмехается он. — И смотреть на это было моей личной формой пытки. Но Толстосум планирует задержаться здесь дольше, чем несколько придурков, которых ты видишь раз в год, и я сообщаю тебе сейчас, что мне это ни хрена не нравится.

Улыбка здесь совсем не к месту, но я ничего не могу с собой поделать — и прикусывание губы не помогает ее подавить. Грудь Хейса вздымается при каждом тяжелом вдохе, но когда он видит ее, то выпускает весь воздух из легких.

— Что?

— Ничего, — пытаюсь я.

Он делает шаг ближе. — Не-а. Почему ты на меня так смотришь?

Я пожимаю плечами и качаю головой. — Нет, ничего особенного. Я просто никогда не считала тебя ревнивцем.

Его глаза темнеют, когда он подходит ко мне, кладя руки на дверь по обе стороны от меня. — Я не ревную — я собственник. Есть разница. И я уже говорил тебе раньше. Ты. Моя.

Ухмыляясь, я не отрываю от него взгляда, пока мои руки начинают расстегивать пуговицу на его джинсах. — Что ж, Мистер Собственник, позволь мне показать тебе, как мало тебе нужно беспокоиться.

Я выгибаюсь и нежно целую его, когда моя рука скользит в его боксеры. Он уже возбужден и ждет меня. В тот момент, когда я обхватываю его пальцами, он шипит мне в рот.

— Кто-то нуждается, — поддразниваю я.

Но ему это не нравится. Он хватает меня за шею и притягивает к себе, заставляя открыть рот и переплетая свой язык с моим. Я начинаю водить рукой вверх и вниз по его члену, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, когда он начинает стонать.

— Лейкин, — стонет он.

Я хлопаю ресницами, когда смотрю на него снизу-вверх. — Что? Разве ты не хочешь делать именно это?

Его челюсть сжимается, и он прижимается своим лбом к моему. — Ты не хочешь делать этого прямо сейчас, детка. Мне уже приходится останавливать себя, чтобы не трахнуть твой рот.

— Не надо, — просто говорю я. — Я не хочу, чтобы ты сдерживал себя от чего-либо.

Он на секунду перестает дышать, затем выдыхает. — Ты не... Ты никогда не делала этого раньше. Я не хочу причинять тебе боль.

— Ты не сделаешь этого. — Я опускаюсь на колени, натягивая его брюки и боксеры до лодыжек. — Я доверяю тебе.

Хейс наблюдает за тем, как я подношу его член к губам, осторожно посасываю кончик и провожу по нему языком. Я ни в коем случае не профессионал, я просто делаю то, что видела в паре порнофильмов, которые смотрела для обучения. И по тому, как он опускает глаза, когда я беру его в рот и обхватываю щеками, можно сказать, что я делаю неплохую работу.

— Черт, — стонет он. — Это моя хорошая девочка.

Похвала заставляет меня втягивать его все глубже, желая доставить ему удовольствие. Я и не подозревала, что мне это понравится, до того утра, когда он ласкал меня в моей спальне. Но что-то в его словах о том, что я хорошо справляюсь, подстегивает меня.

Моя рука движется вместе с моим ртом, скользя вверх и вниз по его члену по всем местам, которые я в данный момент не сосу. Каждый раз, когда я вбираю его в горло, все его тело сжимается. И когда его рука опускается вниз и ложится на мою макушку, вплетая пальцы в мои волосы, я понимаю, чего он хочет.

С хлопком вытаскивая его изо рта, я облизываю губы и смотрю на него снизу-вверх. — Сделай это.

Он выглядит противоречивым, прикусывая губу. — Если я начну причинять тебе боль, ты должна сказать мне.

— Да, да. Неважно, — говорю я, отмахиваясь от него. — Я просто хочу, чтобы ты это сделал. Используй мой рот для своего удовольствия.

Прежде чем он успевает возразить, я снова обхватываю его губами и заглатываю. В этот момент все сдерживающие его силы рухнули, и он крепко вцепился в мои волосы, впиваясь в мой рот.

Мне требуется минута, чтобы привыкнуть, когда он вонзается мне в горло, но в этом есть что-то такое, что чертовски возбуждает. Я убеждаюсь, что мои губы прикрывают зубы — спасибо, *Cosmopolitan* — и позволяю его члену скользить взад-вперед по моему языку.

— Боже, — бормочет он. — Ты чертовски совершенна, принимая меня всего в свой рот. Ты потрясающая, детка.

Я стону, вибрируя ртом вокруг него, и он реагирует, ударяя себя в заднюю часть моего горла. Я задыхаюсь и давлюсь его членом, заставляя его замереть.

— Черт, я причинил тебе боль, не так ли?

Его член выскальзывает у меня изо рта, унося с собой немного слюны. — Нет. А теперь

перестань беспокоиться. Я хочу этого. Хочу подавиться твоим членом.

Он лениво улыбается, а я тут же возвращаюсь к покачиванию головой. — Ты будешь моей смертью, не так ли?

Вместо ответа я переместила руки на заднюю поверхность его ног и притянула его ближе. Без моей хватки он входит еще глубже. Его голова падает вперед, словно он уже не пытается ее удержать, а дыхание сбивается.

— Потрогай себя, детка, — приказывает он, обеими руками удерживая мою голову. — Дай мне посмотреть, как ты играешь с собой, пока я трахаю твой рот.

Я делаю, как мне сказали, просовывая одну руку в свои шорты, в то время как другая остается на его ноге. Мой палец касается моего клитора, и я подпрыгиваю от чувствительности. Я так сильно хотела его всю ночь, что только это уже способно довести меня до крайности.

— Хорошая девочка, — мурлычет он. — Теперь, если ты хочешь, чтобы я остановился, постучи по моей ноге три раза. Поняла?

Я киваю в подтверждение, и он, не теряя времени, полностью насаживает мою голову на свой член. Мой нос касается его кожи, когда он зарывается мне в горло. Это перекрывает мне доступ воздуха, но только на мгновение, прежде чем он снова выходит.

Мои пальцы двигаются по кругу, пытаюсь подражать тому, как это делает Хейс, и хотя это совсем не похоже на него, но то, как он использует меня для своего удовольствия, компенсирует это. Он трахает мой рот так, будто умирает от желания. И то, как я задыхаюсь на нем, — это уже все — для нас обоих.

Его ноги начинают дрожать, когда он приближается, и чем быстрее он движется, тем быстрее мои пальцы подстраиваются под его темп. Я стону рядом с ним, когда мои глаза наполняются слезами от того, что я давлюсь его членом. И когда я смотрю на него, полностью разбитая и ничего так не желающая, как чтобы он наполнил мой рот своей спермой, его рот открывается.

Он выглядит таким чертовски сексуальным, когда мы смотрим друг на друга, и когда он, наконец, взрывается, выплескивая все, что у него есть, мне в глотку, следует мой оргазм, унося меня с собой прямо за грань. Я потираю себя, глотая каждую каплю, которую он дает мне, и позволяю ему выскользнуть из моего рта только тогда, когда я знаю, что получила все.

— Черт возьми, — выдыхает он. — Охуенный трах.

Я вытаскиваю руку из шорт и сажусь на пятки, глядя на него из-под опущенных ресниц. — Я все сделала хорошо?

— Ты...

Он останавливается и протягивает руку, чтобы помочь мне подняться. Я беру его, и как только встаю, он проводит большим пальцем по моей щеке.

— Ты была феноменальна, — говорит он мне. — Я начинаю думать, что нет ничего, в чем ты *не* была бы великолепна.

— Я просто хочу быть хорошей для тебя.

— Ты такая, — говорит он, целуя меня в лоб. — Мне всегда так чертовски хорошо.

Но двойной смысл витает в воздухе.

Может быть, если я буду достаточно хороша, наш неизбежный конец никогда не наступит.

Может быть, если я буду достаточно хороша, он выберет меня.

Хейс

Я должен признать, что я гребаный мудака.

Возможно, дело в алкоголе. Извечная поговорка о том, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, или как ее там. Но это не оправдание. Спорить с Лейкин, да еще в ее день рождения, было неуместно.

На следующий день, когда я нашел ее на кухне до того, как Кэм проснулся, я извинился за это. Она, кажется, не возражала, но я возражал. Она заслуживает гораздо большего, чем такой урод, как я. И если бы она это знала, она бы сбежала.

Но она остается, а я слишком эгоистичен, чтобы сказать ей уйти.

Подъезжая к дому Мали, я проверяю, есть ли у меня все, что нам нужно. До концерта полтора часа, и если нам по какой-либо причине придется развернуться, мы рискуем пропустить его.

Билеты? В бардачке.

Документы? В моем кошельке.

Бутылки с водой в кулере для поездки домой, когда у нее заболит горло от пения? На заднем сиденье.

Открывается входная дверь, и из нее выходит Лейкин. Она выглядит потрясающе, но в этом нет ничего нового. На ней джинсы и топ, а на голове украшения в стиле бохо. Шлепанцы — не совсем то, что я бы рекомендовал для концерта, но если это станет проблемой, я просто позволю ей запрыгнуть мне на спину.

— Привет, — приветствую я ее, целуя в тот момент, когда она оказывается достаточно близко.

Она прижимается ко мне и улыбается, когда я отстраняюсь. — Привет.

Блеск на губах приковывает все мое внимание к ее рту, мгновенно перенося меня в ту ночь. Честно говоря, я думал, что мне придется учить ее всему этому. В конце концов, когда она пыталась в предыдущий раз, она просила меня научить ее, но я слишком сильно желал оказаться внутри нее.

Однако она доказала, что я ошибался, отсосав у меня и подавившись мной, как будто она нуждалась в этом так же сильно, как и я. Я никогда не собираюсь остепениться, но, черт возьми. То, как она обхватила губами мой член, заставило меня мысленно написать свои

чертовы клятвы.

— Подожди! — кричит Мали, вылетая из парадной двери.

Лейкин съезживается. — Черт. Беги!

Мои брови хмурятся, когда Лейкин обходит меня и пытается запрыгнуть в мой грузовик, но Мали догоняет меня прежде, чем я успеваю осознать, что происходит.

— Лейкин Роуз, выйди сюда и дай мне тебя сфотографировать! — Мали требует, как мама футболиста в первый день тренировки.

Глаза Лейкин закрываются, и она выдыхает. Она вылезает из грузовика, ворча под нос. Тем временем Мали выглядит так, словно ей доставляет истинное удовольствие выставить ее на посмешище.

— Ты в последний раз пытаешься запереть меня в моем шкафу, — говорит ей Мали с мрачным видом.

Из меня вырывается приступ смеха. — Ты это сделала?

Лейкин вздыхает. — Ты поймешь почему.

— Что? — спрашивает Мали. — Это всего лишь одна фотография. Это ваше первое свидание вместе. Его нужно запечатлеть на память.

Мои губы сжимаются в линию, и Лейкин бросает на меня взгляд, мол, *я же тебе говорила*.

— Мали, я не—

— Да, я знаю, — перебивает она, отмахиваясь от меня. — Это не свидание. Вы двое просто дурачитесь. Это несерьезно. Бла-бла-бла. Я знаю всю ложь, которую ты говоришь себе. Но я просто собираюсь сфотографировать, а ты можешь поблагодарить меня за это позже, хорошо?

Лейкин стискивает зубы. — Мали!

— Мило улыбнись, дорогая, — воркует Мали, поднимая телефон.

Если я что-то и знаю, так это то, что сражаться с Мали бессмысленно. Это только задержит нас. Она все равно добьется своего, так что мы вполне можем ей это предоставить.

Я обнимаю Лейкин и притягиваю ее к себе.

— Ты не обязан... — начинает она, но я не даю ей продолжить.

— Просто улыбнись.

Мы оба улыбаемся, позволяя Мали фотографировать, пока она не почувствует себя удовлетворенной. Когда она заканчивает, Лейкин сердито смотрит на нее, затем забирается обратно в грузовик и закрывает дверь.

Я, с другой стороны, становлюсь на шаг ближе к Мали. Возможно, это глупо — раскрывать свои карты единственному человеку, который использовал бы их против меня, если бы это означало сделать счастливой ее лучшую подругу, но прямо сейчас я не могу найти в себе сил для беспокойства.

— Дай мне посмотреть.

Она протягивает мне свой телефон, и я пролистываю фотографии. Выбрав лучшую, я отправляю ее себе. Вибрация в кармане сообщает мне, что сообщение получено.

— Спасибо, — говорю я ей, возвращая телефон.

На ее лице появляется самодовольная ухмылка. — Мило. Очень похоже на то, что ты *дурачишься*.

Я отмахиваюсь от нее, уходя и направляясь к водительской стороне своего грузовика. Когда я сажусь в машину, Лейкин с любопытством смотрит на меня.

— Что это было? — спрашивает она.

Наклоняясь, я целую ее просто потому, что могу. — Не забивай этим свою хорошенькую головку. Ты взяла удостоверение личности?

— Да, — отвечает она. — Мы должны заехать в полицейское управление. Мой друг-полицейский так гордился бы мной.

Я смеюсь. — Может быть, в следующий раз.

Когда я завожу машину, мой телефон снова вибрирует. Я достаю его из кармана и вижу второе сообщение от Мали. Когда я открываю его, там оказывается фотография поцелуя, который я только что подарил ей, а под ним — маленькая записка.

Подумала, что это тоже может тебе пригодиться. □

Я закатываю глаза и сохраняю обе фотографии, затем печатаю свой ответ.

Спасибо. Теперь удали их все со своего телефона.

Тьфу. Я не знаю, что она в тебе нашла.

Вступай в клуб.

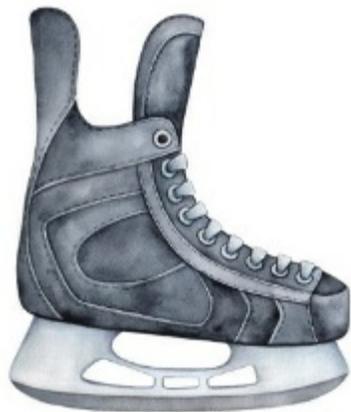
— Все в порядке? — спрашивает Лейкин.

Я киваю, убирая телефон обратно в карман. — Ага. Готова пойти посмотреть на Томаса Ретта?

— Да, — говорит она, сияя. — Я составила плейлист для поездки туда и все такое.

Мне требуется все, что у меня есть, чтобы не сморщиться. Я ничего не имею против него. Я уверен, что он замечательный. Просто музыка кантри — не моя фишка. Но она делает Лейкин счастливой, а это *моя* фишка, поэтому я радостно улыбаюсь и выезжаю на дорогу.

— Звучит здорово, детка.

Все полтора часа поездки прошли в самом лучшем смысле этого слова — слушали, как Лейкин подпевает музыке, перебрасывались шутками друг с другом и смеялись. Думаю, именно поэтому я не могу насытиться, сколько бы я ни находился рядом с ней. С ней я чувствую себя так, как будто общаюсь с одним из своих лучших друзей. Нет ни осуждения, ни беспокойства. Мы просто наслаждаемся временем, проведенным вместе.

Единственное затишье в дороге — это когда она начинает рассказывать о том, чем вчера занимались она, Мали и Монти. Очевидно, Мистеру Толстосуму пришла в голову блестящая идея пригласить их на обед в одно из самых дорогих заведений города, а затем пройтись по магазинам, где Лейкин купила тот наряд, который на ней сейчас. Я уже подумываю спросить, она ли это оплатила или он, но сейчас мне меньше всего хочется затевать ссору.

Мы заезжаем на парковку, и я показываю свой пропуск служащей. Она сканирует его и говорит, в какую сторону ехать. Все вокруг кишит людьми, одетыми в деревенские наряды.

Серьезно, если вы ищете парня в ковбойской шляпе или девушку в сапогах, просто придите на такое мероприятие. Вы практически гарантированно уйдете счастливыми.

Нас направляют к месту парковки, и я ставлю машину на стоянку, поворачиваясь к Лейкин. Улыбка на ее лице почти заставляет меня сомневаться в том, что я собираюсь сказать, но я должен это сделать. Ей это не понравится, и мне будет неприятно стирать эту улыбку с ее лица, но само присутствие здесь — это уже риск.

— Послушай, — мягко говорю я ей. — Мы должны быть осторожны. И под осторожностью я подразумеваю отсутствие КПК.

Конечно, она перестает улыбаться, закатывает глаза и вздыхает. — Мы находимся буквально в полутора часах езды, а Кэм остался в Колдер-Бей.

— Я знаю, но здесь может быть кто-то еще. Он популярный исполнитель.

Наклонившись над центральной консолью, она нежно целует меня, а затем берется за ручку двери. — Сейчас я могла бы высказать столько замечаний, но ладно. Никаких КПК.

— Спасибо, — говорю я, но чего она не знает, так это того, что часть меня тоже ненавидит эту идею.

Места просто потрясающие, прямо по центру сцены и так близко, как только можно, не находясь в яме. Лейкин с трепетом оглядывается по сторонам, воспринимая все происходящее. Наблюдая за ней и видя удивление в ее глазах, я уже мысленно корил себя за то, что завел правило «Никакого КПК».

Я купил билеты, думая, что она возьмет с собой Мали. Они вдвоем постоянно включают его музыку в машине Мали. Я представлял, как они обе едут сюда, раздетые, и отрываются по полной программе, прыгая и подпевая. Но как бы я ни сопротивлялся тому, чтобы поехать с ней, я очень рад, что я здесь, чтобы увидеть это.

Независимо от того, какое шоу покажут сегодня вечером на этой сцене, оно даже не сравнится с представлением рядом со мной.

Ладно, признаюсь.

Я не совсем ненавижу концерт.

Толпа сходит с ума, когда он выходит, и, кажется, они становятся только громче, подпевая каждой песне. Лейкин раскачивается в такт музыке, ее губы шевелятся при каждом слове. И когда он начинает петь «Жажду тебя», я чувствую, как ее рука касается моей.

Это не полное нарушение правил, но это переступает черту. И все же я не могу найти в себе сил остановить ее, даже когда ее пальцы переплетаются с моими. С той секунды, как мы вышли из моего грузовика, я хотел прикоснуться к ней снова. Чувствовать, как ее тело прижимается к моему.

Вслушиваясь в текст, я понимаю, почему она выбрала именно эту песню для проверки моих пределов. Каждое слово точно попадает в цель, в самый центр. Это именно то, что я чувствую по отношению к ней.

Я делаю мысленную заметку добавить его в свой плейлист позже.

Плейлист, о существовании которого она никогда не узнает, если мне будет что сказать по этому поводу.

Пока концерт продолжается, и он переходит к другой песне, я замечаю, что парни по другую сторону от Лейкин все время смотрят на нее. Если судить по тому, как они переглядываются между нами, они пытаются понять, вместе мы или нет.

И если есть что-то, что заставит меня нарушить все мои чертовы правила, так это пара придурков, проверяющих мою девушку.

Не задумываясь, я сунул руку в ее задний карман, поцеловал в макушку и посмотрел на парней, которые, кажется, не могут понять, что перед ними сцена. Лейкин слишком увлечена концертом, чтобы понять, что происходит, или что я предъявляю претензии, которых у меня на самом деле нет, но я чувствую себя гораздо лучше, когда они понимают, что она не свободна, и отвлекаются от нее.

И поскольку я уже послал к черту свое собственное правило, я могу наслаждаться этим.

Я перемещаю ее так, чтобы она стояла передо мной, и обнимаю ее за талию. Она прислоняется ко мне спиной, делая вид, что в этом нет ничего особенного, но розовый оттенок ее щек говорит о другом.

Из всех вещей, которые я ожидал получить сегодня вечером, метафорический удар кулаком в грудь от очередной его песни не входил в этот список. Но когда он начал петь «Выходи за меня», именно это и произошло.

На протяжении всего выступления я не могу перестать представлять себе это.

Лейкин в белом платье, сжимающая одной рукой букет, а другой — руку отца.

Ее прическа с фатой, идеально уложенной на макушке.

И она идет к алтарю к кому-то, кто не я.

От одной только мысли об этом у меня заныло в животе. Не думаю, что меня бы там не было. Ее брат — мой лучший друг. Даже если бы она попыталась не пригласить меня, у нее

не было бы оправдания.

Мне не останется ничего другого, как стоять и смотреть, как она обещает провести остаток своей жизни с человеком, который, возможно, даже не осознает, как ему повезло.

И это, блядь, уничтожит меня.

Песня подходит к концу, и я обнаруживаю, что притягиваю Лейкин к себе невероятно близко. Я знаю, что может наступить время, когда это станет моей реальностью. Я был бы наивен, если бы думал, что она будет вечно довольна нашей *ситуацией*. Но это не значит, что я не воспользуюсь тем временем, когда она принадлежит мне.

Это все, за что я буду держаться, когда она уйдет и найдет своего прекрасного принца, а я останусь вспоминать девушку, которая заставила меня почувствовать то, о чем я даже не подозревал.

Концерт подходит к концу, и все идет слишком гладко. Я уже говорил и скажу еще раз: удача — это не то, что мне сопутствует. Она никогда не бывает на моей стороне, как будто Вселенной нравится смеяться над моими несчастьями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Лейкин хочет остановиться у киоска с сувенирами, прежде чем мы уйдем, а девушка рядом со мной начинает переходить границы, которых ей следовало бы избегать.

— Тебе стоит купить эту кепку, — говорит она, указывая на серо-голубую бейсболку. — Она тебе очень идет.

— Спасибо, — говорю я пренебрежительно. — Я подумаю об этом.

Видимо, намеки не являются ее сильной стороной, потому что она хихикает и хватается за руку. — Я серьезно. Как насчет этого, мы обменяемся. Я окажу миру услугу и куплю тебе кепку, а ты взамен дашь мне свой номер телефона.

Буквально ни одна часть меня не заинтересовалась. Не поймите меня неправильно, она привлекательна, но сейчас она не в центре моего внимания. А та, что в центре внимания, похожа, готова сразиться с этой цыпочкой.

— Спасибо тебе, — говорю я ей, стараясь не быть грубым. — Но я пас.

Вытащив руку из ее хватки, я уйду и тяну Лейкин за собой, пока ее *действительно* не арестовали на этот раз. У нее явно изменилось настроение, и, возможно, мне не стоит спрашивать ее об этом, но это долгая поездка домой, которая станет еще длиннее, если провести ее в тишине.

Кроме того, у нас была хорошая ночь. Зачем позволять такой мелочи испортить ее?

Лейкин идет на пару шагов впереди меня, когда я останавливаю ее, схватив за руку. Она оборачивается, смотрит на меня с нетерпением, но ничего не говорит.

— Что случилось? — спрашиваю я, хотя и знаю ответ.

Мне нужно услышать это от нее, но она не собирается облегчать мне задачу.

— Ничего, — лжет она.

— Давай, — умоляю я, притягивая ее ближе. — Просто поговори со мной.

Она качает головой и смотрит куда угодно, только не на меня, и это задевает за живое. Если бы это была она, спрашивающая меня, она бы нажимала, пока не получила ответ. Так что это именно то, что я планирую сделать.

— Я бы действительно предпочел не тратить всю дорогу домой на то, что ты злишься на меня.

Ее глаза закатываются, когда она усмехается. — Прекрасно. Тогда я поеду на Uber.

Развернувшись, она достает телефон и собирается уйти, но я ее останавливаю. Ни за что на свете она не сядет в машину к какому-то случайному водителю и не будет ждать, что он отвезет ее обратно домой, а не в какое-нибудь заброшенное здание, где они заправляют сексоторговлей.

Вырывание телефона у нее из рук только сильнее злит ее, но мне все равно. Она собирается поговорить со мной, нравится ей это или нет.

— Отдай мне мой телефон, — требует она.

— Нет. Не раньше, чем ты скажешь мне, что не так.

— Ты знаешь, что не так! — Ее голоса достаточно, чтобы люди посмотрели на нас, но сейчас меня это не беспокоит.

Чувствуя себя смущенной, она поворачивается, чтобы уйти, но я не позволил ей раньше и не собираюсь этого делать сейчас.

— Прекрати, — рычу я. — Просто скажите мне, какого черта я сделал, что тебя разозлило.

— Я не знаю, Эйч, — огрызается она. — Может быть, это связано с той девушкой, которая вся накинута на тебя.

Я фыркаю от ее выбора слов. — Она дотронулась до моей руки. Это вряд ли можно назвать тем, что она на меня накинута.

Но ее это не забавляет. — Неважно. Называй это как хочешь. Мне не понравилось, что она к тебе клеилась.

Улыбаясь так же, как она в ночь своего дня рождения, я поднимаю брови, глядя на нее. — Итак, кто из нас ревнивец?

— Говорит парень, который буквально поджег номер другого парня, — возражает она.

— Это было другое. Он мне не нравился.

— Ну, она мне тоже не нравится.

Что? — Почему бы и нет?

Она вскидывает руки в воздух. — Потому что она к тебе клеилась! Не тормози!

Из меня вырывается смех, но Лейкин явно не находит это смешным. Она отворачивается от меня, а когда я пытаюсь подойти ближе, она отталкивает меня от себя. Это первый раз, когда она так поступает, и я надеюсь, что последний, потому что мне это не нравится.

Достаточно людей, включая меня, говорят мне, что я не должен находиться рядом с ней. Мне не нужно, чтобы она тоже это говорила.

— Да ладно, — говорю я с отчаянием. — Что ты хотела, чтобы я сказал? *Извини, не трогай меня, потому что моя тайная девушка находится прямо там и мысленно сжигает тебя заживо?*

Она пытается удержать свое плохое настроение, но оно быстро рассеивается, когда она ухмыляется. Это настолько быстрая перемена, что грозит вызвать у меня головную боль. А

то, как она смотрит на меня, заставляет меня задаться вопросом, что, черт возьми, изменилось за последние три секунды.

— Что? — спрашиваю я.

Прикусив нижнюю губу, она, кажется, не может сдержаться. — Ты только что назвал меня своей девушкой.

Конечно, она это уловила.

Я даже не думаю, что делаю это в первый раз, но впервые я говорю об этом вслух. По всем понятиям, она — моя девушка. С того момента, как мы начали стирать границы между нами, я даже не думал о том, чтобы переспать с кем-то еще. Но даже несмотря на то, что она счастлива, я ничего не могу с собой поделать.

Мне нужно поговорить с ней об этом, особенно после того, как мы только что поссорились.

— Да, — говорю я, делая вид, что смущен. — Ты — девушка, которая является моим другом.

Улыбка сползает с ее лица, и она собирается уйти, но я ожидал этого. Черт, она уже достаточно сделала это только за последние пять минут.

Уже не заботясь об этом, я хватаю ее за запястье и тяну назад. Она крутится на месте и врезается в мою грудь, поднимая голову, как раз вовремя, чтобы я поцеловал ее посреди толпы.

Она задыхается, прижимаясь к моему рту, но я использую это как возможность углубить поцелуй. Ее язык движется навстречу моему, а мои пальцы вплетаются в ее волосы, чтобы удержать ее на месте. Это все, что мне нужно после ссоры. Даже такая короткая, как она была, каждая секунда была несчастной.

Я могу добавить ее *нежелание быть рядом со мной* в список вещей, с которыми я, кажется, не могу справиться.

Когда мы прерываем поцелуй, чтобы перевести дыхание, я прижимаюсь лбом к ее лбу.

— Может, у тебя и нет титула, но это не отменяет того факта, что ты единственная, кто привлекает мое внимание.

Она улыбается и собирается поцеловать меня снова, но в тот момент, когда ее губы касаются моих, кто-то прочищает горло.

Моя первая мысль — Кэм, и я мысленно прошу у Бога прощения. Если я собираюсь умереть, то сейчас самое время это сделать. Но когда мы смотрим на виновника, то видим Монти, который стоит там с неодобрительным и в то же время убитым горем видом.

Что-то подсказывает мне, что добром это не кончится.

Лейкити

Момент был идеальным. Не то чтобы я думала, что Хейс встречался с кем-то еще, кроме меня. При каждом удобном случае мы, кажется, были вместе. Но эта мысль всегда была у меня в голове. Поэтому, услышав от него подтверждение того, что я единственная, я сразу оживилась.

Мы были в своем собственном маленьком пузырьке, а толпа людей, идущих вокруг нас, не имела никакого значения.

И тут Монти лопнул пузырь.

Он стоит и смотрит на нас так, будто только что раскрыл дело. Я наполовину ожидаю, что Хейс отступит — не хочет, чтобы нас поймали и все такое. Но вместо этого он обхватывает меня за талию и притягивает к себе.

— Чем мы можем тебе помочь, Роллинс? — спрашивает он.

Монти усмехается. — Знаешь, мне показалось, что между вами на вечеринке что-то было, но до сих пор я не был уверен.

— Вот почему ты не мог перестать смотреть на нее, верно? — возражает Хейс.

Я поворачиваюсь, чтобы сердито посмотреть на него. Такое отношение неуместно. Но то, что Монти говорит дальше, застает меня врасплох еще больше.

— А Кэм знает, что ты вонзаешь ему нож в спину? — прошипел он. — Думаю, нет, раз ты держишь руки при себе, когда он рядом. Хотя для нее это, наверное, лучше. Не хотелось бы, чтобы люди узнали, что она развлекается с тобой.

Хейс отпускает меня и делает шаг к нему. — Что, черт возьми, ты мне только что сказал?

Я перехожу к действиям и оказываюсь перед Хейсом прежде, чем он доберется до Монти. Сейчас я могу контролировать ситуацию. Монти — мой друг, и я могу попытаться образумить его. Но если Хейс наложит на него руки, нам придется иметь дело с гораздо худшими вещами, чем то, что о нас узнает мой брат.

— Остановись, — говорю я ему. — Ты не хочешь этого делать.

— Тебе стоит послушать ее, — усмехается Монти.

Хейс снова движется к нему, когда я поворачиваю голову. — Может, ты заткнешься?

Монти закатывает глаза и отводит взгляд, но мое внимание приковано к Хейсу. Я подношу руки к его лицу в попытке успокоить его.

— Позволь мне разобраться с этим, — мягко говорю я. — Иди. Встретимся в грузовике. Хорошо?

Выражение его лица и убийственный взгляд, которым он стреляет в сторону Монти, говорят мне, что он хочет с этим поспорить. Больше всего на свете он хотел бы немного поколотить его. Но он знает, что не может.

Для него не было бы испытательного срока, который получил Кэм. Отец Монти не остановился бы, пока Хейс не оказался за решеткой.

Ничего не говоря, он наклоняется и прижимается своими губами к моим. Мне лучше не думать, что этот поцелуй имеет ко мне какое-то отношение. Это все ради Монти. Но ничего хорошего не будет, если я сейчас оттолкну его.

Только не тогда, когда он в ярости и полон собственного тестостерона.

Прервав поцелуй, он бросает на Монти еще один мрачный взгляд, а затем направляется к парковке. Я наблюдаю за тем, как он пробивается сквозь толпу, и, убедившись, что это не просто способ добраться до Монти, не рискуя при этом причинить мне боль, выдыхаю.

— Пошли, — рычу я на Монти, хватаю его за запястье и тащу за собой в менее оживленное место, чем выход.

Может быть, он и мой друг, но все, что сейчас произошло, неприемлемо. И если придется выбирать между ним и Хейсом, то выбор будет сделан в пользу Хейса. Легко. Каждый божий день.

— Ну, тогда понятно, почему *он* меня ненавидит, — шутит он.

Я провожу пальцами по волосам, усмехаясь. — Можешь ли ты винить его? Что, черт возьми, это было?

— Да ладно, — возражает Монти. — Он начал это дерьмо. И я не проверял тебя. Когда ты растешь так, как я, ты учишься наблюдать за всеми, кто тебя окружает. Это способ держать себя в безопасности.

— Даже если так, то замечание, которое ты сделал о Кэме, ни хрена не крутое! Ты понятия не имеешь, что между нами происходит.

Он фыркнул. — Да, знаю. Лейкин, он относится к тебе так, будто ты его собственность. Иначе зачем бы он убивал меня взглядом каждый раз, когда я оказываюсь рядом? Он искренне верит, что ни одному парню не позволено даже смотреть на тебя.

— Ты был рядом с ним всего два раза, — нахально заявляю я. — Вряд ли этого достаточно, чтобы судить, так что не надо говорить о нем так, будто ты его знаешь.

Видя, что я на взводе, он вздыхает. — Ладно, хорошо. Но какой у тебя план? Ты просто собираешься остаться в Колдер-Бей? Останешься маленьким грязным секретом Хейса до конца своих дней? Этого тебе никогда не будет достаточно, да и не должно быть. Ты намного лучше этого.

Это не то, о чем я не думала раньше. Черт, иногда это не дает мне спать по ночам. Чем больше я влюбляюсь в него, тем больнее мне будет, когда все закончится. Но это не значит, что какая-то часть меня не надеется, что он передумает и захочет быть со мной, как я хочу быть с ним.

Открыто, не прячась в тени.

Целует меня, когда мы проходим мимо друг друга между работой и хоккейной тренировкой, не заботясь о том, кто может нас увидеть.

Просто потому, что он хочет, чтобы я была его, чего бы это ни стоило.

— Я знаю, — соглашаюсь я. — Но мне нужно, чтобы ты доверился мне и не

вмешивался. Я знаю, что делаю.

— Так ли это? Неужели? — давит он. — Что будет, если все пойдет не так, как ты хочешь? Что, если все закончится плохо? Сможешь ли ты выдержать постоянные встречи с ним после того, как он разобьет тебе сердце?

— Я не знаю! — огрызаюсь я. — Я не знаю, что произойдет и что я буду чувствовать, если или, когда это закончится. Я знаю только то, что он делает меня счастливой. Теперь ты можешь либо принять это и держать то, что ты видел сегодня, при себе, либо рассказать Кэму, и мы будем это отрицать. — Его лицо опускается, но я еще не закончила. — Я попрошу Мали поддержать меня, и Кэм подумает, что ты просто скучающий богатый ребенок, которому захотелось устроить драму.

— Лейкин, — выдыхает он.

Я пожимаю плечами. — Продолжай. Но если ты расскажешь ему, просто знай, что я *никогда* больше с тобой не заговорю.

Боль в его глазах очевидна, но я не собираюсь отступать. И в ту секунду, когда он осознает это, он смягчается. Он опускает голову и кивает.

— Ладно, мне жаль, — говорит он. — Я не думал, что все так серьезно. Я думал, что он просто кто-то, кто использует тебя в своих интересах. Но ты права. Ты знаешь, что делаешь, и если ты говоришь, что у тебя все под контролем, я тебе верю. Со мной твой секрет в безопасности.

Облегчение захлестывает меня. — Спасибо.

Я не блефовала. Если бы он рассказал Кэму, мы бы немедленно перешли в режим контроля ущерба. И, скорее всего, нам бы это сошло с рук. Но это фактически положило бы конец нашим с Хейсом отношениям. Кэм начал бы уделять мне слишком много внимания, и Хейс не стал бы рисковать.

— Должен ли я... — Он поморщился. — Мне пойти и извиниться перед Хейсом?

— Нет, если ты не хочешь стать жертвой на дороге, — говорю я ему, только наполовину шутя. — Если я знаю его так, как мне кажется, он переедет тебя еще до того, как ты откроешь рот.

Монти нервно посмеивается. — Вполне справедливо. Думаю, я этого заслуживаю.

— Ты думаешь?

Улыбка прорывается наружу, и мы оба смеемся, разряжая обстановку. Я уверена, что Монти всю жизнь посещал занятия по самообороне, но я видела, как Хейс ввязывается в драки во время хоккейных матчей. И это на коньках.

Могу только представить, какой ущерб он может нанести, не заботясь о льде под ногами.

— Я надеюсь, он хорошо к тебе относится, — говорит мне Монти.

Моя улыбка становится шире, когда я киваю, думая о том, как мне нравилось, когда он обнимал меня, когда мы смотрели выступление Томаса Ретта. — Он такой. Он действительно такой.

— Хорошо, — радостно говорит он, но в его словах есть намек на грусть. — Это действительно хорошо.

Когда мы направляемся к выходу, я подталкиваю его локтем. — Не волнуйся. Для тебя тоже найдется парень.

Он хмурит брови, и я понимаю, что, наверное, мне не стоило ничего говорить, пока он не открылся мне. Насколько я знаю, он еще никому не открылся. Но, по крайней мере, так

он будет знать, что я не осуждаю его за это.

— Увидимся завтра? — спрашиваю я, когда приходит время расходиться в разные стороны.

Он кивает. — Еще бы. Тебе понравится это место. Там самые лучшие мимозы.

— Мило. Я обязательно возьму с собой свое поддельное удостоверение личности.

— Не беспокойся. Никто не будет у тебя их спрашивать, когда ты будешь со мной.

Я хихикаю. — Стиль жизни богатых и знаменитых, верно?

Он стягивает с головы солнцезащитные очки и надевает их на лицо. — Ты знаешь это.

И вот он уже идет к черному внедорожнику, который ждал его в VIP-зоне. Я делаю глубокий вдох и направляюсь к машине Хейса. Он сидит на заднем сиденье и курит сигарету.

— Все в порядке, — говорю я ему. — Он ничего не скажет.

Он спрыгивает вниз и роняет сигарету, затушив ее ногой. Выдохнув дым в воздух, он притягивает меня к себе и целует так, что у меня перехватывает дыхание.

Может быть, он нервничал так же, как и я — знал, что это может стать нашим концом, и не хотел, чтобы это заканчивалось. Может быть, в нем действительно есть часть, которая хочет меня так же сильно, как и я его.

Я прерываю поцелуй и откидываю голову назад, чтобы посмотреть на него. — Ты такой пещерный человек.

— Ты знаешь это, детка, — говорит он, еще раз целуя мои губы. — Я, Тарзан. Ты, Джейн.

Фыркая, я морщусь нос. — Я не уверена, что то, что он король джунглей, делает его пещерным человеком.

— Не знаю. Я никогда его не смотрел.

У меня отвисает челюсть, когда он целует кончик моего носа и отпускает меня, закрывая дверь багажника.

— Хорошо, — решительно говорю я. — Я знаю, чем мы займемся при первой же возможности.

Мы забираемся в машину, и он поворачивает ключ в замке зажигания. — Ты имеешь в виду, пока Толстосум держит рот на замке.

— Он будет, — уверяю я его, но он не выглядит убежденным.

Когда он выезжает на дорогу, где все ждут своего часа, он смотрит на меня. — Он все еще хочет тебя.

Я не могу сдержать смех, который вырывается из меня. — Он гей!

— Да, хорошо, — говорит он с сарказмом. — А я становлюсь монахом.

— Неужели? — поддразниваю я. — Это здорово. Я уверена, что твоя мама будет гордиться тобой. — Повернувшись, чтобы посмотреть на него, я коварно ухмыляюсь. — Хотя, наверное, это означает, что я не смогу сделать тебе минет по дороге домой.

И то, как он резко поворачивает голову в мою сторону и чуть не врезается в стоящую перед нами машину, заставляет меня смеяться до боли в животе.

Хейс высаживает меня у Мали, чтобы я могла забрать машину, но я решаю сначала зайти внутрь. Может быть, она и разозлила меня раньше своей фигней о том, что *нам нужно сфотографироваться*, но она также провела весь день взаперти, чтобы никто не узнал, что ее не было со мной на концерте.

Кроме того, теперь у меня есть наша с Хейсом фотография.

Проходя через дверь, я здороваюсь с мамой Мали и поднимаюсь наверх. Мали в своей комнате, лежит на кровати и что-то делает на компьютере. Она поднимает глаза и улыбается, когда я вхожу.

— Ты вернулась. Как прошел концерт?

— Потрясающе, — ворчу я, падая лицом вниз на ее кровать.

Она фыркает. — Вот черт, детка. Постарайся не говорить слишком восторженно. Я могу начать ревновать.

Я переворачиваюсь и прижимаю руку ко лбу. — Нет, концерт был замечательный. Это *после* концерта было хреново.

Ее брови нахмурились, когда она остановила свое занятие и посмотрела на меня. — Мне нужно сделать ему больно?

— Если ты имеешь в виду Хейса, то нет.

— Кого еще я могла бы иметь в виду?

— Монтгомери. — Я тяжело вздохнула. — Он застал нас целующимися на концерте и пригрозил рассказать Кэму.

— Нет! — выдыхает она. — Хейс зарезал его? Кто-нибудь видел, как он это сделал? Подожди, дай мне переодеться, и я помогу тебе спрятать тело.

Я смеюсь, когда она действительно начинает вставать с кровати. — Мэл, прекрати. Никто не умер. Хотя, я не могу обещать, что кто-то не умрет, если он выдаст нас к Кэму.

— Ты думаешь, он это сделает?

— Не знаю, — пожимаю я плечами. — Он сказал, что не выдаст, но я не настолько хорошо его знаю, чтобы доверять ему.

Она хмыкает, думая об этом. — С тобой все должно быть в порядке. Он из высшего общества. Им нет дела до того дерьма, с которым сталкиваемся мы.

Я киваю, понимая, что она права, но, похоже, его это действительно волновало, пока мы стояли там. С моей стороны было неправильно угрожать ему так, как я это сделала. Он просто пытался присматривать за мной. Но когда речь идет о том, что у меня есть с Хейсом, я готова пойти на все, чтобы защитить это.

Кроме того, Монти не был в моей жизни достаточно долго, чтобы *вразумить меня*, или что он там пытался сделать.

— Да, — выдохнула я. — Ты права. Я уверена, что беспокоиться не о чем.

Мали закрывает свой ноутбук и переворачивается, кладя голову мне на плечо. — А если есть, то я тебя прикрою. Мне все равно, сколько у него денег. Ты моя девочка.

— Ну как тут не прослыть настоящей золотоискательницей, — поддразниваю я.

Она стонет и отталкивается от меня. — Не то чтобы я с ним встречалась. И если баловать друзей — это его идея хорошего времяпрепровождения, то кто я такая, чтобы его останавливать?

Усмехаясь, я хватаю ближайшую подушку и бью ее ею.

Господи, помоги тому мужчине, который окажется с ней.

23

Лейкити

Пару дней все было напряженно. Каждый раз, когда у Кэма звонил телефон, я раздумывала, не Монти ли это. Даже когда мы с Мали пошли на бранч с Монти, я все время сидела и думала, не выдал ли он мой секрет. Но пока ничего не изменилось.

Кэм по-прежнему не знает.

Монти ведет себя так, будто все нормально.

А я продолжаю все сильнее влюбляться в Хейса, даже если это означает, что мое сердце может разлететься на миллион мелких кусочков.

Я ничего не могу с этим поделать. Я знала это с самого начала. Когда дело касается его, я безнадежна. Остается только надеяться, что он все-таки не разобьет мне сердце.

Я вхожу в серф-магазин, держа в руках рожок мороженого, который я купила перед тем, как зайти. Хейс поднимает глаза от прилавка и улыбается, увидев меня.

— Привет, — приветствует он меня, взглянув на время. — Ты ведь знаешь, что я не

освобожусь от работы еще час?

— Да, я знаю, — говорю я ему. — Но Мали не могла подвезти меня позже, поэтому мне пришлось приехать немного раньше.

Он поднимает брови, видя, что я несу чушь, и через несколько секунд я сдаюсь и закатываю глаза.

— Прекрасно. Я скучала по тебе, — ворчу я. — Подай на меня в суд.

Он усмехается, наклоняется через стойку, чтобы поцеловать меня, а затем возвращается к своим делам. Тем временем я сажусь на табурет рядом с ним.

Проходит всего несколько минут, прежде чем я начинаю понимать, что, наверное, было плохой идеей брать этот рожок. Он тает быстрее, чем я успеваю его съесть, и каждый раз, когда он капает, мне приходится ловить это языком, чтобы не устроить беспорядок.

Все мои облизывания и причмокивания, должно быть, доходят до члена Хейса, потому что он опускает голову и тихо смеется. Он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, но это, вероятно, было плохой идеей с его стороны. Высунув язык, я провожу им по мороженому и обхватываю кончик ртом.

— Что? — невинно спросила я его.

Он сужает глаза. — Ты жестокая, ты знала об этом?

Уголок моих губ приподнимается, и я ухмыляюсь. — И у тебя односторонний ум. Ты знал об этом?

Покачав головой, он возвращается к компьютеру. — Конечно, проблема во мне. Это не имеет никакого отношения к тому, что ты отсасываешь рожок мороженого, как будто это твой любимый член, или что-то в этом роде.

— Я имею в виду, что я бы предпочла заняться этим по-настоящему, — поддразниваю я. — Но ты занят работой и все такое.

Он закрывает глаза и стонет. — Это несправедливо. Зачем ты меня так мучаешь?

— Потому что это забавно, — язвительно замечаю я.

— Угу, — говорит он, вставая и направляясь к задней части зала. — Посмотрим, насколько *забавным* тебе это покажется позже.

Закрыв магазин и погрузив две доски для серфинга в машину Хейса, мы вдвоем отправляемся на отдаленный пляж. Это тот самый пляж, на который мы приехали в ту ночь, когда у нас наконец-то впервые случился секс. И сейчас он так же пуст, как и тогда.

Не сказать, чтобы с этим пляжем было что-то не так. Какое-то время именно сюда приходили все местные жители, когда туристы занимали основные. Но когда в один год после сильного шторма дно сдвинулось, волны заставили серфингистов лучше справляться с толпами народа.

К счастью для нас, этот пустой пляж — именно то, что мы ищем.

Мы переносим доски для серфинга прямо на песок и укладываем их так, чтобы Хейс мог натереть их воском. Тем временем я достаю из сумки полотенце и расстилаю его, чтобы было где присесть. Сняв футболку и шорты, я начинаю наносить солнцезащитный крем, когда понимаю, что Мали здесь нет, чтобы обработать мою спину.

— Детка? — Он поднимает глаза от доски при звуке моего голоса. — Не мог бы ты нанести это на мою спину?

Ухмыляясь, он подходит и берет у меня крем для загара. — Натереть тебя своими руками? Как я могу от этого отказаться?

При первом прикосновении к моей коже он холодит ее, но чем больше он втирает его, тем лучше я себя чувствую. Он начинает массировать мне спину, а его губы переходят на шею, целуя те места, которые, как он знает, у меня наиболее чувствительны.

— У тебя однонаправленный ум, — напоминаю я ему.

Он улыбается, перемещая руки на мой живот и притягивая меня к себе. — Ты уверена, что это плохо?

Нет, потому что это никогда не бывает плохо. Но я наслушалась от Мали достаточно ужасных историй о сексе на пляже. Песок попадает туда, куда не надо, и это не совсем то, чего хотелось бы.

Но Боже, как же заманчиво просто упасть на него, когда он вот так прикасается ко мне.

Заставив себя двигаться, я убираю его руки и встаю. — Пойдем поплаваем со мной.

Он издал нечто среднее между смехом и стоном, когда я начала спускаться к воде, но когда я обернулась, он все еще стоял там, где я его оставила.

— Ты идешь? — зову я.

Он заставляет себя подняться и ворчит под нос. — Надеюсь, что скоро.

— Я это слышала, — говорю я с усмешкой, и решительный взгляд его глаз говорит мне, что я должна бежать.

Хейс срывается с места и начинает преследовать меня, пока я бегу в воду, и я совершаю ошибку новичка, оглядываясь назад. Его руки обхватывают меня за талию, приподнимая, и я визжу. Вода холодит ноги, и, когда он подбрасывает меня в воздух, я готовлюсь к удару.

Если бы кто-нибудь увидел, как мы плещемся и играем друг с другом, он бы, наверное, подумал, что мы просто влюбленная парочка. Потому что, когда мы одни, нет причин думать иначе.

Он обнимает меня так, как это делает парень.

Целует меня так, как должен целовать парень.

И иногда я позволяю себе притвориться, что нет миллиона препятствий на пути к тому, чтобы мы стали этой парой.

Мы останавливаемся, чтобы перевести дух, когда Хейс ныряет под воду. Когда он всплывает, то двигает головой так, что его волосы откидываются в сторону, а вода брызгает с них. Это не должно выглядеть так сексуально, как выглядит, но когда он ухмыляется и подходит ко мне, мое сердце словно делает сальто.

— Привет, — говорит он, обнимая меня.

Я смотрю на него, не в силах удержаться от улыбки, даже если бы попыталась. — Привет.

Наклонившись, он накрывает мой рот своим — совершенно не осознавая, что делает со мной. Я приподнимаюсь на цыпочки и наслаждаюсь тем, как его руки лежат на моей спине, притягивая меня к себе как можно ближе.

— А в этой воде есть акулы? — спрашивая я, внезапно вспомнив вопрос, который я задала ему на аэродроме.

Он хмыкает и оглядывается по сторонам. — Я так не думаю, нет. Только очень большие крабы.

Нет большего страха, чем нападение на мои ноги чего-то, чего я не могу увидеть. Вас когда-нибудь щипала одна из этих тварей? Мне приходилось, и это чертовски больно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что я вскрикнула, подпрыгнула и обхватила ногами талию Хейса.

И только когда я чувствую, как его твердый член упирается в меня, я понимаю, что только что произошло.

— Я только что сыграла тебе на руку, не так ли?

Он усмехается. — Ты не единственная, кто может использовать уловки, чтобы получить желаемое.

Я знаю, о чем он говорит, — о той ночи в бильярдной, когда я заставила его думать, что понятия не имею, как играть в бильярд. Не буду врать, в тот вечер у меня были все намерения надрать ему задницу, но то, как все закончилось, было гораздо лучше. И я все равно заставила его прийти в себя.

Это был беспроегранный вариант. Но я не уверена, что мне нравится, когда мою собственную тактику используют против меня.

— Ты злой, — говорю я ему.

Он усмехается, проводя своими губами по моим. — Должен ли я напомнить тебе о рожке мороженого, который был ранее?

Вместо ответа я сокращаю расстояние между нами и позволяю своему языку танцевать с его. Он застонал, и его руки, лежащие на моей заднице, приподняли меня, а я, используя свои ноги, притянула его ближе. Я трюсь о его член, и чем сильнее я это делаю, тем больше возбуждаюсь.

— Трахни меня, — выдыхаю я. — Я хочу, чтобы ты трахнул меня. Прямо здесь. Вот так.

Уголки его губ приподнимаются, когда они все еще прижаты к моим. — С удовольствием.

Он развязывает часть моего купальника, заставляя его упасть и повиснуть на одной ноге, и мысль о презервативе даже не приходит мне в голову, пока он не проникает в меня.

Мы крепче прижимаемся друг к другу. Так намного лучше, когда между нами ничего нет. Я чувствую каждый сантиметр, каждый изгиб. И если мне так хорошо, то я могу только представить, насколько хорошо ему.

Его дыхание сбивается, а все тело начинает дрожать, когда он опускается до самого дна. Он втягивает мою нижнюю губу в рот и стонет. А когда он отпускает ее, я откидываю голову назад и начинаю подпрыгивать на его члене.

— Черт возьми, — стонет он, прижимаясь к моей коже. — Ты такая невероятная. Всегда так хорошо принимаешь мой член.

Его пальцы впиваются в плоть моей задницы, обхватывая и разминая ее, пока я скольжу по его члену. С каждым движением его руки приближаются все ближе к центру. И когда его палец прижимается к моей дырочке, я чувствую, как напрягается каждая часть меня.

— Расслабься, детка, — мягко говорит он. — Сосредоточь свое внимание на мне. На том, как ты чувствуешь мой член, совершенно голый внутри твоей киски.

Я делаю, как он говорит, и когда он начинает вводить свой палец, я не ожидала,

насколько это будет приятно. Это всего лишь один палец, но почему-то это ощущается гораздо ярче. Между его членом, находящимся глубоко внутри меня, и тем, как он медленно вводит и выводит свой палец, я чувствую, что заполнена им до отказа.

— Святое дерьмо, — стону я.

— Черт. Я чувствую себя внутри тебя, — говорит он мне, его голос дрожит. — Я не могу дождаться того дня, когда я завладею и этой дыркой. — Я слегка хнычу, и он ухмыляется. — Да, тебе бы это понравилось, не так ли? Быть такой хорошей девочкой для меня, пока я наполняю твою попку своей спермой.

— Да, — выдыхаю я, целуя его в плечо. — Это пугает меня, но я хочу этого. Я хочу всего этого с тобой.

— О, не волнуйся. Ты получишь все. Не будет ни одного сантиметра твоего тела, на который бы я не претендовал, — рычит он. — Я заставлю тебя желать, чтобы каждый парень, с которым бы ты ни трахалась, был мной.

— Никогда не будет никого другого. Никто не сможет заставить меня чувствовать то же, что и ты. Я разрушена. Ты испортил меня. Ничто и никогда не будет так хорошо, как это. — Может быть, я и бредила, но ни одно из моих слов не было ложью. — Я твоя. Только твоя.

Он продолжает овладевать мной, насаживая меня на свой член, пока он ласкает пальцами мою задницу. — Ты чертовски права, детка. Вся, блядь, моя.

Давление нарастает внутри меня, увеличиваясь с каждым разом, когда я чувствую его глубоко внутри себя. Все, что я слышу, — это шум воды, смешивающийся с его тяжелым дыханием и моими тихими стонами. И когда оргазм пронзает меня насквозь, я кусаю его за плечо.

— Да, — рычит он, убирая палец, чтобы крепче обхватить мою талию. — Черт возьми, да.

Еще несколько резких толчков в меня, и в последнюю секунду он отстраняет меня от себя, позволяя своей сперме вылиться в воду вокруг нас. Я целую его шею и чувствую вкус соли на его коже, пока мы оба успокаиваемся.

— Что, если рыба забеременеет твоим ребенком? — спрашиваю я, думая о миллионах сперматозоидов, которые содержатся в одной капле спермы. — Подожди, они же не смогут заплыть обратно в меня или что-то в этом роде, не так ли?

Он фыркает и начинает поправлять мне купальник. — Если они смогут, то это будет один очень решительный сперматозоид. Мы бы стали родителями следующего Билла Гейтса.

Это шутка. Я это знаю. В этом нет никакого заблуждения. Но даже простая мысль о том, что мы можем стать родителями вместе, растить ребенка с ним рядом, вызывает бабочек в моем животе, порхающих вокруг с их ложными надеждами и бессмысленными мечтами.

Встав, я заставляю себя думать о чем-нибудь другом. — Ладно, теперь я готова попробовать серфинг.

— Я не знаю, Лей, — говорит он с неуверенным видом. — Там довольно сильное течение, и вода сильно бьется о камни. Может быть, нам стоит заняться серфингом в другой день.

Я скрещиваю руки на груди. — Ты меня недооцениваешь?

— Нет, — он качает головой. — Я просто не уверен, что это лучшая идея.

— Не-а. — Я отступаю назад, все еще стоя лицом к нему, но двигаясь к берегу. — Ты обещал мне серфинг. И мы будем кататься.

Он выдыхает, сдаётся и идет со мной за досками, и я начинаю задаваться вопросом, что еще он был бы готов сделать для меня.

Предупреждение о спойлере: мне следовало прислушаться.

Мы должны были лежать на пляже, говорить обо всем, о чем хотели, и обмениваться ленивыми поцелуями. Но я настояла на том, чтобы заняться серфингом. И, что еще хуже, я так хотела произвести на него впечатление, так старалась хорошо выглядеть, что подвергла себя опасности.

Я осознаю все это, когда слышу, как Хейс выкрикивает мое имя — как раз вовремя, чтобы я успела увидеть камни до того, как упаду с доски. Вода швыряет меня без всякой пощады. Я даже не могу определить, в какой стороне находится поверхность. И когда я чувствую, как что-то вонзается мне в бок, весь воздух, который у меня оставался, покидает мои легкие.

В голове проносится мысль о том, что я могу умереть прямо сейчас. Интересно, что Хейс скажет Кэму? Будет ли он честен и расскажет ли о том, что между нами происходило? Стал бы он врать и просто заявит, что давал мне уроки серфинга? А Мали убьет его прежде, чем он расскажет ему что-нибудь? У меня так много вопросов, на которые я не знаю ответов.

Время движется так медленно, пока моя паника утихает. Не то чтобы я *хотела* умереть. Скорее, я смирилась со своей участью. Как раз в тот момент, когда мне начинает казаться, что я теряю сознание, я чувствую, как две руки обхватывают меня и тянут на поверхность.

Я глубоко вдыхаю воздух, но тут же срываюсь на приступ кашля. Хейс выносит меня на берег, и я падаю на руки и колени. Каждый вдох причиняет боль в груди, но это не идет ни в какое сравнение с болью в боку.

— Ты в порядке? — спрашивает Хейс, все еще пытаюсь отдышаться.

Я киваю. — Я так думаю.

Но когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на повреждения, я шиплю. Рана, идущая от моей спины к боку, длиной, наверное, дюйма четыре, и выглядит она отвратительно. Кровь стекает по моему телу, и глаза Хейса расширяются, когда я поворачиваюсь, чтобы показать ему.

Он встает и протягивает мне руку. — У меня в грузовике есть аптечка первой помощи. Идем.

У меня небольшое головокружение, я чувствую, как все вращается, пока я стою, но Хейс держится за меня, пока мы идем по пляжу. Он опускает заднюю дверь и берет аптечку с заднего сиденья.

— У тебя тоже идет кровь, — говорю я ему, видя порез у него на ноге.

Он качает головой. — Прямо сейчас меня это не волнует.

— А меня да!

Но он не слушает. Вместо этого он тратит время на то, чтобы промыть рану и закрыть порез пластырями-бабочками, а затем накрыть все марлей. Потом и только потом он занимается собой.

— Кстати, как ты это получил? — спрашиваю я.

Он отвечает так, как будто в этом нет ничего особенного. — Я нырнул в воду в ту секунду, когда увидел, как ты идешь ко дну.

Это не должно меня удивлять. Конечно, он рискнул бы своей жизнью, чтобы спасти мою. Такой уж он есть. Но тот факт, что он пытался отговорить меня от серфинга, а я настаивала на этом, заставляет меня чувствовать себя плохо.

Мы оба пострадали, и в этом нет ничьей вины, кроме моей собственной.

Прежде чем я успеваю придумать способ извиниться, он закрывает аптечку и открывает дверь со стороны пассажира.

— Залезай, — говорит он мне. — Я схожу за нашими вещами.

Я делаю, что он говорит, сажусь в машину и наблюдаю, как Хейс спускается вниз, чтобы взять мою сумку, полотенце и воск, который он принес. Что касается досок для серфинга, то они сейчас уплывают в море. В какой-то момент трос оторвался от моей лодыжки, когда я кувыркалась, как в стиральной машине. И я полагаю, что Хейс оторвал свой, чтобы он не мешал ему добраться до меня.

Он возвращается и бросает все на заднее сиденье, прежде чем забраться в грузовик.

— Ты в порядке? — снова спрашивает он меня.

Я киваю. — А ты?

Заводя грузовик, он дает задний ход, чтобы выехать с места. — Теперь да.

У меня в голове проносится все, что он мог иметь в виду, но я не думаю, что нахожусь в том положении, чтобы спрашивать его об этом. Во всяком случае, не сейчас. Поэтому я прислоняюсь головой к окну и наблюдаю за всеми лодками вдалеке.

К счастью, он не рассердился. Однако мне пришлось выслушать от него лекцию о том, что он знает океан гораздо лучше меня и что в следующий раз я должна прислушиваться, когда он говорит мне, что это плохая идея. В этом он тоже не ошибся. Но в конечном итоге он просто рад, что со мной все в порядке.

Вот если бы этот порез мог зажить, это было бы здорово.

Когда я в первый раз принимала душ, было ужасно больно. Теплая вода попала внутрь и очистила его, это было необходимо, но, черт возьми. Жгло так сильно. Накладывать новые полоски-бабочки и большой пластырь так, как это делал Хейс, тоже было нелегко, но я справилась.

Прошло три дня, и мне удалось сохранить это в тайне от всех, нося футболки большего

размера, чем я обычно выбираю. Это работало довольно хорошо... пока я, не подумав, не двигаюсь определенным образом у Мали.

— Что это, черт возьми, такое? — говорит она. — Пожалуйста, не говори мне, что у тебя вытатуировано имя Хейса.

Монти насмехается. — Господи Иисусе. Ты позволила ему поставить на себе клеймо?

— Тебя бы это удивило? — спрашивает его Мали. — Потому что меня это не удивило бы.

Я закатываю глаза и морщусь, когда наполовину снимаю повязку. — Я никому не позволяла клеймить себя. Это был несчастный случай во время серфинга.

Они оба сморщились, глядя на нее, и я поняла, что она еще не так зажила, как я надеялась. Прикрыв рану, я опускаю футболку и вздыхаю.

— Я упала с доски, и меня отбросило, — объясняю я. — Хейс получил такой же порез на ноге, когда прыгнул, чтобы спасти меня. Наверное, под водой был острый камень или что-то в этом роде.

Мали ухмыляется. — Это было до или после того, как вы занимались сексом?

Мы не говорили о том дне, но она хорошо меня знает. — После.

Монти фыркнул, когда Мали закатила глаза. — Клянусь, у вас двоих, должно быть, есть какой-то эксгибиционистский пунктик или что-то в этом роде, раз вы так часто трахаетесь в общественных местах.

— У нас нет, — насмехаюсь я. — Во-первых, мы были в воде, и никого вокруг не было. А во-вторых, мы должны использовать имеющиеся у нас возможности. Мы же не можем просто трахаться как кролики у меня дома.

— Могли бы, если бы он просто рассказал твоему брату о вас двоих, — говорит Монти.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, и он поднимает руки в знак капитуляции. Но если он, возможно, и боится моего гнева, то Мали — нет.

— Знаешь, в его словах есть смысл, — говорит она.

Но, честно говоря, сейчас я не хочу это слушать. То, как сейчас обстоят дела, — это нам на руку. Нет такого давления, что все знают о наших делах и не давят на нас за это. Я не ссорюсь с братом и не переживаю, что он будет злиться на Хейса каждый раз, когда я не в лучшем настроении.

Не поймите меня неправильно, я бы хотела быть с ним настоящей парой, но это уже не так важно для меня, как раньше. Не тогда, когда он относится ко мне так, будто я единственная, кто имеет значение, когда мы вместе.

Осуждайте меня за то, что я смирилась с обстоятельствами, мне все равно.

Я счастлив.

Я собираюсь ответить Мали, как вдруг мой телефон вибрирует, и я вижу, что это сообщение от Хейса. Улыбка появляется на моем лице, когда я открываю его.

Как проходит твой день, детка?

Должно быть, на моем лице написано радостное возбуждение от такого простого вопроса, потому что Мали наклоняется, чтобы прочитать сообщение, прежде чем я успеваю ее остановить.

— Детка? — спрашивает она. — Это не кажется случайным по отношению к тебе.

Я пожимаю плечами, играя с ниткой, свисающей с моих шорт. — Это не кажется случайным. Больше нет, по крайней мере. С тех пор как он сказал мне, что я единственная, кто привлекает его внимание.

Мали хмыкает, на ее лице появляется впечатленное выражение. — Хм, Хейс, возможно, не безнадежен, как я думала, в конце концов. Но если я снова увижу на тебе еще один такой порез, я отправлюсь за ним.

— Я же говорила тебе, — хнычу я. — Это была не его вина.

Она закатывает глаза и снова сосредотачивается на своем компьютере. — Да, да. Ты получила травму, занимаясь серфингом, после того как пошла на пляж, чтобы заняться сексом

То, как она это объясняет, заставляет меня смеяться, потому что она не совсем не права. Почти каждый раз, когда мы вместе, мы так или иначе занимаемся сексом. Но это не значит, что он встречается со мной только для того, чтобы переспать. Просто у нас проблема с тем, чтобы держать руки при себе.

— Есть идея, — восклицает Мали, словно она только что вылечила рак. — Хватит трахаться на людях!

— Жертвы обстоятельств! — кричу я в ответ, улыбаясь, когда она отмахивается от меня.

— Вообще-то, — вмешивается Монти. — Возможно, я смогу помочь с этим.

Я нахмуриваю брови, гадая, чем *он* может помочь — разве что оплатить номер в гостинице, но это было бы странно. — Я слушаю.

— У меня есть лодка, — говорит он мне. — И если у Хейса есть на нее лицензия, я не против, чтобы вы вдвоем покатались на ней денек. Может быть, тогда он не будет меня так ненавидеть.

Это маловероятно, но я не собираюсь отказываться от этого предложения, спрыгиваю с кровати и бросаюсь в его объятия. — Спасибо! Ты самый лучший!

Когда я хватаю телефон, чтобы написать Хейсу об этом, я не могу остановить себя, представляя, как проведу целый день с ним, на воде, где нет риска быть пойманными.

Целый день, когда мы просто будем вместе.

24

Хейс

Перед тем как мой отец ушел, он преподал мне один важный урок — ничто в жизни не достается даром, и чаще всего у людей есть скрытые мотивы. И пока я иду с Лейкин по причалу, направляясь к лодке Монти, я начинаю думать, что это один из таких моментов. Не может быть, чтобы парень, который практически пускал слюни на Лейкин на ее дне

рождения, отдал нам свою лодку по доброте душевной.

Но возможность провести день наедине с ней слишком хороша, чтобы упустить ее.

Возможно, он просто пытается завоевать ее и заставить поверить, что он хороший парень? Я бы поставил на это деньги, но это не значит, что я не собираюсь воспользоваться этим и трахнуть ее на каждой поверхности его лодки.

Он может желать ее сколько угодно — она всегда будет моей.

— Вот вы где, — приветствует нас Монти. — Она полностью готова к поездке. Бензобак полон топлива, и вчера я провел его детальное обслуживание.

— Спасибо, Монти, — говорит Лейкин. — Мы действительно ценим это.

Я оглядываю его с ног до головы, оценивая. — Мне все еще интересно, в чем подвох.

— Эйч! — отчитывает меня Лейкин.

Но Монти только качает головой. — Нет, все в порядке. Здесь нет подвоха. Я просто пытаюсь помочь другу. — Он пожимает плечами и наклоняет голову набок. — И, может быть, снискать расположение ее парня, чтобы она не чувствовала, что ей нужно выбирать между нами.

Некий голосок в моей голове говорит мне, что я должен исправить термин «парень», который он использовал, но я думаю, что это то, чего он хочет. Он хочет, чтобы Лейкин напомнили, что у нас нет официальных отношений, и хочет, чтобы это сделал я. Вместо того чтобы играть в его маленькую игру, я сосредотачиваюсь на последней части.

— О, будь уверен. Любой выбор между нами двумя был бы не в твою пользу.

Лейкин вздыхает, без сомнения, закатывая глаза, но Монти воспринимает это как мужчина, посмеиваясь и кивая.

— Понял. — Он достает ключи из кармана и держит их передо мной, опуская их в мою руку, когда я ее протягиваю. — Вы двое, развлекайтесь, а я встречу вас здесь около девяти.

— Еще раз спасибо, Монти, — кричит Лейкин, уходя.

Он оборачивается и улыбается, отвечая. — Без проблем!

Как только он уходит, она сосредотачивает свое внимание на мне, совершенно не удивляя меня этим.

— Что? — невинно спрашиваю я.

Она приподнимает одну бровь. — Тебе обязательно было быть мудаком, или это просто часть твоей личности?

— Я такой, какой есть, детка, — говорю я ей, целуя ее в щеку. — А теперь давай посмотрим, как эта красавица ведет себя на воде.

Она закатывает глаза, но когда я вхожу в лодку и поворачиваюсь, чтобы помочь ей, она оставляет свой гнев на причале.

Эта штука едет как мечта. Она не такая большая, как я думал. Я ожидал увидеть яхту.

хотя уверен, что у него есть и такая. Но управлять этой штукой, чувствовать, как она скользит по воде, — здесь я в своей стихии.

А наблюдать за тем, как Лейкин загорает у меня на глазах, — просто объедение.

Красивая лодка, красивая девушка.

Она, должно быть, чувствует, что я смотрю на нее, потому что поднимает голову и улыбается, когда ее взгляд встречается с моим. Встав, она подходит и становится позади меня, обнимая меня за плечи.

— Ты выглядишь счастливым, — говорит она.

Я поворачиваю голову, чтобы оглянуться назад. — Как я могу не быть с тобой, полуголой и великолепной?

Она смеется. — Я имела в виду управление лодкой.

— О, — я преуменьшаю свое волнение. — Все в порядке.

— Угу. — Она прижимается губами к моей щеке. — Итак, ты видишь, что Монти не так уж плох?

— А теперь ты все испортила, — простонал я. — Я наслаждался маленькой фантазией, которая крутилась у меня в голове, а ты только что втянула в нее Толстосума.

— Фантазия, да? Расскажи мне о ней.

Я качаю головой. — Не могу. Теперь ее больше нет. Ты убила ее.

Она усмехается и садится ко мне на колени. — В таком случае, давай я подарю тебе другую.

Держась одной рукой за руль, я обхватываю ее другой. Ее ладонь ложится на мое лицо, и она прижимается своими губами к моим — мягко, но достаточно, чтобы подразнить. Я хмыкаю, позволяя ей углубить поцелуй и в кои-то веки взять все в свои руки.

Когда становится немного жарко, я сбрасываю газ, пока лодка не останавливается. Моя рука переходит со штурвала на ее талию, скользит по коже, пока я не касаюсь ее груди через верхнюю часть бикини. То, как она выгибается в такт моим прикосновениям, еще сильнее прижимаясь к моей руке, — это чертовски греховно.

— Я никогда не смогу насытиться тобой, — бормочу я, чувствуя, как она улыбается в поцелуе.

— Хорошо, — говорит она, и в ее тоне слышится злой намек. — Это мой план.

Мы проводим этот день самым непринужденным образом. Лейкин с удовольствием просто лежит на солнышке, а я пользуюсь удочками и наживкой, которыми нас снабдил Монти. Но чем бы мы ни занимались, мы всегда остаемся рядом друг с другом.

Если я перемещался в заднюю часть лодки, она вскоре подходила ко мне.

Если она уходила, чтобы полежать на солнце, я чувствовал себя не в своей тарелке, пока не поднимался вверх, чтобы быть рядом с ней.

А когда солнце начинает садиться, я сижу на самом носу с ней на руках и смотрю, как оно опускается под воду. Светодиодные лампы вокруг лодки загораются, как только они перестают видеть солнце, освещая внутреннее пространство. Но Лейкин не делает попыток сдвинуться с места, и я тоже.

Это так невинно, когда я провожу пальцами по ее волосам, а она нежно проводит большим пальцем по моему колену, но, так или иначе, это все. Я не думаю, что это совпадение, что это лучший день за последнее время — день, когда я был с ней и не беспокоился ни о чем.

— Лей, — почти шепчу я. Она поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, и я заправляю прядь волос ей за ухо. — Ты такая красивая.

Она выдыхает и улыбается, когда я нежно беру ее за подбородок и целую. Этот поцелуй отличается от всех предыдущих. Он более мягкий, более ленивый, как будто у нас есть все время в мире. Но самое главное, то, что пугает меня до смерти, — это то, что в этом поцелуе больше смысла.

Для нас обоих.

Даже если никто из нас не скажет этого вслух, мы это чувствуем.

Лейкин поворачивается и садится мне на колени, углубляя поцелуй, но все еще не торопя его. Я провожу руками по ее спине и развязываю верх ее бикини. Ткань падает и оказывается отброшенной рядом с нами, когда я накрываю ее сосок ртом. Она откидывает голову назад, издавая хриплые стоны, когда я уделяю особое внимание каждому из них.

Поклоняясь им.

Поклоняюсь *ей*, потому что, черт возьми, она заслуживает того, чтобы ей поклонялись.

Я поднимаю ее и опускаюсь на колени, осторожно кладу ее на спину, а затем зависаю над ней. Ее волосы рассыпаются по лодке, и свет отражается в ее глазах. Она так прекрасна, что трудно поверить в ее существование и в то, что она находится подо мной и смотрит на меня так, что молча говорит мне все то, что я боюсь услышать. Все это кажется скорее сном, чем реальностью.

— Ты понятия не имеешь, насколько ты совершенна, — говорю я ей.

Ухмыляясь, она тянется вверх и опускает мою голову. Наши рты сливаются, и она проводит ногтями по моей спине. Я провожу пальцами по ее коже, пока не добираюсь до трусиков купальника. В тот момент, когда я развязываю каждую сторону, они распадаются под ней, оставляя ее полностью обнаженной и изнашивающей для меня.

— Хейс, — умоляет она, когда я касаюсь ее клитора.

— Тсс, детка, — шепчу я. — У понял тебя.

Медленно, не торопясь, я пробираюсь вниз по ее телу, целую ее кожу все ниже и ниже. Она извивается и хнычет, и я точно знаю, где она хочет меня, но я не собираюсь торопиться.

Я не могу.

Мне это нужно.

Переместив рот на внутреннюю сторону ее бедра, я посасываю ее кожу, оставляя след, когда заканчиваю. Затем, и только затем, я, наконец, лижу ее киску. Она млеет, когда мой язык проводит по ее клитору взад-вперед. Когда она пытается ускорить процесс, выгнув бедра, я нажимаю на низ ее живота, чтобы удерживать ее на месте.

— Всегда такая нуждающаяся, — пробормотал я ей в ответ.

Я ввожу в нее два пальца и посасываю ее клитор так, как, я знаю, ей это нравится. Потому что с каждым разом, когда мы были вместе, я начинал запоминать ее тело.

Ее чувствительные места.

То, как она двигается.

Как меняется ее голос, когда она вот-вот кончит.

Все они выжжены в моем сознании, в отсеке, предназначенном только для нее.

Мой член упирается в плавки, когда она начинает приближаться к оргазму, но, хотя обычно я бы позволил ей кончить, прежде чем трахать до беспамятства, это не то, что я ищу сегодня.

Я достаю презерватив из кармана и снимаю плавки, а затем надеваю его. Посасывая ее клитор, я возвращаюсь поцелуями вверх по ее телу. Достигнув ее головы, я глубоко целую ее, позволяя ей почувствовать вкус себя на моем языке, когда я прижимаюсь к ней.

Ее ноги обхватывают мою талию, и она втягивает меня глубже. Я хочу почувствовать ее снова, как тогда, на пляже. Оказаться внутри нее, когда между нами ничего не было, было религиозным опытом. И я знаю, что если бы я попросил, она бы позволила мне, но я слышал о том, что таблетки «План Б» могут привести к ухудшению здоровья.

Я так с ней не поступлю.

Наши пальцы переплетаются, когда я держу ее за руку, и ее дыхание сбивается, когда я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее. Я не тороплюсь. Не надо грубо входить в нее, потому что я хочу кончить. Только она и я, и этот момент, я думаю, никто из нас никогда не забудет.

И когда мы кончаем вместе, стонем в унисон, наши взгляды не отрываются друг от друга, словно мы — единственные, кто имеет значение в этом мире.

Я хочу быть единственным, что имеет значение в ее мире.

Чуть позже девяти мы возвращаем лодку на место. Монти уже ждет нас и привязывает ее, чтобы она никуда не уплыла. Я спрыгиваю первым, поворачиваюсь и обнимаю Лейкин за талию, чтобы убедиться, что она благополучно добралась до причала.

— Лодка хорошо себя показала? — спрашивает Монти.

Я киваю. — Это отличная лодка. Ты хорошо о ней заботишься.

— Не могу приписать это себе, — говорит он с улыбкой. — У моего отца есть целая команда людей, которые делают это для нас.

Очевидно. Тем не менее, я протягиваю руку для пожатия. Он смотрит на нее секунду, затем отвечает.

— Ну, неважно. Спасибо, что позволил нам ее взять, — говорю я ему.

— Без проблем.

Обняв Лейкин, мы прощаемся с Монти и возвращаемся к моему грузовику. *Может быть, Толстосум не так уж плох в конце концов.*

Лейкин снова ночует у меня дома, но на этот раз намеренно. Проведя с ней целый день, я все еще не готов к тому, что он закончится. Так что ночь мы проводим вместе, лежа в постели, обмениваясь ленивыми поцелуями и постоянно прикасаясь друг к другу.

Когда наступает утро, мне не хочется двигаться. Она крепко спит, положив голову мне на грудь. Но если я не разбужу ее, она опоздает на работу. А она больше всего на свете не любит, когда ее ждут дети.

Я провожаю ее до машины, целую на прощание и возвращаюсь домой, чтобы поспать несколько часов, но просыпаюсь от того, что мама стучит в мою дверь. Она со скрипом открывается, и мне приходится моргать, чтобы привыкнуть к свету.

— Лейкин забыла свою толстовку, — говорит она мне, входя и накидывая ее на спинку моего стула. — Итак, теперь это в порядке вещей?

Если честно, я даже не знаю, как на это ответить. Но когда в моей голове проносятся воспоминания о прошлой ночи, я понимаю, что какая-то часть меня была бы полностью удовлетворена, если бы она никогда не покидала меня. Хотя я не собираюсь признаваться в этом маме.

— Откуда ты знаешь, что она была здесь не из-за Дев?

— Потому что у меня есть мозги, а ты улыбаешься.

Я ничего не отвечаю, и она больше ничего не говорит, выходя из комнаты. Она как будто отпускает меня с крючка, и я благодарен ей за это. Потому что я могу не знать, что происходит с нами или со мной, но я знаю, что Лейкин делает со мной что-то такое, чего я не могу понять до конца.

Лейкки

Пляж переполнен, здесь много серферов, спонсоров и целая толпа девушек, которые пришли сюда только ради повода надеть бикини на глазах у толпы парней. Это ежегодные соревнования по серфингу Wax and Waves — крупнейшее событие лета в Колдер-Бей.

Это единственный день в году, когда Хейсу не разрешается отпрашиваться с работы. В этом году его работа заключается в том, чтобы помочь людям подобрать размер досок для серфинга, подсказывая, какие из них, по его мнению, лучше всего подойдут для их типа фигуры и уровня подготовки.

Конечно, это означает, что очередь растянулась на милю, и больше половины из них — девушки, не заинтересованные в том, чтобы научиться серфингу, а заинтересованные в том, чтобы залезть ему в штаны. Возможно, мы все здесь собрались, чтобы посмотреть, как Кэм занимается серфингом на соревнованиях, но я не могу оторвать глаз от Хейса.

— Я так рада, что палатка находится в том же направлении, что и океан, поэтому твой пристальный взгляд не бросается в глаза, — язвительно замечает Мали. — О... подожди.

Я заставляю себя отвести взгляд и отмахнуться от нее, но через несколько секунд все равно смотрю туда.

— Да посмотри ты на них! — Я фыркнула от отвращения. — Я уверена, что сиськи этой девушки вывалятся из купальника, если она спустит его еще ниже.

Мали вздыхает и поворачивается к палатке. — Что ж, если тебе от этого станет легче, не похоже, что он получает удовольствие.

Она права, не похоже. Каждый раз, когда девушка крутит волосы или кладет свою руку на его плечо, он не может выглядеть менее заинтересованным. А когда девушка дает ему свой номер телефона, он даже не ждет, пока она отойдет, чтобы скомкать его и выбросить в мусорное ведро.

Тем не менее, я ненавижу то, как они все обращаются с ним, как с куском мяса. И еще больше меня бесит, что я не могу подойти к ним и сказать, чтобы они отвалили.

— Посмотри, как она на него смотрит, — насмехаюсь я. — Может ли ее взгляд *«трахни меня»* быть более очевидным?

И Мали, и Девин смотрят в том же направлении, затем обмениваются взглядами и смеются. Дев качает головой, как бы говоря, что ее это не касается, в то время как Мали с любовью улыбается мне.

— Лей, — говорит она. — *Ты* так на него смотришь.

— Ты так на него смотришь, — передразниваю я ее, как ребенок. — Серьезно, не стесняйся, отвалить в любой момент.

Если Мали и знает обо мне что-то, так это то, когда нужно попытаться образумить меня, а когда просто позволить вести себя как стерва, стонать и дуться. И сейчас как раз время для последнего.

Единственное, чего никогда не понимали мои родители, — это почему Кэм так увлекся хоккеем, хотя он такой талантливый серфер. Однажды они предложили ему переехать в более теплое место, где он мог бы постоянно тренироваться и участвовать в более крупных соревнованиях, чем в этом маленьком городке, но он отказался. Он сказал им, что это наш дом, и он не хочет его покидать.

Мне всегда было интересно, что было бы, если бы он принял это предложение. Поверьте, мысль о том, что, возможно, придется покинуть Мали, была разрушительной. Я плакала несколько дней только потому, что они рассматривали эту возможность. Но теперь мысль о том, что придется покинуть Хейса, причиняет такую же боль, если не хуже.

Диктор объявляет по громкоговорителю финальный заезд, и мы все обращаем свое внимание на воду. Волны могли бы быть и получше, но, когда Кэм отчаливает, я понимаю, что он справится. Он и еще два парня. Победитель получает трофей и годовую спонсорскую поддержку от Wax and Waves. Но, честно говоря, я думаю, что Кэм просто пытается выиграть, чтобы похвастаться.

Один парень идет слишком быстро, торопясь набрать побольше очков. Если бы он не торопился, чтобы прочесть волну, он бы увидел, что ее рано разобьет. Но он этого не сделал и сильно выдохся.

Когда приходит следующая волна, Кэм и другой парень начинают бороться за нее вместе, но как только он замечает, что его соперник не собирается отступать, он сдерживается. Это приличная волна, и парню удастся сделать пару трюков, которые приносят ему несколько очков, но его результат не невозможно побить.

Особенно для Кэма.

Таймер начинает тикать, и мы все с затаенным дыханием ждем следующего прибой. Когда вода начинает подниматься, все встают на ноги. Это лучшая волна за весь день, и я практически чувствую счастье, исходящее от моего брата, когда он начинает погружаться в нее.

Он пользуется случаем и делает трюки, за которые, как он знает, получит наибольшее количество очков, а также еще несколько, просто чтобы похвастаться. И когда таймер пикает и объявляется его результат, моя грудь раздувается от гордости.

Кэм Бланшар третий год подряд завоевывает чемпионский титул!

Мы с Мали аплодируем громче всех, как и каждый год. И когда я смотрю на Хейса, то вижу, что он с гордостью аплодирует своему лучшему другу. Он поворачивается и смотрит на меня, наши глаза встречаются впервые с тех пор, как я приехала сюда. Мы улыбаемся друг другу, и на мгновение мне становится легче, но когда он отводит взгляд чуть быстрее, чем обычно, это причиняет боль.

Не то чтобы я ожидала, что он подойдет и поцелует меня на глазах у всех. Черт, да мне даже не нужны объятия. Но когда он даже не смотрит на меня дольше пары секунд, я начинаю сомневаться, что мы когда-нибудь будем чем-то большим, чем просто секретом.

На днях, когда мы провели весь день на лодке Монти, мне показалось, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Как будто он каким-то образом знал о моей маленькой игре в притворство, что мы на самом деле пара, и подыгрывал мне. Хотя я не думаю, что в том вечере, когда он прижимал меня к себе и смотрел в мои глаза, пока трахал меня, было что-то ненастоящее.

Это было больше, чем просто секс, и я чуть не спросила его об этом в ту ночь у него дома. Единственная причина, по которой я этого не сделала, заключалась в том, что я не хотела портить момент. Если бы ответ был не таким, как я надеялась, он бы разрушил тот пузырь фантазий, в который я нас поместила. Однако, даже не услышав его слов, я знала, что видела.

Он определенно что-то почувствовал, так же, как и я.

Но все это ничего не значит, если он всегда будет прятать правду о нас в самые темные уголки своего шкафа.

После окончания мероприятия и вручения призов победителям, занявшим первое, второе и третье места, я подхожу к палатке. Хейс как раз начинает наводить порядок, убирая и складывая все на место, и я, не говоря ни слова, начинаю ему помогать.

— Ты в порядке? — спрашивает он, когда его коллега идет отнести одну из коробок обратно в магазин. — Ты сегодня какая-то не такая.

Я пожимаю плечами. — Я не хочу об этом говорить.

Это не ложь. Я не хочу говорить об этом, потому что это звучит глупо. А я ничего так не ненавижу, как звучать глупо.

Но он не собирается так просто это оставлять.

— Пожалуйста? — Он нахмурился. — Я просто хочу знать, что тебя беспокоит, чтобы я мог это исправить.

Я не должна ему говорить. Разумнее всего было бы держать это в себе. Не факт, что я не переживу это позже. Но если он будет продолжать спрашивать меня, тогда ладно.

Проводя пальцами по волосам, я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не находится достаточно близко, чтобы услышать меня. — Просто не очень весело видеть,

как к тебе пристаю весь день, когда все, что я хочу сделать, это сказать им, что ты мой, но я не могу.

Сначала он не отвечает, и когда я наконец набираюсь смелости посмотреть на него, мне хочется поцеловать его и стереть ухмылку с его лица одновременно.

— Кто-нибудь говорил тебе, что ты милая, когда ревнуешь? — поддразнивает он.

Я закатываю глаза, передавая ему коробку с деньгами. — Неважно, по крайней мере, я ничего не поджигаю.

Он откидывает голову назад, смеясь. — Я никогда не переживу этого, не так ли?

— Нет. Нет, не переживешь.

— Похоже, тебе еще год придется иметь дело с моей задницей! — говорит Кэм, подходя к нам, фактически прекращая наш разговор.

Хейс посмеивается и обнимает его, по-братски крепко прижимая к себе. — Поздравляю, чувак. Ты там просто уничтожил всех.

Когда они расходятся, Кэм поворачивается ко мне, и я с готовностью иду в его объятия. — Горжусь тобой, старший брат.

— Спасибо, — говорит он нам обоим. — Теперь я готов повеселиться.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Хейс, собирая последние вещи и направляясь к магазину.

Кэм переходит на другую сторону, чтобы помочь ему. — Ну, есть одна девушка, с которой я немного общался, Лейла. Она как раз устраивает вечеринку, так что я думаю, что мы просто пойдем туда.

— Мило, — отвечает Хейс. — Рассчитывай на меня.

— Лей? — Мой брат поворачивается ко мне. — Ты идешь?

Я качаю головой. — Думаю, что я пас. Солнце вымотало меня, и я устала.

Это полная ложь, которую Хейс видит насквозь. Я просто думаю, что и так мучилась весь день, наблюдая, как девушки вешаются на Хейса, словно имеют на это какое-то право. Нет ни одной части меня, которая хотела бы иметь дело с этим и сегодня вечером.

— Как хочешь, — говорит Кэм.

Он продолжает говорить с Хейсом о чем-то, связанном с хоккеем, но мне совершенно неинтересно слушать, о чем идет речь. Все, на чем я могу сосредоточиться, — это на том, как Хейс при каждом удобном случае бросает на меня взгляд. На его лице написано беспокойство, как будто он молча интересуется, все ли со мной в порядке. Но он не может спросить меня об этом, когда рядом стоит Кэм, и я должна признать, что благодарна ему за это.

Хейс

Домашняя вечеринка, на которую нас привел Кэм, просто сумасшедшая. Там много народу, но не тесно, и все в хорошем настроении. Обычно я был бы в полном восторге — пил бы пиво и праздновал победу Кэма. Но сейчас все, о чем я могу думать, — это выражение лица Лейкин, когда она уходила с пляжа.

Она выглядела искренне расстроенной, и если бы я не сказал Кэму, что приду сегодня вечером, до того, как она сказала, что не пойдет, я бы придумал отговорку, чтобы отвязаться от этого. Я просто предполагал, что она тоже придет, и у нас будет возможность улизнуть вместе, как только Кэм хорошенько оторвется. Но она решила пойти домой, и я не могу отделаться от мысли, что это из-за меня.

Я пытался написать ей пару раз, но она не ответила. Хотя я знаю, что она солгала, когда сказала Кэму, что солнце ее утомило, часть меня все еще надеется, что она спит, а не просто намеренно игнорирует меня.

— Это хорошая вечеринка, — кричит мне Кэм, оглядываясь по сторонам. — Я могу ненадолго исчезнуть с Лейлой, просто чтобы ты знал. Но здесь много горячих девушек. У тебя не должно возникнуть проблем с тем, чтобы найти кого-нибудь, кто развлечет тебя сегодня вечером.

Я выдавливаю смешок, делая глоток пива. — Нет, спасибо, чувак. Я в порядке.

Он удивленно поднимает брови. — Не может быть! Ты все еще спишь с той самой девушкой? Черт! Когда в последний раз кто-то смог так удержать твое внимание?

Этот разговор неловкий, и я его ненавижу. Я чувствую себя муذاком. Врать Кэму — это не то, что мне нравится, поэтому я стараюсь избегать этого. Все, что было с Лейкин, не было откровенной ложью ему в лицо; это было скорее умолчание о правде. Я не говорю ему, что мы не встречаемся, но и не даю ему повода думать, что это так.

— Это было бы впервые, — говорю я, оглядывая вечеринку, чтобы не смотреть на него.

— Что ж, молодец, — говорит он мне. — Похоже, поговорка верна. На каждого найдется свой человек.

Через несколько минут он замечает Лейлу, поднимающуюся по лестнице, и говорит мне, что скоро вернется. Но я все еще не могу забыть его предыдущие слова.

С того дня, как отец ушел, я убеждал себя, что все это было ложью. Вся эта идея о том, что можно найти кого-то, влюбиться и провести остаток жизни вместе, — все это просто

обман. Куча химических веществ в мозгу, обманом заставляющих тебя отдать часть себя, которую ты никогда не должен доверять никому другому.

Но пока его слова крутятся у меня в голове, я не могу не задаваться вопросом, прав ли он. И если это так, если *действительно есть* кто-то для каждого, то я не сомневаюсь, что мой человек — Лейкин.

На следующее утро я проснулся на час раньше, чем обычно, что удивительно, поскольку вчера мне потребовалась целая вечность, чтобы заснуть. Я все ворочался и ворочался, пытаюсь придумать что-нибудь приятное для Лейкин. После того, как она выглядела вчера такой искренне расстроенной, я просто хотел вернуть улыбку на ее лицо.

Смирившись с тем, что я не самый опытный человек, когда дело касается романтики, я прибег к помощи всезнайки — Google. Я нашел всевозможные идеи, от экстравагантных, таких как поездка в неожиданное путешествие, до таких маленьких, как отправка милого сообщения с добрым утром. Я выбрал нечто среднее, поэтому сейчас иду в магазин и покупаю цветы, чтобы пробраться на каток, пока она работает, и оставить их рядом с ее сумкой в раздевалке.

Я прихожу в магазин сразу после открытия, и всего за несколько минут нахожу идеальный букет розовых роз. Они свежесобранные, а флорист, пожилая женщина по имени миссис Гаррисон, даже предложила мне добавить еще парочку и немного гипсофилы для украшения.

— Вот, — говорит она, протягивая мне чистую визитку и ручку. — Заполни ее, а я пока украшу этот букет.

Я благодарю ее и смотрю, как она медленно уходит в заднюю комнату. Я прихожу сюда уже много лет, чтобы подарить маме что-нибудь на День матери и на день рождения, и каждый раз, когда я прихожу, здесь оказывается миссис Гаррисон. Ей, наверное, уже под девяносто, но с тех пор, как не стало ее мужа, это место стало для нее всей жизнью.

Она говорит, что это единственное, что приносит ей радость, и она просто хочет помочь людям проявить свою любовь так, как всегда проявлял ее мистер Гаррисон.

Взяв ручку, я ломаю голову над тем, что написать. Я не хочу, чтобы это было слишком слащаво, и при этом я не хочу говорить ей то, что я не совсем имею в виду. Я просто хочу что-нибудь, что вызовет улыбку на ее лице.

Что-то, что, по крайней мере, намекает на тот факт, что я, возможно, не во всем разобрался прямо сейчас, но она значит для меня больше, чем просто хорошее времяпрепровождение.

В голове проносятся слова, которые она сказала вчера, когда мы убирались, и в этот момент я точно знаю, что нужно написать.

К тому времени, когда миссис Гаррисон закончит с цветами и я расплачусь за них, у меня есть всего сорок пять минут, чтобы добраться до катка, пробраться в раздевалку и уйти, прежде чем она меня заметит. Этого времени должно хватить. Но когда я начинаю идти к своему грузовику, мои шаги замедляются, когда я вижу Монти, прислонившегося к нему.

Я, блядь, так и знал.

— Привет, Монти, — приветствую я его, пытаюсь скрыть яд в моем тоне. — Что случилось?

Он смотрит на букет в моей руке. — Они прелестны. Жаль, что она никогда их не увидит.

— Что за чушь ты несешь? — прошипел я.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. — Он засовывает руки в карманы и делает шаг ко мне. — Ты собираешься покончить с Лейкин, или тебе не понравятся последствия.

Я сухо смеюсь, желая только одного — надрать этому ублюдку задницу. — Не знаю, как тебя воспитывали, Толстосум, но здесь не принято угрожать кому-то, не будучи готовым подкрепить свои слова.

— Хорошо, тогда позволь мне быть немного понятнее, — говорит он. — Расстанься с Лейкин и скажи ей, что ты больше не хочешь заниматься тем, чем занимался, или я расскажу Кэму о том, как ты трахал его сестру за его спиной.

— И он поверит тебе, а не своему лучшему другу и сестре? У тебя нет никаких доказательств.

— А разве у меня нет?

Он достает свой телефон и поворачивает его ко мне, нажимая на кнопку воспроизведения. Я сразу же узнаю эту запись. Воспоминания о том дне, который мы провели на его яхте, постоянно крутятся в моей голове. Я наблюдаю за тем, как съедаю ее, прежде чем войти в нее.

— *Эйч, — стонет она.*

— *Шииш, детка, — отвечаю я. — Я тебя понял.*

Я сжимаю кулак и собираюсь выхватить у него телефон, но он отпрыгивает назад. — Ах, ах, ах. Осторожно. Я не настолько глуп, чтобы показывать тебе свою единственную копию, и если ты сделаешь неверное движение, это будет отправлено прямо Кэму.

Он улыбается, как будто все понял, и это только еще больше меня злит. Но у меня остается еще один вариант.

— Что, если я сам расскажу Кэму? — спрашиваю я.

Монти не выглядит ни капли обеспокоенным. — Ты не скажешь, потому что не хуже меня знаешь, что не сможешь дать ей все, чего она заслуживает. Ты эгоист, но не бессердечный. Во всяком случае, не в том, что касается ее. Ты никогда не рискнешь

подвергнуть ее тому, через что прошла твоя мать, когда твой отец обращался с ней как с дерьмом. — Его брови поднимаются. — Поправь меня, если я ошибаюсь, но именно поэтому ты не хочешь связывать себя с ней обязательствами, не так ли? Слишком боишься, что вы с любимым папочкой сделаны из одного теста?

Он обходит меня, и я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Сделай ей одолжение, Уайлдер, — кричит он, останавливаясь, чтобы оглянуться на меня. — Так ей будет лучше, и ты это знаешь.

— Ты же знаешь, что она считает тебя геем? — говорю я в ответ, но это не имеет никакого эффекта.

Он просто улыбается моей жалкой попытке залезть ему под кожу и сворачивает за угол. У меня сжимается челюсть, когда я забираюсь в свой грузовик.

В его словах не было ни слова, которое не задело бы за живое. И самое ужасное, что все они были в точку. Я с самого начала знал, что Лейкин заслуживает кого-то постоянного, кого-то, на кого она может рассчитывать. Кто-то, кто практически гарантированно не облагается. И как бы мне ни хотелось стать для нее таким человеком, я просто не могу.

Я — сын своего отца, неудачник, который только и умеет, что напиваться и подводить людей.

Крепко сжав цветы в руке, я швыряю их через весь салон. Они врезаются в дверь и падают на пассажирское сиденье. Я смотрю, как лепестки и открытка, написанная от руки, падают на пол.

Я твой.

Надеюсь, ты это знаешь.

— *Эйч.*

Я сижу за кухонным столом и даже не моргаю, пытаюсь понять, как все пошло не так. Как только Лейкин озвучила идею одолжить лодку Монти, у меня возникло ощущение, что это ловушка. Никто не может за несколько дней перейти от ненависти к человеку к тому, чтобы позволить ему одолжить свою лодку. Но она настаивала на том, что он просто пытается быть милым, и я решил, что у него достаточно денег, чтобы не беспокоиться, если с лодкой что-то случится.

Самое ужасное, что если бы я мог вернуться назад, то вряд ли что-то изменил бы — разве что нашел бы скрытые камеры и выбросил их в океан. Тот день, который мы провели вместе, и ночь, которая последовала за ним, были одними из лучших в моей жизни. Это то воспоминание, о котором вспоминаешь, когда у тебя плохое настроение и нужно что-то для того, чтобы поднять его. Никто не может сказать мне ничего такого, что заставило бы меня пожалеть об этом.

И теперь это будет все, за что я могу держаться.

Девин входит и останавливается, когда видит меня. — Черт возьми, Эйч. Кто нассал в твои хлопья?

— Богатый придурок, у которого проблемы с привилегиями, — рычу я.

Она фыркнула. — Ты имеешь в виду Монти? Да, я поняла, что с ним будут проблемы. Никто не прилетает на день раньше из Барселоны, чтобы прийти на вечеринку по случаю дня рождения в чей-то двор, если только на это нет скрытых мотивов.

Взяв из холодильника пиво, она игнорирует правило «*только после трех часов дня*», которое мама установила после моей недавней попытки выпить пива за завтраком, и ставит его передо мной.

— Спасибо, — говорю я ей, открываю пиво и выпиваю его одним глотком.

Ее глаза расширяются, она нерешительно улыбается, но идет за другой бутылкой. — На этот раз старайся медленно пить. Если мама вернется домой и найдет тебя пьяным до полудня, богатый придурок будет наименьшей из твоих проблем.

Хотелось бы, чтобы это было правдой. Честно говоря, я бы променял гнев матери на то, что мне придется сделать, в любой день недели.

— Он угрожает мне, — признаю я. — Он сказал, что если я не покончу с Лейкин, он расскажет Кэму. У него даже есть доказательства на телефоне.

— Это мстительно. Что по этому поводу говорит Лейкин?

Я опускаю голову, понимая, что сейчас произойдет. — Я не говорил ей об этом.

Схватив пустую банку из-под пива, она швыряет ее мне в голову. — Ты действительно такой тупой? Она заслуживает того, чтобы знать!

— Зачем? — огрызаюсь я. — Чтобы она могла на него накричать? Вывести его из себя, сказав, что больше не хочет с ним разговаривать? С таким же успехом я сам могу послать Кэму доказательства.

Она на мгновение замолкает и смягчает голос, когда говорит дальше. — Или ты можешь просто сказать ему. Быть честным и признаться в том, что происходило, а затем попытаться иметь что-то настоящее с Лейкин.

Я сухо смеюсь, делая глоток своего свежего пива, чтобы унять жжение в горле.

— Что? — возражает Девин. — Она явно нравится тебе настолько, что ты рискуешь тайком встречаться с ней.

Качая головой, я смотрю куда угодно, только не на нее. — Все не так.

Она насмеяется. — Ладно, Мистер Отрицание. Продолжай держать голову в заднице.

Я даже не знаю, почему я пытаюсь. Она уже много лет знает, когда я лгу, и я привел Лейкин сюда в тот вечер, когда она была дома. Я уверен, что она слышала, как мы смеялись и шутили.

Я сглатываю комок в горле, глядя на сестру. — Я собираюсь все испортить.

— Ты этого не знаешь.

Закатив глаза, я вскидываю руки вверх. — Посмотри на наших родителей, Дев. Должен ли я уничтожить ее сейчас, уехав, или подождать, пока у нас не появится пара детей, как это сделал отец?

Дело в том, что мы с Дев уже много лет не говорили о нашем отце. Думаю, она предпочитает убеждать себя, что нас всегда было только трое. Мы всегда были близки, крепко держались за оставшуюся семью. Но то, как она смотрит на меня сейчас, наверное, самая сердитая реакция, которую я когда-либо видел.

— Ты *совсем* не такой, как он, — рычит она. — Ты слышишь меня? Единственное, черт

возьми, что этот человек дал тебе от себя, это немного ДНК".

— Девин... — начинаю я, но она не дает мне вставить ни слова.

— Нет, к черту! Ты не должен из-за него выбрасывать то, что, скорее всего, было лучшим, что с тобой случилось! Если ты не хочешь быть с ней, потому что она не в твоём вкусе, или потому что ты просто не чувствуешь связи, это одно. Но он не имеет права отнимать это у тебя. Я этого не позволю.

— Тебе было двенадцать. Ты не помнишь.

Она сузила глаза. — Да, мне было двенадцать. И я, может быть, не все помню, но знаешь, что я помню?

— Я уверен, ты собираешься мне рассказать, — ворчу я.

— Я помню, как мой пятнадцатилетний брат пришел в мою комнату и дал мне свои наушники, чтобы я не слышала, как мама плачет по ночам. Я помню, как ты провожал меня в школу, даже если опаздывал, чтобы я не шла одна. Я помню, как однажды после школы я расстроилась, потому что не знала, кто поведет меня к алтарю на моей свадьбе, и эта проблема была такой незначительной для всех остальных, но тебе не было все равно. Ты вытирал мои слезы и обещал, что именно ты будешь выдавать меня замуж. Так что не смей вести себя так, будто с того дня, как папа ушел, ты не стал в десять раз лучше. Ты говоришь о *самом лучшем мужчине в моей жизни*.

Встав, я подошел и обнял ее, как когда-то в детстве. — Я понимаю, что ты хочешь сказать, но мы с тобой оба знаем, что она заслуживает лучшего, независимо от того, похож я на отца или нет.

— Без обид, брат, но я не думаю, что это твое решение. — Она отпускает руку и начинает выходить из комнаты, останавливаясь в дверях. — Я видела вас вместе, и, возможно, сначала подумала, что ты сошел с ума, но я не думаю, что для нее есть кто-то лучше тебя.

— А что, если есть? — возразил я. — Что если, будучи с ней, я удерживаю ее от жизни, о которой она всегда мечтала?

— Тогда однажды она уйдет и найдет себе другого. Но, по крайней мере, ты будешь знать об этом, а не постоянно задаваться вопросом «*а что, если?*».

Звук ее шагов затихает, когда она удаляется в свою спальню. Я знаю, что она в чем-то права. Она *всегда* права, как бы это ни раздражало. Но это риск, на который я никогда не был готов — не только в отношении Кэма, но и в отношении сердца Лейкин.

Я сижу в тишине, прокручивая в голове все мысли. Я думаю обо всем, что сказал Монти, озвучивая все мои неуверенности, а затем думаю о том, как Девин опровергла все это, чуть не оторвав мне голову за то, что я хотя бы предположил, что я похож на нашего отца. Я представляю себе Лейкин и то, как она улыбается мне, словно я повесил луну и звезды специально для нее. Возможно, я не понимал этого до сих пор, но она всегда выглядит самой счастливой, когда мы вместе.

И наконец, я вспомнил слова Кэма, сказанные вчера вечером, — что он рад за меня и что для каждого найдется свой человек. Нет ни малейшего шанса, что он имел в виду свою сестру, когда говорил это, но, может быть, после того, как он увидел, как я был счастлив последние несколько недель, этого будет достаточно, чтобы удержать его от хладнокровного убийства.

Прежде чем я успеваю отговорить себя от этого, я хватаю ключи и выхожу за дверь.

Я въезжаю на хорошо знакомую мне подъездную дорожку и паркуюсь на своем обычном месте, после чего направляюсь внутрь. Родители Кэма находятся в гостиной, и они тепло улыбаются, когда видят меня. Интересно, будут ли они делать то же самое после того, как узнают, что я тайком встречался с их дочерью?

— Привет, Хейс, — приветствует меня отец Кэма. — Как у тебя дела?

— Очень хорошо, — говорю я ему, опуская ту часть, где Лейкин имеет отношение ко всему хорошему в моей жизни. — Кэм дома, верно?

Кто-то из противоположной команды бьет хоум-ран, отвлекая его внимание от меня и переключаясь на игру, когда он кричит в телевизор. Мама Кэма с нежностью закатывает глаза, а затем кивает в сторону лестницы.

— Он в своей комнате, милый, — говорит она мне.

— Спасибо, миссис Би.

Мое сердце колотится с каждым шагом, и я не могу поверить, что собираюсь сделать это. Надеюсь, когда его родители будут дома, у него будет меньше шансов надрать мне задницу. Но если он расскажет им о том, что происходит, они могут удерживать меня, пока он это делает.

Я стою в коридоре и делаю глубокий вдох, прежде чем открыть дверь. Кэм сидит на своей кровати и играет в Call of Duty.

— О, привет, — говорит он. — Не знал, что ты придешь.

Пожав плечами, я обхожу его и сажусь на кровать. — Мои планы отменились.

Он встает и переключает игру на NHL Center Ice, передавая мне другой контроллер. Это то, что мы делаем уже много лет, играем в видеоигры вместе. Конечно, с возрастом это должно немного угаснуть, но мы по-прежнему выполняем все свои обязанности, так что я не вижу в этом ничего плохого.

Слова вертятся у меня на языке, пока мы оба выбираем себе команды, а когда игра начинается, я выдавливаю их из себя.

— Я вообще-то хотел поговорить с тобой кое, о чем, — говорю я ему. — Это касается Лейкина.

Он вздыхает. — Я чувствовал, что это произойдет.

Мои брови нахмурились, когда я взглянула на него. — Правда?

Он усмехается, умудряясь украсть у меня шайбу, пока мы разговариваем. — Да. Это чертовски очевидно.

Невозможно объяснить, насколько я сбит с толку. Я думал, что мы хорошо скрываем это, но, похоже, он смог увидеть все насквозь. Но больше всего меня поражает то, что он, кажется, ни капельки не злится по этому поводу. Но когда он продолжает, все становится ясно.

— Я уверен, что она скоро это переживет, но я понимаю, что это неловко. Она влюблена в тебя и все такое.

Ох. Он думает, что все это односторонне.

— Это то, о чем ты хотел поговорить, верно? — спрашивает он. — Вновь обретенная тенденция Лейкин хотеть быть рядом с тобой все время?

— Д-да, — отвечаю я, не то чтобы соврав, но подавив в себе всю правду.

Он нажимает несколько кнопок, и я так отвлекаюсь, что шайба влетает в сетку, делая счет 1:0.

— Честно говоря, я рад, что это ты, а не кто-то другой.

Я поднимаю брови. — Правда?

— Да, черт возьми, — отвечает он. — По крайней мере, с тобой я знаю, что мне не о чем беспокоиться. Эти придурки пытались бы переспать с ней только ради права похвастаться. А ты даже не подумаешь к ней прикоснуться.

Ну, блин. Все шансы на то, что я расскажу ему, улетучиваются. Если я это сделаю, то рискую потерять самую близкую дружбу, которая у меня когда-либо была. Он ни за что не простит меня за то, что я его предал.

— Верно, — бормочу я.

Он ухмыляется и подталкивает меня локтем. — Просто перетерпи. Как я уже сказал, она это переживет. Но я ценю, что ты был мужчиной и пришел поговорить со мной об этом. Ты хороший друг.

Поправка: *Теперь* я чувствую себя мудаком.

Я ничего не могу сделать. Я ломал голову, пытаюсь придумать, как сохранить лучшего друга и не потерять Лейкин. Я даже пытался найти в Интернете хакера, который мог бы стереть видео со всей электроники Монти. Но все возвращается к одному и тому же ответу.

Я не могу иметь их обоих.

Мой телефон завибрировал — еще одно сообщение от Лейкин. Я не отвечал уже несколько часов, и мне стало не по себе, потому что, похоже, она действительно начала беспокоиться обо мне. Мне просто нужно было немного времени для себя, чтобы все обдумать и понять, что мне делать. Но когда раздается звонок с ее телефона, я понимаю, что больше не могу этого избегать.

— Алло? — отвечаю я.

— О, слава Богу, — вздохнула Лейкин. — Я думала, ты умер где-нибудь в канаве.

Сейчас это звучит не так уж и плохо. — Извини. Я вчера поздно лег и проснулся с убийственным похмельем, так что проспал почти весь день.

— Раз уж с тобой все в порядке, — тепло говорит она. — Я скучаю по тебе.

Услышав эти слова, я чувствую боль в груди, понимая, что, возможно, слышу их в

последний раз.

— Я тоже по тебе скучаю, — отвечаю я, вкладывая смысл в каждое слово. — Я собирался зайти на каток раньше, но проснулся только после того, как ты уже закончила.

— Ну, и что ты сейчас делаешь? Не хочешь немного потусоваться?

Девин входит в дверь и видит, что я разговариваю по телефону, но прежде чем она что-то скажет, я поднимаю руку, чтобы остановить ее.

— Да, вообще-то. Можешь встретиться со мной у озера, где стоит статуя?

Я практически слышу ее улыбку сквозь телефонную трубку. — Конечно. Дай мне минут пятнадцать, и я буду в пути.

— Звучит неплохо, детка. — Последнее слово обжигает, срываясь с языка.

Мы вешаем трубки, и я сразу же чувствую, что меня сейчас стошнит. Я собираюсь разбить ей сердце, а она даже не подозревает об этом. Девин, однако, очевидно, не знает, как правильно прочесть этот чертов телефонный разговор.

— Итак, ты встречаешься с Лейкин вечером? — спросила она, взволнованно хлопая в ладоши. — Я так понимаю, твой разговор с Кэмом прошел хорошо?

Мне не нужно говорить ни слова. Достаточно поднять голову с колен, чтобы она увидела выражение моего лица и одну-единственную слезинку, вырвавшуюся наружу. Я наблюдаю в замедленной съемке, как все кусочки встают на свои места для нее.

Ее улыбка исчезает, и она снова смотрит на меня. — Нет.

27

Лейкин

Я еду по улице, окна открыты, ветер треплет мои волосы. Сегодняшний день был удивительным. Я видела, как моя любимая ученица выполнила трюк, на который у меня ушли годы. Я знаю, что у нас не должно быть любимчиков, но она невероятна. Невозможно находиться рядом с ней и не любить ее.

Я надеялась, что Хейс зайдет на каток, как он обычно делает. Он ведет себя как зануда, но на самом деле, я думаю, он гордится ею так же, как и я. Хотя он постоянно говорит, что она напоминает ему меня. Лично я считаю, что она лучше.

Когда она однажды выиграет Олимпиаду, я буду улыбаться и говорить людям, что я знала об этом раньше других.

Глупо, правда, что я переживала, когда он не отвечал на мои сообщения. Обычно я хотя

бы знала, что он их видит, но тут они даже не были просмотрены. Если бы мой звонок попал на голосовую почту, я бы попыталась дозвониться до Девин следующей.

Я подъезжаю к озеру и вижу, что Хейс уже ждет меня. Он стоит возле своего грузовика, прислонившись к нему. То, что он делает со мной, должно быть незаконно. Даже сейчас, когда я вижу его в солнцезащитных очках, которые помогают ему справиться с похмельем, он несправедливо горяч, и все, чего я хочу, — это почувствовать его руки на себе.

Провести с ним время, пусть даже совсем немного, — это прекрасное завершение моего дня. Я позволила своим мыслям блуждать, представляя, как бы это было, если бы мы были вместе и нам не нужно было бы прятаться. Если бы он мог приходить после работы и ложиться со мной в постель, смотреть фильм и рассказывать о том, как прошли наши дни.

Может быть, это неправильно — надеяться, но я ничего не могу с собой поделать.

Когда я глушу машину и выхожу из нее, я улыбаюсь ему. Он отталкивается от своего грузовика и идет прямо ко мне. Как только он оказывается достаточно близко, он хватается за мое лицо обеими руками и прижимается своими губами к моим. Это так нежно, так отчаянно, что у меня перехватывает дыхание.

И в этот момент он поджигает фитиль.

Прервав поцелуй, он прижимается лбом к моему, а его руки оказываются повсюду. На моем лице. В моих волосах. Скользят по моей спине, чтобы притянуть меня еще чуть-чуть ближе. Он отстраняется, целует меня в лоб, и по всему моему телу разливается тепло.

— Черт, пожалуйста, не ненавидь меня за это.

Мое сердце скачет в груди, а улыбка исчезает с лица. — За что я не должна тебя ненавидеть?

Но он не отвечает. И с каждой секундой молчания я чувствую, как пламя все ближе к бомбе, готовой разнести мое сердце на столько осколков, что оно уже никогда не будет прежним.

Я вырываюсь из его объятий, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. — За что я не должна тебя ненавидеть, Хейс?

— Лей, — говорит он, пытаюсь взять меня за руку, но я отдергиваю ее, словно обжигаясь.

— Не надо!

За свою жизнь я ломала кости, теряла близких, меня предавали, но ничто из этого не идет ни в какое сравнение с этой болью в груди. Тягучая, неумолимая, она разрывает меня на куски. На секунду я даже подумала о том, чтобы вскрыть грудную клетку и вырвать виновника.

Я уверена, это было бы не так больно.

Мой срыв лежит прямо на поверхности, угрожая уничтожить меня без малейшей доли милосердия. И чем дольше я стою здесь с ним, тем хуже мне становится. Он смотрит на меня так, будто это причиняет ему такую же боль, как и мне, но если бы это было так, он бы этого не делал.

— Мне так жаль, — говорит он мне. — Мы просто... Нам не суждено быть вместе.

Нож проворачивается в моей груди, и я думаю, что нет ничего, что он мог бы сказать, что причинило бы мне еще большую боль. Каждая частичка меня, которая держалась за идею о нем и обо мне, распадается прямо у меня на глазах.

— Пожалуйста, не уходи, — говорит он, глядя, как я отступаю назад. — Я не хочу, чтобы мы так расстались.

Я качаю головой, продолжая дистанцироваться от него. — Я должна. Я не могу—

Икота прерывает мои слова, и я закрываю рот рукой, так как внутри меня взрывается бомба, уничтожающая все на своем пути. Хейс делает шаг ко мне, но впервые в жизни это последнее, чего я сейчас хочу.

Может быть, я и не очень-то сопротивляюсь, когда дело касается его, и порой сдаюсь раньше, чем следовало бы, но сейчас, когда я стою здесь и чувствую боль от разрыва сердца, я отказываюсь позволить ему увидеть мои слезы. Я не буду жалкой девочкой, которая рыдает в его объятиях, умоляя его передумать, даже если это единственное, что может помочь мне почувствовать себя лучше в данный момент.

Бросив на него последний мучительный взгляд, я разворачиваюсь и иду к своей машине. Я чувствую на себе его взгляд, когда выезжаю с парковки, и в ушах звучит последний оклик моего имени, но я не останавливаюсь.

Я не могу.

Как только я отъезжаю достаточно далеко, плотину прорывает, и слезы не остановить. Я пытаюсь продолжить движение, чтобы добраться до дома, где я смогу заползти в свою постель и никогда не выходить из нее, но когда глаза начинают затуманиваться, я вынуждена остановиться.

Я думала, что у нас что-то получится. Да, я знала, что это такое, когда мы начали. Он сказал мне об этом еще до того, как все произошло. Но это было тогда, когда мы просто занимались сексом — шалили с единственной целью получить сексуальное удовлетворение.

Потом все изменилось. Он стал смотреть на меня по-другому. Как будто я имела значение. Как будто ему не все равно. И та часть меня, которую я заперла в коробке, та часть, которая мечтала о жизни с ним, вырвалась наружу и питалась надеждой, которая бурлила в моей груди.

Теперь остались только осколки, и винить в этом некого, кроме себя.

Я знала, что лучше не связываться с ним. Я знала, что шансы на то, что я выйду из этой ситуации невредимой, невелики. Но я думала, что смогу справиться с этим.

А потом я позволила себе устроиться слишком комфортно.

Я по глупости думала, что он действительно начал что-то чувствовать ко мне. Что ночь, когда мы лежали в его постели и целовались, не имея никаких намерений, кроме близости, что-то значит. Но я должна была знать лучше.

Я никогда не была для него ничем иным, как приятным времяпрепровождением.

Едва видя экран, я пытаюсь дозвониться до Мали, но звонок попадает на голосовую почту. Я хватаюсь рукой за грудь, пытаюсь унять боль. Бесполезно. Я буду чувствовать каждый момент, пока от меня ничего не останется. И что еще хуже, я даже не знаю, как добраться до дома.

В голове проносится мысль позвонить Девин, но это ее брат. Она может быть моим другом, но, естественно, будет относиться к нему предвзято. И, кроме того, я не хочу, чтобы он знал, как он сломал меня.

Как он собственноручно разорвал меня на части.

Но я не могу оставаться здесь, на обочине дороги, где Хейс может найти меня и увидеть, какой ущерб он нанес. Мне нужно домой, но я едва могу разглядеть свой телефон, не говоря уже о лобовом стекле. Хотя в данный момент мне может быть все равно, что я попаду в аварию, я не собираюсь забирать с собой кого-то еще из-за своей глупости.

Есть только один человек, которому я могу позвонить, и он отвечает после второго

гудка.

Я не могу дышать. Или, по крайней мере, мне не хватает воздуха. Каждый вдох кажется слишком поверхностным, а сдавленность в груди, похоже, никуда не делась. Я нахожусь в полной агонии, как в своем собственном аду, созданном специально для меня.

Стук в окно вселяет надежду в мою грудь, как будто она еще ничему не научилась. Я поворачиваю голову, и какая-то часть меня хочет увидеть стоящего там Хейса, готового сказать, что он не имел этого в виду.

Что он не хочет меня терять.

Что он любит меня так же, как я люблю его.

И когда я вижу, как Монти смотрит на меня в ответ, я почему-то еще сильнее ломаюсь.

Я открываю дверь, и он обнимает меня, прижимая к себе, пока я неистово плачу у него на плече.

— Ты был прав, — рыдаю я. — Я должна была тебя послушать.

— Нет. Шшш, — говорит он мне. — Ты была ослеплена своими чувствами к нему. Но ты заслуживаешь гораздо лучшего. Ты найдешь кого-то получше.

— Я не хочу, — отвечаю я сквозь слезы. — Я никого не хочу.

Его пальцы пробегают по моим волосам, но это совсем не то же самое, что, когда это делал Хейс. Потому что, когда он делал это, я чувствовала тепло. Все, что я чувствую сейчас, стоя здесь, — это пустота.

— С тобой все будет в порядке, — шепчет Монти. — Я обещаю. С тобой все будет в порядке.

Прошло три часа, целая коробка салфеток и четыре серии рвоты в туалете Мали, но наконец ей удалось немного успокоить меня. Как только Монти дозвонился до нее, она тут же ушла с работы и сказала, чтобы он привез меня к ней домой. И в ее объятиях мой срыв начался заново.

— Могу я побить его? — спросила она. — Или, в крайнем случае, мы могли бы разбить его грузовик, как Кэрри Андервуд.

Обычно я нахожу ее волнение комичным, но сейчас я чувствую лишь оцепенение. В моем мире не осталось ни единого цвета. Все, что осталось, — это оттенки черного и серого.

Я натягиваю улыбку, чтобы успокоить ее, но, судя по тому, как она хмурится, это даже близко не похоже на правду. Она ложится рядом со мной и отодвигает подушку, которую я держала, чтобы прижаться ко мне.

— Это больно, Мэл.

Она вздыхает, поглаживая меня по спине. — Я знаю, что это так, детка. Я знаю.

28

Хэйс

Раньше я думал, что разбитое сердце — это миф. Что это просто сильная печаль, сравнимая с депрессией. Но когда я смотрел, как она уезжала в тот день, оставив меня в зеркале заднего вида, я убедился, что ошибался. Я прочувствовал каждую мучительную секунду этого.

Я почти передумал. В самую последнюю секунду, когда она уезжала из моей жизни, я позвал ее по имени, намереваясь вернуть все назад. Но стоп-сигналы так и не загорелись, и ни одна частичка меня не винила ее в этом.

Первые несколько дней были мучительными. Я заставляю себя двигаться, ходить на работу и на хоккей, но я несчастен. Я стараюсь делать вид, что все в порядке. Я уверен, что Лейкин не в порядке, и если Кэм увидит то же самое у меня, он соберет все воедино. Тем более что я говорил с ним о ней в тот же день.

Поскольку только одному из нас позволено проявлять эмоции, то они достаются ей.

В конце концов, я тот, кто это сделал с нами.

Я должен сожалеть о том, что связался с ней. Не то, чтобы я не знал, что все закончится именно так. Может быть, я и не знал, что буду *так* разрываться на части из-за этого, или что все закончится преждевременно из-за какого-то напыщенного осла с желанием умереть, но я знал, что разобью ей сердце.

И все же я не могу пожалеть о том времени, которое мы провели вместе. Она научила меня тому, что я не безнадежный кусок дерьма. Что я могу испытывать к кому-то настоящие чувства. Я бы ни на что не променял то время, которое мы провели в объятиях друг друга.

Каждая секунда кажется вечностью, когда я сижу на работе. Кажется, что все мои действия так или иначе напоминают мне о Лейкин. Если я сажусь за компьютер, то вспоминаю, как она облизывала рожок с мороженым, просто чтобы помучить меня. Если я вижу на стене фреску в морском стиле, она напоминает мне о времени, проведенном на пляже. А если я выгляну в окно, то увижу океан и вспомню, как мы ходили на пляж.

В тот день я испугался больше, чем когда-либо. Как только я заметил, что она не обращает внимания на то, куда плывет, я понял, что дело плохо. А когда она ушла под воду, часть меня умерла внутри. Все время, пока я плыл к ней, я думал о том, что люди постоянно тонут. Я бы никогда не простил себе, если бы с ней что-то случилось в тот день.

Я бы никогда не стал прежним.

В сотый раз за сегодняшний день я хватаю телефон и набираю ей сообщение, как будто это плохая привычка, от которой я никак не могу отказаться. Я настолько привык к тому, что она наполняет мой день случайными комментариями, что их отсутствие вызывает чувство изоляции. Но когда я открываю сообщение, я вижу два последних сообщения и снова чувствую боль.

Через несколько часов после того, как она оставила меня стоять у статуи, я попытался написать ей, сказать, что мне очень жаль и что я никогда не хотел причинить ей боль. Но в ответ я получил только большой палец вверх. Никаких слов. Никакого реального ответа. Просто большой палец вверх. И почему-то это было больнее, чем отсутствие ответа вообще.

Если бы она не ответила, я мог бы, по крайней мере, сделать вид, что она этого не видела. Убедить себя, что она выключила телефон, когда уходила, или что-то в этом роде. Но я не могу, потому что единственный смайлик, который она прислала в ответ, просто смотрит на меня с экрана.

Если бы мне пришлось гадать, я бы поставил на то, что это дело рук Мали. Лейкин отказалась бы даже открыть сообщение, точно так же, как она отказалась остановиться, когда я позвал ее по имени. Поэтому я не удивлюсь, если Мали увидит мои сообщения и ответит, чтобы я перестал ей писать. Неважно, что я считаю ее подругой. Ее приоритетом всегда будет Лейкин, и я это уважаю, но от этого не легче.

Ничего из этого не легко.

Это эгоистично, я знаю, но мне нужно взглянуть на нее. Пусть даже мельком. Даже если мимоходом. Я должен увидеть, что с ней все в порядке. Что она дышит. Что я не уничтожил ее так, как всегда предполагал.

Прошло полторы недели с тех пор, как я разбил оба наших сердца. Я думал, что в какой-то момент увижу ее на катке, когда она закончит работу и начнется хоккейная тренировка. Но я не только не видел ее, но и вообще не видел никаких следов ее пребывания там.

Однажды я даже пришел пораньше, когда она должна была быть в середине своей смены. Я планировал зайти и не высовываться, пока она работает, чтобы еще раз увидеть ее улыбку. Но ее там не было, и когда я спросил у одной из мам, у которой Девин сидит с ребенком, она сказала, что Лейкин не появлялась там уже неделю.

Это было несколько дней назад, что напрямую совпадает с тем, когда я прекратил наши отношения.

Она избегает меня так же, как я избегал ее, когда пытался поступить правильно. Только вместо того, чтобы приходить на работу поздно или уходить рано, чтобы избежать столкновения, она вообще не ходит на работу. Это верный способ убедиться, что наши пути не пересекутся, и сигнал ясен — она не хочет меня видеть.

Так скажите мне, почему я подъезжаю к дому Бланшаров, испытывая большее облегчение, чем следовало бы, от того, что машина Лейкин припаркована на том же месте, что и всегда. Я не то чтобы появляюсь неожиданно. Кэм пригласил меня в гости, как он делает это постоянно. И я легко мог бы оправдаться тем, что не могу больше отказывать ему, чтобы не показалось, что что-то не так. Но когда я вхожу в парадную дверь, кажется, что ее здесь вообще нет.

На кухонном островке нет ноутбука.

Из ее спальни не доносится музыка.

Единственный звук, который я слышу, — это голос Кэма, выкрикивающего непристойности в видеоигру, в которую он сейчас играет.

Поднимаясь в его комнату, я смотрю на другую лестницу, ведущую к комнате Лейкин. Наверху я вижу открытую дверь, что может означать только одно — ее нет дома.

Мое сердце замирает. Почему, когда я стараюсь избегать ее, она умудряется выследить мою задницу в месте, куда я не ходил уже несколько лет, а когда она избегает меня, ее нигде не найти?

Потому что ты не заслуживаешь встречи с ней, — говорит мне мое подсознание.

Я опускаю голову, потому что это правда. Я даже не заслуживаю того, чтобы сейчас дышать одним воздухом с ней. Но я ничего не могу с собой поделать. Меня влечет к ней, как будто какая-то сила тянет меня к ней, и я не настолько силен, чтобы держаться подальше.

И никогда не был.

— Привет, говнюк, — приветствует меня Кэм, когда я вхожу.

Намеренно оставив дверь его спальни открытой, я подхожу к нему и сажусь на кровать. — Оскорбления действительно необходимы?

Он усмехается. — Поможет ли то, что ты мой любимый говнюк?

— Не совсем, нет, — говорю я, притворно улыбаясь.

Я встаю и беру другой контроллер, а Кэм кивает в сторону двери. — Ты можешь закрыть ее?

Черт. — Нет. Здесь чертовски жарко. Кроме того, не похоже, чтобы кто-то еще был дома.

— О, ладно. — Он положил контроллер и встал. — Я не знал, что они уже ушли. В таком случае, пойдем, воспользуемся лучшим телевизором внизу.

Они. Это так неопределенно, и я не могу удержаться от желания копнуть глубже, пока иду за ним вниз. — Куда они пошли?

— Мои родители? — Он пожимает плечами. — Думаю, на ужин с друзьями. Я не обращаю внимания, когда они рассказывают мне о своей общественной жизни.

Что ж, эта попытка была неудачной. И я не настолько смел, чтобы спросить его, где она. Так что вместо этого я сажусь на диван, беру контроллер, который передает мне Кэм, и надеюсь, что она в какой-то момент войдет в дверь.

Я провожу руками по лицу, когда Кэм выигрывает пятую игру подряд. В нормальный день я бы надрал ему задницу. Но я слишком отвлечен. Слишком занят ожиданием того, что входная дверь откроется и в нее войдет Лейкин.

— Ты в порядке, чувак? — спрашивает Кэм.

Я киваю, вытягивая руки над головой. — Да, просто устал. В последнее время я сплю просто ужасно.

Я не говорю ему, что это потому, что его сестра преследует меня по ночам, или что я просыпаюсь в середине сна о ней, только для того, чтобы получить пощечину от реальности.

Он хмыкает. — Похоже, тебе нужно пиво.

Скорее, что-нибудь покрепче. — Вообще-то, я думаю, что мне пора идти.

— А ты не против угостить *меня* пивом перед уходом? — спрашивает он.

Я искренне смеюсь впервые за последние полторы недели. — О, так вот каков был твой мотив. Ты использовал меня как мальчика на побегушках.

— Я собирался угостить тебя одним.

Отмахнувшись от него, я встаю и беру пиво из холодильника, но когда я возвращаюсь из кухни, мой угол обзора обеспечивает мне хороший вид из окна. У меня перехватывает дыхание, когда я вижу, что Лейкин стоит там, разговаривает с Мали... и с гребаным Монти.

Сукин сын.

— Это тот самый чувак с вечеринки Лейкин и Мали? — спрашиваю я, протягивая Кэму пиво.

Он смотрит в окно, открывая пиво. — Да. Похоже на то.

— Я и не знал, что он по-прежнему где-то рядом. — Я смотрю на нее в окно, но она стоит ко мне спиной, поэтому я не вижу ее лица.

— В последнюю неделю или около того они довольно часто общаются.

Конечно, они общаются. Это и было его целью, не так ли? Вытеснить меня, чтобы он мог занять мое место?

Я фыркнул. — Уверен, это было весело. Этот парень выглядит как настоящий болван.

Кэм кивает в знак согласия, ставя банку на журнальный столик. — Так и есть. Он даже пытался спросить меня о вступлении в хоккейную команду, но я сказал ему, что у нас нет свободных мест.

Черт, у него действительно есть желание умереть. К счастью, Кэм недолюбливает его почти так же, как и я. И без нашего одобрения он никогда не увидит раздевалку, не говоря уже о том, чтобы надеть форму.

— Что это с богатыми детьми, которые думают, что они во всем разбираются? Он хоть умеет кататься на коньках?

— Кто знает, — говорит он и пожимает плечами. — Я не стал спрашивать.

То, что он все время крутится вокруг Лейкин, действует мне на нервы. Я только и делаю, что скучаю по ней, постоянно думаю о ней и мечтаю, чтобы она была со мной, а он греется в разрушениях, которые он устроил. Если я не уберусь отсюда, то окажусь в тюрьме.

Моя фотография на первой полосе, а заголовок гласит: *«Человек арестован за госпитализацию сына сенатора».*

СМИ раздули бы из этого что-то политическое. Мой тренер по хоккею прочитает мне лекцию о моих проблемах с гневом. А Монти уговорит Лейкин навестить его в больнице, разыграв карту жертвы, прежде чем они вместе уедут в закат.

Будет лучше, если я просто уйду.

Попрощавшись с Кэмом, я выхожу через парадную дверь, и тут же взгляд Мали останавливается на мне. Лейкин, должно быть, заметила, что она смотрит мимо нее, потому что она поворачивается и ее взгляд встречается с моим. Я направляюсь к своему грузовику, а у нее перехватывает дыхание.

Она выглядит хорошо. Намного лучше, чем я себя чувствую. И я понимаю, что видеть ее, когда я не могу заключить ее в свои объятия, — все равно что наклеивать пластырь на пулевое ранение. Только идиот мог подумать, что это хорошая идея.

Через секунду плечи Лейкин опускаются, и она заставляет себя отвести взгляд. Я сжимаю челюсть, наблюдая, как Монти кладет руку на ее плечо, проводит большим пальцем по коже и тихо спрашивает, все ли с ней в порядке. Как будто не он виноват в этом.

Если бы он не шантажировал меня, мы бы все еще были вместе.

Мы были бы счастливы.

Гребаный кусок дерьма.

Запрыгнув в свой грузовик, я крепко сжимаю руль, прежде чем сорваться с места. Шины визжат по асфальту, когда я отъезжаю, и Кэм наверняка это замечает, но сейчас мне просто наплевать.

Если я не уберусь отсюда, то задавлю его на хрен.

Я подъехал к месту, которое вполне может стать местом моих похорон. Всю ночь у меня в голове стоял образ Монти, держащего руку на Лейкин. Каждый раз, когда я закрывал глаза, он возникал передо мной, дразня меня тем, что он может проводить с ней время, а я нет. Он видит, как загораются ее глаза, когда она смеется, и слушает, как она рассказывает обо всех детях на уроке катания.

Он получает все те ее части, которые еще недавно были моими, но мне нужно знать, как далеко он зашел. И только один человек может дать мне ответ.

Я открываю дверь небольшого бутика *Wrapped in Lace* в центре города. Честно говоря, я никогда не была здесь, но не успеваю оглянуться, как слышу голос человека, которого ищу.

И не похоже, чтобы она была счастлива.

— *О, черт возьми, нет,* — рычит Мали.

Повернув голову в ее сторону, я могу с уверенностью сказать, что, судя по выражению ее лица, я сейчас далеко не самый любимый ее человек.

— Тебе нужно уйти, — требует она, подходя ближе.

Я поднимаю руки в защиту. — Я просто хочу поговорить.

— О чем? — Она поднимает на меня бровь. — О том, какой ты мудака? О том, как ты разбил сердце моей лучшей подруге? О том, что ты играешь в игры, не считаясь с чувствами других людей?

Ого. — Все перечисленное?

Она скрещивает руки на груди. — Нет. Я не буду обсуждать с тобой Лейкин.

— Это прекрасно, — говорю я ей, ожидая такого ответа. — Я хочу поговорить о Монти. Что с ним происходит в последнее время? Он с кем-нибудь встречается?

На ее лице появляется ухмылка. — Вряд ли он в твоём вкусе.

— Мали.

Она покачала головой. — Ты не имеешь права ревновать, когда ты тот, кто положил всему конец. Это несправедливо по отношению к ней.

Впервые я позволил себе проявить немного уязвимости. — Ты знаешь, что я не был бы здесь, если бы не был в отчаянии.

Ее взгляд буравит меня, словно пытаюсь заглянуть в мою душу. Он напряженный и непоколебимый, пока, наконец, она не вздыхает.

— Хорошо. У тебя будет три вопроса.

Слава Богу. — С ней все в порядке?

Ее губы поджимаются, когда она поднимает брови. — Вау. Это не то, что я думала, что ты спросишь.

Это, честно говоря, единственное, что меня волнует. В последнее время я хожу вслепую. Она не подходит ко мне, поэтому я не могу прочитать ее эмоции по лицу. Я не могу

спросить об этом Кэма, а даже если бы и спросил, он, скорее всего, не знал бы. А когда я спросил у Девин, она прочитала мне лекцию о том, что я идиот, а она — Швейцария, нейтральная сторона или что-то в этом роде.

Запустив пальцы в волосы, она на секунду задумалась. — Честно? Нет. Она существует, и она пытается быть в порядке, но это не так. Ей разбил сердце парень, который нравился ей много лет. Чтобы оправиться от этого, ей понадобится не пара недель, а гораздо больше.

Больно осознавать, что она переживает то же самое, что и я, если не больше. И еще больнее осознавать, что это произошло по моей вине.

— Следующий вопрос, — говорит она мне.

— Она встречается с Монти? — Это единственный вопрос, ответа на который я боюсь, но я знаю, что должен его задать.

Мали усмехается с таким самодовольным видом. — Незнание этого убивает тебя, не так ли? Твое собственничество не знает границ, Уайлдер.

— Пожалуйста, — настаиваю я.

— Нет, — отвечает она. — Они просто друзья. Последний вопрос.

Я сглатываю, понимая, что есть еще один, который пугает меня еще больше. — Она меня ненавидит?

Она хмыкает, на секунду отводя взгляд в сторону. — Она должна. — Она делает паузу, и ее глаза снова встречаются с моими. — Но нет, она не делает этого. Я не уверена, что она вообще способна тебя ненавидеть.

Это облегчение. Если бы это было так, я бы не стал ее винить. Она имеет полное право ненавидеть меня. Но все равно приятно знать, что она этого не делает.

— Но это не значит, что я не могу тебя ненавидеть, — продолжает она. — А теперь уберите из моего магазина, пока я не вызвала охрану.

Я грустно улыбаюсь, благодарю ее, разворачиваясь, но как только моя рука дотягивается до ручки двери, я вижу манекен, одетый в тот же кружевной бюстгальтер и трусики, что были на Лейкин в нашу первую ночь вместе. Я поворачиваюсь обратно, и во мне вспыхивает вновь обретенная надежда.

— Еще один, — прошу я.

— Нет.

Я все равно спрашиваю. — Это можно исправить?

Ее глаза на секунду закрываются, и она выдыхает. — Я не знаю. Но я *точно* знаю, что она заслуживает гораздо большего, чем просто играть с ней и водить за нос, так что если ты собираешься обращаться с ней как со своей личной секс-игрушкой, чтобы мне еще больше захотелось надрать тебе задницу, то я бы настоятельно не советовала этого делать.

— А если нет? — Я продолжаю давить на нее. — Если я всерьез считаю, что она — это то, что мне нужно?

Она пожимает плечами, опустив голову. — Не мне на это отвечать.

Я медленно киваю и опускаю голову, собираясь уходить.

— Эйч? — Я останавливаюсь. — Если ты действительно думаешь, что она так быстро пойдет дальше, тебе нужно быть более внимательным.

Не знаю, что в этом заявлении такого, но оно вдохнуло в меня жизнь. Я многого не знаю, в том числе и того, достаточно ли я хорош для нее, и могу ли я вообще быть таким. Но я знаю, что в тот момент, когда она уезжала, она забрала с собой часть меня.

Я выхожу из *Wrapped in Lace* и достаю свой телефон, набирая первое сообщение,

которое я отправил ей за неделю.

Я знаю, что не заслуживаю больше ни секунды твоего времени, но, если бы ты могла встретиться со мной завтра утром на нашем пляже, я был бы действительно признателен.

Нажимая на кнопку «Отправить», я чувствую, что меня может стошнить на тротуар, но я не могу просто стоять и смотреть, как Монти пытается украсть мою девушку. Если она ему нужна, как я думаю, он не станет делать ничего, что могло бы ее разозлить, — в том числе и рассказывать Кэму о нас. Но даже если он это сделает, если эта затея обернется против меня, это будет стоить того, потому что она будет у меня.

Пришло время поставить на кон свои чувства.

Пришло время вернуть мою девочку.

29

Лейкын

Увидев уведомление о том, что мне пришло сообщение от Хейса, я испытываю целый вихрь эмоций. Сначала я думаю, что это ошибка. Что мой телефон глючит или мне что-то мерещится. Но, открыв его, я понимаю, что он действительно написал мне.

Тень, нависшая надо мной в последнюю неделю, немного приподнимается. Но вместе с этим приходит осознание того, насколько это жалкое зрелище. Как я все еще позволяю ему быть ключом к моему счастью.

Первые несколько дней после разрыва отношений я провела в коматозном состоянии, принимая «Тайленол», чтобы просто не видеть мир. По крайней мере, когда я спала, боль в груди была не такой мучительной. Был ли это здоровый образ жизни? Определенно нет. Но никто и никогда не делает лучшего выбора сразу после разрыва. И это было лучше, чем пойти по другому пути и ударить клюшкой по его машине.

Перечитав сообщение в седьмой раз, я решаю не отвечать на него. Не потому, что у меня не чешутся пальцы от желания написать ему ответ, а потому, что я хочу иметь возможность передумать и повернуть назад — если я вообще туда пойду. Честно говоря, все может пойти в любую сторону.

Я сижу на своей крыше и смотрю на звезды. Уже около часа назад я окончательно отказался от мысли о сне. В последнее время мне вообще не удается заснуть. Единственное, что помогает, — это таблетки, которые мне больше нельзя принимать, потому что из-за них Мали беспокоится обо мне, и выпивка. Но похмелье на следующий день — это не очень весело, и я отказываюсь быть пьяной все время. Мне все равно, насколько это больно.

Последний раз я была здесь в ночь последнего костра Кэма. Я решила, что лучше остаться в своей комнате, но в середине ночи любопытство взяло верх. Я попыталась выглянуть в окно, но прямо на моем пути оказалось дерево. Поэтому единственным выходом оставалась крыша.

И его там не было.

Часть меня подумала, что он снова избегает меня. Что он не хочет разбираться с тем ущербом, который причинил. А какая-то часть меня смирилась с этим, потому что мысль о встрече с ним все равно была слишком болезненной. Но даже зная, что его там нет, я не пошла к костру.

Я не хотел быть ни с кем рядом.

Только когда Мали и Монти однажды утром ворвались в мою комнату и заставили меня встать с постели, я снова начала функционировать. Лично меня устраивало лежать в кровати и плакать над ромками весь день, но им это было не по душе. Монти организовал целый день баловства для нас с Мали, и она точно знала, куда пойти на обед, чтобы я хоть что-то съела.

Они помогли мне выбраться из темноты, и я благодарна им за это — вот почему я не уверена, пойду ли я завтра.

Я ни в коем случае не забыла о нем. У меня до сих пор наворачиваются слезы, когда в голове всплывают какие-то воспоминания. Я все еще ищу его голос, когда Кэм возвращается домой с хоккейной тренировки, и думаю, с ним ли он. Черт, у меня чуть сердце не разорвалось, когда я увидела его вчера выходящим из моего дома.

Я знаю, что не совсем готова увидеть его снова — пока, во всяком случае, не готова. Но я не уверена, что готова проигнорировать этот шанс услышать, что он скажет.

И в этом кроется причина моей нерешительности.

Солнце проглядывает сквозь жалюзи, когда оно начинает подниматься, и я понимаю, что время для принятия решения истекает. Я пыталась позвонить Мали и спросить, что мне делать, но она сказала, что ничем не может мне помочь. Что это решение я должна принять сама, и она поддержит меня в любом случае.

Это было мило, но, черт возьми. Все это время она была навязчивой и властной, а *сейчас* решила не лезть не в свое дело? Невероятно.

Мой телефон вибрирует, ударяясь о тумбочку, и сердце замирает, когда я вижу, что это еще одно сообщение от Хейса. Честно говоря, немного удивительно, что он вообще сейчас не спит.

Я уже еду на наш пляж и буду ждать там до полудня. Надеюсь, ты придешь, но я пойму, если нет.

Боже, я не знаю, что хуже. То, что он готов ждать шесть часов, чтобы посмотреть, приду ли я, или то, что он так самоотверженно это делает. Дело в том, что Хейс не так часто показывает свою уязвимость. Я думаю, это защитный механизм. В этом смысле он как кирпичная стена. Но за то время, что мы провели вместе, я, как мне кажется, научилась довольно хорошо его читать. И количество уязвимости в этом сообщении достаточно, чтобы заставить меня встать с постели и начать собираться.

Я не знаю, как все пройдет. Вполне возможно, что в итоге я окажусь еще более сломленной, чем раньше. Но я обязана исключить еще одно «*а что, если*».

Въехав на парковку, я вижу, что его машина уже стоит и ждет. Я ставлю машину на стоянку и делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться, но все эти мысли летят к чертям, когда я вижу, как он выходит из машины с букетом роз в руках.

Мое сердце начинает болеть, как только я смотрю на него, и я ненавижу это. Ненавижу то, что он до сих пор может заставить каждую частичку моего тела реагировать на него, как проклятый кукловод. Не прошло и двух недель, как он произнес те шесть слов, которые разрушили все мои надежды, и все же мое сердце думает, что это всего лишь проблема давно минувших дней.

Я не уверена, что у меня хватит сил выйти из машины, но если я этого не сделаю, он попытается сесть в нее. А я знаю, что не выдержу такой близости с ним.

С последним глубоким вздохом я открываю дверь и выхожу из машины, сдвигая солнечные очки на макушку. Я обхожу машину спереди и прислоняюсь к ней, пытаюсь сохранить дистанцию между нами.

Он открывает рот, но из него ничего не выходит, и он снова закрывает его. Я наблюдаю за тем, как он сжимает губы в линию, как будто мысленно подбадривая себя, и затем пытается снова.

— Извините, просто... ты очень хорошо выглядишь, — говорит он, как только его голос обретает силу.

Я опускаю голову, потому что слышать такое — это как рай и ад, смешанные в одно целое. Но я не могу позволить ему соблазнить меня, чтобы я снова оказалась в его объятиях, и если он будет делать подобные замечания, то именно это и произойдет.

— О чем ты хотел поговорить? — спрашиваю я.

Намек на улыбку пробивается наружу. — Сразу к делу?

Я пожимаю плечами, но ничего не говорю.

— Хорошо, — говорит он, делая паузу, чтобы глубоко вздохнуть. — Ты мне нравишься.

Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, и мне потребовалось все, чтобы не отреагировать, пока я ждала, когда он продолжит.

— Очень, — добавляет он. — Не знаю, говорил ли я тебе об этом. То есть, я думаю, я показывал это определенными способами, или, по крайней мере, пытался, но я никогда не говорил этого. А ты заслуживаешь того, чтобы услышать это.

Я выдохнула. — Тебе и не нужно было. Я уловила это. Но потом ты прекратил наши отношения, и я убедила себя, что мне это показалось.

— Это не так, — уверяет он меня, и в его глазах видна уязвимость. — Лейкин, я облажался. Я ничего не могу сказать, чтобы стереть ту боль, которую я тебе причинил, но я хочу, чтобы ты знала, что время, которое мы провели в разлуке, было адом и для меня.

— Я ненавижу каждую секунду без тебя в моей жизни. Единственное, о чем я мог думать, — это снова заключить тебя в свои объятия, и тот факт, что я не могу этого сделать, разрушителен.

Он делает паузу, и я вижу, что ему тяжело, но он все равно делает это.

— Я знаю, что не заслуживаю второго шанса, — признается он. — Обидеть тебя так, как я это сделал, непростительно. Но если ты дашь мне его, я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы искупить свою вину. Прими меня обратно. Пожалуйста.

Я стою в тишине, пытаюсь вспомнить, как дышать. Все, что прозвучало из его уст, — это все, что я так хотела услышать. И все, что я хочу сделать, это сказать: «Да». Прыгнуть обратно в его объятия и позволить ему любить меня так, как он умеет.

Но я не могу.

— Нет, — говорю я с грустью.

Улыбка тут же сползает с его лица и сменяется болью. — Ой.

— Просто... — Проводя пальцами по волосам, я понимаю, что должна объяснить. Ему нужно это услышать, а мне нужно выговориться. — Это не будет вторым шансом, Хейс. Дело в том, что ты продолжаешь тянуть и толкать меня, а я продолжаю позволять тебе. Но я больше не могу.

— Я больше не хочу тебя отталкивать, — говорит он мне. — Я просто хочу быть с

тобой.

Я поднимаю брови. — А как же Кэм? Как ты думаешь, мы сможем вечно хранить тайну? Родить детей и сказать ему, что отец — молочник?

Судя по выражению его лица, он пришел сюда не с намерением изменить это условие. Условия ясны — мой брат все равно ничего не должен знать. Может быть, в детстве прятки и были моей любимой игрой, но сейчас это уже не так.

— Все, что мне нужно, — это немного времени, чтобы разобраться во всем, — говорит он. — Но я хочу это сделать, потому что ты этого стоишь.

— И я ценю это. Очень ценю. Но ты хоть понимаешь, как сильно ты меня обидел? Я была готова сделать для тебя практически все, а ты просто отбросил меня, как будто это пустяк. — Я грустно улыбаюсь и пожимаю плечами. — Мне жаль, но я должна любить себя больше, нежели рисковать так снова.

Он смотрит в землю, кивает, но ничего не говорит, и тишина становится слишком подавляющей. Мы оба сказали то, что должны были сказать, и как бы больно мне ни было, я должна сесть в машину и уехать — на этот раз навсегда.

Но в тот момент, когда моя рука взялась за ручку двери, его голос остановил меня.

— Ты знаешь, я не хотел заканчивать это.

Я снова встречаюсь с его глазами. — И все же, это ты сделал.

Он качает головой. — Я должен был.

— Не хочешь сказать мне, почему? — спрашиваю я, но на мой вопрос в ответ лишь молчание.

— Я так и думала.

В тот момент, когда я открываю дверь машины, его признание вырывается наружу в панике. — Монти угрожал мне.

Моя кровь начинает закипать от того, что он только что сказал. Почему он опустил до того, что пытается свалить все на Монти, ведь в последнее время он был очень добр ко мне?

— Ты просто нечто, — прорычал я. — Я знаю, что у тебя есть проблемы с ревностью, и я тоже не ангел, но я не думала, что ты действительно попытаешься солгать и свалить все на него.

— Я не лгу, — говорит он, и в его тоне нет ничего, кроме честности. — Утром после соревнований я пошел за цветами для тебя. Я собирался пронести их в раздевалку, потому что мне показалось, что тебе нужно что-то, что заставит тебя улыбнуться. Но на парковке перед цветочным магазином ко мне подошел Монти.

— Он сказал, что если я не покончу с тобой, то он все расскажет Кэму. И на этот раз у него были доказательства на телефоне. Не было никакого способа обойти это. У меня не было выбора.

Я поджимаю губы и скрещиваю руки на груди, сосредоточившись на земле. Сейчас во мне бурлит миллион разных чувств. Ярость. Предательство. Отчаяние. И с каждой из них нужно разобраться, но, услышав его слова, я вдруг точно поняла, в каком положении я с ним нахожусь, и это больно.

Из меня вырывается невеселый смешок, и я качаю головой, снова поднимая на него глаза. — По-моему, у тебя был выбор, Эйч. И когда дело дошло до драки, ты решил, что рассказать Кэму о нас — это худший вариант, чем не быть со мной. У тебя был выбор, но ты выбрал его.

Он делает шаг ко мне. — Лейкин, я—

— Нет, — говорю я, останавливая его. — Я больше не хочу это слышать. Я тебе не нужна. Во всяком случае, не совсем. Ты хочешь чего-нибудь легкого. Менее запутанного.

Мы двое стоим там, уставившись друг на друга, когда сердца обоих снова разбиваются, но на этот раз он бросает цветы на капот моей машины и сокращает расстояние между нами.

— Ты права. Я не хочу тебя. — Он захлопывает дверь моей машины и кладет руки по обе стороны от меня. — Ты мне чертовски нужна.

Его губы прижимаются к моим так, что вся боль уходит. Он избавляет меня от сомнений и страха, что мне снова будет больно. И на секунду я позволяю себе раствориться в нем — мне нравится, как его рот движется навстречу моему. Но я знаю, что все это только фасад. Когда он не будет целовать меня так, словно я — единственное, что имеет значение в мире, все это вернется.

Положив руку ему на грудь, я легонько отталкиваю его, заставляя прервать поцелуй. Я знаю, что не могу смотреть ему в глаза, пока не приду в себя. Но когда я это делаю, то вижу человека, который слишком поздно понял, чего он хочет.

— Я не могу, — бормочу я. — Мне жаль.

Он не пытается остановить меня, пока я сажусь в машину, и когда я выезжаю с парковки, розы скатываются с капота и падают на землю. Я бросаю на него последний взгляд, и кусочки моего сердца, которые я склеивала, снова распадаются на части.

— Пока, Эйч.

Бывало ли так, что вы расстраивались настолько, что не могли удержаться от слез? А потом тот факт, что вы плачете по этому поводу, бесит вас еще больше? Вот примерно в таком состоянии я и нахожусь. Я смаргиваю каждую слезинку, скатившуюся по лицу, и ругаю себя за то, что не должна плакать.

Да, это больно, но на этот раз я знаю, что это необходимо. Все, что было с ним, с самого начала было таким умопомрачительным. И правда в том, что я хочу его, но не так, как он хочет меня. Я больше не могу быть его маленьким грязным секретом. Мне нужно нечто большее.

Я заслуживаю большего.

И уж точно я заслуживаю большего, чем друг, который считает, что может вмешиваться в мои отношения после того, как я уже сказала ему, чтобы он не лез не в свое дело.

Я подъезжаю к огромному особняку Монти — действительно, нужен ли семье из трех человек такой большой дом? Я была здесь всего пару раз, и он показался мне красивым, но сейчас все, что связано с ним, выводит меня из себя.

Я звоню в дверь и слышу звук приближающихся шагов. Когда дверь открывается, по ту сторону стоит мама Монти. Сначала я думаю, помнит ли она вообще, кто я, но быстро понимаю, что зря переживала, когда она улыбается.

— Лейкин, — приветствует она меня. — Так приятно видеть тебя снова. Монти наверху, в своей комнате. Хочешь, я позову его для тебя?

— Нет, все в порядке, — говорю я ей. — Я просто поднимусь туда.

В его спальню — именно туда, где я хочу его видеть. В любом другом месте этой крепости есть люди, которые могут подслушивать. Работники, которые заботятся о его благополучии. Его родители, которые его любят. Нет, я не хочу быть рядом ни с кем из них.

Я хочу, чтобы он был один.

Войдя в его комнату, я обнаруживаю, что Монти лежит в своей кровати и крепко спит. Он выглядит мирным, правда, пока я не хватаю стакан с ледяной водой, который горничная, должно быть, поставила на тумбочку, и не выливаю все содержимое на него.

— Что за хрень? — вопит он, просыпаясь от шока.

— Да, что за хрень, — усмехаюсь я.

Монти щурится, словно пытаюсь понять, не мерещится ли ему что-то. — Лейкин?

— Ты угрожал Хейсу, чтобы он бросил меня? И не вздумай врать, потому что, клянусь Богом, я надеру тебе задницу. И мне плевать, *насколько* ты богат.

Он садится, используя плед, чтобы вытереть лицо, а затем вздыхает. — Я пытался помочь. — Я сухо рассмеялась, и он продолжил, прежде чем я успела что-то сказать. — Я серьезно. Я видел, как сильно ты ненавидишь необходимость пробираться тайком. Я подумал, что если я окажу давление на Хейса, он сам расскажет Кэму, и секрет будет раскрыт.

— Ты его ни хрена не знаешь! — прорычала я. — Ты не можешь заставить Хейса сделать что-либо! — Я задыхаюсь, вскидывая руки вверх. — Все что угодно, кроме как бросить меня, очевидно.

Монти хмурится, выглядя искренне огорченным, но я не испытываю к нему сочувствия.

— Мне очень жаль, — говорит он. — Я просто пытался помочь. Такие отношения, когда ты была его грязным секретом, не пошли тебе на пользу.

Я запустила пальцы в волосы и потянула, пытаюсь сбросить гнев, прежде чем убить богатого парня. — Это не тебе решать! Боже, как мне надоело, что люди решают, что для меня хорошо!

Сначала это был Кэм с его постоянным властным отношением, говорящий каждому парню, который смотрит на меня не так, как надо, что он недостаточно хорош. Потом был Хейс, который говорил, что я заслуживаю лучшего, чем он. А теперь Монти, которого я знаю всего пять долбанных минут?

Да, нет. К черту все это.

Он окликает меня по имени, когда я выхожу за дверь, но это еще одна ошибка, потому что с меня хватит.

— Нет! Ты сделал достаточно, — усмехаюсь я. — Оставь меня, блядь, в покое. Я больше не хочу тебя видеть.

Лейкити

Я шагаю взад-вперед по комнате Мали, мой голос постепенно становится все громче, пока она не останавливает меня, и цикл начинается заново.

— Я просто не могу поверить в его наглость! То, что он сказал после концерта, — это одно, но, чтобы так угрожать Хейсу? Что, черт возьми, с ним не так?

Мали вздыхает. — Я прекрасно понимаю, к чему ты клонишь, и я на твоей стороне. Он не имел права вмешиваться в... что бы там у вас ни было с Хейсом.

Я прищуриваюсь, глядя на нее. — Я чувствую, что скоро будет «но».

— Но, — медленно произносит она, — просто чтобы поиграть в адвоката дьявола, не думаешь ли ты, что, возможно, это действительно было сделано из лучших побуждений?

Ха! — Как можно угрожать кому-то, чтобы он меня бросил, из лучших побуждений?

Она пожимает плечами, делая вид, что сомневается. — Возможно, он действительно думал, что это будет тем самым пинком под зад, который нужен Хейсу, чтобы рассказать Кэму о вас двоих.

Глядя на нее, я сохраняю самое серьезное лицо, на которое только способна. — Мали, слон может дать этому парню под зад, и он все равно не расскажет о нас моему брату.

Мысленный образ заставляет ее смеяться. — Ты это знаешь, и я это знаю, но Монти не знает. Он не знает ни Хейса, ни того, какой он на самом деле.

— И это еще одна причина, по которой ему не следовало вмешиваться.

Я бросаюсь на ее кровать, чувствуя себя измученной от недостатка сна и бурного спектра сегодняшних эмоций. Я не знала, что кто-то может за какой-то час из грустного превратиться в счастливого, расстроенного и совершенно взбешенного, но, я думаю, каждый день узнаешь что-то новое.

— Так что это значит? — осторожно спрашивает Мали. — Ты собираешься вернуться к Хейсу?

Этот вопрос не давал мне покоя с той самой секунды, когда Монти признался, что угрожал ему. Да, я знала, что Хейс не лгал, когда рассказывал мне об этом. Но мне нужно было услышать это из первых уст. И все же ответ на вопрос все тот же.

— Нет, — говорю я ей. — Мы хотим разных вещей, и я не могу продолжать быть его йо-йо.

— О Боже мой! — выдыхает она. — Я люблю йо-йо. Я скучаю по этим вещам!

Я смотрю на нее в ответ, бесстрастно моргая, а она улыбается, как ребенок, попавший в беду.

— Верно. Не время. Извини.

Усмехнувшись, я закатываю глаза и переворачиваюсь на спину, чтобы поспать в единственном месте, где мне, похоже, удастся это сделать в последнее время.

Я никогда не думала о том, что наступит время, когда мне не захочется разводить костер... до этого момента. Не то чтобы я их не любила. Они так успокаивают и умиротворяют, и это всегда хорошее времяпрепровождение. Но я знаю, что Хейс не пропустит этот раз. Не после того, как пропустил предыдущий. И уж точно не сейчас, когда он использует любой предлог, чтобы увидиться со мной.

Он думает, что я не замечаю, когда он приходит на каток достаточно рано, чтобы застать конец моей смены, но это так. Я вижу его, когда он стоит наверху в офисе и смотрит в окно. Я просто делаю вид, что не замечаю. Он ничего не пытался мне сказать, поэтому у меня не было причин беспокоиться.

Зная, что он будет здесь сегодня вечером, я испытываю странное чувство. Никто из нас не сказал друг другу ни слова с тех пор, как я отказала ему в том самом месте, где подарила ему свою девственность. Но то, что я не бросилась обратно в его объятия, не означает, что я все еще не хочу этого.

Иногда это все, о чем я могу, блядь, думать.

Но я говорила серьезно, когда говорила, что не могу снова рисковать разбитым сердцем.

И я отказываюсь быть с ним, пока он прячет нас, как будто ему есть чего стыдиться.

На мгновение я задумалась о том, чтобы остаться сегодня в своей комнате. Я не в том настроении, чтобы находиться среди людей, особенно рядом с Хейсом. Но с этой идеей связана возможность того, что он придет и найдет меня, а это было бы еще хуже. По крайней мере, в группе людей у меня не возникнет искушения вернуться к нему.

Поэтому, вместо того чтобы спрятаться в своей комнате, я начинаю готовиться к костру и мысленно готовлюсь к новой встрече с ним.

Говорят, что одна из самых страшных мук — это желание получить то, что не можешь иметь. Но как быть с тем, что можно иметь, но знаешь, что не должна? Когда голова борется с сердцем, а при одном только взгляде на него возникает ощущение, что ты держишь себя в руках из последних сил?

То, что я позволяю кораблю тонуть, не означает, что я не тону вместе с ним.

Я сворачиваюсь калачиком, наблюдая, как огонь превращает дрова в пепел. Тепло окружает меня, но я все равно чувствую холод. Мали настаивает, что это потому, что я мало ем. Возможно, она права, но я все же думаю, что отчасти это связано с Хейсом. Он умел согреть меня изнутри, а теперь мне холодно, как никогда.

Время от времени я чувствую его взгляд. Как будто он наблюдает за мной, пытаюсь запечатлеть в своей памяти каждую мою черту. И мне знакомо это чувство, потому что я делала то же самое на протяжении многих лет.

После двадцати минут сопротивления, о котором я даже не подозревала, я наконец сдаюсь и позволяю себе посмотреть на него. Но грустная улыбка, которой мы обмениваемся, заставляет меня пожалеть, что я это сделала. Мы оба умираем внутри — жертвы собственных преступлений. Когда он не отводит взгляд, рискуя тем, что Кэм увидит нас так, как никогда раньше, я заставляю себя разорвать зрительный контакт ради него.

И вот тогда он открывает первое пиво.

На него это не похоже — чрезмерно напиваться. Конечно, у нас бывали вечеринки, на которых он напивался до беспамятства и остаток ночи изгонял алкоголь из своего желудка, как демон при экзорцизме, но это не из тех случаев. На кострах обычно тусуются, шутят и немного выпивают.

Акцент на «немного».

Но сегодня вечером его акцент сделан на выпивке.

Я знаю, что это не моя проблема, и я не должна беспокоиться об этом, но ничего не могу с собой поделать. Хейс Уайлдер — это моя личная вредная привычка, и мне понадобится гораздо больше, чем пара недель, чтобы избавиться от нее. Именно поэтому я начинаю вести в своем телефоне подсчет количества выпитого им пива.

Не быть с ним, потому что я отказываюсь принимать меньшее, чем я заслуживаю, — это не то же самое, что не чувствовать к нему ничего. Я не уверена, что когда-нибудь наступит день, когда я этого не сделаю. Но даже если наступит время, когда романтические чувства угаснут, мне всегда будет не все равно.

И ты не услышишь, как я извиняюсь за это.

— У меня есть идея, — говорит Оуэн. — Давайте сыграем в правду или действие.

Кэм фыркает. — Ну, черт возьми, я не знал, что мы вернулись в среднюю школу.

— Что случилось? Боишься, что я наконец-то заставлю тебя назвать себя

цыпленком? — поддразнивает он.

Засмеявшись, Кэм качает головой. — Я никогда не делал этого раньше. И не собираюсь делать этого сейчас.

Оуэн пожимает плечами. — Ну, смирись или заткнись, Бланшар.

Игра начинается с мелочей: Оуэн заставляет Кэма выпить целую бутылку пива, а Эйден осмеливается позвонить собственной матери. Хотя то, как она кричит в телефон, что он разбудил ее ради этой ерунды, заставляет меня задуматься, к кому он позже пойдет домой.

Но чем дольше мы играем, тем опаснее это становится.

Видите ли, пьянство Хейса не прекратилось. Оно даже не замедлилось. По моим подсчетам, сейчас он пьет уже седьмую бутылку пива. А всем известно, что алкоголь способен повлиять на ваши суждения.

Наклонившись, я шепчу Мали на ухо. — Мы должны придумать, как заставить его перестать так много пить. Того, что он уже выпил, достаточно, чтобы сделать эту игру плохой идеей.

Она кивает и подмигивает мне, прежде чем встать. — Кому-нибудь нужно что-нибудь изнутри?

Все качают головами, и она направляется к дому, но, проходя мимо Хейса, обязательно опрокидывает его пиво, проливая содержимое на траву. И он слишком пьян, чтобы заметить.

— Хорошо, — говорит Кэм. — Оуэн. Настало время расплаты, ублюдок. Правда или действие?

— Правда.

Все парни смеются, когда Кэм называет его киской. — Это правда, что ты тайно встречаешься со своей сводной сестрой?

У меня отвисает челюсть, когда Оуэн откидывает голову назад, громко смеясь.

— Нет, я с ней не встречаюсь, — отвечает он. — Тем не менее, я трахаю ее.

— Что за черт! — кричит Эйден, размахивая руками в воздухе.

Но Оуэну не стыдно. — Что? Мы же не выросли вместе. Мы даже никогда не жили в одном доме.

Мали возвращается в самый подходящий момент и садится на корточки рядом с креслом Хейса. — Что я пропустила?

Хейс, должно быть, не услышал, как она подошла, потому что он подпрыгивает. — Иисус, блядь, Христос! Откуда, черт возьми, ты взялась?

— Моя мать?

Никто больше не обращает внимания, но я наблюдаю, как она меняет его пролитое пиво на другое. Однако, судя по тому, что оно уже открыто, я знаю, что она наполнила его безалкогольным пивом.

Трюк, который она использовала против меня, когда я однажды ночью немного вышла из-под контроля.

— Но серьезно, — говорит она, вставая и снова садясь рядом со мной. — Что я пропустила? Я слышала крики.

— У Оуэна склонность к инцесту, — шутит Эйден.

Мали съезживается, когда Оуэн защищается. — Отвали. Мы едва ли даже родственники. Они женаты всего около шести месяцев.

— Черт возьми, Оуэн, — дразнит Мали. — Не думала, что ты из таких.

— Да пошли вы все, — ворчит он, а затем поворачивается к Хейсу так, что у меня

волосы на руках встают дыбом. — Говоря о людях, которых мы трахаем... Эйч, правда или действие?

На это нет простого ответа. Либо они спросят, кто это, а я не верю в его способность сейчас придумать правдоподобную ложь, либо он придумает, как выведать это у него с помощью «действия». У Мали даже перехватывает дыхание.

— Действие, — уверенно говорит он.

Оуэн откидывается на спинку стула. — Позвони девушке, на которой ты так зациклился в последнее время.

Хейсу удается выдавить смешок, когда он опускает голову. — Мы, э-э... мы на самом деле больше не разговариваем.

— Ну, это объясняет, почему ты был таким придурком на этой неделе, — шутит Кэм, но Оуэн не собирается отпускать это.

— Не совсем то, о чем я спрашивал, братан, — настаивает он. — Если только ты не хочешь назвать себя цыпленком.

Хейс сужает глаза, глядя на Оуэна, и достает из кармана телефон. К счастью, все так сосредоточены на нем, что не замечают, как я быстро убираю телефон под толстовку.

Как только звонок начинает раздаваться из динамика его телефона, я чувствую, как он вибрирует у меня на животе. И Мали, будучи настоящей богиней, которой она является, начинает говорить, чтобы заглушить этот звук.

— Ой, я забыла тебе сказать, — говорит она, как будто обращаясь только ко мне. — На днях на работу пришел парень с женщиной, которая явно не была его женой. Его жена приходит постоянно, так что я, конечно, знаю, кто она такая. Так вот, он попросил эту сучку выбрать себе нижнее белье.

Пока Мали продолжает свой рассказ, я не могу не смотреть на Хейса. С каждым вибрированием телефона боль в груди становится все сильнее. А на третьем звонке он поднимает на меня глаза, давая понять, что его намерения очевидны.

Я могла бы ответить на звонок.

Я могу взять трубку прямо сейчас, и мой голос будет звучать из динамика, показывая всем, что это я. Что я — та девушка, с которой он провел последние пару месяцев.

Он полностью отдает власть в мои руки.

Но то, что у нас было, значит для меня больше, чем то, что вполне может стать пьяной ошибкой на утро.

Звонок переходит на голосовую почту, и оставшаяся в нем крупинка здравого смысла вешает трубку как раз в тот момент, когда произносятся первые три цифры моего телефонного номера. Но код города им ни о чем не говорит. Это может быть кто угодно.

Я вздыхаю, стараясь не обращать внимания на то, что мое сердце как будто снова разрывается, и Мали прислоняется ко мне, чтобы дать понять, что она рядом. Тем временем Эйден в шоке смотрит на Мали.

— Подожди, — говорит он. — Вы действительно отправили квитанцию на электронную почту его жены?

Мои глаза расширяются. Очевидно, я не уделила достаточного внимания ее истории. Но Мали ухмыляется, небрежно пожимая плечами.

— Ага, — говорит она ему. — Ну, технически система так и сделала. Я просто записала его на ее счет. Я не виновата, что он свинья.

Она права. Надеюсь, что ее дикие наклонности не приведут к тому, что однажды ее

задницу убьют.

Теперь очередь Хейса, и он выглядит совсем не так, как хотелось бы. Но когда он смотрит прямо на меня, в его глазах что-то меняется.

— Лейкин, — мое имя впервые за всю ночь слетает с его губ. — Правда или действие?

Прямо сейчас я ни за что не доверяю ему настолько, чтобы выбрать «действие», так что у меня остается только один вариант. — Правда.

Уголки его губ приподнимаются. — Какой твой любимый день лета на данный момент?

Эйден насмехается. — Это дерьмовый вопрос. Что за ерунда?

Но он не знает, что мы провели вместе почти все лето и что большинство моих воспоминаний за последние пару месяцев связаны с ним. Я знаю, что он делает. Он ищет что-то, хоть что-то, за что можно ухватиться. Чтобы сказать ему, что я не стерла все из памяти.

И я не могу не подарить ему это.

— Я видел концерт Томаса Ретта. Это было довольно эпично. — Я сделала паузу и провела пальцами по волосам. — Но мой *любимый* день был, когда я каталась на лодке Монти. В тот день закат был идеальным.

Мы не отводим друг от друга глаз, но то, как он произносит: «и мой тоже», бьет меня прямо в грудь, пробиваясь внутрь и занимая место рядом с моим сердцем.

И я чувствую это еще долго после того, как все двигаются дальше, как будто ничего не произошло.

Игра длится, кажется, часами, но, к счастью, это в основном тупое дерьмо, которое вы придумываете, когда у вас заканчиваются идеи. Но Оуэн полон решимости наконец-то победить Кэма.

Видите ли, мы играем так: если ты называешь себя цыпленком, ты выбываешь из игры. И игра продолжается до тех пор, пока ты не останешься один, и тогда ты становишься победителем в игре «Правда или действие». Обычно игра заканчивается тем, что все называют себя цыплятами, пока не остаются двое, и Кэм говорит им сделать что-то настолько возмутительное, что он побеждает по умолчанию.

Однако в этот раз все по-другому. Мы все начинаем называть себя цыплятами из-за вещей, которые нас на самом деле не волнуют, просто ради того, чтобы не играть дальше. Я — за то, что не хочу, например, чтобы Кэм выпил еще пива. Мали называет это, когда ее спрашивают, когда у нее в последний раз был секс, и она отвечает буквально сразу после этого. А Хейс даже не выбирает правду или действие. Он просто говорит это, как только произносят его имя.

Поскольку Эйден уже выбыл из игры, отказавшись прыгать через костер, остаются только Оуэн и Кэм. И теперь очередь Оуэна.

Все понимают, что это его единственный шанс. Выражение лица Кэма говорит о том, что у него уже есть что-то безумное, что заставит Оуэна отказаться от участия, так что если Оуэн не сможет заставить Кэма впервые в жизни назвать себя цыпленком, Кэм останется непобежденным.

Кто-то может назвать это впечатляющим, но я называю это отсутствием стыда.

— Хм, — говорит Оуэн, поглаживая свой подбородок, глядя на Кэма. Когда он наконец что-то решает, он садится и наклоняется вперед. Его руки лежат на коленях, и он ухмыляется. — Я предлагаю тебе поцеловать Мали.

Я нахмуриваю брови, задаваясь вопросом, какого черта он тратит возможность на что-то подобное, но уверенное выражение исчезает с лица Кэма. Он смотрит на Мали, а затем на свое пиво. Слышен только треск костра, пока Кэм не выдыхает.

— Цыпленок.

Его голос звучит так низко, что я почти думаю, что мне это показалось, но то, как Оуэн торжествует, говорит мне, что это не так. Я никогда не думала, что увижу день, когда Кэм проиграет в «Правду или действие». Я буквально видела, как он открывал дверь туалета в ресторане со штанами на лодыжках и кричал, чтобы ему принесли туалетную бумагу, прикрывая член руками. Ему просто наплевать. Так было всегда.

У меня в голове вертятся только три варианта. Либо он просто отдал Оуэну игру просто так, либо у него есть девушка, о которой я не знаю, и он не хочет изменять ей, либо у него есть какие-то чувства к Мали.

Но если бы это было последнее, разве бы он не ухватился за возможность поцеловать ее, вместо того чтобы бросать игру?

Эйден встает. — К черту, я сделаю это.

Он делает шаг в сторону Мали, но Кэм действует быстро и поднимает ногу как раз вовремя, ставя подножку и отправляя его лицом вниз на землю.

— Оставь бедную девочку в покое, — говорит Кэм Эйдену. — Никому не нужен твой герпес.

Мы все смеемся, и Мали выглядит благодарной за спасение. Но есть в ней и что-то еще, чего я, кажется, не могу уловить.

Огонь потух, когда все начали уходить, и, обрызгав яму из шланга, Кэм направился внутрь. Я бегу в свою комнату, чтобы взять кое-какие вещи, пока Мали ждет меня снаружи. Так будет безопаснее, если я переночую у нее дома, а не буду рисковать тем, что Хейс постучит по моему мансардному окну, когда не сможет уснуть.

Но когда я выхожу за дверь, я вижу, как он направляется к своему грузовику.

Меня охватывает паника, и я чуть не роняю свои вещи, когда бегу к нему. Как только он садится за руль, я протискиваюсь между ним и грузовиком.

— Какого черта ты делаешь? — рычу я, вырывая ключи из его рук, так как он застыл на месте. — Ты пытаешься убить себя? Или кого-то еще, если на, то пошло?

Он опускает глаза, имея хотя бы немного разума, чтобы устыдиться. — Я просто пытаюсь дать тебе свободу.

Я тяжело вздыхаю. — Я ценю это, но я ночую у Мали, так что все в порядке. Просто иди спать в комнату Кэма.

Но он не двигается. — Я не могу этого сделать.

Что? — Хейс, я серьезно, — настаиваю я. — Ты не можешь ехать домой. Ты слишком пьян. Так что иди в дом и ложись спать.

— Я не могу. — На этот раз его голос звучит немного громче, а я слишком измотана для этого спора.

— Почему бы и нет? Ты делал это миллион раз. — Я разворачиваю его и подталкиваю в направлении дома. — Ты можешь поехать домой первым делом утром. Просто иди немного поспи.

— Я же сказал тебе, я не могу! — кричит он. — Ты что, не понимаешь? Все в этом доме напоминает мне о тебе! Я не могу так мучить себя!

— Тсс! — говорю я, закрывая ему рот рукой и оглядываясь вокруг, чтобы посмотреть, мог ли кто-нибудь его услышать. — Ты что, с ума сошел? Кэм собирается тебя услышать.

Его пальцы обхватывают мое запястье, и он отдергивает мою руку. — Пусть! Мне больше нет дела до этого!

С каждым словом, слетающим с его губ, он становится громче. И если бы я думала, что он знает, что говорит, я бы, вероятно, просто стояла в стороне и наблюдала за разворачивающимся хаосом. Но он этого не осознает этого. И я не могу стоять в стороне.

— Все это, блядь, не имеет значения, когда я—

Я закатываю глаза, хватаю его за шею, притягиваю к себе и прерываю его тираду поцелуем. Когда его губы прижимаются к моим, он вздыхает и тут же расслабляется. Как наркоман, который наконец-то получил свою дозу.

Когда он поцеловал меня в тот день, я оттолкнула его, зная, что это будет последний раз, когда я почувствую его губы на своих. И это было чертовски больно, но я справилась.

В этот раз все еще хуже: я чувствую боль от того, что вновь открываю свежую рану.

— Садись на пассажирское сиденье, — говорю я ему, отстраняясь. — Я скоро вернусь.

Он кивает, но, видимо, это плохая идея, потому что его глаза расширяются, и он показывает один палец. Я смотрю, как он идет к кустам, и успевает как раз вовремя, чтобы выблевать на землю все пиво, которое он пил всю ночь.

Не могу сказать, что я не знал, что это произойдет.

После того как он закончил, он вернулся и пробормотал извинения, прежде чем сесть в свою машину. Я делаю глубокий вдох и иду туда, где Мали ждет меня возле своей машины.

— Так ты ночуешь у него дома? О чем вы говорили?

Я оглядываюсь на Хейса и качаю головой. — Просто следуй за мной, хорошо? Я должна отвезти его домой.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — спрашивает она, зная, что я не хочу оставаться с ним наедине.

— Нет, — отвечаю я честно. — Но я все равно собираюсь это сделать.

— Хорошо. Я буду прямо за тобой.

Мали отпирает свою машину и садится в нее, а я возвращаюсь к грузовику Хейса. У

меня уходит минута на то, чтобы отрегулировать сиденье, но мне удастся это сделать. Когда я поворачиваю ключ зажигания, машина заводится, и я выезжаю со своей подъездной дорожки.

Поездка до его дома в основном проходит спокойно, но я чувствую, что он наблюдает за мной все это время. Его взгляд ни разу не покидает меня, даже когда я отказываюсь смотреть на него. И только на полпути к дому он нарушает молчание.

— Я скучаю по тебе, — говорит он мне.

Его голос такой грубый. Такой надломленный. И я знаю, что он говорит правду. На этот раз я не сомневаюсь, что вырвать собственное сердце из груди было бы менее болезненно.

— Боже, — выдыхает он. — Я так чертовски сильно по тебе скучаю.

— Остановись, — умоляю я, когда мои глаза начинают слезиться. — Пожалуйста. Я не могу этого сделать.

Он замирает, и я смотрю на него, чтобы успеть увидеть, как он вздыхает, кивая, и наконец отводит взгляд от меня, поворачиваясь к окну. У меня замирает сердце, и я чувствую себя плохо, но *он* сделал это с нами. Если бы это зависело от меня, все было бы совсем по-другому.

Мы подъезжаем к его дому, и я паркую машину, прежде чем помочь ему выйти. Мали ждет в машине, пока я завожу его в дом. Пару раз он спотыкается, с трудом поднимаясь на крыльцо, но у нас все получается.

Я использую его ключ, чтобы отпереть входную дверь, и держусь за него, когда открываю ее. Девин сидит на диване. Она оглядывается на нас, и ее брови хмурятся, когда она видит меня.

— Что происходит? — спрашивает она, вставая и подходя к нам. — Вы двое снова вместе?

Но прежде чем я успеваю ответить, она останавливается, и ее глаза расширяются, когда она отступает, явно почуяв запах Хейса.

— Иисус Христос. Он что, купался в ликероводочном заводе?

— С таким же успехом он мог бы, — говорю я ей.

Хейс позволяет мне провести себя в его комнату, а затем падает на кровать, пьяно бормоча что-то о том, что она все еще пахнет мной. Я снимаю с его ног ботинки и ставлю их на пол, накрывая его одеялом, скомканным у подножия кровати. Даю себе еще секунду, чтобы понаблюдать за ним, и ненавижу то, что у меня все еще есть желание свернуться калачиком рядом с ним. Заснуть в его объятиях, слушая биение его сердца.

Но те времена прошли.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, я замечаю толстовку, висящую на спинке его стула. Моя первая мысль, что у него здесь была какая-то другая девушка, а затем, *возможно, он не единственный, кого сегодня стошнит*. Но когда я беру ее в руки, я понимаю, что она моя.

— Ты можешь оставить это? — бормочет он.

Моя голова поворачивается к нему, и я с удивлением вижу, что его глаза открыты, он моргает в ответ на меня. Я думала, он уже отключился.

— Я знаю, что ты мне ничего не должна, — продолжает он. — Но не могла бы ты просто...

Его голос затихает, но я знаю, о чем он спрашивает. И хотя эта толстовка, возможно, одна из моих любимых, я складываю ее пополам и вешаю на стул, прежде чем заставить себя

покинуть комнату.

Девин все еще ждет меня, когда я выхожу, и вручаю ей его ключи.

— Спрячь это где-нибудь до утра, — говорю я ей.

Она кивает, но я могу сказать, что она обеспокоена. — Что, черт возьми, на него нашло сегодня вечером? Он никогда так не напивается.

Я тяжело выдыхаю. — Это моя вина. Он пытался извиниться и хотел снова быть вместе, но я не могу этого сделать.

Выражение ее лица сочувственное, совсем не осуждающее, но ее слова попадают в цель. — Не можешь или не хочешь?

— И то, и другое, — честно отвечаю я. — Я без ума от него, Дев. Ты это знаешь. Но все чем я когда-либо буду, — это секрет для него. И поначалу, возможно, было весело и захватывающе скрываться, но потом все стало чем-то более мрачным.

— Каждый раз, когда он отводил взгляд слишком быстро, чтобы Кэм ничего не заподозрил, или шарахался от меня, потому что кто-то заходил в серф-магазин, это было болезненным напоминанием о том, что все это никогда не было настоящим. Во всяком случае, не для него. Не в том смысле, что это имело значение.

Она хмурится. — Но что, если бы это больше не было секретом? Что, если бы он рассказал Кэму о вас двоих?

Я качаю головой. — Я не буду играть в игру «а что, если». Это слишком опасно. Он уже сделал свой выбор

Девин понимающе кивает, и я быстро обнимаю ее, прежде чем уйти. Переставляя ноги, я сосредотачиваюсь на том, чтобы просто добраться до машины Мали, чтобы не слушать, как мое сердце кричит мне развернуться. Как только я сажусь в машину, она поворачивается и смотрит на меня.

— Ты в порядке? — осторожно спрашивает она.

Скатывается случайная слеза, и я вытираю ее, глядя в окно. — Просто веди машину.

31

Хейс

Колющая боль пронзает голову, ощущение такое, будто кто-то воткнул ледоруб прямо в мой мозг. Глаза все еще закрыты, я вздрагиваю и прижимаю ладонь к виску.

— О, черт, — стону я.

Откуда-то из комнаты доносится смех Девин. — Да, я так и думала, что ты будешь несчастен этим утром.

Я заставляю себя приоткрыть глаза и вижу, что она прислонилась к моему дверному проему, но когда я собираюсь отшвырнуть ее, я понимаю ошибку, отпустив свою голову.

— Я чувствую себя отвратительно.

— Держу пари, — поддразнивает она. — Пахнешь так же.

Моя мама идет по коридору и выглядывает, чтобы заглянуть в мою комнату. — Что с ним не так?

Девин ухмыляется. — О, ты знаешь. Просто запивает свои чувства.

— Хейс Беккет! — кричит мама, и я клянусь, колючий мяч рикошетом ударяется о мой мозг.

— Не кричи, — хнычу я.

Моя сестра смеется, а мама вздыхает и уходит. Пару минут спустя она возвращается с двумя таблетками Адвила и бутылкой воды.

— Держи, придурок, — говорит она, протягивая их мне. — Возьми их.

— Не нужно обзывать, — ною я, забирая их у нее.

Ей не смешно. — Угу.

Я заставляю себя сесть и проглотить таблетки, пока она уходит. Мне требуется минута, чтобы справиться с тошнотой, но как только я это делаю, до меня доходит, что обычно в это время я просыпаюсь у Кэма.

— Как я добрался домой прошлой ночью?

— Лейкин привезла тебя, — говорит она, шокируя меня до чертиков.

Но пока я сижу и думаю об этом, я медленно начинаю собирать воедино события прошлой ночи. И когда я вспоминаю, как попросил ее не забирать толстовку, мой взгляд сразу же падает на стул.

Она все еще там.

Я вздыхаю с облегчением, когда Девин поднимает мои ключи и бросает их мне. — Думаю, ты уже достаточно трезв, чтобы взять их.

— Спасибо.

Она отталкивается от двери и уходит, а я со стоном падаю обратно в свою кровать.

Я не думаю, что есть хоть одна часть моего тела, которая не болит.

Я сижу в своем грузовике, ожидая на стоянке окончания смены Лейкин. Я пропустил хоккейную тренировку, сославшись на то, что у меня слишком сильное похмелье, чтобы доверять мне коньки. Принять душ было достаточно сложно, не говоря уже о попытках сосредоточиться на маленькой резиновой шайбе.

Появление здесь — это риск. Если тренер увидит меня после того, как я прогулял

тренировку, меня точно исключают из состава. Но мне нужно поговорить с Лейкин. Поэтому, когда я начинаю замечать детей, выходящих с родителями, я выхожу из машины и направляюсь внутрь, надеясь, что тренер уже ушел на сегодня.

Проходя через двери, я ожидаю увидеть Лейкин на льду. Поскольку по субботам тренировка проходит перед ее сменой, она обычно остается на льду немного дольше. Но вместо этого она стоит у лестницы, ведущей в офис, и разговаривает с владельцем.

Я удивлен, увидев его здесь. Обычно он бывает тут только на крупных мероприятиях или, когда мы участвуем в чемпионате. Сначала я подумал, что он опять затеял с ней разговор о том, что она стареет и не успевает стать профессионалом. Но когда она улыбается и кивает в ответ на его слова, я понимаю, что дело не в этом.

Ее глаза встречаются с моими, и она дважды оглядывается, прежде чем снова переключить свое внимание на мистера Циммермана. Они обмениваются еще несколькими словами, и она снова улыбается, прежде чем он направляется вверх по лестнице, кивая, когда видит, что я стою здесь.

— В следующее воскресенье, — кричит он ей, прежде чем отправиться в свой кабинет. — Не забывай.

— Я не забуду, — отвечает она.

Лейкин проводит пальцами по волосам, подходя ближе — нигде не видно враждебности. Возможно, мне не следует, но я нахожу в этом утешение.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

Она быстро оглядывается на лестницу и кивает. — Да. Мы как раз говорили о том, что я возьму на себя ведение уроков. Кельвин уже слишком стар, чтобы следить за кучей буйных детей, и не то чтобы в последний год это делала не я.

— Это здорово! — говорю я ей, не задумываясь, бросаясь обниматься. Но она позволяет это и обнимает меня. — Я так горжусь тобой.

— Спасибо. — Мы отпускаем друг друга слишком рано, как мне кажется, и она отходит. — На следующей неделе мы встретимся за ужином, чтобы обсудить некоторые идеи, которые у меня есть для реорганизации программы.

Моя ухмылка становится только шире. — Я уверен, что они все потрясающие.

— Посмотрим, — она пожимает плечами. — Тебе было что-то нужно?

— Да, — говорю я ей, потирая затылок. — Я просто хотел поблагодарить тебя за то, что привела меня домой прошлой ночью. Мне не следовало пытаться вести машину. Это было действительно глупо с моей стороны.

— Это было, — говорит она своим тоном, не терпящим возражений.

Я медленно киваю, глядя вниз. — Я знаю. Но ты мне не позволила. Итак, спасибо тебе.

Ее грудь поднимается и опускается, когда она вздыхает, выпуская остатки гнева. — В этом нет ничего особенного.

— Может быть, не для тебя, но я действительно ценю это.

Она ухмыляется и качает головой. — Не то чтобы я тебя ненавидела или что-то в этом роде.

То, как она это говорит, звучит так беззаботно, но все равно умудряется задеть за живое. — Я бы не винил тебя, если бы ты это делала.

Ее плечи опускаются, мы стоим и смотрим друг на друга, и впервые с тех пор, как все рухнуло к чертям, я чувствую, что, возможно, я не совсем все испортил. Возможно, мы никогда не станем больше чем друзьями, и это займет какое-то время, но пока она есть в

моей жизни, я буду в порядке.

— Мистер Уайлдер.

И вот так момент испорчен. Я вздрогнул, услышав, как он произносит мое имя, словно я в беде, а Лейкин посмеивается.

— Ну. — Она хлопает в ладоши. — Я пойду, а ты развлекайся.

Я игриво смотрю на нее. — Ты — чистое зло. Ты знаешь это?

Подняв брови, она смотрит на тренера. — Какие бы оправдания он тебе ни говорил, не верь ему. Он напился до бесчувствия прошлой ночью и был слишком пьян для тренировки. — У меня челюсть отпадает, когда она улыбается мне. — Вот *это* было зло.

Когда она разворачивается и уходит, хихикая себе под нос, я не могу не смотреть ей вслед. Однако, как только она уходит, я вынужден повернуться к тренеру.

— Зайди в мой кабинет, — говорит мне тренер. — Давай обсудим сегодняшнюю игру и важность присутствия на тренировке, когда ты один из моих капитанов.

Социальные сети — это лучшее и худшее, что когда-либо случилось с миром. В основном я стараюсь избегать их, но когда я чувствую себя особенно саморазрушительно из-за отсутствия Лейкин, это помогает. Я пролистываю ее Instagram, смотрю на фотографии и улыбаюсь тому, как великолепно она выглядит. Девин ловит мою улыбку.

— Господи, — говорит она, появляясь у меня за спиной. — Когда ты превратилась в девочку-подростка?

Мне удастся заставить себя рассмеяться. — Я не уверен, но, если ты найдешь мою мужскую карточку, пожалуйста, верни ее.

— Мужскую? — она съезживается. — Уф. Давай не будем забегать вперед, большой мальчик.

Сузив свои глаза, я снова смотрю на нее. — Я уже говорил тебе, что хотел брата?

— Да, но со мной веселее. — Она обходит диван и садится. — Я этого не понимаю. Если ты так заиклился на этом, почему бы не побороться за нее?

— Я пытался, помнишь?

Ее глаза закатываются. — Нет, ты пытался вернуть ее. Я имею в виду *бороться* за нее. Взгляни в лицо своим страхам и скажи Кэму, что ты трахаешься с его сестрой, а затем заяви права на свою девушку.

— О, так ты хочешь, чтобы я убил себя, вот что ты хочешь сказать, — говорю я, только наполовину шутя.

Она поджимает губы. — Ну, нет. Но это был бы отличный поворот сюжета, не так ли?

Я хватаю пустую бутылку из-под воды, лежащую у меня на коленях, и бросаю в нее. Она издает тихий смешок, защищаясь от нее.

— Все, что я хочу сказать, это то, что ты сейчас находишься на той стадии, когда с ней

либо все, либо ничего. Ты должен либо рассказать все Кэму, либо оставить ее в покое и дать ей возможность забыть тебя. Но ты больше не можешь делать это наполовину.

Когда у нее звонит телефон, и она отвечает на звонок, встает и идет в свою комнату, я понимаю, что она права. Но дело в том, что я даже не думаю, что это вариант. У нее была возможность разоблачить нас, когда я позвонил ей той ночью, но она предпочла этого не делать.

— Эй, Дев? — Она останавливается прямо перед коридором и говорит своей подруге повисеть на линии, глядя на меня. — Что, если это не то, чего она хочет? Что, если она действительно покончила со мной?

Я смотрю, как моя сестра грустно улыбается и пожимает плечами. — Такова жизнь, брат. Но это не значит, что для нее это легко. Вам обоим потребуется время, чтобы исцелиться.

Когда она возвращается к своему звонку, я остаюсь один, чтобы подумать. Я смотрю на свой телефон и любуюсь тем, как она улыбается. Вы практически чувствуете ее счастье. Это заразительно. Даже сейчас, скучая по ней, я не могу не чувствовать ее тепла.

Она заслуживает счастья. Она заслуживает того, чтобы быть такой же девочкой, ярко улыбаться и смеяться, как будто весь мир — это бабочки и радуга. И как бы это ни убивало меня, Девин права.

Мне нужно отпустить ее.

Оставаться в стороне — это самое трудное. Я не знаю, было ли лучше, когда она сама избегала меня, но когда у тебя нет самоконтроля, все сводится к тому, чтобы буквально жить одним днем за раз. Это все, что я могу сделать.

И целую неделю мне удастся это делать. Я сразу иду в раздевалку, когда прихожу на каток, и общаюсь с Кэмом в других местах, кроме его дома. Я делаю все возможное, чтобы держать дистанцию, пока у меня не остается выбора, кроме как снова увидеть ее.

Перед игрой на прошлой неделе меня удалили за пропуск тренировки. Обычно это означает, что я должен был смотреть игру, но не играть. Но мне удалось убедить тренера, что меня лучше использовать в его кабинете, придумывая новые пьесы, которые используют сильные стороны каждого игрока в наших интересах.

Это позволило мне спрятаться в раздевалке, где мне не приходилось видеть никого, кроме ребят. И я ждал, пока Лейкин уйдет, чтобы выйти на улицу. Я не мог рисковать, увидеть ее. Мне бы захотелось поговорить с ней. А если бы она сама подошла поговорить со мной, я бы начал все сначала.

Но, сидя у шкафчика и зашнуровывая коньки, я понимаю, что ничего не могу поделать. Сегодня я должен играть в игре, а игра означает, что я должен увидеть ее.

— Ты в порядке, чувак? — спрашивает меня Кэм.

Я подтягиваю шнурки к себе, затягивая их потуже. — Да. А ты?

Он кивает. — Готов надрать кое-кому задницу.

— Да, черт возьми! — соглашается Эйден. — Они собираются съесть мой снег.

Все замолкают, пока не подходит Оуэн и не похлопывает его по плечу. — Это было круто, когда нам было лет по пятнадцать, чувак.

— Мысленно ему все еще пятнадцать, — добавляет Айзек.

Каждый раз, когда этот парень говорит, мне хочется выбить ему зубы. Может, Оуэн и считает его крутым, но я не собираюсь сидеть здесь и слушать, как он говорит гадости об Эйдене.

Я заканчиваю шнуровать коньки и встаю, кивая Айзеку. — И все же, его средний показатель все еще лучше твоего.

Остальные парни смеются, пока его лицо становится красным, как свекла, но я не могу найти в себе сил для беспокойства. Он не должен говорить гадости о своем собственном товарище по команде. Эйден, возможно, не наш лучший игрок, но я бы выбрал его в свою команду вместо Айзека в любой день недели.

Я выхожу из раздевалки и подхожу к катку, ступая на лед. Всю неделю я дополнительно практиковался, чтобы сбросить немного энергии. Это помогло мне отвлечься и, что более важно, помогло мне спокойно спать по ночам. Не совсем хорошо, но, по крайней мере, лучше, чем раньше.

Единственное, что мне нужно сделать, это пройти эту игру, не позволяя себе заикливаться на всем, что касается Лейкин. Но когда я приближаюсь к цели и, наконец, поднимаю голову, я понимаю, что это будет намного сложнее, чем я изначально думал.

Потому что вот она, сидит на трибунах рядом с Мали, и на ней моя джерси.

Глаза на шайбе. Ключка на льду. Все остальное не имеет значения, кроме этого. Прямо здесь. Прямо сейчас. Эта игра. Таймер приближается к концу третьего периода, и мне, по Божьей милости, удастся держать себя в руках. Но счет по-прежнему 2:2.

Если мы не забудем в течение следующих двух минут, нас переведут в овертайм.

Я занимаю позицию и жду шайбы. Парень напротив меня выглядит так, будто хочет меня поддразнить, но я взял на заметку опыт Кэма, и беруши отлично помогают мне не отвлекаться на болтунов. Вы знаете таких. Те, кто не может играть так же хорошо, поэтому они пытаются залезть тебе под кожу. Эти говнюки.

Как только шайба оказывается на льду, я не теряю ни секунды. Я передаю шайбу Кэму и обхожу своего соперника. Между ним, Оуэном и мной образуется буква V, и мы пробираемся по льду, передавая шайбу друг другу.

Оуэн наносит первый бросок, но шайба попадает в стойку. Грохот, которого так бояться в хоккее, настолько громкий, что я слышу его через беруши. Но Кэму удастся подхватить

шайбу, и он передает ее мне как раз вовремя, чтобы моя клюшка ударила ее прямо в ворота.

Мы победили.

Звучит сигнал, и мои товарищи по команде окружают меня, ударяя по шлему. Энергия в зале потрясающая. Все в толпе на ногах, крики разносятся эхом по всему катку. А мистер Циммерман наблюдает за происходящим из большого окна своего кабинета, гордо улыбаясь.

Когда игра заканчивается, мы все вваливаемся в раздевалку, радуясь своей победе. Каждый из нас выкладывался на полную катушку, и мы заслужили это. Эту команду было нелегко победить. Но мы работали как одна команда и добились своего.

В этой комнате нет ни одного парня, которым бы я не гордился.

Ну, кроме, может быть, Айзека.

Придурок.

— Итак, где мы собираемся отпраздновать? — спрашивает Кэм, открывая свой шкафчик.

— У меня дома свободно, — предлагает Оуэн.

Кэм поджимает губы и кивает. — Не могу отказаться от пустого дома, полного выпивки. Эйч, ты идешь?

Я должен. Я должен пойти отпраздновать победу со своей командой. Но я могу гарантировать, что Лейкин будет там, и ничего хорошего не выйдет из того, что мы с ней окажемся в месте, где двери спальни запираются. Было бы слишком легко вернуться к старым привычкам. И достаточно того, что она поцеловала меня только для того, чтобы я заткнулся на одну ночь. Я не хочу рисковать тем, что мы напьемся и сделаем то, о чем она в конечном итоге пожалеет.

— Я бы с удовольствием, но завтра мне рано на работу, — говорю я им.

Это не ложь. У меня действительно есть работа. И десять утра для меня — это рано.

— Отстой, — говорит мне Кэм.

Но это к лучшему. Я знаю, что это так.

Я иду по центральной улице, возвращаясь к своему грузовику после покупки подарка для Девин на день рождения. В итоге я купил ей подарочную карту в салон и футболку с надписью: «*Моей маме следовало остановиться на одном*». Она предназначена для старшего ребенка, но именно это и делает ее великолепной.

И это типично для нас — подшучивать друг над другом, так что я знаю, что ей это понравится.

Я прохожу всего полквартила, когда останавливаюсь. Должно быть, Вселенной очень нравится видеть мои страдания, потому что всего в двадцати футах от меня из ресторана выходит Лейкин. Она прекрасно выглядит в платье, и если бы она была моей, я бы заключил ее в свои объятия и сказал ей об этом.

Я никак не могу избежать встречи с ней, разве что развернуться и пойти в противоположном направлении, но это тоже не вариант. Если она увидит, как я это делаю, это причинит ей боль, а я уже причинил ей достаточно вреда.

— Привет, — мягко говорю я.

Она поворачивает голову и улыбается, когда видит меня. — О, привет. Что ты здесь делаешь?

Я поднимаю пакет, который держу в руке. — Подарок на день рождения для Дэв.

— Черт, — она морщится. — Спасибо, что напомнил мне.

Кивая, я отталкиваю ногами от земли. — Как у тебя дела?

— У меня все хорошо. — Ее голос мягкий, как будто она разговаривает с одним из своих любимых людей. — А что насчет тебя? Я не часто тебя видела.

— Со мной все в порядке. Просто пытаюсь занять себя. Думаю, на прошлой неделе я практиковался в два раза больше.

Я подумываю о том, чтобы сказать ей, что я остаюсь в стороне ради нее. Чтобы облегчить ситуацию и не рисковать причинить ей еще больше боли, чем я уже причинил. Но я не думаю, что это принесет какую-то пользу.

— Ну, это заметно, — говорит она. — Ты играл действительно хорошо.

— Спасибо, — говорю я ей искренне.

Она на секунду опускает взгляд. — Извини, если ты не хотел, чтобы я носила твою джерси. Я верну ее. Я даже не знала, что она еще у меня, но потом увидела ее в шкафу и...

— Лейкин, — обрываю я ее с легким смешком. — Все в порядке. Ты можешь оставить ее себе. В любом случае, на тебе это смотрится лучше.

Я наблюдаю за тем, как она моргает, ее рот слегка приоткрывается. Рискую испытать удачу и по-настоящему измучить себя, я подхожу ближе и нежно целую ее в макушку. Ее рука ложится на мою руку, оставляя чувство ожога, которое сохраняется еще долго после того, как она убирает ее.

— Увидимся, — говорю я ей, и она молча кивает.

Но когда я отхожу на несколько шагов, любопытство берет верх надо мной, и я оборачиваюсь.

— Могу я спросить тебя об одной вещи?

Уголки ее губ приподнимаются. — Что угодно.

— Почему ты не ответила на звонок той ночью? — Я выпалил вопрос, который не давал мне покоя последнюю неделю. — Ты могла бы ответить на звонок, и Кэм узнал бы о нас сразу же, как только твой голос зазвучал бы в динамике. Все было бы так просто. Но ты этого не сделала, и мне просто интересно, почему?

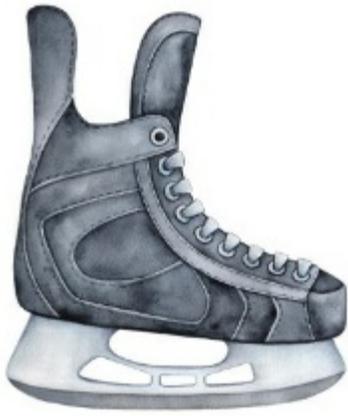
Ее брови хмурятся, и кажется, что она собирается ответить, пока рядом с ней не останавливается дорогая машина. Мистер Циммерман опускает стекло со стороны пассажира и склоняется над центральной консолью.

— Прости, что это заняло у меня так много времени, — говорит он ей. — Я не осознавал, что припарковался так далеко. — Он обращает свое внимание на меня и кивает. — Привет, Уайлдер. Прошлой ночью была отличная игра, сынок.

— Спасибо, сэр, — отвечаю я. — Хорошая машина.

Он усмехается, зная, что половину денег на эту штуку, скорее всего, выделила наша хоккейная команда. Лейкин открывает дверь со стороны пассажира и проскальзывает в машину, не сводя с меня глаз. И когда он уезжает, грустная улыбка, которой она одаривает

меня, возвращает меня как минимум на три шага назад.

Музыка гремит из колонок, когда я еду к своему дому. Пальцы вцепились в руль, а мысли бешено скачут. Она выглядела сегодня такой красивой, и хотя это был рабочий ужин, я знаю, что так будет не всегда. Однажды она снова начнет встречаться, и я буду вынужден наблюдать, как она влюбляется в кого-то другого.

Единственное, о чем я жалею, так это о том, что мистер Зи не подъехал на пару минут позже. Чтобы я услышал ее ответ на свой вопрос. Но если мне не суждено узнать, значит, придется смириться с этим, как бы хреново мне ни было.

Как будто она может знать, что я думаю об этом, мой телефон вибрирует у меня на коленях, и на экране появляется имя Лейкин. То, как прыгает мое сердце при виде этого имени, до сих пор не утихло. Ни капельки. Я беру телефон и читаю слова, которые способны изменить все.

Потому что ты был пьян, и я, возможно, не знаю точно, насколько я была важна для тебя, но ты и то, что у нас было вместе, значат для меня больше, чем пьяная ошибка, о которой ты будешь жалеть утром.

Я нажимаю на тормоз, шины с визгом останавливаются. Я перечитываю ее слова второй раз. Потом третий. Проверяю, правильно ли я все понимаю, не выдаю ли я желаемое за действительное, представляя себе то, чего нет.

По той же причине я не пошел вчера вечером на вечеринку к Оуэну. Она думает, что я бы пожалел об этом. Пожалел бы о ней. Но я никогда не смог бы этого сделать, и ей пора это понять.

Повернув руль, я вдавливаю педаль газа в пол и, разворачиваясь, иду на обгон. Машина на встречной полосе сигналиит, вынужденная остановиться, но мне просто наплевать.

Некоторые вещи важнее.

Пролетев по дороге, я останавливаюсь перед домом Кэма и Лейкин и выпрыгиваю из машины. Мне даже не приходит в голову, что я оставил машину заведенной. Я не могу думать ни о чем другом, кроме как о решимости, бегущей по моим венам.

Лейкин уже на подъездной дорожке, стоит у машины мистера Циммермана, разговаривает с ним, но когда она видит меня, ее глаза расширяются.

— Что ты делаешь?

Но я не отвечаю. Мой взгляд сфокусирован на свете, который льется изнутри гаража. Кэм, должно быть, там работает. Мои ноги несут меня к нему, как будто я бегу на автопилоте, и Лейкин бросается за мной.

— Хейс, — кричит она, ругаясь себе под нос. — Хейс, остановись! Что ты делаешь?

Я игнорирую ее, доставая из кармана нож, когда вхожу в дверь. Кэм смотрит на меня, когда я поворачиваю клинок так, чтобы рукоятка была обращена к нему.

— Тебе это понадобится, — говорю я ему, как только Лейкин подходит к двери.

Его брови хмурятся, когда он забирает его у меня. — Что? Почему?

— Потому что я влюбляюсь в твою сестру.

Продолжение следует...